

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрепленных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПГУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПГУ)
Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalenkov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Ананьина М. А. Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте.....	5
Антонова А. Б. Языковые механизмы создания новой лексики в русском языке (на примере сленга геймеров).....	17
Данилевская Н. В., Ужегова Е. Н. Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы)	28
Соловьева Н. В. Научный полемический дискурс и факторы его формирования.....	41
Ставицкая С. С. Особенности функционирования лексем с префиксами <i>de-</i> и <i>re-</i> в связанных основах.....	54
Сян Яньюнь. В СВОЁМ РОДЕ как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор русской повседневной речи.....	63
Федосеева Е. Л. Коми-пермяцкие названия осота и бодяка, содержащие компонент <i>йён</i>	71
Чжан Сяофэй, Баженова Е. А. Семантика русской экспрессивной лексики, связанной с употреблением алкоголя.....	82
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	92
Андреева В. Г. «Вы теперь для меня именно – <i>то</i> , а не <i>не то</i> »: переписка Л. Н. Толстого и П. В. Анненкова.....	92
Бадией Хамсех Фард Х. С. Творчество Андрея Волоса в современном литературоведении и критике.....	103
Гнюсова И. Ф. Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер).....	114
Зейферт Е. И. Рецепция истории о Фаусте в новейшей прозе: «Фальшивый Фауст» Маргера Зариня в русском переводе	125
Крюкова В. Г. Социокультурный контекст в готической новелле Э. Несбит “From the Dead” (1893).....	135
Лань Си. Роман «Преступление и наказание» в социокультурном контексте Китая 1920-х годов.....	142
Прудиус И. Г. Фикционализированная биография во французском графическом романе XXI века (на материале произведений Б. Эггер и М. Пуарсона и Р. Марайя).....	149
Склизкова А. П. Феномен детства и образ ребенка в поздней драме Г. Гауптмана «Ифигения в Авлиде».....	158
ERRATA	168

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Ananyina M. A. Functioning of Allusive Anthroponyms in a Fiction Text: The Pragmatic Aspect.....	5
Antonova A. B. The Linguistic Mechanisms of Creating New Words in Russian (a Case Study of Gamers' Slang).....	17
Danilevskaya N. V., Uzhegova E. N. Concept as a Transdisciplinary Phenomenon: Further Elaborating the Problem.....	28
Solovyova N. V. Scientific Polemical Discourse and Factors of Its Formation.....	41
Stavitskaya S. S. The Functioning of Lexemes Having Bound Stems with Prefixes de-/re-.....	54
Xiang Yanan. V SVOYOM RODE as a Potential Pragmatic Marker-Approximator of Russian Everyday Speech.....	63
Fedoseeva E. L. The Komi-Permyak Names of Plants Osot and Bodyak Containing the Component <i>jön</i>	71
Zhang Xiaofei, Bazhenova E. A. Semantics of Russian Expressive Vocabulary Connected with Drinking Alcohol.....	82
 LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	92
Andreeva V. G. 'Now for me you are exactly <i>this</i> , and not <i>not that</i> ': Correspondence Between Leo Tolstoy and Pavel Annenkov.....	92
Badiei Khamseh Fard H. S. The Works of Andrei Volos in Modern Literary Studies and Criticism.....	103
Gnyusova I. F. The Character of a Statesman in the Novels of Leo Tolstoy and Anthony Trollope (Alexey Karenin and Plantagenet Palliser).....	114
Seifert E. I. Reception of the Story of Faust in Modern Prose: 'Mock Faustus' by Margeris Zarins Translated into Russian.....	125
Kriukova V. G. The Cultural Anxieties in the Ghost Story by Edith Nesbit 'From the Dead' (1893).....	135
Lan Xi. The Novel 'Crime and Punishment' in the Socio-Cultural Context of China of the 1920s.....	142
Prudius I. G. Fictionalized Biography in the French Graphic Novel of the 21st Century (based on works by B. Egger and M. Poirson & R. Marai).....	149
Sklizkova A. P. The Phenomenon of Childhood and the Image of the Child in G. Hauptmann's Late Drama 'Iphigenie in Aulis'.....	158
 ERRATA	168

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.111-26
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16
<https://elibrary.ru/zhbsbe>

EDN ZHBSBE

Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте

Ананьина Марина Александровна

к. филол. н., доцент кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. AnaninaMA@yandex.ru

SPIN-код: 8172-6078

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

Статья поступила в редакцию 04.03.2024

Одобрена после рецензирования 15.05.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Ананьина М. А. Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16. EDN ZHBSBE

Аннотация. Статья посвящена изучению прагматического аспекта функционирования аллюзивных антропонимов в художественном тексте на материале романа D. Tartt “The Secret History” / Д. Тартт «Тайная история» (Tartt, 1992). Цель работы состоит в анализе прагматического потенциала аллюзивных антропонимов, который заключается в выполнении данными единицами ряда функций в исследуемом художественном тексте и оказании его экспрессивного воздействия на адресата. Аллюзивный антропоним понимается как единица, обладающая ассоциативно-коннотативной семантикой. В статье делается обзор основных направлений в анализе семантики антропонимов, автор приходит к выводу о многоплановости данных знаков, которые обладают богатым культурно-историческим потенциалом, участвуют в организации композиционно-тематической структуры текста, в создании экспрессивности повествования, характеристики персонажей и выполняют ряд других важных функций. Структура значения данной единицы имеет денотативные, сигнификативные и прагматические особенности. Прагматические семы способствуют реализации прагматического потенциала имени в связи с воздействием ситуации повествования на адресата текста. Опираясь на имеющиеся в лингвистике классификации функций аллюзивных антропонимов, автор выделяет такие функции, как номинативная, функция создания иллюзии реальности, функция характеристики, оценочная, функция выделения и группировки персонажей, перспективации, мифологизации, эстетическая функция, функция создания концепта произведения, повышения информативности, усиления экспрессивности и функционально-смыслового развертывания текста.

Анализ функций аллюзивных антропонимов в романе D. Tartt показал преобладание функции усиления экспрессивности, характеристики персонажа / места действия и выражения оценочности. Далее по убыванию значимости и частотности располагаются функция смыслового развертывания, функция создания текстового концепта, эстетическая функция, функция создания иллюзии реальности и функция перспективации. Выполнение аллюзивными именами широкого диапазона функций свидетельствует о важности данных единиц в художественном тексте, их участии в реализации смысла текста, его интерпретации, создании образности.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним; функция; прагматика; художественный текст; Донна Тартт; «Тайная история».

Введение

Изучение функционирования онимов в художественном тексте на современном этапе развития лингвистики, ориентированной на средства отражения человеческого мышления в языке, является актуальным, поскольку выбор аллюзивного антропонима и реализация его значения и ассоциативного потенциала определяются человеческим фактором – выбором автора текста. Как отмечает Р. Ю. Шебалов, в литературной ономастике различают два направления анализа онимов: подход с позиций историко-литературного контекста появления первичного значения имени, образно-эстетической установки и лингвостилистический подход, описывающий основные лингвистические и стилистические параметры литературных имен собственных и способы достижения стилистического эффекта автором [Шебалов 2004: 5]. В последнее время значительное внимание уделяется лингвокогнитивному подходу при рассмотрении функционирования литературных антропонимов. Кроме того, активно проводятся исследования прагматического аспекта литературных онимов.

Методы и материал исследования

Понимание художественного текста и функционирования в нем языковых единиц основано на структурно-системном и семиотическом методе, отраженном в работах И. В. Арнольд, Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперина, М. М. Гиришмана, Н. А. Купиной, Ю. М. Лотмана и других ученых. Аллюзивный антропоним как интертекстуальная единица имеет ряд закономерностей, связанных с передачей культурно-исторической информации и ее актуализацией в тексте. Данные идеи находят отражение в работах И. В. Гюббенет, Н. Е. Камовниковой, Н. А. Кузьминой, Т. М. Намумовой, О. А. Постниковой и других.

Материалом послужил англоязычный текст романа Д. Тартт «Тайная история». Отбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки, анализ материала выполнялся на основе индуктивных и дедуктивных методов исследования.

Обсуждение результатов

В науке принято понимание особенностей антропонима как единицы, обладающей ассоциативно-коннотативной семантикой. Данный факт подчеркивается в определении Р. Ю. Шебалова, согласно которому «антропоним выступает как знак, “отягощенный” этносоциокультурной маркированностью и, соответственно, несущий ин-

формацию о потенциальном носителе имени, что оказывается стимулом для использования ассоциативной (коннотативной) семантики онама в характерологических целях» [там же: 3]. Каждое имя, функционирующее как лингвокультурная единица, реализует социальный или этнокультурный стереотип, носящий ассоциативный характер, отражающий устойчивые представления адресанта о способах употребления данной единицы [там же: 13]. Ассоциации имени могут сигнализировать о социальных или национально-специфических чертах носителя имени. А. А. Фомин называет их эталонами, представляющими собой «объекты культурного пространства, к которому производит отсылку прецедентное имя» [Фомин 2003: 140]. Способность понять ассоциативный потенциал, не лежащий на поверхности, является неотъемлемой чертой успешной коммуникации с носителями разных языков и культур в рамках теории лингвокультурной грамотности Э. Д. Хирша [Hirsch 1987].

Среди мнений авторов классических зарубежных работ можно выделить позицию Дж. Милля, согласно которой имя собственное лишено значения, оно представляет собой метку, в то же время ученый выделяет неконнотирующие общие и коннотирующие имена [Mill 1970]. Противоположную точку зрения высказывает А. Гардинер, который выделял «воплощенные» и «развоплощенные» собственные имена [Gardiner 1954]. Воплощенные имена прикреплены к определенным лицам и местностям, а развоплощенные не имеют таких коннотаций и ассоциативного фона.

Помимо богатого ассоциативного потенциала аллюзивные антропонимы обладают способностью участвовать в организации композиционно-тематической структуры текста [Носкова 2020: 4]. А. И. Носкова также отмечает, что имена собственные служат основой для формирования темы как фрагмента текста, называемого исследователем диктемой, так и всего текста в целом. Вслед за Е. Л. Березович, М. В. Голомидовой, А. И. Носкова выделяет такие компоненты семантической структуры имени собственного, как общая категориальная семантика, частная категориальная семантика, частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, эмотивный компонент, фреймовый компонент и компонент коннотаций [Голомидова 1998; Березович 2007; Носкова 2020: 29]. Первые три компонента отражают сигнификативные и денотативные особенности семантической структуры имени соб-

ственного, а последние три компонента составляют прагматические особенности имени [Березович 2007: 51–54].

Вслед за А. А. Чернобровом, М. А. Захаровой, Ю. А. Блиновой, О. А. Постникова берет за основу рассмотрения структуры значения антропонима теорию лексического значения М. В. Никитина [Постникова 2009: 40]. В структуре значения выделяется интенционал, или ядро лексического значения, и импликационал – периферийные семантические признаки, окружающие ядро. Интенционал содержит информацию о том, что носитель имени – человек, указывает на национально-языковую и гендерную принадлежность. Импликационал включает ассоциативные и оценочные семы, которые могут варьироваться в контекстах. Он может быть сильным, слабым (свободным) и отрицательным [там же: 41]. Данный тип информации включает коннотативные, экспрессивные и символические семы. Мы можем сделать вывод о том, что в целом исследователи выделяют совокупность денотативных, сигнификативных признаков в значении имени собственного и разновидности значения, включающие ассоциации, коннотации, то есть вероятностное количество фоновой информации. Семантические особенности аллюзивного антропонима определяют специфику их функционирования в художественном тексте. В данном случае на первый план выступают прагматические особенности и семы в значении имени собственного. О. А. Постникова следует за положениями, выдвинутыми А. А. Чернобровом в связи с изучением прагматических целей введения имени собственного в текст. К ним относятся эффект реальности, эффект присутствия, свертывание информации, намек на социально-имущественный статус, эстетическая цель, интеллектуальная цель [там же: 57].

Прагматика представляет собой науку о функционировании языковых знаков в речи (БЭС. Языкознание 1998: 389). Прагматическая функция изучается в аспекте субъекта речи, воздействия высказывания на адресата речи, а также в связи с отношениями между участниками коммуникации и в связи с ситуацией общения (там же: 390). О. А. Бирюкова проводит анализ употребления литературных онимов в художественном тексте с точки зрения их способности воздействовать на адресата, вызывая у него эмоции, волевые побуждения, оценки ситуаций. По мнению ученого, полифункциональный эффект обусловлен наличием у имени логико-семантического (концептуального) и прагматического (ассоциативного) значения [Бирюкова 2012: 163].

А. И. Носкова считает, что функции антропонима могут быть рассмотрены только в контек-

сте диктемы, где антропонимы выполняют репрезентативно-характеризующую, эстетическую, культурно-историческую и концептуально-символическую функции [Носкова 2020: 53]. Таким образом, имя личное участвует в решении коммуникативной задачи автора текста, играет значимую роль в формировании структурно-тематического содержания художественного текста и отражает информативный, композиционный, лексико-грамматический, прагматический, эмоционально-экспрессивный и эстетический аспекты текста [там же: 45]. Существует мнение, что литературные онимы раскрывают свой потенциал благодаря контексту произведения, они вступают в различные связи с другими элементами текста, как синтагматические, так и парадигматические, представляя собой, по определению В. И. Супруна, «текстовую ось» [Жочнева 2022: 30].

По мнению В. М. Калинкина, Н. В. Васильевой, вопрос о функциях литературных онимов является наиболее разработанным в ономастике [Васильева 2009: 130]. Однако он далек от окончательного решения. Стоит отметить, что предметом рассмотрения в данной работе являются классификации функций антропонимов применительно к художественным текстам. Одной из тщательно проработанных является классификация Дитера Лампинга, учитывающая три аспекта повествования: нарративные стратегии с ключевой ролью нарратора; эстетический аспект как возможность вызвать в читателе эстетическое переживание; тематический аспект как способность нарратива быть носителем определенного содержания и идеи [Lamping 1983; Васильева 2009: 131]. Д. Лампинг выделяет семь функций собственных имен в художественном тексте: идентификация персонажа/места; создание и поддержание иллюзии подлинности мира повествования; характеристика персонажей/места; выделение и группировка персонажей; участие в создании перспективы повествования; эстетическая функция; функция мифологизации [Васильева 2009: 132].

Данная классификация была дополнена Е. Ф. Исаевой и Н. В. Васильевой такими функциями, как паспортная, функция накопления и хранения информации, контактоустанавливающая и контакторазрушающая [Носкова 2020: 44]. По мнению А. И. Носковой, имена собственные выполняют функцию номинации, идентификации и дифференциации [там же: 31]. Данные функции типичны для онимов и выделяются большинством исследователей. Е. А. Белозерова считает, что собственные имена выполняют такие функции, как характеризующая, пространственно-временная, сравнительно-описательная

и символическая, устанавливающая связи с конкретным социально-культурным сообществом [Белозерова 2008: 60–70]. А. И. Носкова выделяет несколько сходные функции: репрезентативно-характеризующую, функцию эстетического изображения и концептуально-символическую функцию собственных имен [Носкова 2020: 120–165].

С. М. Пак отмечает такие функции антропонимов, как индивидуализирующая, функция социальной демаркации, функция организации дискурса и экспрессивная функция [Пак 2005: 118]. По сравнению с вышеприведенными классификациями в ней отдельно учитывается функция социального маркирования и подчеркивается роль антропонима в структурировании дискурса. С. М. Пак указывает на особую роль онимов в дискурсе, когда их функционирование не ограничивается созданием «местной» выразительности, а поднимается до метасемиотического уровня, на котором оним начинает выполнять лингво-поэтическую функцию [там же: 280]. Близкий набор функций аллюзивных антропонимов в художественном тексте находим в работе Ю. А. Нестеренко, в которой автор выделяет местоименную, идеологическую, эстетическую, статусную и эмоционально-оценочную функции [Нестеренко 2023: 126]. В исследовании С. Р. Маковой отмечаются языковые функции аллюзивных имен, а также функции данных единиц в художественном тексте. Последние включают характеризующую социально-идеологизирующую функцию, функцию создания иронической модальности текста, а также функцию создания и передачи эмоций читателю [Маковой 2014: 113–114]. В целом данные функции соотносятся с теми, что приведены выше. Функция создания иронической модальности является значимой, но, возможно, выступает одной из функций аллюзивных антропонимов в реализации различных текстовых категорий, таких как когезия, когерентность, целостность, информативность и других, и требует отдельного рассмотрения. Исследование особенностей реализации категорий когерентности, когезии, импликации в художественном тексте изложены в ряде работ [Ананьина 2014; Ананьина 2018].

Прагматический аспект изучения функционирования аллюзивных антропонимов включает анализ прагматических сем в структуре значения онима. Исследователи называют этот компонент коннотативным потенциалом онима (Е. С. Отин, М. А. Стешенко), эмоциональными наслоениями (Д. Н. Шмелев), прагматическим содержанием, которое включает оценочные значения и культурные ассоциации (О. С. Ахманова) [Стешенко 2020: 24]. Аллюзивные имена, по мнению О. И. Фонаковой, обладают качеством сугге-

стивности, способностью накапливать коннотации и семантические компоненты, ассоциации [Кочнева 2022: 55]. Таким образом, прагматическая функция аллюзивного антропонима может рассматриваться в динамическом аспекте. С другой стороны, изменчивость прагматического потенциала, как отмечает Р. Ю. Шебалов, приводит к возможности писателя/говорящего моделировать ассоциативную картину имени собственного [Шебалов 2004: 56; Кочнева 2022: 55]. Важную роль в формировании ассоциативного шлейфа аллюзивного антропонима в художественном тексте играют контекст и совокупность иных разнородных средств [Ракина 2007: 23–24]. Прагматика, по мнению Е. Ю. Рубцовой, более динамична, чем семантика, более тесно связана с национально-культурными изменениями [Рубцова 2006: 6]. Хотя в этой динамичности и влиянии контекста есть и другая сторона. Г. Г. Хазагеров считает, что использование коннотативных имен, таких как Отелло – для обозначения ревнивого человека, приводит к созданию заведомо упрощенного образа, то есть происходит сужение значения, обеднение ассоциативного фона, что, однако, не мешает продуктивному общению между людьми [Хазагеров 2002]. С одной стороны, контекст способствует обогащению и семантическому, часто неожиданному, приросту, если актуализируется не совсем типичный признак. С другой стороны, невозможно реализовать в контексте всю совокупность признаков, связанных с тем или иным аллюзивным именем, поэтому есть ограничения многообразия используемой информации.

Е. Ю. Рубцова отмечает, что имена собственные прагматичны по определению, поскольку они обладают семой единичности, которая носит семантико-прагматический характер [Рубцова 2006: 20–21]. Д. И. Руденко также указывает на тот факт, что собственные, или единичные, имена не обладают развитым обобщающим и общим для различных носителей языка значением и ориентированы на отнесенность к одному объекту [Руденко 1990: 219].

Собственное имя обладает силой убеждения, не случайно многие исторические процессы характеризуются сменой наименований и способствуют возрождению или созданию новых, подчас идеологизированных имен (Трактор, Эра, Владлен). Подобное отношение к имени характерно и для христианской традиции. По мнению Е. Ю. Рубцовой, антропонимы выполняют фатическую, игровую и прагматическую функции [Рубцова 2006: 65–99].

Функциональные свойства имен в аспекте прагматики рассматриваются в связи с понятиями ономастической информации, коннотаций, фоновой информации, подтекста, импликации,

энциклопедических знаний читателя, когнитивных особенностей и структуры концепта, а также стилистической функции имен.

Прагматические функции имени собственных, согласно типологии функций О. А. Бирюковой, включают взаимодействие четырех компонентов: 1) автора текста; 2) содержания текста; 3) реципиента и 4) внетекстовой информации, транслируемой посредством собственного имени [Бирюкова 2012: 163]. Активизация функций происходит только при взаимодействии всех элементов прагматической структуры.

Согласно классификации О. А. Бирюковой, можно выделить восемь функций имен собственных в художественном тексте, а именно: функцию номинации-идентификации, функцию создания концепта произведения, функцию повышения информативности текста, функцию формирования подтекста, усиления экспрессивности текста, оценочную функцию, функцию формирования интертекстуальности, функцию стимулирования когнитивной деятельности реципиента [там же: 164–166].

Опираясь на приведенные выше классификации, мы, вслед за Н. В. Васильевой, придерживаемся классификации Д. Лампинга как одной из самых эффективных, работающих на материале разных дискурсов [Lamping 1983; Васильева 2009: 131–132], в том числе в художественных текстах, дополнив ее функциями, выделяемыми О. А. Бирюковой, как прагматически ориентированными. Таким образом, приходим к выводу о том, что собственные имена, включая аллюзивные антропонимы, могут выполнять такие функции в художественном тексте, как:

- функция номинации-идентификации;
- функция создания иллюзии реальности;
- функция характеристики персонажа / места действия;
- функция оценочности;
- функция выделения и группировки персонажей;
- функция перспективации, формирования точки зрения, типов речи;
- эстетическая функция;
- функция мифологизации;
- функция создания концепта произведения;
- функция повышения информативности художественного текста;
- функция усиления экспрессивности художественного текста;
- функция функционально-смыслового развертывания (диалог с автором изречения, противопоставление обобщенного/конкретизированного, генерализация, кода, резюме).

Теоретические выводы были дополнены практическим анализом функционирования ал-

люзивных антропонимов в романе D. Tartt “The Secret History” / Д. Тартт «Гайная история». Функционирование аллюзивных антропонимов в художественном тексте изучается нами в связи с содержанием высказывания (художественного текста) и воздействием высказывания на адресата речи. Изучение прагматических аспектов субъекта речи и отношений между участниками коммуникации не представляется возможным с достаточной долей достоверности, поскольку эти отношения не наблюдаемы. Данный подход осуществляется с позиции читателя, исследователя, критика с опорой на конкретный языковой материал. В исследуемом романе мы отобрали методом сплошной выборки 60 примеров использования аллюзивных антропонимов в первичной функции, в функции предикатива и во вторичной функции, каждый контекст анализировался с точки зрения выполняемой аллюзивной единицей функции в художественном тексте.

Нами были проанализированы контексты функционирования 59 аллюзивных антропонимов. Поскольку аллюзивный антропоним обладает различными коннотациями, по-разному взаимодействует с контекстом, то каждой единице может быть присуще выполнение более чем одной функции по отношению к читателю, к текстовому развертыванию информации, к выражению эмоций и экспрессивности.

Результаты исследования показывают, что самой широко представленной и наиболее распространенной является функция усиления экспрессивности высказывания, отрывка и всего текста в целом. На наш взгляд, данная функция является естественной для аллюзивного антропонима, поскольку привлечение культурно-исторической информации, а также образность, присущая данному знаку, неизбежно приводят к экспликации данных особенностей в художественном тексте. Рассмотрим пример из романа: *A thick fog lay in the valley below, a smothering cauldron of white from which only the treetops protruded, stark and Dantesque* (Tartt 1992: 380). – Внизу стоял густой туман, и долина была похожа на огромный дымящийся котел, из которого, как головы грешников, торчали макушки деревьев (Тартт 2015: 368). Отрывок содержит описание поисков пропавшего друга учащегося элитной школы Хэмпден Банни. На самом деле он был убит своими так называемыми друзьями, которые знали, где тело Банни, но, естественно, хранили молчание. Студенты совершили большой грех, который не мог не оставить следа по крайней мере в сознании повествователя, одного из соучастников преступления, который прибегает к экспрессивно окрашенному, мрачному образу

Данте, а точнее, к созданным поэтом образам грешников. Имя Данте используется в Словаре аллюзий в связи с тремя концептами “Horror, writers”, “Lovers” (in a phrase “Dante and Beatrice”) и “Unpleasant and wicked places” (in a phrase “Dante’s Inferno”) (The Oxford Dictionary of Allusions 2003: 430). В данном контексте получает воплощение концепт “Unpleasant and wicked places”: “The term refers to the part of Dante’s epic poem *The Divine Comedy* (c. 1309–20) that depicts the poet’s journey through Hell. Any hell-like vision or scene can be described as being like Dante’s Inferno” (ibid.: 398). Мы считаем, что английский текст обладает большей выразительностью по сравнению с русским переводом, поскольку имя Данте в переводе, к сожалению, опущено и выбран описательный перевод. Интересно, что данный аллюзивный антропоним используется в романе несколько раз, подчеркивая тему греха, греховности, овладевшей главным героем Ричардом: The music was insanely loud and people were dancing and there was beer puddled on the floor and a rowdy mob at the bar. I couldn’t see much but a **Dantesque** mass of bodies on the dance floor and a cloud of smoke hovering near the ceiling, but I could see, where light from the corridor spilled into the darkness, an upturned glass here, a wide lipsticked laughing mouth there (Tartt 1992: 80). – Музыка безумно грохотала, вокруг танцевали, на полу блестели лужи пива, у стойки бара творилось смертоубийство. Не было видно ничего, кроме **Дантова** сплетения тел и клубов дыма под потолком, но там, куда падал луч света из коридора, можно было различить то перевернутый стакан, то ярко покрашенный, искаженный хохотом рот (Тартт 2015: 87). Данная ситуация ночной вечеринки также ассоциируется для Ричарда с картиной ада, греха, о чем свидетельствуют слова rowdy, a cloud of smoke, mass of bodies, spilled into the darkness, laughing mouth. Перед читателем рисуется картина вакханалии, пьяного пира, на котором образы участников имеют такие же неясные очертания, как грешники у Данте. Использование имени способствует приращению ассоциативного фона отрывка, картина становится наглядной и оставляет яркий отпечаток в сознании читателя. Данный аллюзивный антропоним также выполняет функцию создания концепта художественного текста, именно благодаря его повторяемости, образности, связи с образными представлениями Данте – с одной стороны и мысленным обдумыванием и интерпретацией происходящих событий главным героем – с другой происходит формирование мысленного образа греховности, греха, который обретает форму текстового концепта как мысленного феномена, вбирающего в себя представления персонажа и

автора. Тема смерти, убийства является одной из центральных в романе, она включает внешние атрибуты греховности и связи с грехом, такие как образы полутьмы, тумана, неясные очертания тел, смеющийся рот, суровые вершины деревьев, снег и холод. Главный герой романа на подсознательном уровне также испытывает если не угрызения совести, то страх перед неумолимостью и суровостью наказания за совершенный грех. Поскольку полиция не раскрыла убийства и не нашла настоящих убийц в лице друзей убитого, в сознании героя образы ада Данте свидетельствуют о его страхе перед неизвестностью, которая должна ожидать его за пределами земной жизни. Мы считаем, что это текстовый концепт, поскольку он многопланов, он включает такие компоненты, как УБИЙСТВО – ГРЕХ – НАКАЗАНИЕ. Он реализуется посредством множества сцен, эпизодов и размышлений героя. Одним из компонентов концепта является когнитивный потенциал аллюзивного имени Данте (Dantesque). Кроме того, это случай функционального синкретизма, и данное имя выполняет эстетическую функцию, участвуя в создании страшной, но в то же время красивой по своей суровости и торжественности картине молчаливого оврага с телом Банни, покрытого снегом.

Второй значимой функцией является характеристика персонажа и/или места действия. Характеристика персонажа в основном имеет место в описательных частях текста, в речи автора или главного героя. Особенностью реализации данной функции является описание того, как видит отправитель персонажа. Несмотря на то что эта функция близка экспрессивной и является второй по частотности реализации, она в большей степени ориентирована на сознание образа героя или обстоятельств действия, также выделяя детали и характерные особенности персонажа, делая их более выпуклыми. Рассмотрим пример: Francis, barefoot and still in his bathrobe, stepped precariously over rocks and branches, balancing his glass of ginger ale. Once we got to the lake he waded in, up to his knees, and beckoned dramatically like **Saint John the Baptist** (Tartt 1992: 106). – Фрэнсис, отправившийся на прогулку босиком и в халате, осторожно перешагивал через камни и ветки, стараясь не расплескать пиво. Когда мы пришли на берег, он зашел в воду по колени и, воздев руки, как **Иоанн Креститель**, позвал нас к себе (Тартт 2015: 112). Имя St John the Baptist является библейским по происхождению. Согласно словарю Brewer’s Concise Dictionary of Phrase and Fable: St. John the Baptist was “the forerunner of Jesus, who was sent “to prepare the way for the Lord” [Brewer’s Concise Dictionary of

Phrase and Fable 2000: 559]. С одной стороны, в контексте реализуется экспрессивная функция, усиливающая образную, отчасти ироническую, картину выпившего Фрэнсиса, зовущего к воде друзей. Читателю представляется, что весь образ Фрэнсиса противоречив и фальшив, за внешней красотой и приятностью манер скрывается бездушный человек, далекий об Бога, так же, как и Ричард, который описывает свое видение этой сцены. В контексте чувствуется насмешка над поведением героя. Это имя выполняет характеризующую функцию, благодаря которой подчеркивается отсутствие четких морально-нравственных принципов у персонажей, ведь ирония заключается именно в несоответствии их поступков и поведения образу предшественника Христа. Немного ниже по тексту читатель вновь сталкивается с религиозной темой, на этот раз с образом-воплощением зла: Henry and Francis were further out: Francis talking, gesticulating wildly in his white robe and Henry with his hands clasped behind his back, **Satan** listening patiently to the rantings of some desert prophet (Tartt 1992: 106). – Генри и Фрэнсис ушли далеко вперед. Облаченный в белый халат Фрэнсис о чем-то говорил и бурно жестикулировал, а Генри, сложив руки за спиной, спокойно возвышался рядом – **Сатана**, терпеливо выслушивающий страстные прорицания безумного отшельника (Тартт 2015: 113). В этом примере, который логически следует за изложенным выше отрывком, образ Генри уподобляется Сатане. С одной стороны, в своем воображении Ричард рисует ироничную картину беседы двух друзей. С другой стороны, такой ракурс видения данной темы не является случайным. Ведь именно Генри стал идейным вдохновителем и реализатором убийства их общего друга Банни. Данное имя выполняет характеризующую функцию, высвечивая оттенки в понимании образа Генри Ричардом, поскольку в тексте встречаются имена, выражающие уважение Ричарда к уму Генри, восхищение работоспособностью и талантом Генри, его проникательностью и начитанностью. Но, как мы видим из контекста, один лишь ум, не подкрепленный должным нравственным основанием, может творить зло расчетливо, по убеждению, не испытывая угрызений совести, что вызывает страх и ужас.

Другой важной функцией, тесно связанной с приведенными выше, является функция оценочности: Henry gave him a filthy look. ‘Calm,’ he said. ‘I don’t know where you get all these **Dostoyevsky** sorts of ideas’ (Tartt 1992: 348). – Генри взглянул на него с ядовитым скепсисом: – Успокойся. И где ты только набрался этой **достоевщины**? (Тартт 2015: 338). Используя аллюзивное

имя, автор или персонаж может прибегать к оценке ситуации или действий других персонажей. Данная функция проявляется по-разному, субъективно, в зависимости от взглядов и оценки референта имени. Пример интересен тем, что имя великого русского писателя используется в контексте отрицательной оценки. Психологизм произведений Ф. М. Достоевского общеизвестен, однако подобное пренебрежительное отношение, которое в переводе передается посредством деривата «достоевщина», свидетельствует о неприятии Генри данного аспекта творчества, что является частным случаем, поскольку о вкусах не спорят.

Прагматической функцией в аспекте отношения к содержанию высказывания/текста служит такая функция аллюзивных имен, как участие в функционально-смысловом развертывании текста, которое выражается в том, что имя способствует реализации категорий обобщенное/конкретизированное, тезис/аргументация/раскрытие, выступает в функции коды и резюме суждений. Например, рассмотрим отрывок: He was looking over the hills, at all that grand cinematic expanse of men and wilderness and snow that lay beneath us; and though his voice was anxious there was a strange dreamy look on his face. The business had upset him, that I knew, but I also knew that there was something about the operatic sweep of the search which could not fail to appeal to him and that he was pleased, however obscurely, with the aesthetics of the thing. Henry saw it, too. ‘Like something from **Tolstoy**, isn’t it? He remarked’ (Tartt 1992: 382). – Взгляд его был устремлен на величественную панораму заснеженной глуши с разбросанными тут и там крошечными фигурками людей, и хотя в голосе его звучала тревога, на лице проступало что-то едва ли не мечтательное. Исчезновение Банни сильно огорчило его, это было очевидно, однако видел я и то, что размах поисков, их почти оперная зрелищность ему по душе и эстетика происходящего доставляет ему – уж не знаю насколько осознанное – удовольствие (Тартт 2015: 370). К сожалению, аллюзивное имя не сохранено в переводе. Учитель расстроен тем, что пропал его ученик, но в самой процедуре поисков, их зрелищности ему видится что-то прекрасное. В отрывке на английском языке неясные обобщенные описания панорамы поисков, мечтательного выражения лица Джулиана, снега и дикой природы сменяются высказыванием Генри, который пытается в одном конкретном слове выразить это чувство и находит для этого имя русского писателя – Tolstoy, метонимически связанное с его романами неким качеством произведений, возможно, имеется в виду эпохальность, панорамность описания военных сцен

или пейзажей. Данное соотношение содержания может быть рассмотрено в аспекте категорий обобщенного/конкретизированного как выражение общих, не имеющих конкретного выражения чувств, и своеобразной конкретизации в виде аллюзивной отсылки к текстам Л. Н. Толстого.

Функция создания иллюзии реальности находит выражение лишь в двух примерах в рассматриваемом тексте: This was, in fact, the basis of his acquaintance with most of the famous people in his life. **Osbert Sitwell**, in his diary, mentions **Julian Morrow's** sublime little fêtes, and there are similar references in the letters of people ranging from **Charles Laughton** to the Dutchess of Windsor to **Getrude Stein; Cyril Connoly**, who was notorious for being a hard guest to please, told **Harold Acton** that Julian was the most gracious American that he had ever met – a double-edged compliment, admittedly – and **Sara Murphy**, no mean hostess herself, once wrote him pleading for his recipe for *sole véronique* (Tartt 1992: 268). – Собственно говоря, этому обстоятельству он и был обязан большей частью своих знакомств с выдающимися людьми того времени. **Осберт Ситуэлл** упоминает в своем дневнике “восхитительные миниатюрные fêtes” **Джулиана Морроу**. Подобные образы встречаются в письмах самых разных особ – от **Чарльза Лоутона** до герцогини Виндзорской и **Гертруды Стайн**. **Сирил Конноли** – гость, известный своей крайней привередливостью, – однажды заметил **Гарольду Актону**, что Джулиан – самый любезный американец из всех, которых ему доводилось встречать (двусмысленный комплимент, надо признать), а **Сара Мерфи**, чьи приемы никто не смог бы упрекнуть в недостатке изысканности и размаха, как-то написала Джулиану, умоляя прислать ей его рецепт *sole véronique* (Тартт 2015: 255–266). К данному отрывку приводится комментарий переводчика, поясняющий, что Чарльз Лоутон (1899–1962) – английский актер, с 1940 г. жил в США, а Уоллис Симпсон (1896–1986) была супругой Эдварда, герцога Виндзорского. Эдвард, коронованный под именем Эдуарда VIII, был вынужден оставить британский престол из-за намерения жениться на Уоллис, которая к тому времени проходила процедуру развода со своим вторым мужем. После бракосочетания в июне 1937 г. чета обосновалась во Франции, где на протяжении десятилетий занимала видное место в высших светских кругах; Гарольд Актон (1904–1994) был англо-итальянским писателем, ученым и знатоком искусств; Сара (1883–1975) и Джеральд (1888–1964) Мерфи – состоятельные американские экспатрианты. Переехав в начале века во Францию, в 20–30-х гг. они стали центром

широкого артистического круга – среди их друзей и гостей были Фицджеральд, Хемингуэй, Дон Пассос, Пикассо, Стравинский и многие другие писатели, художники и музыканты (там же: 366). Среди этой вереницы имен имя Джулиана Морроу – преподавателя греческого в частном колледже Хэмпдена – органично вписывается в контекст, создается иллюзия реальности повествования, как будто Джулиан был реальным историческим лицом, это повышает авторитетность повествования, что, безусловно, не снимает общей фикциональности, свойственной литературной ономастике и художественному тексту в целом [Васильева 2009: 136–137].

Функция перспективации связана с участием имен в создании перспективы повествования, возникающей проблемой точки зрения [там же: 140]. Данная функция может быть продемонстрирована на следующем примере: *Argentina*. What was in Argentina? Grasslands, horses, cowboys of some sort who wore flat-crowned hats with pom-poms hanging from the brim. **Borges**, the writer. **Butch Cassidy**, they said, had gone into hiding there, along with **Dr Mengele** and **Martin Bormann** and a score of less pleasant characters (Tartt 1992: 161). – Что такое Аргентина? Прерии, лошади, пастухи вроде ковбоев, в забавных плоских шляпах с помпонами. Танго. Писатель **Борхес**. Говорят, там скрывался **Бутч Кэссиди**, а также **доктор Менгеле**, **Мартин Борман** и другие малоприятные персонажи (Тартт 2015: 165). Автор перевода приводит комментарий к имени Б. Кэссиди: Бутч Кэссиди (настоящее имя Роберт Лерой Паркер, 1866–?) – легендарный американский бандит, главарь шайки, грабившей банки и поезда (там же). Ричард, рассказчик, размышляет о том, почему его друзья купили билеты в Аргентину, ничего ему не сказав. Возможно, у них есть какая-то тайна. Далее размышления переносятся в ментальные пространства имен известных личностей, связанных с Аргентиной, на ум приходит имя известного писателя, остальная масса имен связана с образами преступников, и постепенно мысли героя отчуждаются от красот Аргентины и переходят в плоскость возможных преступлений, совершенных друзьями. Имена преступников способствуют формированию точки зрения и перспективы видения Ричардом ситуации. Появляется отчужденность, внутреннее противоречие, и образ Аргентины приобретает неоднозначную трактовку в сознании героя.

Выводы

Таким образом, аллюзивные имена функционируют в прагматическом аспекте, участвуя в

выражении отношения автора/персонажей к ситуации общения, ситуации повествования, героям и их поступкам. В значении аллюзивного антропонима могут быть выделены прагматические семы, связанные с ассоциативной, фоновой информацией, которая также оказывает влияние на прагматический потенциал онимов. Среди проанализированных функций аллюзивных антропонимов в тексте романа D. Tartt «The Secret History» / Д. Тартт «Тайная история» доминируют функция усиления экспрессивности, функция характеристики персонажа или ситуации и функция оценочности. Далее по убыванию значимости и частотности располагаются функция смыслового развертывания, функция создания текстового концепта, эстетическая функция, функция создания иллюзии реальности и функция перспективации. Ряд функций носят языковой характер, они оказались не проявленными в рассматриваемом тексте. Среди таких функций можно назвать функцию номинации и идентификации, функцию выделения и группировки персонажей, функцию мифологизации, функцию повышения информативности художественного текста. Выполнение аллюзивными именами широкого диапазона функций свидетельствует о важности данных единиц в художественном тексте, их участии в реализации смысла текста, его интерпретации, создании образности. Аллюзивные антропонимы являются неотъемлемой частью создания и функционирования художественного текста.

Список источников

Tartt D. Тайная история: роман; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: АСТ: Corpus, 2015. 590 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Бол. рос. энцикл., 1998. 685 с.

Tartt D. The Secret History. London: Penguin Books, 1992. 630 p.

The Oxford Dictionary of allusions / ed. by Andrew Delahunty, Sheila Dignen, and Penny Stock. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001. 453 p.

Список литературы

Ананьина М. А. Роль аллюзивного антропонима в реализации когезии и когерентности художественного текста // Англистика XXI века: материалы VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 115–116.

Ананьина М. А. Аллюзивный антропоним как имплицит, раскрывающий содержательно-концептуальную информацию в художественном тексте // Филологический аспект. 2018. № 6 (38). С. 55–66.

Белозерова Е. А. Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурсе (на материале современной британской литературы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 209 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Бирюкова О. А. Прагматические аспекты включения онимов в план содержания художественного текста // Казанская наука. 2012. № 10. С. 163–166.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 232 с.

Кочнева Н. С. Игровой статус имени собственного в художественном тексте (на материале произведений В. П. Крапивина): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 494 с.

Макурова С. Р. Аллюзивная антропонимика в аспекте художественной и смысловой выразительности // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 112–116.

Нестеренко Ю. А. Изучение аллюзивных антропонимов с герменевтической точки зрения // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 2А-3А. С. 126–133. doi 10.34670/AR.2023.36.58.015

Носкова А. И. Этимология и текстовые функции имени собственного (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 199 с.

Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 366 с.

Постникова О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 219 с.

Раждина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 156 с.

Рубцова Е. Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 151 с.

Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка». Х.: Основа, 1990. 299 с.

Стешенко М. А. Когнитивные модели представления антропонимических концептов в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2020. 177 с.

Фомин А. А. Прецедентные онимы в художественном тексте // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 139–148.

Хазазеров Г. Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 185–198.

Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте: на материале ранних рассказов А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable / ed. by B. Kirkpatrick. L.: Cassel & Co, 2000. 1118 p.

Gardiner A. H. The theory of proper names: a controversial essay. L.: Oxford University Press, 1954. 78 p.

Hitsch E.D. Cultural Literacy. Boston, 1987. 32 p.

Lamping D. Der Name in der Erzhlung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983. 135 p.

Mill J. St. Theory of meaning. Prentis-Hall, 1970. 211 p.

References

Anan'ina M. A. Rol' allyuzivnogo antroponima v realizatsii kogezi i kogerentnosti khudozhestvennogo teksta [The role of allusive anthroponyms in the realization of cohesion and coherence of a literary text]. *Anglistika XXI veka. Materialy VII Vse-rossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Anglistics of the 21th Century: Proceedings of the VII All-Russian Interuniversity Scientific and Methodological Conference]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 115-116. (In Russ.)

Anan'ina M. A. Allyuzivnyy antroponim kak implikat, raskryvayushchiy sodержatel'no-kontseptual'nyuyu informatsiyu v khudozhestvennom tekste [Allusive anthroponym as an implicate revealing content-conceptual information in a literary text]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2018, issue 6 (38), pp. 55-66. (In Russ.)

Belozerova E. A. *Funktsionirovanie imen sobstvennykh v khudozhestvennom tekste i diskurse (na materiale sovremennoy britanskoy literatury)*. Diss. kand. filol. nauk [Functioning of proper names in a literary text and discourse (based on the material of modern British literature). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 209 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Biryukova O. A. Pragmaticheskie aspekty vklucheniya onimov v plan sodержaniya khudozhestvennogo teksta [Pragmatic aspects of inclusion of onyms in the content plan of a fiction text]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2012, issue 10, pp. 163-166. (In Russ.)

Vasil'eva N. V. *Sobstvennoe imya v mire teksta* [A Proper Name in the World of Text]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 224 p. (In Russ.)

Golomidova M. V. *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial Nomination in Russian Onomastics]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 1998. 232 p. (In Russ.)

Kochneva N. S. *Igrovoy status imeni sobstvennogo v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy V. P. Krapivina)*. Diss. kand. filol. nauk [The language-game status of the proper name in a literary text (based on the material of V. P. Krapivin's works). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2022. 494 p. (In Russ.)

Makerova S. R. *Allyuzivnaya antroponimika v aspekte khudozhestvennoy i smyslovoy vyrazitel'nosti* [Allusive anthroponymy in the aspect of artistic and semantic expressiveness]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [The Social and Humanitarian Knowledge], 2014, issue 11, pp. 112-116. (In Russ.)

Nesterenko Yu. A. *Izuchenie allyuzivnykh antroponimov s germeneyticheskoy tochki zreniya* [The study of allusive anthroponyms from a hermeneutical point of view]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 2023, vol. 13, issues 2A-3A, pp. 126-133. (In Russ.)

Noskova A. I. *Etimologiya i tekstovye funktsii imeni sobstvennogo (na materiale angliyskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Etymology and textual functions of the proper name (based on the material of the English language). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2020. 199 p. (In Russ.)

Pak S. M. *Onomastikon kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya (na materiale amerikanskogo diskursa XIX-XX vv.)*. Diss. dokt. filol. nauk [Onomasticon as an object of philological research (based on the material of American discourse of the 19th – 20th centuries). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 366 p. (In Russ.)

Postnikova O. A. *Antroponimicheskaya simbolika v angloyazychnoy kul'ture*. Diss. kand. filol. nauk [Anthroponymic symbolism in English-speaking culture. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 219 p. (In Russ.)

Razhina V. A. *Onomasticheskie realii: lingvo-kul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Onomastic realia: Linguocultural and pragmatic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 156 p. (In Russ.)

Rubtsova E. Yu. *Pragmaticheskoe sodержanie antroponimov (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [Pragmatic content of anthroponyms (based on the material of Russian and English languages). Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 151 p. (In Russ.)

Rudenko D. I. *Imya v paradigmakh 'filosofii yazyka'* [The name in the paradigms of the 'philosophy of language']. Kharkiv, Osnova Publ., 1990. 299 p. (In Russ.)

Steshenko M. A. *Kognitivnye modeli predstavleniya antroponimicheskikh kontseptov v Biblii i v russkoy poezii XVIII-XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Cognitive models of representation of anthroponymic concepts in the Bible and in Russian poetry of the 18th – 20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Kaliningrad, 2020. 177 p. (In Russ.)

Fomin A. A. *Precedent onyms v khudozhestvennom tekste* [Precedent onyms in a literary text]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary]. Ed. by M. E. Rut. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2003, issue 4, pp. 139-148. (In Russ.)

Khazagerov G. G. *Personosfera russkoy kul'tury* [Personosphere of Russian culture]. *Novyy mir* [The New World], 2002, issue 1, pp. 185-198. (In Russ.)

Shebalov R. Yu. *Onomasticheskaya igra v khudozhestvennom tekste: Na materiale rannikh rasskazov*

A. P. Chekhova. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [An onomastic game in a fiction text: Based on the material of A. P. Chekhov's early stories. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2004. 24 p. (In Russ.)

Brewer's Concise Dictionary of Phrase and Fable. Ed. by B. Kirkpatrick. L., Cassel & Co, 2000. 1118 p. (In Eng.)

Gardiner A. H. *The Theory of Proper Names: A Controversial Essay*. L., Oxford University Press, 1954. 78 p. (In Eng.)

Hirsch E. D. *Cultural Literacy*. Boston, 1987. 32 p. (In Eng.)

Lamping D. *Der Name in der Erzhlung. Zur Poetik des Personennamens* [The Name in the Narrative. The Poetics of the Personal Name]. Bonn, Bouvier, 1983. 135 p. (In Ger.)

Mill J. St. *Theory of Meaning*. Prentis-Hall, 1970. 211 p. (In Eng.)

Functioning of Allusive Anthroponyms in a Fiction Text: The Pragmatic Aspect

Marina A. Ananyina

Associate Professor in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Yekaterinburg, 620000, Russia. AnaninaMA@yandex.ru

SPIN-code: 8172-6078

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6233-5311>

Submitted 04 Mar 2024

Revised 15 May 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Ananyina M. A. Pragmatischeskiy aspekt funktsionirovaniya allyuzivnogo antroponima v khudozhestvennom tekste [Functioning of Allusive Anthroponyms in a Fiction Text: The Pragmatic Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 5–16. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-5-16. EDN ZHBSBE (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatic aspect of the functioning of allusive anthroponyms in a literary text using the example of the novel by D. Tartt *The Secret History* (1992). The aim of the work is to analyze the pragmatic potential of allusive anthroponyms, which lies in the performance of a number of functions by these linguistic units in the studied fiction text and in the expressive impact on the addressee of the text.

An allusive anthroponym is understood as a unit possessing associative and connotative semantics. The article reviews the main trends in the analysis of the semantics of anthroponyms, the author comes to the conclusion about the multidimensional nature of these linguistic signs, which have a rich cultural and historical potential, participate in the organization of the compositional and thematic structure of the text, in the creation of expressiveness of the narrative, in the description of the characters, and perform a number of other important functions. The structure of the meaning of this unit has denotative, significative, and pragmatic features. Pragmatic semes contribute to the realization of the pragmatic potential of the name in connection with the impact of the narrative situation on the addressee of the text.

The analysis of the functions of allusive anthroponyms in the D. Tartt's novel showed the predominance of the functions of increasing expressiveness, characterization of the character/place of action, and the

function of evaluation. Next in descending order of importance and frequency are the function of semantic unfolding, the function of creating a textual concept, the aesthetic function, the function of creating an illusion of reality, and the function of perspectivation. The performance of a wide range of functions by allusive names indicates the importance of these units in a fiction text, their participation in the realization of the meaning of the text, its interpretation, and the creation of imagery.

Key words: allusive anthroponym; function; pragmatics; fiction text; Donna Tartt; The Secret History.

УДК 811.181,1'37
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-17-27
<https://elibrary.ru/zjylso>

EDN ZJYLSO

Языковые механизмы создания новой лексики в русском языке (на примере сленга геймеров)

Антонова Алла Борисовна

к. филол. н., доцент Департамента гуманитарных наук

Иркутский национальный исследовательский технический университет

664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83 А. allabb@yandex.ru

SPIN-код: 1616-9870

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7379-7485>

Researcher ID: F-8204-2019

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

Одобрена после рецензирования 17.07.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Антонова А. Б. Языковые механизмы создания новой лексики в русском языке (на примере сленга геймеров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 17–27. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-17-27. EDN ZJYLSO

Аннотация. К актуальным лексическим процессам в современном русском языке относится появление новых слов. Традиционно к механизмам языка в осваивании новых понятий относят заимствование (транскрипция, транслитерация, калькирование), метафору и метонимию, а также языковую игру. Игровой сленг представляет собой подтип компьютерного сленга, при этом является средством самовыражения, средством выражения эмоций и оценки, а также позволяет экономить время. Игровой сленг можно разделить на два типа – глобальный и локальный. Глобальные сленгизмы являются общими для геймеров всего мира, а локальные понятны только игрокам – носителям одного языка. В статье анализируются языковые механизмы, задействованные в создании новых лексических единиц в сленге геймеров, играющих в популярные сетевые компьютерные игры. Новизна исследования определяется обращением к ранее не изученному речевому материалу и его лингвистической интерпретации. Из игровых чатов и форумов в сети Интернет, а также с сайта <https://gamer-info.com> была создана направленная выборка сленгизмов интернет-игроков, а затем проведена классификация зафиксированных лексем с учетом деривационных механизмов. В исследовании проводится подробный анализ выбранных единиц сленга на предмет реализации таких механизмов языка в осваивании новых понятий и явлений, как транскрипция, транслитерация, калька, метафора, метонимия и языковая игра, а также выявляется наиболее частотный механизм. Всего проанализировано 100 соответствующих единиц. В работе рассматриваются лексические процессы, происходящие в современном русском языке, приводятся понятия компьютерного сленга и сленга геймеров и описываются их различия. Методологической базой исследования послужили труды Н. С. Валгиной, посвященные современному русскому языку, а также активным процессам, происходящим в лексике русского языка; научные и научно-популярные работы по семантике и лексикологии М. А. Кронгауза, а также научные статьи других современных авторов по лексикологии и стилистике. Актуальность темы и проблемы для российского и зарубежного научного сообщества определяется расширением лексического состава русскоязычного сленга геймеров, вовлечением в игровую компьютерную коммуникацию большого количества носителей русского языка и необходимостью научного осмысления языковых процессов, характеризующих эту дискурсивную практику.

Ключевые слова: геймер; сленг; лексические процессы; неологизм; метафора; метонимия; языковая игра; транскрипция; транслитерация; калькирование; заимствование; аббревиация; усечение; звукоподражание; гейм-среда.

Введение

Язык, являясь средством общения людей, постоянно меняется. Однако изменения в языке происходят с разной скоростью: иногда для этого нужны века, иногда десятилетия. Лингвисты утверждают, что в настоящее время русский язык испытывает большие изменения, а скорость этих изменений возросла под влиянием внешних причин, главной из которых можно назвать появление и развитие Всемирной сети. Именно в лексике русского языка, связанной со сферой Интернета, происходят особенно ярко выраженные изменения.

Н. С. Валгина к основным лексическим процессам относит: уход из употребления неактуальных слов; возвращение к жизни прежде неактуальных лексем; появление новых слов, понятийно актуальных; заимствования; разрастание сфер распространения периферийной лексики (жаргонной, профессиональной лексики) [Валгина 2003: 77]. Лингвисты отмечают, что эти процессы происходили в языке всегда – во все периоды его существования, однако их интенсивность была разной. В настоящее время преобразования лексического фонда русского языка происходят с очень высокой скоростью и определяются внешними причинами (развитие техники и науки, расширение международных контактов, специализация профессиональной производственной деятельности, изменения в экономической, политической жизни) [там же], в частности развитием Интернета. Изменения в лексике языка могут быть вызваны и внутренними причинами – действием внутриязыковых законов.

Как отмечает Л. Ю. Касьянова, «современная динамика русского языка во многом определяется активизацией различных процессов, протекающих в рамках его семантической неологизации. Качественные трансформации лексического состава происходят за счет порождения значений новых слов и преобразования значений уже существующих... В результате таких процессов появляются семантические неологизмы, которые составляют значительную часть среди общего потока новой лексики в русском языке конца XX – начала XXI в... Процессы, происходящие внутри лексической подсистемы языка и направленные на совершенствование системы обозначений, опосредованы внешним стимулом, в частности, актуализацией определенных общественных явлений, понятий. Последнее приводит в действие языковой механизм, стремящийся дать уже известному понятию удобное для данного состоя-

ния языковой системы обозначение, соответствующее тем или иным тенденциям в ее современном развитии» [Касьянова 2006: 5]. По мнению Н. Ф. Алефиренко, данные процессы детерминируются когнитивной деятельностью человека: «Поскольку познание окружающего нас мира безгранично, то изменение и совершенствование наших знаний о нем, связанное с обнаружением новых признаков и свойств объектов познания, приводит, естественно, к изменению значений и связанным с ним семантическим процессам» [Алефиренко 2002: 86].

Особое место среди актуальных лексических процессов занимает появление новых слов. «Лексика – наиболее подвижная часть языка, она непрерывно совершенствуется, обновляется, вместе с тем реагирует на изменения в окружающей нас действительности, т. е. развивается вместе с жизнью» [Москалёва 2008: 246]. «Лексика очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в жизни людей, отражает последние достижения во всех областях человеческой деятельности» [Воронцова 2016: 1].

Компьютерный сленг и сленг геймеров

Под влиянием Интернета в русском языке появился компьютерный сленг, а также активно меняется молодежный сленг. По мнению Н. В. Виноградовой, компьютерный сленг, в отличие от других типов жаргона, имея письменную форму, претендует на реализацию всех основных функций языка: коммуникативной, когнитивной, функции сбора и хранения информации, эстетической, эмоционально-экспрессивной, контактоустанавливающей, метаязыковой и магической [Виноградова 2001: 203], тогда как молодежный сленг, несмотря на свою нестабильность, представляет собой более традиционную форму сленга.

Можно выделить следующие характеристики компьютерного сленга: 1. Сленгизмы используются для общения программистов или пользователей. Эти лексические единицы употребляются в качестве синонимов к английским терминам информатики, отличаясь от них эмоциональной окраской. 2. Употребляемые сленговые названия относятся только к миру компьютеров и зачастую непонятны людям вне этой сферы. Благодаря знанию такого специального языка специалисты в области компьютерных технологий чувствуют себя членами некоей замкнутой общности. 3. В числе этой лексики встречаются вульгарные слова [Бабалова 2007: 39].

Г. Г. Бабалова отмечает, что «эти три наблюдения не позволяют причислить компьютерный сленг ни к одной отдельно взятой группе нелитературных слов и заставляют рассматривать его как явление, которому присущи черты каждой из них. Это и позволяет определить компьютерный сленг как слова или словосочетания, употребляемые только людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни, заменяющие профессиональную лексику и отличающиеся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской. Кроме того, не следует забывать, что большинство лексики компьютерного сленга – это производные от профессиональных терминов» [Бабалова 2007: 39].

В. Рюгемер считает, что в случае с компьютерным сленгом мы имеем дело с синтезом трех видов нелитературной лексики: профессионализмами, жаргонизмами и вульгаризмами [Рюгемер 1989: 30].

Сленг геймеров представляет собой особый интерес для исследования, поскольку находится на границе молодежного и компьютерного сленга. Как справедливо отмечает В. Е. Щербина, «неологизмы в гейм-среде возникают со стабильным постоянством. Эта сфера становится все популярнее, стремительно развивается и пополняет язык новыми терминами. Большое количество неологизмов появляется в связи с созданием новых, ранее не существующих онлайн-игр, их персонажей, игровых стратегий. При этом формируется особая среда для развития неологизмов, которые представляют собой не только терминологию, связанную с онлайн-играми, но и сленговые формы языка, образуемые в процессе общения геймеров» [Щербина 2018: 395].

«Язык геймеров уже превратился из модного течения в новый стиль общения на сайтах, в блогах и чатах. Доля неологизмов в языке геймеров достаточно велика, доля неологизмов, включающих англицизмы, огромна <...>. Язык геймеров, как составляющая молодежного сленга, придает языку особое своеобразие. Язык, который рожден в среде молодых пользователей сети Интернет и компьютеров, со временем входит в общепотребительный язык и претендует на то, чтобы занять там достойное место» [там же: 397].

Сленг геймеров характеризуется нестабильностью состава. П. А. Горшков в своем диссертационном исследовании «Сленг хакеров и геймеров» указывает на то, что данный лексический пласт значительно обновляется каждые 7 лет [Горшков 2006: 1]. П. С. Усманова к специфике геймерского сленга также относит «его тенденцию к постоянному обновлению, что еще больше осложняет задачу понимания того или иного

слова, так как погрузиться в каждую видеоигру невозможно, а именно так можно понять суть использования того или иного слова» [Усманова 2020: 634].

Сленг геймеров можно рассматривать как подтип компьютерного сленга. Сленговое слово появляется в языке геймеров в большинстве случаев по той причине, что профессиональные слова, им соответствующие, неудобны при частом использовании или же вообще отсутствуют. Кроме того, главная цель сленгизмов в языке геймеров – создать веселую, молодежную атмосферу.

«Сленг обладает характерными для него качествами. Он является кратким и содержательным. Он имеет особый набор лексических единиц и отличается спецификой их значения. Лексика, которая в нем присутствует, обусловлена задачами большинства компьютерных игр, где передача необходимой информации должна быть быстрой. Другой характерной особенностью сленга является эмоциональность, которая возникает как следствие эмоционального напряжения геймеров» [Булочова 2017: 22].

А. М. Зияитдинов считает, что игровой сленг следует классифицировать согласно игре, в которой он выделяет две категории игрового сленга: социальную и предметно-процессуальную, отмечая, что для первой категории более характерна эмоциональность, так как в процессе общения люди выражают свои эмоции и свое отношение к игре, к людям и т. д., а для второй – краткость, так как названия предметов и явлений в игре зачастую слишком длинные и сложные для произношения [Зияитдинов 2013: 81–82].

В. А. Комаров и И. А. Шушарина ссылаются на статью «Способы передачи английской безэквивалентной лексики в процессе перевода компьютерно-игрового дискурса» [Северин 2017: 110] и определяют последний как вид дискурса, который реализуется в процессе электронной коммуникации в ситуации общения посредством компьютеров, связанных сетью Интернет, как особый вид деятельности и существования в интернет-среде. Исследователи отмечают, что для молодежи особое значение имеет лексико-фразеологическая составляющая дискурса компьютерных игр, иначе говоря, та часть, которая может быть понята только геймерами, то есть язык геймеров [Комаров, Шушарина 2019: 88].

Формирование русского языка компьютерных игр началось в конце XX столетия, что было связано с постепенной популяризацией персональных компьютеров и развитием онлайн-игр. Онлайн-игры в режиме реального времени могут способствовать распространению языка компьютерных игр, где игроки могут взаимодействовать

не только с игровыми персонажами, но и с помощью голосового или текстового чата. Интернет расширил пространство, предоставив геймерам из разных стран возможность участвовать в игре, чтобы диалог мог проходить сразу на нескольких языках. Любой зарегистрированный пользователь имеет возможность участвовать в текущих играх, которые проходят круглосуточно. В России и за рубежом развитие получил так называемый киберспорт. Многомиллионная аудитория болельщиков имеет возможность следить за стримами киберсоревнований и слушать комментарии на выбранном языке. Речь стримеров, безусловно, содержит огромное количество слов и устойчивых сочетаний, характерных для компьютерно-игрового сленга [Кронгауз 2016: 247].

Игровой сленг можно разделить на два основных типа – глобальный и локальный. Глобальный сленг характеризуется лексикой, которая используется во всех играх, независимо от стран. Например, *gg* (*gg*) расшифровывается как англ. *good game*, констатация факта при коллективной игре: игра, как считает написавший, хорошая. В наше время сокращение практически утратило исходный смысл и используется как синоним конца игры. Геймеры по всему миру используют это выражение и понимают его [Комаров, Шушарина 2019: 89].

Локальный игровой сленг характеризуется игровой лексикой, используемой только в своей стране, и не может быть понят геймерами из других стран. Например, *ИМХО* (*имхо*, *Имхо*) – часто встречающееся в форумах и интернет-конференциях слово, в игровых форумах вызывающее замешательство и смутные ассоциации у неподготовленного пользователя. На самом деле *ИМХО* – это записанная русскими буквами английская аббревиатура *IMHO*, которая расшифровывается фразой «*In my humble opinion*» – «По моему скромному мнению». Набрать на клавиатуре «*ИМХО*» проще, чем «Я думаю» или «Я считаю»; здесь и кроется секрет популярности этой аббревиатуры [там же].

Механизмы языка в осваивании новых понятий

К способам образования неологизмов в русском языке можно отнести следующие: новое слово образуется для названия новых реалий по стандартным (продуктивным) моделям словообразования из морфем, которые существуют в русском языке; слово, уже давно существующее в языке, может приобрести новое значение на основе сходства вновь обозначаемого явления с явлением уже известным; слово заимствуется из другого языка вместе со значением или отдельно для обозначения другого явления в данном социуме.

Традиционно к механизмам языка в осваивании новых понятий относят заимствование, метафору, метонимию и языковую игру. По мнению Н. С. Валгиной, а также других лингвистов, русский язык всегда активно заимствовал слова из других языков, однако в процессе употребления большая часть заимствованных слов подверглась влиянию системы русского языка. Другими словами, заимствованные слова ассимилировались русским языком и вошли в число общеупотребительных слов, а со временем эти слова уже не воспринимались носителями как иноязычные [Валгина 2002: 17]. Исследователь указывает на то, что современный этап развития русского языка отличается процессом активного заимствования слов из американского варианта английского языка. Стоит отметить, что это связано как с экономическими, социальными и политическими преобразованиями в российском обществе, так и с мировым процессом глобализации. «В мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на культуру и на язык как одну из важнейших форм культуры» [Миронов 2006: 27]. Кроме того, на процесс заимствования из американского варианта английского языка влияет расширение «виртуального общения», в частности через Интернет [Валгина 2002: 116]. В результате заимствования из американского варианта английского языка активно используются как в повседневной жизни носителями русского языка, так и в СМИ и в сфере Интернета. О. Г. Щитова также указывает, что «отличительными чертами новейшей ксенолексики в русском языке на фоне более ранних заимствований являются увеличение процентного состава иноязычной лексики в лексико-семантической системе русского языка, ведущее языковое влияние американского английского языка, тематическое разнообразие (появление новых тематических групп: компьютерной лексики, обозначений новых сфер деятельности человека, профессий), ускорение процесса ассимиляции в системе принимающего языка, повторное заимствование слов и др.» [Щитова 2012: 280].

Проникая в русский язык (как правило, вместе с заимствованным предметом, явлением или понятием), многие иноязычные слова подвергаются изменениям фонетического, морфологического и семантического характера [Валгина 2002: 20].

Материал исследования

На игровых форумах в сети Интернет, а также на сайте <https://gamer-info.com> нами было отобрано 100 лексических единиц из сленга гейме-

ров и предпринята попытка определения механизмов образования этих единиц.

Транскрипция

Как показывает наше исследование, современный этап развития русского языка отличается процессом активного заимствования слов в геймерский сленг из английского языка при помощи транскрипции. В сленге геймеров нами были найдены следующие примеры: *читер, лич, нуб, недобир, тиммейт, рест, респект, флуд, фейспалм, чит-код, вайнить, абюзить, агрить, бустить, гридить, дамажить, дефать/дэфать, крафтить, ливнуть, сапортить, фармить, юзать, крэк, скилл, гайд, фейсит, тима, винрейт, акк, апп, пэт, ассист, бафф, армор, баг, го/гоу, ИЗИ, имба*. Всего 38 единиц.

Примеры демонстрируют, что деривация происходит с помощью как иноязычных, так и русских компонентов. Так, например, *тима* образовалось по типу существительных женского рода при помощи окончания *-а*, а вследствие того, что исходный язык (английский) является аналитическим, а заимствующий (русский) – синтетическим, имеет место добавление глагольных суффиксов, характерных для русскоязычной языковой системы: *агрить, бустить, вайнить, ливнуть* и т. д. Анализ примеров показывает, что транскрипция зачастую используется совместно с усечением (*акк, имба, ассист*). Так, например, сленговый термин *имба́* (прилагательное *имбóвьий*) происходит от английского сокращения *IMBA*, которое в полном варианте звучит как *IMBALANCED* и буквально переводится как «несбалансированный». Лексема используется в компьютерных играх для определения несбалансированного игрового процесса, игрового класса, персонажа, экипировки или способностей. В игре так называют какой-то невероятный, выдающийся объект, например экипировку, оружие либо какого-то персонажа или питомца. Следует отметить, что сленгизм *имбóвьий* уже вышел за пределы игрового сленга и активно используется в молодежном сленге в значении «отличный».

Как показывают примеры, фонетический способ заимствования наиболее частотен в глаголах (12 примеров из 38), называющих различные действия в играх. Пять единиц – это существительные, которые обозначают различных игроков (*читер, лич, нуб, тиммейт, недобир*). Как нам кажется, в некоторых случаях разграничение между механизмами транскрипции и транслитерации (как, например, в случае с глаголом *дамажить*) является довольно условным, поскольку наблюдаются некоторые незначительные изменения в звуковой форме.

Транслитерация

В сленге геймеров нами были выбраны следующие примеры транслитерации: *Афк, Афаир, ББ, ГГ, бан, ИМХО, ЛС, ИРЛ, КД, ХП, ПВП, аим, бинд, итем, фраг, аванер*. Кроме того, обнаружены сленгизмы *КК* и *гайд/гид*, в которых по причине омонимии и вариативности не удалось однозначно определить механизм образования. Мы отнесли пример *КК* к транслитерации (см. ниже), а *гайд/гид* – к транскрипции, поскольку в первом варианте (*гайд*) лексема является более частотной среди геймеров, то есть всего обнаружено 17 примеров транслитерации.

Следует отметить, что в некоторых примерах помимо транслитерации имеет место и метонимия. Рассмотрим лексему *КК*. Во-первых, сокращение «*КК*» является производным от аббревиатуры английского выражения *OK, OK*, что значит «ладно, ладно». На языке геймеров *КК* означает утвердительный ответ на реплики собеседника, который исключает дальнейшее обсуждение вопроса; в данном случае реализован механизм аббревиации на основе заимствования, при этом невозможно определить тип заимствования. Во-вторых, аббревиатура *КК* является производной от английской аббревиатуры, которая означает «тысяча тысяч, миллион». В данном случае это заимствование, транслитерация. При подсчетах мы отнесли этот пример к транслитерации, поскольку аббревиатура в значении «тысяча тысяч, миллион» является наиболее частотной в Интернете, например при подсчете подписчиков.

При образовании лексем *фраг* и *аванер* также имел место метонимический перенос. *Фраг* образовалось от английского сокращения *frag*, полное выражение – *fragmentation grenade* – осколочная граната, известная со времен вьетнамской войны. На языке геймеров *фраг* обозначает очко, начисляемое за уничтожение противника, и в основном используется в многопользовательских шутерах. *Аванер* (от *AWP* – название снайперской винтовки) – это игрок, использующий снайперское оружие *AWP*.

Таким образом, 38 % проанализированных примеров из сленга геймеров появились с помощью механизма фонетического заимствования из английского языка, то есть путем транскрипции, а 17 % – с помощью механизма транслитерации. Анализ примеров показывает, что среди примеров, образованных при помощи транслитерации, наиболее частотны аббревиатуры (11 примеров из 17). Стоит отметить, что некоторые единицы перешли из сленга геймеров в сленг пользователей Интернета и в молодежный сленг: *баг, респект, флуд, фейспалм, гайд, бан, ИМХО*, и т. д.

Калькирование

Калькирование рассматривается лингвистами как еще один способ заимствования иностранных слов, при котором заимствуется ассоциативное значение и модель слова или словосочетания, а сама лексическая единица называется «калька». Нами были найдены только три лексические единицы, где был задействован механизм калькирования, что составляет 3 %: видеообзор, виртуальная реальность, пасхалка. Напомним, что под калькой понимается заимствование из английского языка путем точного перевода. *Видеообзор* – это обзор игры, выполненный в виде небольшого видеоролика. В качественно сделанных видеообзорах показываемый игровой процесс большую часть времени демонстрирует то, о чем говорит диктор. Данная лексическая единица образована от английского сочетания *video review* путем пословного перевода. Под *виртуальной реальностью* понимается вымышленный мир, созданный техническим и программным комплексами. Восприятие этого мира человеком происходит через различные ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Это лексическая единица получена путем точного перевода с английского языка на русский язык словосочетания *virtual reality*. *Пасхалка* – это спрятанный разработчиками в игре сюрприз, секрет с определенными намеками и посланиями. Сленгизм образовался от английского выражения *easter egg*. Этот пример является отражением «работы» одновременно нескольких языковых механизмов. Используется первоначальная английская основа и словообразовательные модели русского языка. В данном случае действует аффиксация – добавление суффикса *-к-* и окончания *-а* для образования существительного женского рода.

П. А. Горшков относит подобные примеры к полукальке: он отмечает, что при переходе термина из английского языка в русский последний «подгоняет» принимаемое слово под нормы спеллинга с грамматикой. «При грамматической ассимиляции английский термин поступает в распоряжение русской грамматики, подчиняясь ее правилам. Существительные, к примеру, приобретают падежные окончания» [Горшков 2006: 9]. Справедливо в отношении данного примера и следующее наблюдение исследователя: «В соответствии с тем, что одной из причин необходимости возникновения сленга является сокращение длинных профессионализмов, существует такой прием, как прием универбизации (сведение словосочетания к одному слову)» [там же].

Таким образом, из словосочетания заимствуется одно слово (*easter* – пасхальный), но при этом оно получает значение всего словосочетания.

Как мы видим, преимущественно сленгизмы являются заимствованиями из английского языка. Кроме того, большую группу составили единицы (отнесенные нами к заимствованиям), которые не были освоены ни графической, ни фонетической системой русского языка. Эта группа представлена английскими аббревиациями, активно используемые русскоязычным игроками. Мы определили их как заимствования с нулевой степенью освоенности. Всего 19 единиц (19 % от общего числа единиц): *ASAP, AF AIR, BBS, BTW, SU, GJ, GL, GTG, HF, LMAO, LOL, NI, NS/GS, NT, OMFG/OMG, ROFL, RUP, STFU, NPC*.

Всего на заимствования приходится 77 %. Анализ показал, что наиболее частотным является процесс перехода сленгизмов в русский язык на основе транскрипции – 38 %. Можно утверждать, что 77 % изученных единиц относятся к глобальному типу игрового сленга.

Метафора и метонимия

К основным лексико-семантическим способам образования новых слов относятся метафора и метонимия.

Примерами метафоры как механизма образования новой лексики сленга геймеров служат следующие сленгизмы: *гуру, дед, рак, вагон, глюк, потный, слиться, тащить, база*. Всего 9 единиц. Рассмотрим действие данного механизма в этих примерах.

Гуру на языке геймеров называют опытных игроков. Эта лексическая единица была давно заимствована русским языком. Слово имеет санскритское происхождение и современное его толкование – это учитель, наставник. Однако в языке геймеров данное слово вошло посредством метафоризации; сходство основано на признаке «опытный, знающий».

Дед – это завсегдатай игры. Так на языке геймеров называют очень опытного пользователя. Метафорическое сходство основано на признаке опыта: старый человек много знает, потому что он много прожил и имеет опыт, а опытный игрок хорошо играет.

Сленгизм *рак* используется в онлайн-играх в отношении плохих игроков, которые имеют низкий уровень мастерства и подводят команду своими ошибками, у раков имеются огромные клешни, которые не приспособлены для тонкой и ответственной работы. Именно такими «клешнями» обладают все плохие игроки, которые не в состоянии запомнить горячие клавиши и зачастую не могут нажать нужную кнопку. Метафорическое сходство основывается на медлительности, неловкости плохого игрока и рака. Традиция называть слабых игроков таким прозвищем

пошла из игры World of Tanks. В этой игре специальная программа, которая отображает статистику игроков при наведении на него, высвечивает красным цветом игроков с процентом побед ниже 50 %.

Вагоном в компьютерных играх называют игрока, который вступает в партнерство по обоюдному согласию и ободной выгоде, но не является лидером. Метафорическое сходство основано на признаке «не ведущий», то есть в составе поезда всегда есть локомотив, который тянет состав вагонов, другими словами, вагон является объектом движения; по аналогии игрок, которого называют «вагоном», являет собой определенную выгоду для игры, но не выступает ведущим игроком команды.

Глюк представляет собой ошибку в работе игры, которая может возникнуть как по причине ошибки в написании кода, так и при несовместимости материально-технической части компьютера либо установленного программного обеспечения с используемой программой или игрой. *Глюк* также является производным от слова *галлюцинация*. Механизм метафоризации сработал следующим образом: галлюцинация – это видение нездорового человека или человека, находящегося под воздействием наркотических веществ, можно сказать, галлюцинация – это ошибочное восприятие. Таким образом, метафорическое сходство основано на понятии «ошибка».

Потный значит «сложный, трудный», так могут говорить об игре. В данном примере также задействован механизм метафоризации. Когда человеку трудно и он много работает, он может потеть, поэтому «потная игра» – это сложная игра.

В следующих двух примерах метафора основана на сходстве в способе представления действия. *Тащить* значит «хорошо играть, вести за собой команду». В прямом значении «тащить» значит «перемещать что-либо на весу или волоча по земле». *Слиться* (*слить* игру) на языке геймеров значит «проиграть». Прямое значение глагола «слить» – «перелить или вылить, чтобы опустошить сосуд».

База – это территория персонажа, которую он защищает. Есть игры и режимы, в которых игроки онлайн атакуют базы друг друга (например, режим в игре Minecraft под названием Bedwars). В данном случае метафорический перенос основан на сходстве функций.

Примером метонимии как механизма образования новой компьютерной лексики в сленге геймеров является лексема *дно* (*днище*), обозначающая крайне слабых или неадекватных игроков. Плохой игрок находится внизу рейтинга игроков. Нижняя ступень рейтинга называется дном. На первом этапе сработала метафоризация,

а на втором, когда название нижней позиции рейтинга было перенесено на игрока, – метонимия.

Еще одним примером использования метонимии можно назвать лексему *статист*. *Статист* – это игрок, преследующий цель подняться в статистике.

Примерами использования метонимии в качестве механизма для создания единицы из сленга геймеров можно назвать виды компьютерных игр, а также предметов в игре. Рассмотрим лексемы *бродилки* и *легендарка*. *Бродилки* – это игры, в которых персонаж путешествует по игровым локациям. Лексема образована от глагола *бродить*. *Легендарка* – это обычно самый редкий предмет в игре. Стоит отметить, что метонимизация в данном случае сопровождается аффиксацией.

Языковая игра

При образовании новых слов и выражений в современном молодежном сленге может использоваться языковая игра, позволяющая создать экспрессивный стиль непринужденного общения. Механизм языковой игры при создании новых лексических единиц может основываться на фонетическом сходстве русского и английского слова. Примером языковой игры является лексема *батон*. *Батóном* на сленге геймеров называют «кнопку на клавиатуре». Вероятно, первоначально заимствовалось английское слово *button*, но в дальнейшем по принципу созвучия для создания комического эффекта заимствование трансформировалось в лексему *батóн*.

Еще одним интересным примером языковой игры является лексема *киберкотлета*. Киберкотлетами в популярной игре World of Tanks называют киберспортсменов. Синоним к слову *киберспортсмен* – *кибератлет*. Возможно, по принципу созвучия слов *кибератлет* и *киберкотлета* в языке геймеров и образовался подобный сленгизм.

Механизм языковой игры является довольно редким при создании лексики сленга геймеров. Были определены только 2 единицы, что составило 2 % от общего числа проанализированной лексики. Можно утверждать, что сленгизмы, образованные с помощью метафоры, метонимии и языковой игры, относятся в локальному типу игрового сленга.

Аббревиация, усечение и звукоподражание

При анализе примеров нами также были обнаружены такие механизмы образования новой лексики, как аббревиация, усечение и звукоподражание.

Геймеры активно используют сокращения, отражающие не только тенденцию экономии языковых средств, но и желание не быть понятыми. Механизм аббревиации наблюдается в следующих примерах: *АПВС* (А почему вы спрашиваете?), *БМП* (Без малейшего понятия), *ХЗ* (хрен знает).

Механизм звукоподражания (ономатопии) наблюдается в следующем примере: *Бугага* (синонимы *гыгыгы*, *гггггг*). Данная лексическая единица служит для имитации смеха, означает что-то очень смешное.

В языке геймеров также используется один из структурных типов сокращений – усечения. Усечение – это сокращение основы производящего слова без учета морфемных границ, где производящей базой выступает одно слово. Наиболее распространенным типом усечений являются слова с усеченным концом. Нам встретились три таких примера среди геймерского сленга. *Перс* – это персонаж в игре. Лексема образована при помощи усечения от слова *персонаж*. *Чел* – человек. Данная лексема сегодня активно используется не только в среде геймеров, но и в молодежном сленге. *Реал* – реальные деньги. Лексема образована при помощи усечения от слова *реальные*.

Следует отметить, что в примере с лексемой *реал* сработал еще один механизм образования сокращения – семантическое включение. Это способ образования слова на базе словосочетания, при котором в составе производного формально представлен только один из компонентов производящей базы, а второй компонент имплицитно включается в содержание деривата. В данном случае основа опорного слова (*деньги*) в производном не представлена, но семантически подразумевается.

Следующий пример представляет собой еще один тип усечения – слово с усеченной серединой. *Прóга* – сокращение от слова *программа* (имеется в виду компьютерная программа).

Можно утверждать, что сленгизмы, образованные с помощью аббревиации, усечения и звукоподражания, относятся к локальному типу игрового сленга.

Выводы

Итак, мы проанализировали 100 лексических единиц, представляющих собой неологизмы из языка геймеров. Приведем количественное распределение языковых механизмов создания геймерских сленгизмов в таблице.

Количественный анализ языковых механизмов создания новой лексики в сленге геймеров

Quantitative analysis of linguistic mechanisms for creating new vocabulary in gamers' slang

Механизм создания новой лексической единицы		Количество использований в сленге геймеров
Заимствование	транскрипция	38 (38 %)
	заимствования с нулевой степенью освоенности	19 (19 %)
	транслитерация	17 (17 %)
	калькирование	3 (3 %)
Метафора, метонимия и языковая игра		15 (15 %)
Аббревиация, усечение и звукоподражание		8 (8 %)
<i>Всего</i>		100 (100 %)

Как видно из приведенной таблицы, главным механизмом создания новой лексики в гейм-среде является заимствование, при этом лидирующую позицию в рамках данного механизма создания новой лексики занимает транскрипция, в меньшей степени представлены заимствования с нулевой степенью освоенности, немного уступает заимствование при помощи транслитерации. На втором месте находятся лексико-семантические способы создания новой лексики – метафора, метонимия и языковая игра. На морфологические способы (аббревиацию, усечение и звукоподражание) приходится 8 %.

Как показал анализ, в сленге русскоязычных геймеров преобладают единицы, образованные путем заимствования из английского языка и относящиеся к глобальному типу игрового сленга. Это обусловлено тем, что сегодня сетевые игры являются международными. В то же время среди сленгизмов русскоязычных геймеров встречаются единицы, относящиеся к локальному типу игрового сленга и образованные с помощью метафоры, метонимии, языковой игры, усечения, аббревиации и звукоподражания. Следует отметить, что часто наблюдается так называемая гибридизация механизмов или их поэтапное действие.

В качестве перспективы исследования видится рассмотрение деривационных механизмов, участвующих в образовании сленга геймеров, и сопоставительный анализ на материале двух языков.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М: Academia, 2002. 391 с.

Бабалова Г. Г. Оптимизация функциональной природы подязыка информатики (монография). Омск: Омск. юрид. ин-т, 2007. 215 с.

Булочова О. В. Язык геймеров как вид современного молодежного сленга // Проблемы формирования единого научного пространства: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (5 мая 2017 г., г. Волгоград): в 4 ч. Ч. 3. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 20–22.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М: Логос, 2003. 304 с.

Валгина Н. С. Современный русский язык: учебник / под ред. Н. С. Валгиной. М.: Логос, 2002. 528 с.

Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6. С. 203–216.

Воронцова Ю. А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2-1. С. 111–114.

Гориков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.

Зияитдинов А. М. Сленг геймеров // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 77–82.

Касьянова Л. Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 5–10.

Комаров В. А., Шушарина И. А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1. С. 88–90.

Кронгауз М. А. Словарь языка интернета. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

Миронов В. В. Глобальное коммуникационное пространство и кризис культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–38.

Москалева М. В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогиче-

ского университета им. А. И. Герцена. 2008. № 37 (80). С. 246–249.

Рюгемер В. Новая техника – старое общество: Кремниевая долина. М.: Политиздат, 1989. 253 с.

Северин Д. Е. Способы передачи английской безэквивалентной лексики в процессе перевода компьютерно-игрового дискурса // Молодой ученый. 2017. № 28. С. 110–119.

Усманова П. С. Языковые особенности образования лексики игроков компьютерных игр в киберпространстве // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 634–636.

Щербина В. Е. Язык геймеров как компонента молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 395–398.

Щитова О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 278–286.

References

Alefirenko N. F. *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury* [Poetic Energy of a Word. The Synergetics of Language, Consciousness and Culture]. Moscow, Academia Publ., 2002. 391 p. (In Russ.)

Babalova G. G. *Optimizatsiya funktsional'noy prirody pod'yazyka informatiki* [Optimizing the Functional Nature of a Computer Science Sublanguage]. Omsk, Omsk Law Institute Press, 2007. 215 p. (In Russ.)

Bulochova O. V. *Yazyk geymerov kak vid sovremennogo molodezhnogo slenga* [The gamers' language as a type of modern youth slang]. *Problemy formirovaniya edinogo nauchnogo prostranstva* [Issues of the Formation of a Unified Scientific Space]: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (5 May 2017, Volgograd): in 4 pts. Ufa, AETERNA Publ., 2017, pt. 3, pp. 20-22. (In Russ.)

Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremenom russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]: a textbook for university students. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)

Valgina N. S. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The Modern Russian Language]: a textbook. Ed. by N. S. Valgina. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p. (In Russ.)

Vinogradova N. V. *Komp'yuternyy sleng i literaturnyy yazyk: problemy konkurentsii* [Computer slang and literary language: Issues of the competition]. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam* [Studies in Slavic Languages], 2001, issue 6, pp. 203-216. (In Russ.)

Vorontsova Yu. A. *Neologiya i neologizmy* [Neology and neologisms]. *Aktual'nye problemy guma-*

nitarnykh i estestvennykh nauk [Topical issues of the Humanities and Natural Sciences], 2016, issue 2-1, pp. 111-114. (In Russ.)

Gorshkov P. A. *Sleng khakerov i geymerov v Internetete*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk [Internet slang of hackers and gamers. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 19 p. (In Russ.)

Ziyaitdinov A. M. *Sleng geymerov* [The gamers' slang]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical Issues of Philological Science of the 21st Century]: a collection of articles based on the materials of the III All-Russian Scientific Conference of Young Scientists with International Participation (February 8, 2013)]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2013, vol. 1. pp. 77-82. (In Russ.)

Kas'yanova L. Yu. *Semanticheskaya neologizatsiya v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [Semantic neologization in the Russian Language (from the end of the 20-th to the beginning of the 21-st centuries)]. *Vestnik TGPU. Seriya Gumanitarnye nauki (filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (Philology)], 2006, issue 5 (56), pp. 5-10. (In Russ.)

Komarov V. A., Shusharina I. A. *Igrovoy sleng v sovremennom russkom yazyke* [Gaming slang in the modern Russian language]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2019, issue 1, pp. 88-90. (In Russ.)

Krongauz M. A. *Slovar' yazyka interneta* [Internet Language Dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p. (In Russ.)

Mironov V. V. *Global'noe kommunikatsionnoe prostranstvo i krizis kul'tury* [Global communication space and the crisis of culture]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2006, issue 2, pp. 27-38. (In Russ.)

Moskaleva M. V. *Neologizmy i problema ikh izucheniya v sovremennom russkom yazyke* [Neologisms and the problem of their study in the modern Russian language]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, issue 37 (80), pp. 246-249. (In Russ.)

Rügener W. *Novaya tekhnika – staroe obshchestvo: Kremnievaya dolina* [New Technology – Old Society: Silicon Valley]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 253 p. (In Russ.)

Severin D. E. *Sposoby peredachi angliyskoy bezekvivalentnoy leksiki v protsesse perevoda komp'yuterno-igrovogo diskursa* [Methods of translation of English non-equivalent lexis during computer-game discourse translation]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2017, issue 28, pp. 110-119. (In Russ.)

Usmanova P. S. *Yazykovye osobennosti obrazovaniya leksiki igrokov komp'yuternykh igr v kiber-prostranstve* [Linguistic features of the formation of computer game players' vocabulary in cyberspace]. *Molodoy uchenyy* [A Young Scientist], 2020, issue 22 (312), pp. 634-636. (In Russ.)

Shcherbina V. E. *Yazyk geymerov kak komponenta molodezhnogo slenga* [The language of gamers as a part of youth slang]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, issue 3 (81), pt. 2, pp. 395-398. (In Russ.)

Shchitova O. G. *Noveyshaya ksenoleksika v russkoy rechi XXI veka: k opredeleniyu ob'ema ponyatiya* [The newest xenolexis in Russian speech of the 21st century: The scope of the concept]. *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Journal of Science], 2012, issue 1 (2), pp. 278-286. (In Russ.)

The Linguistic Mechanisms of Creating New Words in Russian (a Case Study of Gamers' Slang)

Alla B. Antonova

Associate Professor in the Department of Humanities

Irkutsk National Research Technical University

83 A, Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia. allabb@yandex.ru

SPIN-code: 1616-9870

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7379-7485>

ResearcherID: F-8204-2019

Submitted 30 Oct 2023

Revised 17 Jul 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Antonova A. B. Yazykovye mekhanizmy sozdaniya novoy leksiki v russkom yazyke (na primere slenga geimerov) [The Linguistic Mechanisms of Creating New Words in Russian (a Case Study of Gamers' Slang)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 17–27. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-17-27. EDN ZJYLSO (In Russ.)

Abstract. The ongoing lexical processes in the modern Russian language include the emergence of new words. Traditionally, language mechanisms involved in the development of new concepts are considered to include borrowing (transcription, transliteration, calque translation), metaphor and metonymy, and play on words. Gaming slang is a subtype of computer slang. It is a means of self-expression, of expressing emotions and evaluation, the use of slang words helps save time. Gaming slang can be divided into two main categories – global and local. Global slang is common to gamers all over the world, while local slang words are understood only by native speakers of the same language. The article analyzes the linguistic mechanisms involved in the creation of new lexical units in the slang of gamers playing popular online computer games. The research is novel in that it deals with previously unstudied linguistic material and its linguistic interpretation. In the course of research, a targeted sample of slang words used by gamers was created on the basis of game chats and Internet forums as well as the website <https://gamer-info.com>; then the recorded lexemes were classified taking into account derivational mechanisms. The total number of analyzed units is 100. The author studies the lexical processes occurring in the modern Russian language, presents the notions of computer slang and gaming slang, describes their differences. The paper provides a detailed analysis of the selected units of slang with respect to the implementation of such linguistic mechanisms as transcription, transliteration, calque translation, metaphor, metonymy and play on words; the most frequently used mechanism is identified. Methodologically the study is based on: works of N. S. Valgina devoted to modern Russian as well as active processes occurring in the vocabulary of the Russian language; scientific and popular science works on semantics and lexicology by M. A. Krongauz; scientific articles by other modern scholars on lexicology and stylistics. The relevance of the topic for the Russian and foreign scientific community is determined by the expanding Russian-language slang vocabulary used by gamers, the involvement of a large number of native Russian speakers in computer gaming communication, and the need for scientific reflection on the linguistic processes that characterize this discourse practice.

Key words: gamer; slang; lexical processes; neologism; metaphor; metonymy; pun; transcription; transliteration; calque; borrowing; abbreviation; clipping; onomatopoeia; game environment.

УДК 811.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-28-40
<https://elibrary.ru/hzdzcq>

EDN HZDZCQ

Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы)

Данилевская Наталия Васильевна

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

SPIN-код: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Ужегова Елена Николаевна

соискатель кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mastergrad59@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2024

Одобрена после рецензирования 06.10.2024

Принята к публикации 11.10.2024

Информация для цитирования

Данилевская Н. В., Ужегова Е. Н. Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 28–40. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-28-40. EDN HZDZCQ

Аннотация. Настоящая статья носит теоретический характер, поскольку направлена на осмысление современного состояния концептологии как одной из самых молодых и пока что не устоявшихся теорий. В представленной работе раскрываются результаты исследования существующих в современной лингвистике подходов к осмыслению феномена «концепт». Цель работы – выявление теоретических лакун в научно обоснованной теории концепта, а также определение путей возможной дальнейшей разработки указанного понятия, но в категориальном аспекте, то есть именно как категории. В связи с этим задачами представленного исследования являются: анализ существующих подходов к пониманию содержания и природы концепта и систематизация этих подходов, выявление противоречий, препятствующих формулировке единого (общепризнанного) толкования концепта, а также осмысление причин этих противоречий для их последующего преодоления.

В ходе исследования выявлено значительное количество различающихся в трактовке явления «концепт» научных направлений, проведен их сущностный анализ, выделено несколько ключевых направлений изучения концепта, а также предпринята попытка систематизации этих направлений. В результате обобщения существующих дефиниций констатируется отсутствие однозначного толкования концепта, однако выявлены его инвариантные признаки: субъектность, ментальная природа (понятийный характер), социальность, соотнесенность с культурой определенного этноса, многомерность. Проведен анализ научных противоречий в понимании сущности концепта, дана оценка вероятных причин их существования. Результатом исследования явилось определение возможных путей преодоления выявленных теоретических противоречий, что открывает дополнительные возможности для всестороннего исследования концепта. Речь идет об изучении концепта именно как категории,

что позволило бы обеспечить дальнейшее развитие теории концептологии, повысить уровень разработанности и научной обоснованности трансдисциплинарной методологии, разработать универсальный подход к осмыслению феномена концепта на основе и с учетом его многослойности и трансдисциплинарности.

Ключевые слова: концепт; концептология; научная категория; научные противоречия; трансдисциплинарный подход.

Постановка проблемы

В течение последних десятилетий развитие гуманитарного знания в целом и лингвистических дисциплин в частности ориентировано на экстенсивный подход: язык интересует ученых не как замкнутая, структурно организованная система, а как сложное явление с множеством связей и функций, познание которых способно обеспечить более полную характеристику всей системы в целом. Л. Р. Дускаева обоснованно подчеркивает, что «особенностью исследований речевой деятельности этих лет является устремленность исследователей к учету всего многообразия экстралингвистических факторов» [Дускаева 2018: 55], результатом чего оказывается жесткая необходимость выхода лингвистических разысканий в области других, нелингвистических, наук – психологию, культурологию, когнитологию, философию, педагогику и др. Действительно, «сложность языка как объекта исследования неизбежно, закономерным образом детерминирует трансдисциплинарность современной лингвистики» [Котурова 2019: 27].

Антропоцентрический подход к языку, получивший импульс к развитию в результате смены парадигмы языкознания со структурной на функциональную, явился и причиной, и основой формирования и развития таких ранее не существовавших направлений лингвистики, как культурологического, когнитивного, концептологического. Кроме того, – что для нашего исследования особенно важно – на исходе XX в. в поле зрения лингвистов оказывается такой трансдисциплинарный феномен, как *концепт*. Не случайно Ю. А. Сорокин характеризует происходящие в это время в филологии процессы как «когнитивный бум» [Сорокин 2008: 13]; А. А. Сусов и И. П. Сусов, несколько иронизируя по этому поводу, отмечают, что «во множестве новейших лингвистических работ на русском языке стало весьма употребительным слово *концепт*», в связи с чем уместно говорить «о распространении болезни под названием *концептовит*» [Сусов А. А., Сусов И. П. 2006: 15]; а С. Г. Воркачев замечает, что термин «концепт» стал законодателем моды в современном российском языкознании [Воркачев 2014: 13].

Однако история изучения феномена универсалий/концептов начинается еще с эпохи средне-

векового концептуализма: исследованиями в этой области занимались, в частности, Т. Гоббс, П. Абеляр, У. Окам и др.

Вместе с тем концептология как лингвистическая теория до сих пор, как известно, находится в состоянии формирования, а отдельные ее положения часто носят дискуссионный характер. Учитывая этот факт, мы считаем необходимым внести некоторые важные уточнения в вопрос о трансдисциплинарном характере понятия *концепт*; это особенно актуально в связи с тем, что проблема состава и содержания концептосферы русской культуры сегодня получила «второе дыхание» на фоне развивающихся в глобальном мире социополитических событий, а также на фоне обострившейся в России задачи сохранения национальной идентичности.

История вопроса

Термин «концепт» утвердился в конкурентной борьбе с аналогичными лексемами «ноэма» [Гуссерль 1998], «лингвокультурема» [Воробьев 1997], «мифологема» [Ляхнезняки 1999; Базылев 2000], «логоэпистема» [Верещагин, Костомаров 2005; Бурвикова 2004], возникнув в русском языке как транскрибированный перевод латинской лексемы *conceptus* («понятие»). Разработкой понятия *концепт* занимались многие отечественные ученые (см., например: [Аскольдов 1928; Кубрякова 1994; Лихачев 1997; Степанов 2004; Ляпин 1997; Нерознак 1998; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1999; Залевская 2001; Карасик 2002; Попова, Стернин 2006; Болдырев 2011 и др.]), а с 90-х гг. XX в. это понятие приобретает в русистике совершенно особое значение и содержание (подробнее об этом ниже).

Концепт как понятие является центральным (или одним из центральных) в различных гуманитарных дисциплинах, таких как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, лингвоконцептология, а также когнитивная семантика, семасиология, психология, философия. Таким образом, концепт, являясь трансдисциплинарным феноменом и будучи используемым в целом комплексе наук, закономерно приобретает различное наполнение в соответствующих научных дисциплинах, так как зачастую «подвергается ввелингвистической интерпретации» [Пименова 2006: 42]. Следовательно,

несмотря на то что основной научной сферой изучения концепта является лингвистика, для комплексного его изучения требуется применение трансдисциплинарного подхода. Кроме того, и трансдисциплинарность феномена концепта, и наличие значительного количества интерпретаций данного понятия обусловлены его сложностью и содержательной многослойностью как объекта познания, специфические свойства которого по-разному проявляются в различных социокультурных и этических условиях функционирования языка.

Также важно и то, что появление различных вариантов толкования термина *концепт* мотивирует и сама природа этого понятия, которое по своей сути является категорией ментальной, то есть ненаблюдаемой. Проведенный нами анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых направлений изучения концепта. Представим их краткий обзор.

Психологический подход к изучению концепта возникает в русской лингвистике в 20-е гг. прошлого века в работах С. А. Аскольдова-Алексеева. Именно ему принадлежит одно из первых определений туманного тогда для многих понятия, см.: «концепт – это мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 276]. Иначе говоря, в теории С. А. Аскольдова-Алексеева концепт понимается как некое мыслительное образование, выполняющее заместительную функцию.

Это понимание концепта получает развитие у Д. С. Лихачева, который полагает, что заместительная функция концепта облегчает коммуникацию, позволяя преодолевать незначительные, но всегда существующие между коммуникантами различия в понимании слов. Концепт, по Д. С. Лихачеву, возникает путем столкновения непосредственного значения слова с личным и народным опытом человека, поэтому чем богаче культурный опыт индивида, тем разнообразнее потенции концепта [Лихачев 1997: 282–283].

В рамках *логико-философского подхода* концепт трактуется как явление практической (обыденной) философии, возникающее в результате взаимодействия жизненного опыта и образов искусств, национальных традиций, фольклора, религии, идеологии, ощущений в определенной системе ценностей. Иными словами, концепт интерпретируется как практическая единица философского знания [Арутюнова 2003: 5]. В рамках этого подхода концепт изучается путем применения логических методов анализа, синтеза, абстракции, идеализации, обобщения, дедукции и индукции, аналогии, экстраполяции и моделирования [Павиленис 1986]. Выводы, получаемые

в результате логико-философских исследований, позволяют выявить структуру, типы и уровни концептуальных репрезентаций явлений действительности, их соотношение, особенности взаимодействия элементов концепта, обозначить его общие и специфические свойства, определить качественные и количественные характеристики [Бабиян 2021: 235].

Когнитивно-дискурсивный подход исследования концепта представлен работами В. И. Карасика, А. П. Чудинова и предполагает анализ языковых явлений в их корреляции с ситуацией общения [Карасик 2000: 6]. Фокус внимания исследователя при таком подходе смещается на экстралингвистические факторы языковой деятельности, к которым относят социальный контекст взаимодействия, особенности коммуникантов, их предполагаемые интенции и пр. [Чудинов 2006: 24]. Указанный подход позволяет провести анализ ассоциативных рядов, соотносящихся с тем или иным исследуемым концептом, выявить условия его включения в текст, в том числе в фоновые знания участников коммуникации, рассмотреть прагматические результаты использования концепта в конкретной коммуникативной ситуации.

Лингвокогнитивный (семантико-когнитивный) подход практикуется в трудах Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. Д. Апресяна и предполагает узконаправленный анализ языковых единиц через изучение их лексико-грамматических свойств, что, в свою очередь, позволяет исследовать содержательный аспект соответствующего концепта, смоделировать концепт как явление, обусловленное семантическими характеристиками языка. Акцент в рамках указанного подхода переносится на смысловую составляющую концепта, при этом предполагается, что «смысл не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека» [Вейсялли, Бабаев 2016: 43].

Лингвокультурологический подход обнаруживается в исследованиях В. И. Карасика, С. Г. Воркачева, Г. Г. Слышкина, Г. В. Токарева и др. В рамках указанного подхода концепт признается основной ментальной ячейкой культуры, «ее ступенькой в сознании человека» [Степанов 2007: 63]. При этом отмечается образная природа концепта, которая создается на основе наглядно-образного знания и накопленного духовного опыта. Этот образ имеет свое языковое выражение и отмечается культурной спецификой [Жун 2019: 7]. Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода концепт предстает в виде двойственной единицы, которая, с одной сторо-

ны, представляет собой основополагающий компонент культуры в сознании человека и народа [Степанов 2007: 53] и, с другой стороны, является ключевым компонентом репрезентации этой культуры в языке через лексические единицы, фразеологические конструкции, а также целые тексты [Пименов 2004: 91–93].

Осуществленный нами анализ литературы позволяет утверждать, что при исследовании концептов наиболее предпочтительными среди ученых оказываются лингвокогнитивный и культурологический подходы. При этом подчеркнем, что они не являются взаимоисключающими. По справедливому замечанию В. И. Карасика, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 7].

С середины XX в. ряд научных школ, в том числе исследователи стилистической школы М. Н. Кожинной, при изучении языка как вида деятельности человека начинают учитывать когнитивные процессы по выбору языковых единиц и созданию речевого высказывания в их зависимости от сущностных и ситуативных экстралингвистических факторов. Актуализация лингвокогнитивного и лингвоконцептологического научного вектора проявилась к концу XX в., когда в русле антропоцентричного и, в частности, коммуникативного подходов значительно возрос интерес к осмыслению когнитивных процессов, основным средством отражения которых является «естественный язык, выражающий концептуальные смыслы в вербальной форме, доступной непосредственному наблюдению» [Резникова 2023: 913].

Теоретический анализ концепта разносторонне и детально представлен в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов (см., например: [Лакофф 1988; Кубрякова 1994; Степанов 2004, 2007; Арутюнова 1999; Вежицкая 1999; Рахилина 2000; Карасик 2002; Попова, Стернин 2006; Самигуллина 2006; Воркачев 2014; Бабушкин, Стернин 2018 и др.]). Однако несмотря на наличие большого количества концептологических исследований, проблема описания сущности концепта, как мы указывали выше, сохраняется до сих пор. Даже содержание термина до настоящего времени не имеет не только единого определения, но и единого понимания в научной среде.

Цель настоящего исследования – выявление теоретических лакун в научно обоснованной теории концепта, а также определение путей возможной дальнейшей разработки указанного

понятия, но в категориальном аспекте, то есть именно как категории.

Анализ существующих подходов к пониманию концепта и их систематизация позволит выявить противоречия, препятствующие формулировке единого (общепризнанного) толкования концепта, а также осмыслить причины этих противоречий для их последующего преодоления.

Описание методики и материала исследования

Настоящее исследование проводилось на основе общенаучных методов – описания, систематизации, а также сравнительно-сопоставительного анализа. С помощью указанных методов выявлялись и сопоставлялись сущностные характеристики концепта в рамках конкретных научных направлений.

Материалом анализа послужили многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, изучающих понятие *концепт* как языковой и культурный феномен.

Анализ материала и результаты исследования

Итак, концепт – феномен многомерный и потому неоднозначный, а это приводит, как мы подчеркивали выше, к многообразию концептологических позиций (и школ) в современной отечественной лингвистике. Приведем лишь некоторые варианты существующих дефиниций понятия *концепт*.

С точки зрения П. В. Чеснокова, концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т. е. элементарная сторона внутреннего слоя» [Чесноков 1967: 173].

По мнению М. А. Холодной, концепт – это «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [Холодная 1983: 23].

Р. И. Павиленис называет концептами «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис 1986: 241].

А. Вежицкая понимает концепт как идеальный объект, имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление о действительности [Вежицкая 1999: 203].

А.П. Бабушкин обращает внимание на категоризирующую функцию концепта, поскольку «концепт является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [Бабушкин 1996: 16].

А. А. Залевская, опираясь на психолингвистический подход, понимает концепт как «спонтан-

но функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская 2001: 36].

По мнению Н. Ф. Алефиренко, концепт – это «мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: по горизонтальной оси – от обобщенных наглядных образов до логических понятий; по оси вертикальной – от поверхностных до глубинных слоев кодирования смысла с разной степенью его эксплицирования» [Алефиренко 2003: 9].

М. В. Пименова определяет концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженное разными группами признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [Пименова 2004: 85]. Схожим образом характеризует концепт Т. А. Ланге-Соболева, отмечая, что это «мысленное представление о некотором фрагменте человеческого опыта» [Ланге-Соболева 2021: 31].

М. В. Никитин под концептом понимает «дискретную многофакторную ментальную единицу со стохастической (вероятностной) структурой» [Никитин 2004: 53].

В. А. Маслова при формулировании своего представления о концепте указывает на такие свойства, которые определяют его трансдисциплинарность: «Это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 2005: 36].

З. Д. Попова и И. А. Стернин интерпретируют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению» [Попова, Стернин 2006: 212].

При обращении к англоязычным источникам обнаруживаются такие толкования лексемы *кон-*

цепт, как «принцип или идея» [Cambridge... 2009: 185], «абстрактная идея; ментальный образ, который соответствует какой-либо отдельной сущности или классу сущностей или его существенным признакам или определяет применение термина (особенно предиката) и, таким образом, играет определенную роль в использовании разума или языка» [Oxford... 2014: 145], «идея, особенно абстрактная; общее понятие или понятие, которое соответствует некоторому классу сущностей и состоит их характерных и существенных признаков класса; теоретический конструкт в рамках некоторой теории; непосредственный интуитивный объект мысли; (в американском английском) идея или мысль, особенно обобщенная идея вещи или класса вещей» [Collins... 2021: 197]. Сопоставляя приведенные дефиниции, обобщая их, следует согласиться с Ю. С. Холодом, по мнению которого в англоязычной традиции понятие концепта связано с интегрирующей семей «идея», излагаемой в разных философских интерпретациях [Холод 2018: 175].

В результате обобщения изложенных дефиниций можно утверждать, что термин «концепт», с одной стороны, до настоящего времени не имеет однозначного истолкования, однако, с другой стороны, имеет определенные инвариантные признаки, которые отмечаются большинством исследователей, а именно: 1) субъектность концепта (это минимальный квант человеческого опыта, основная единица обработки, хранения и передачи знаний, который проявляется в процессе вербальной актуализации проблемы); 2) идеальная, ментальная природа концепта, вербализуемого (хотя и не в полной мере) с помощью языковых средств; 3) социальность концепта, его бытийность в рамках общества; 4) наличие содержания, напрямую связанного с культурой соответствующего этноса или иной социальной группы; 5) содержательная нелинейность понятия; 6) сложность, многомерность и многослойность концепта как гуманитарного понятия. Таким образом, можно резюмировать, что в современной науке концепт признается *научной категорией, которая представляет собой многомерное ментальное образование, включающее ценностный, понятийный и образный компоненты*.

Существуют, однако, и иные мнения. Так, ряд ученых [Сорокин 2008; Павлова, Безродный 2011; Прожилов 2015 и др.], закономерно обнаруживая лакуны и противоречия в еще формирующемся научном знании относительно категории концепта, делают выводы о том, что это «квазиметодологическая категория» [см. подробнее в: «От лингвистики к мифу» 2013]. Указанные авторы, переходя от критической оценки

теории В. Гумбольдта о соотношении языка, мышления, культуры [с. 25–30] (Ср.: «...большое количество понятий, в особенности нематериального характера <...> может выражаться посредством необычных и поэтому неизвестных метафор» [Гумбольдт 1960: 70]) к критике современного неогумбольдтианства (именно так интерпретируются достижения лингвокультурологии), делают выводы о том, что представления о национальном языке излишне мифологизированы. В работах неогумбольдтианского толка национальный язык рассматривается не в качестве некоей данности, определяющей нацию, а как «конструкт, представляющий собой результат идеологической работы», «одно из общих мест националистической риторики» [От лингвистики... 2013: 102]. Реконструкцию языковой картины мира на основе ключевых слов А. В. Павлова (один из авторов указанного сборника) считает непродуктивной, так как ставит под сомнение само существование «единой русской культуры» [там же: 175], «единого русского языка» [там же: 177], отмечая, что каждый представитель этноса исключительно индивидуален в своих представлениях и уровне языковой культуры. Кроме того, оспаривается тезис о нерасторжимой связи языка и национальной культуры, а достижения исследователей, рассматривающих концепт как категорию, оцениваются в качестве методологически зыбких и научно необоснованных.

На наш взгляд, обозначенные противоречия в понимании природы концепта и его роли в формировании языковой картины мира обусловлены тем, что и слово, и концепт получают свое материальное выражение в одном и том же звукобуквенном комплексе. И если для слова субъектное начало не играет особой роли, то для формирования концепта субъектный фактор оказывается весьма значимым. Субъектность концепта является одним из импульсов его изменения (движения): в отличие от слова, концепт оказывается в гораздо большей степени динамичным, подверженным стремительным трансформациям.

Указанные выше авторы, по нашему мнению, фокусируются на индивидуальности речи и мышления конкретного человека, не допуская возможности обобщения схожих представлений о мире. Такая позиция основана на принципах логического формализма и сформулирована без опоры на общечеловеческое восприятие мира, на систему философских категорий; в этом случае рассуждения возможны только на уровне частных логических проблем. Однако устранить глобальные теоретические противоречия описанный выше подход не позволяет, что, в свою очередь, является свидетельством неверно заданного «ка-

тегориального базиса, т. е. исходных параметров системы» [Бородина 2010: 251].

Более обоснованной нам представляется позиция С. Г. Воркачева, который, соглашаясь с безусловной индивидуальностью каждого человека и его языковой картины мира, указывает на то, что «все эти картины вполне успешно тем или иным образом типизируются и стереотипизируются» [Воркачев 2014: 14]. Научная ценность категории концепта и лингвокультурной концептологии в целом состоит в «методологической комплексности, дающей возможность описывать весьма объемные семантические блоки в единстве с языковыми средствами их выражения» [там же]. Иначе говоря, более или менее адекватное описание многомерного понятия *концепт* может быть создано посредством трансдисциплинарного подхода, учитывающего специфические черты рассматриваемого понятия в их единстве, взаимодействии и – главное – в динамическом/функциональном аспекте.

Заключение

Анализ исследованных в настоящей работе подходов к пониманию сущности феномена концепта и причин выявленных научных противоречий в понимании его природы приводит к следующим заключениям:

– во-первых, несмотря на то что начальная стадия формирования категории концепта (в его современном понимании) пришлось на начало 90-х гг. прошлого века, этап окончательного оформления ее научного статуса пока не наступил: исследователям еще только предстоит познать, детально изучить, всесторонне проанализировать и описать слишком сложный, «объемный» феномен концепта;

– во-вторых, к противоположным мнениям в научной среде относительно концепта (от «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2004: 43] до «басня» про этноспецифику, выражаемую языком [Сорокин 2008: 18]) приводит отсутствие полного научного описания его сущностных характеристик и, как следствие, отсутствие четкого критерия выделения базовых, ключевых лингвоконцептов, которое признается ведущими учеными в этой области. На наш взгляд, эта научная проблема является направлением будущих поисков ученых и в определенное время получит свое обоснованное разрешение;

– в-третьих, немаловажно, что концепт – это неоднозначный, многослойный, имеющий трансдисциплинарный характер феномен. Следовательно, и эффективные методы его познания следует искать на стыке наук, опираясь на трансдисциплинарный подход современной лингви-

стики. На текущий момент такие методы используются как экспериментальные, например, метод ассоциативного эксперимента в рамках семантико-когнитивного исследования, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. Предполагаем, что с повышением уровня разработанности и научной обоснованности трансдисциплинарной методологии появятся дополнительные возможности для всестороннего исследования категории концепта;

– наконец, сущностной причиной научных разногласий относительно феномена концепта, на наш взгляд, можно назвать то, что этот «новый спор» восходит к давнему – философскому – осмыслению основ устройства мироздания. Проблема признания концептом идеальной ментальной данности или отрицания такого его восприятия и низведение концепта до уровня понятия отражает, на наш взгляд, основной философский вопрос о соотношении идеального или материального в окружающей действительности. Невозможность математически измерить концепт, вычислить его параметры, дать всеобъемлющее, полное и точное описание не позволяет ученым-«материалистам» (даже если они себя не причисляют к таковым) принять факт существования некоего нематериального кванта знания, претендующего на научную категорию.

Концепт как «глобальная ментальная единица», как представление о чем-либо «отражается в семантическом пространстве языка» [Nilsen 2020: 109], будучи «фрагментом внеземного материала реализуется определённой комбинацией звуков» [Нигораи 2022: 156], таким образом, концепт получает актуализацию через конкретные языковые единицы. Тем самым квант знания приобретает форму бытия в культуре. Преобразуясь различными способами, концепт оказывается в точке схождения начала и конца (точке бесконечности) и, представляя собой переволпощенный сгусток смысла, готов к дальнейшим бесконечным трансформациям на новых витках развития в текстовом пространстве культуры. На последующих этапах концепт реализует дискурсивную оформленность, проявляющуюся в переходе от слова как факта в культуре к *со-бытию* в культуре, неповторимому авторскому осмыслению того, что уже существует в культуре [Гладких 2005: 10]. Изучение концепта мотивирует развитие новых исследовательских подходов, позволяющих проанализировать проблему взаимодействия таких сложнейших явлений, как язык/мышление и слово/понятие на глубоком уровне [Русанова, Зиньковская 2023: 6], и, следовательно, является перспективным.

Научному сообществу еще предстоит тщательно исследовать и подробно описать концепт.

Однако полагаем, что реализовать эту задачу возможно только посредством определенного научного компромисса между «материалистами» и «идеалистами», на основе которого представляется продуктивным использование трансдисциплинарного подхода. Под последним мы понимаем – на данном этапе исследования – объединение данных таких наук, как лингвистика, психология, логика, когнитология, философия.

На наш взгляд, осмысление философской теории концепта через призму лингвистики позволит преодолеть накопившиеся противоречия и вывести развитие этой категории, в том числе в лингвокогнитивистике и лингвокультурологии, на качественно новый уровень. Рациональным видится предложение Ю. Г. Гладких, которая, размышляя о «философском портрете концепта», приходит к выводу, что понимание концепта как «идеи, получающей свое бытие в бесконечности актуализаций» продуктивно для лингвистики, так как «именно уровни актуализации концепта, следы и траектории движения актуализаций – это традиционный объект лингвистических исследований – язык и речь» [Гладких 2005: 15].

Итак, на пути решения лингвистической проблемы понимания сущности концепта, который является сложной, разносторонней и многослойной категорией, трансдисциплинарный подход исследования имеет большие перспективы уже в силу того, что само понятие концепта является феноменом трансдисциплинарным по своей природе.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 97 с.

Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении, восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 3-12.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.

Аскольдов С. А. Концепт и слово (1928) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под рук. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 276–279.

Бабиян Т. В. Концепт как единица языковой системы // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3(36). С. 234–237.

Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.

- Базылев В. Н.* Мифологема скуки в русской культуре // *Reslingvistika*: сб. ст. к 60-летию проф. В. П. Нерознака. М., 2000. С. 130–147.
- Болдырев Н. Н.* О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // *Когнитивные исследования языка*. 2011. № 9. С. 23–32.
- Бородина Н. В.* Особенности интерпретации понятия «категории» в современной логике и философии // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*. 2010. Т. 23 (62), № 2. С. 247–251.
- Бурвикова Н. Д.* Лингвистические единицы культурного знания: теоретический и практический аспекты: метод. пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного: в 2 ч. Ч. I. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 39–69.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 780 с.
- Вейсялли Ф. Я., Бабаев Дж. М.* Понятие смысла в лингвофилософских концепциях // *Критика и семиотика*. 2016. № 1. С. 36–43.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под. ред. и с послесл. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3(49). С. 12–20.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
- Гладких Ю. Г.* Концепт в философских исследованиях, или Штрихи к философскому «портрету» концепта // *Филолог*. 2005. № 7. С. 10–15.
- Гумбольдт фон В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях* М.: Госучпедиздат М-ва просвещения РСФСР, 1960. Ч. 1. С. 68–86.
- Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб: Наука, 1998. 316 с.
- Дускаева Л. Р.* Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития // *Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика*. 2018. № 6. С. 48–74. doi 10.30547/vestnik.journ.6.2018.4874
- Жун Я.* Концепт Скука в русском языковом сознании (на фоне сравнения с китайским концептом) // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2019. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK119.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
- Залевская А. А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина*. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 36–44.
- Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.* Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Котюрова М. П.* Трансдисциплинарность современной стилистики в эпистемическом пространстве лингвистики // *Мир русского слова*. 2019. № 1. С. 25–32. doi 10.24411/1811-1629-2019-11025
- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 34–47.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 12–52.
- Ланге-Соболева Т. А.* Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // *Наука и образование сегодня*. 2021. № 6(65). С. 27–32.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / под общ. ред. В. П. Нерознака*. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
- Ляпин С. Х.* Концептология: к становлению подхода // *Концепты*. Вып. I. Архангельск, 1997. С. 11–35.
- Ляхнезмяки М.* Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. I: Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. Воронеж, 1999. С. 32–45.
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
- Нерознак В. П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // *Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков*. Омск, 1998. С. 80–85.
- Нигораи С.* Значение и концепт. Различные подходы в изучении концепта // *Вестник педагогического университета*. 2022. № 6-1(101). С. 154–158.
- Никитин М. В.* Развернутые тезисы о концептах // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 53–64.

От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сб. ст. / сост. А. В. Павлова. СПб.: Антология, 2013. 352 с.

Павленис Р. И. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический анализ. Вильнюс, 1986. С. 240–263.

Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11–20.

Пименов Е. А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. P. 89–94.

Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 83–90.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузизд, 2006. 179 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Прожилов А. В. Лингвоконцептология: триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? // Политическая лингвистика. 2015. № 1(51). С. 12–22.

Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. СРЯ. 2000. № 3. С. 3–15.

Резникова Е. В. Образы конкретных реалий как средства репрезентации концепта (на примере концепта КРУГ в русской языковой картине мира) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 3. С. 913–917. doi 10.30853/phil20230094

Русанова М. А., Зиньковская А. В., Понятие концепта в междисциплинарном аспекте // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29FLSK323.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

Самигуллина А. С. Семиотика концептов: к проблеме интерпретации субъективных смыслов. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 119 с.

Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного бума: «концепт – методологическая категория?» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 12. С. 13–21.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Яз. рус. культуры, 2004. 992 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Яз. славян. культур, 2007. 248 с.

Сусов А. А., Сусов И. П. Размышления о концептах // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2006. № 726. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 49. С. 14–20.

Холод Ю. С. Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-1(84). С. 173–176. doi 10.30853/filnauki.2018-6-1.38

Холодная М. А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск: Изд-во Томск. унта, 1983. 190 с.

Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М.: Просвещение, 1967. 192 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006. 254 с.

Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 1137 p.

Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2021. 691 p.

Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2014. 916 p.

Nilsen E. A. Diachronic conceptology as the basic of temporality evolution studies // Англистика в современном обществе / Е. А. Нильсен [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. Е. А. Нильсен. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 105–160.

References

Alefirenko N. F. *Problemy verbalizatsii kontsepta: teoreticheskoe issledovanie* [The Problems of Concept Verbalization: A Theoretical Study]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 97 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. O dvizhenii, zabluzhdenii, voskhozhdenii [On movement, delusion, ascent]. *Logicheskij analiz yazyka. Kosmos i khaos: Kontseptual'nye polya poryadka i besporyadka* [Logical Analysis of Language. Cosmos and Chaos: Conceptual Fields of Order and Disorder]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 3–12. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. MOSCOW, Languages of the Russian Culture Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)

Askol'dov S. A. Kontsept i slovo (1928) [Concept and word (1928)]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of Text. An Anthology]. Under the supervision of prof. V. P. Neroznak. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 276–279. (In Russ.)

Babiyani T. V. Kontsept kak edinitsa yazykovoy sistemy [Concept as a unit of a linguistic system]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2021, vol. 10, issue 3 (36), pp. 234–237. (In Russ.)

- Babushkin A. P., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, Ritm Publ., 2018. 229 p. (In Russ.)
- Babushkin A. P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in Lexical and Phraseological Semantics of Language]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1996. 104 p. (In Russ.)
- Bazylev V. N. Mifologema skuki v russkoy kul'ture [The mythologeme of boredom in Russian culture]. *Reslingvistika. Sbornik statey k 60-letiyu professora V. P. Neroznaka* [Reslingvistika. A Collection of Articles on the Occasion of the 60th Birthday of Professor V. P. Neroznak]. Moscow, 2000, pp. 130-147. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. O metazyazyke kognitivnoy lingvistiki: kontsept kak edinita znaniya [On metalanguage of cognitive linguistics: Concept as a unit of knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2011, issue 9, pp. 23-32. (In Russ.)
- Borodina N. V. Osobennosti interpretatsii ponyatiya 'kategorii' v sovremennoy logike i filosofii [Features of interpretation of the concept of 'categories' in modern logic and philosophy]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya 'Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya'* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series 'Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Sociology'], 2010, vol. 23 (62), issue 2, pp. 247-251. (In Russ.)
- Burvikova N. D. Lingvisticheskie edinity kul'turnogo znaniya: teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty: [Linguistic Units of Cultural Knowledge: Theoretical and Practical Aspects]: a methodological guide to a distance learning course for teachers of Russian as a foreign language; in 2 pts. Moscow, MAKS Press, 2004, pt. 1, pp. 39-69. (In Russ.)
- Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Trans. from English by A. D. Shmelev, ed. by T. V. Bulygina. Moscow, Languages of the Russian Culture, 1999. 780 p. (In Russ.)
- Veisalli F. Ya., Babaev J. M. Ponyatie smysla v lingvofilosofskikh kontseptsiyakh [The concept of sense in lingvophilosophical conceptions]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2016, issue 1, pp. 36-43. (In Russ.)
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and Culture. Three Linguocultural Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientema]. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (In Russ.)
- Vorkachev S. G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii) [Linguocultural conceptology and its terminological system (continuation of discussion)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2014, issue 3 (49), pp. 12-20. (In Russ.)
- Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* [Linguocultural Studies: Theory and Methods]. Moscow, RUDN University Press, 1997. 331 p. (In Russ.)
- Gladkikh Yu. G. Kontsept v filosofskikh issledovaniyakh, ili Shtrikhi k filosofskomu 'portretu' kontseptu [Concept in philosophical research, or details of the philosophical 'portrait' of concept]. *Filolog* [Philologist], 2005, issue 7, pp. 10-15. (In Russ.)
- Humboldt von W. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. *Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Moscow, 1960, pt. 1, pp. 68-86. (In Russ.)
- Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 316 p. (In Russ.)
- Duskaeva L. R. Medialingvistika v Rossii: stanovlenie struktury i vektory razvitiya [Media linguistics in Russia: Structure formation and development]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika* [Moscow State University Bulletin. Series 10. Journalism], 2018, issue 6, pp. 48-74. doi 10.30547/vestnik.journ.6.2018.4874. (In Russ.)
- Yao Rong. Kontsept Skuka v russkom yazykovom soznanii (na fone sravneniya s kitayskim kontseptom) [The Concept of boredom in Russian language consciousness (in comparison with the Chinese concept)]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2019, issue 1. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK119.pdf> (accessed 01 July 2024). (In Russ.)
- Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontseptu [The psycholinguistic approach to the problem of concept]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Ed. by I. A. Sternin. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, pp. 36-44. (In Russ.)
- Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]: a collec-

tion of scientific works. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5-20. (In Russ.)

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Transdistsiplinarnost' sovremennoy stilistiki v epistemicheskom prostranstve lingvistiki* [Transdisciplinarity of modern stylistics in the epistemic space of linguistics]. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], 2019, issue 1, pp. 25-32. doi 10.24411/1811-1629-2019-11025. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka* [The early stages of cognitivism: linguistics — psychology — cognitive science]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1994, issue 4, pp. 34-47. (In Russ.)

Lakoff G. *Myshlenie v zerkale klassifikatorov* [Classifiers as a reflection of mind]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1988, issue XXIII, pp. 12-52. (In Russ.)

Lange-Soboleva T. A. *Problema raskrytiya termina 'kontseptualizatsiya' v sovremennoy lingvistike* [The problem of elaborating the term 'conceptualization' in modern linguistics]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today], 2021, issue 6 (65), pp. 27-32. (In Russ.)

Likhachev D. S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of the Russian language]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of Text. Anthology]. Ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 280-287. (In Russ.)

Lyapin S. Kh. *Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda* [Conceptology: On the formation of the approach]. *Kontsepty* [Concepts], 1997, issue I. Arkhangelsk, pp. 11-35. (In Russ.)

Lyakhneenmyaki M. *Perevod i interpretatsiya: o nekotorykh predpolozheniyakh i mifologemakh* [Translation and interpretation: on some assumptions and mythologems]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vypusk I: Problemy filosofii yazyka i sopostavitel'noy lingvistiki* [Theoretical and Applied Linguistics. Issue I: Problems of Philosophy of Language and Comparative Linguistics]. Voronezh, 1999, pp. 32-45. (In Russ.)

Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]: a textbook. 2nd ed. Minsk, Tetra-Systems Publ., 2005. 256 p. (In Russ.)

Neroznak V. P. *Ot kontsepta k slovu: k probleme filologicheskogo kontseptualizma* [From concept to word: On the problem of philological conceptualism]. *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya*

inostrannykh yazykov [Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages]. Omsk, 1998, pp. 80-85. (In Russ.)

Nigorai S. *Znachenie i kontsept. Razlichnye podkhody v izuchenii kontsepta* [Meaning and concept. Different approaches to study of concept]. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta* [Herald of the Pedagogical University], 2022, issue 6-1 (101), pp. 154-158. (In Russ.)

Nikitin M. V. *Razvernutyte tezisy o kontseptakh* [Expanded theses on concepts]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, issue 1, pp. 53-64. (In Russ.)

Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh 'etnicheskoy mental'nosti' [From Linguistics to Myth: Linguistic Cultural Studies in Search of an 'Ethnic Mentality']: a collection of articles. Comp. by A. V. Pavlova. St. Petersburg, Antologiya Publ., 2013. 352 p. (In Russ.)

Pavilenis R. I. *Yazyk. Smysl. Ponimanie* [Language. Meaning. Understanding]. *Yazyk. Nauka. Filosofiya. Logiko-metodologicheskii analiz* [Language. Science. Philosophy. Logical and Methodological Analysis]. Vilnius, 1986, pp. 240-263. (In Russ.)

Pavlova A. V., Bezrodnyy M. V. *Khitrushki i edinorog: iz istorii lingvonartsissizma* [Khitrushki and the Unicorn: From the History of Linguo-Narcissism]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, issue 4 (38), pp. 11-20. (In Russ.)

Pimenov E. A. *Issledovanie kontsepta Trauer 'pechal' posredstvom sinonimicheskogo ryada* [The study of the concept Trauer 'sadness' through a synonymous series]. *Ethnohermeneutik und Antropologie*. Ed. by E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau, Verlag Empirische Pädagogik, 2004, pp. 89-94. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Tipologiya strukturnykh elementov kontseptov vnutrennego mira (na primere emotsional'nykh kontseptov)* [Typology of structural elements of the inner world concepts (emotional concepts)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, issue 1, pp. 83-90. (In Russ.)

Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. *Vvedenie v kontseptual'nye issledovaniya* [Introduction to Conceptual Research]: a textbook. Kemerovo, Kuzbassvuzizd Publ., 2006. 179 p. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. Voronezh, Istoki Publ., 2006. 226 p. (In Russ.)

Prozhirov A. V. *Lingvokontseptologiya: triumfal'nyy pod'em ili beg po 'yazykovomu krugu'?* [Linguocultural conceptology: Triumphant ascent or running in 'language circles'?]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, issue 1 (51), pp. 12-22. (In Russ.)

Rakhilina E. V. O tendentsiyakh v razvitiy kognitivnoy semantiki [On trends in the development of cognitive semantics]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2000, issue 3, pp. 3-15. (In Russ.)

Reznikova E. V. Obrazy konkretnykh realiy kak sredstva reprezentatsii kontsepta (na primere kontsepta KRUG v russkoy yazykovoy kartine mira) [Images of specific realities as a means of representing a concept (by the example of the concept KRUG (CIRCLE) in the Russian linguistic world view)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, vol. 16, issue 3, pp. 913-917. doi 10.30853/phil20230094. (In Russ.)

Rusanova M. A., Zin'kovskaya A. V. Ponyatie kontsepta v mezhdistsiplinarnom aspekte [The notion of concept in an interdisciplinary aspect]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 2023, vol. 14, issue 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/29FLSK323.pdf> (accessed 01 July 2024) (In Russ.)

Samigullina A. S. *Semiotika kontseptov: k probleme interpretatsii sub'ektivnykh smyslov* [Semiotics of Concepts: On the Problem of Interpretation of Subjective Meanings]: a monograph. Ufa, Bashkir State University, 2006. 119 p. (In Russ.)

Sorokin Yu. A. Dve diskussionnye repliki po povodu kognitivnogo buma: 'kontsept – metodologicheskaya kategoriya?' [Two discussion remarks regarding the cognitive boom: 'is concept a methodological category?']. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal], 2008, issue 12, pp. 13-21. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. The Thin Film of Civilization].

Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

Susov A. A., Susov I. P. Razmyshleniya o kontseptakh [Reflections on concepts]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu im. V. N. Karazina. Seriya: Romano-germans'ka filologiya. Metodika vkladannya inozemnykh mov* [Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. No. 726. Series: Romano-Germanic Philology. Methods of Teaching Foreign Languages], 2006, issue 49, pp. 14-20 (In Russ.)

Kholod Yu. S. Kontsept i kontseptualizatsiya v zarubezhnoy lingvisticheskoy paradigme [Concept and conceptualization in the foreign linguistic paradigm]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, issue 6-1 (84), pp. 173-176. doi 10.30853/filnauki.2018-6-1.38. (In Russ.)

Kholodnaya M. A. *Integral'nye struktury ponyatiynogo myshleniya* [Integral Structures of Conceptual Thinking]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1983. 190 p. (In Russ.)

Chesnokov P. V. *Slovo i sootvetstvuyushchaya emu edinitsa myshleniya* [The Word and the Corresponding Unit of Thinking]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 192 p. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]: a textbook. Moscow, 2006. 254 p. (In Russ.)

Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 1137 p. (In Eng.)

Collins English Dictionary. Glasgow, Harper Collins Publishers, 2021. 691 p. (In Eng.)

Oxford English Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 2014. 916 p. (In Eng.)

Nilsen E. A. Diachronic conceptology as the basis of temporality evolution studios. *Anglistika v sovremennom obshchestve* [Anglistics in Modern Society]. Ed. by E. A. Nilsen. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Press, 2020, pp. 105-160. (In Eng.)

Concept as a Transdisciplinary Phenomenon: Further Elaborating the Problem

Nataliya V. Danilevskaya

Professor, Head of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. danil6@mail.ru

SPIN-code: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Elena N. Uzhegova

Research Degree Seeker at the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. mastergrad59@yandex.ru

Submitted 01 Jul 2024

Revised 06 Oct 2024

Accepted 11 Oct 2024

For citation

Danilevskaya N. V., Uzhegova E. N. Kontsept kak transdistsiplinarnyy fenomen (k dal'neyshey razrabotke problemy) [Concept as a Transdisciplinary Phenomenon: Further Elaborating the Problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 28–40. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-28-40. EDN HZDZCQ (In Russ.)

Abstract. This article is of theoretical nature as it is aimed at gaining insights into the current state of conceptology as one of the youngest and so far unsettled theories. The paper presents the results of a study into approaches in modern linguistics to understanding the phenomenon of ‘concept’. The purpose of the work is to identify theoretical gaps in the scientifically based theory of concept as well as possible ways of further development of this concept, but in a categorical aspect, i.e., precisely as a category.

In the course of the study, we revealed a significant number of scientific directions differing in the interpretation of the phenomenon of ‘concept’ and performed essential analysis of these. As a result, several key areas in the study of concept were identified, and an attempt was made to systematize thereof. Generalization of the existing definitions indicated the absence of an unambiguous interpretation of concept; however, its invariant features were determined: subjectivity, mental nature (conceptual character), sociality, correlation with the culture of a certain ethnic group, multidimensionality. We also analyzed scientific contradictions in understanding the essence of concept and discussed the probable causes of their existence. The result of the study is the identification of possible ways to overcome the revealed theoretical contradictions, which opens up additional opportunities for a comprehensive study of concept. Here is meant the study of concept precisely as a category, which would allow for further development of the theory of conceptology, make it possible to increase the level of elaboration and scientific validity of transdisciplinary methodology, develop a universal approach to understanding the phenomenon of concept based on and taking into account its multilayeredness and transdisciplinarity.

Key words: concept; conceptology; scientific category; scientific contradictions; transdisciplinary approach.

УДК 81'38:81'42
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-41-53
<https://elibrary.ru/iuuqai>

EDN IUQAI

Научный полемический дискурс и факторы его формирования

Соловьева Наталья Васильевна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15. biserova@bk.ru

доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

SPIN-код: 4265-7910

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8401-9942>

ResearcherID: GWC-5042-2022

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Одобрена после рецензирования 10.09.2024

Принята к публикации 20.09.24

Информация для цитирования

Соловьева Н. В. Научный полемический дискурс и факторы его формирования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 41–53. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-41-53. EDN IUQAI

Аннотация. В статье обосновывается понятие «научный полемический дискурс» как сложная вербальная речемыслительная деятельность в научной сфере общения, направленная на опровержение иной точки зрения и аргументацию авторской позиции. Употреблением номинации «научный» в препозиции акцентируется сфера функционирования выделяемого дискурса и его обусловленность соответствующей сферой. Рассматривается вопрос о соотношении понятий «функциональный стиль» и «дискурс». Общим для них является методологический принцип – анализ языковой специфики в ее экстралингвистической обусловленности. Различие состоит в критериях выделения и степени абстрагирования экстралингвистических факторов. Аргументируется выбор факторов, релевантных для научного полемического дискурса. Таким параметром становится коммуникативная интенция «выражение несогласия» как доминанта речевой деятельности участников научной полемики. Несогласие определяется как вид реакции на речь, схожий с негативной оценкой речевого поведения, где данная оценка может выражаться разнообразными речевыми способами: любой вид критики, сомнение в правильности или приемлемости определенной позиции, возражение, опровержение. С опорой на лингвистические исследования доказывается правомерность и предпочтительность употребления номинации «полемический» в соотношении с другими номинациями разновидностей полемического общения как более соответствующей задачам изучения и коммуникативно-прагматического описания выделяемого дискурса. На материале научных полемических текстов иллюстрируются особенности научного полемического дискурса: конфликтность, институциональность, «двойная» адресованность, оценочность, аргументативность, интертекстуальность.

Ключевые слова: функциональная стилистика; дискурс; экстралингвистические факторы; научный полемический дискурс; научный текст; научная дискуссия; несогласие.

Введение

Статья М. Н. Кожинной «Размышления над вопросом о соотношении функциональной стилистики и дискурсных исследований (с речеведческих позиций)» заканчивается словами: «Тема наших размышлений далеко не исчерпана, в чем-то дискуссионна, но безусловно актуальна и ждет своих продолжателей» [Кожина 2005]. Развивая идею создателя всемирно признанной функционально-стилистической концепции, считаем перспективным изучение определенной коммуникативно-речевой разновидности – научного полемического дискурса.

Цель статьи – обосновать выделение научного полемического дискурса как самостоятельной единицы лингвистического анализа и описать факторы его формирования. Объектом исследования является научный полемический дискурс, представляющий собой совокупность научных текстов, в которых выражается несогласие авторов с точкой зрения других исследователей, а также приводится аргументация собственных позиций. Предмет исследования – установление критериев выделения и описание дифференциальных признаков (особенностей) научного полемического дискурса.

Популярность полемики в современном обществе специалисты объясняют, во-первых, «свойственной человеческой природе тенденцией мыслить парными категориями и принимать решения через сравнение и противопоставление» [Ивин 2002: 9], во-вторых, тенденцией к персонализации личности, росту индивидуальности, стремлением к отстаиванию своего «Я». Однако, как показали исследования, в научных текстах последних десятилетий уровень полемичности изложения снижается [Bazhenova et al. 2022; Nguyen, Venkatesh, Phung 2016; Vinkers, Tjldink, Otte 2016], что вызывает интерес к изучению этого явления.

Современные теоретические работы посвящены в основном описанию конфликтного речевого поведения в политическом [Космодемьянская 2016, Руженцева 2004; Шейгал 2000 и др.] и медийном дискурсах [Сажина 2007; Уделькина 2018; Диалог-спор... 2022 и др.], выделение письменного научного полемического дискурса в качестве самостоятельного типа дискурса не обосновано, что обусловило актуальность и научную новизну предпринятого исследования.

Материал и методы исследования

Теоретической базой работы являются научные публикации по изучаемой теме [Dijk 2008; Fairclough 2001; Foucault 1969; Schiffrin 1994; Красных 2003; Макаров 2003; Серии 1999], данные авторитетных лингвистических и энцикло-

педических словарей [International Encyclopedia... 2015; Ахманова 2004; Жеребило 2010; Лингвистический... 1990; Стилистический... 2003 и др.]. В результате аналитического обзора теоретических концепций, содержательно-интерпретативного и сравнительного анализа литературы обосновываются понятие «научный полемический дискурс» и формирующие этот дискурс параметры. С целью аргументации выбора номинации «полемический» как более релевантной для исследуемой речевой разновидности используется также компонентный анализ.

В качестве материала исследования привлекается корпус из 30 текстов научных полемических статей по гуманитарным наукам: лингвистике (18), философии (7), психологии (5). Это тексты, датированные 1954–2022 гг., извлеченные методом сплошной выборки с заданным параметром. Главный критерий при отборе материала исследования – критерий оппозитивности, то есть наличие различных (нередко противоположных) мнений по обсуждаемой проблеме, конкурирующей точки зрения, полемичность содержания, поэтому в корпусе оказываются статьи 1954 г. (полемика вокруг понятия «стиль») и 2022 г. (обсуждение понятия «академическое письмо»). С хронологической точки зрения все работы относятся к одному периоду развития научного стиля речи (см.: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. В 3 т. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч. 1. Пермь, 1994. 300 с.).

Применяется комплексный (коммуникативно-прагматический) подход к изучению научного текста, предполагающий анализ не только отдельных текстовых фрагментов и всего текста в целом, но и контекста, в котором существует данный текст. В рамках указанного подхода используются дискурсивно-стилистический анализ как основной метод, а также описательный анализ, включающий систематизацию, обобщение и интерпретацию полученных данных.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании существования особой речевой разновидности, которая складывается под влиянием комплекса дискурсоформирующих факторов – компонентов полемической ситуации, включая самих участников, и обладает совокупностью таких уникальных свойств, как конфликтность, «двойная» адресность, институциональность, оценочность, интертекстуальность и аргументативность.

Новизна авторского подхода состоит в том, что научный полемический дискурс впервые описывается как самостоятельный тип дискурса в научной сфере общения, где основанием для

его выделения выступает *полемическая* деятельность участников конфликта, направленная на реализацию определенной – кооперативной или конфронтативной – коммуникативной установки.

Практическая ценность полученных результатов соотносится с дидактическим потенциалом научного полемического дискурса и определяется необходимостью формирования корпуса стереотипных единиц полемической научной речи, а также разработкой методических рекомендаций по речевому оформлению текстов научных дискуссий.

Результаты исследования

Дискурс и функциональный стиль

Обоснование номинации «научный полемический дискурс» требует обращения к одной из актуальных проблем стилистики – проблеме соотношения понятий «дискурс» и «функциональный стиль» [Gajda 2005; Дискурс и стиль 2016; Кожина 2004; Новоженова 2018; Орлова 2013; Чернявская 2011 и др.]. Действительно, в современной российской лингвистике параллельно сосуществовали два схожих по своим методологическим задачам научных направления – функциональная стилистика и дискурс-анализ.

Оставляя в стороне вопрос о национально-специфических традициях изучения категории дискурса в мировой науке (М. Фуко, Л. Алтьюссер, Ж. Лакан, М. Пеше, П. Серио, У. Маас, Ю. Линк, Ю. Хабермас и др. – см.: [Чернявская 2009: 136–143]), отметим, что наиболее близким к функциональной стилистике стал французский дискурс-анализ [Foucault 1969], то есть функциональный подход. Потенциал этого подхода оказался востребованным, так как предполагал изучение речи в социокультурных обстоятельствах.

Популярность дискурсивных исследований привела к тому, что термин «дискурс» постепенно начал вытеснять термин «стиль» или отождествляться с ним. Как справедливо отмечает З. Л. Новоженова, «наблюдается ситуация, когда все коммуникативно-речевые образования, которые, по мнению ученых, не укладываются в систему общепринятых координат стилей, определяются как дискурс... При этом существует тенденция недифференцированного употребления терминов “дискурс” и “стиль” по отношению к одним и тем же функционально-речевым (коммуникативным) образованиям...» [Новоженова 2018: 22].

Обозначим нашу позицию в понимании соотношения категорий «функциональный стиль» и «дискурс» в Пермской стилистической школе, базирующуюся на фундаментальной идее М. Н. Кожиной: дискурс и стиль – смежные, параллельно существующие, но не тождественные,

а разнородные, разнопорядковые понятия двух «близких речеведческих дисциплин» [Кожина 2004].

Общим для них является методологический принцип, лежащий в основе функционально-стилистического и дискурсивного подходов, – анализ языковой специфики в ее экстралингвистической обусловленности, учет внешних по отношению к тексту факторов как сильнодействующей основы для речевой системности. Отличие состоит в том, что функциональные стили делят коммуникативное пространство на крупные сегменты, соотносятся с базовыми – онтологически заданными – формами общественного сознания и видами деятельности. Это для них, как подчеркивает В. Е. Чернявская, «фундаментальный критерий идентификации и делимитации» [Чернявская 2011: 93]. Поэтому перечень функциональных стилей не бесконечен. Для дискурсов же делимитирующий критерий иной – общность текстов; он устанавливается опытным путем, эвристически – «от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций» [там же: 93–94]. Основанием для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в дискурс является интерпретативная деятельность субъекта.

Теоретико-методологическая общность анализа дискурса и функциональной стилистики обусловила тенденцию к дальнейшему сближению этих направлений: «стиль и дискурс находятся между собой... в отношениях дополнительности...» [Новоженова 2018: 23]. С учетом данного обстоятельства некоторые исследователи (Е. А. Баженова, Т. А. Воронцова, Г. Г. Хазагеров, В. Е. Чернявская) в перспективе считают возможным создание «интердисциплинарной дискурсивной стилистики» [Клушина 2016: 81].

Поддерживая идею гармоничного научного диалога – диалога двух фундаментальных теорий функциональной лингвистики, полагаем, что сочетание подходов – стилистического и дискурсивного – при исследовании речевого материала (научных полемических текстов) «не нарушает границы стилистики и стиля в их классическом понимании, а напротив, делает их более определенными» [Воронцова 2014: 146].

Речеведческий характер предмета исследования, внимание к экстралингвистическому контексту – вот, что прежде всего сближает дискурс-анализ и функциональную стилистику [Кожина 2004: 19]. Изучение дискурса и стиля сопровождается описанием экстралингвистических факторов и рассмотрением их роли в процессах производства текста, но экстралингвистические факторы различны по степени абстрагирования. Как

обобщает М. А. Ширинкина, «при снижении степени стилистической абстракции от макростилия к конкретным разновидностям текстов, важно учитывать, с одной стороны, основные (стилеобразующие) экстралингвистические факторы формирования функционального стиля в целом; с другой – ориентироваться на дискурсивные факторы» [Ширинкина 2021: 21] формирования особых речевых разновидностей, характерных для данного стиля. Функциональные стили (макростили) формируются на верхних ступенях абстракции, снижение уровня абстракции позволяет обращаться к другим экстралингвистическим факторам (нестилеобразующим¹), которые являются **дискурсоформирующими**.

Итак, функциональный стиль и дискурс – это две фундаментальные категории, которые по-разному членят коммуникативное пространство: «дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором» [Орлова 2013: 24]; критерии выделения функциональных стилей задаются онтологически, критерии выделения дискурсов устанавливаются эмпирически. Функциональный подход к дискурсу подразумевает его рассмотрение в связи с различными социокультурными факторами, которые во многом и обуславливают особенности речевой коммуникации в выделяемой разновидности.

Обоснование понятия «научный полемический дискурс» и установление критериев его выделения

Понятие «дискурс» обеспечивает относительную исследовательскую свободу при выборе текстов и параметров их описания. Понимание дискурса как совокупности текстов ориентирует на поиск параметров (факторов), которые позволяют объединить исследуемые нами научные тексты в определенную речевую разновидность – научный полемический дискурс. Для анализа таких текстов, безусловно, важным будет обращение не к стилеобразующим факторам, а к факторам дискурсивным.

Важно добавить, что понимание дискурса как совокупности текстов не противоречит его пониманию как текста в неразрывной связи с ситуативным контекстом. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания научного полемического дискурса, а описание требует обращения к коммуникативным процессам (ситуациям), в результате которых эти тексты появились. Таким образом, дискурс будет выступать и как инструмент для изучения коммуникативного взаимодействия и решения конкретных задач в данных коммуникативных ситуациях.

Предваряя описание дискурса, укажем, что для нашего исследования интерес будут пред-

ставлять такие экстралингвистические факторы, точнее – параметры коммуникативной ситуации, как интенции и установки коммуникантов, цели коммуникативных действий, коммуникативные позиции участников полемики, а также сами участники.

За последние 30 лет в отечественных и зарубежных исследованиях сложилась определенная традиция выделения различных типов дискурса на основе преимущественного «обслуживания» тех или иных социальных сфер и институтов (В. И. Карасик и др.). Исходя из институционального принципа деления коммуникативного пространства отрицательно ответим на вопрос о полемическом дискурсе как автономном институциональном дискурсе. Полемическое речевое взаимодействие не является обособленным типологическим дискурсом, полемика реализуется в других социо- и функциональных дискурсах – юридическом, политическом, научном, медийном, педагогическом и др. Неслучайно исследователи полемического дискурса отмечают его «сквозной» характер [Жумагулова 2013; Moeschler 1981]. Обзор работ, посвященных изучению полемического дискурса, показывает, что полемика всегда реализуется на базе институционального дискурса (см.: «англоязычный полемический дискурс печатных СМИ» [Сажина 2007], «полемический дискурс немецкоязычных печатных СМИ» [Уделькина 2018], «религиозный полемический дискурс» [Низаметдинова 2017], «полемический дискурс в деловой коммуникации» [Иванова 2019]), и вследствие этого она приобретает институциональные характеристики. Имеется в виду, что в каждой сфере общения действуют определенные правила, принципы, установки, которые накладывают ограничения на выбор способов и средств речевого взаимодействия. Одно дело полемика в политическом дискурсе, установкой которого является борьба за власть, и совершенно другое – полемика в научном дискурсе, где установкой является получение нового знания, доказательство его объективности.

В исследованиях, посвященных научной полемике, указывается, что номинация «научная» соотносится со способом ведения полемики, характером выражаемой тематики конфликта, а также методами его разрешения. Употреблением номинации «научный» в препозиции – «научный полемический дискурс» – мы прежде всего акцентируем сферу актуализации конфликта, сферу функционирования выделяемого дискурса и его обусловленность соответствующей сферой.

Представляется неоправданным выбирать жанр в качестве дискурсоформирующего параметра в связи со сложностью определения поле-

мики и дифференциацией ее от дискуссии в речевой практике². В результате скрупулезного анализа материала и ряда проведенных исследований установлено, что узус продолжает демонстрировать смешение анализируемых понятий «как в разговорной речи, так и в специальных сферах употребления языка» [Иванов 1992: 53]. Так, под научной дискуссией понимается и простой обмен мнениями представителей научной общественности, и полемическое обсуждение учеными научной проблемы с целью ее решения и доказательства состоятельности той или иной точки зрения. Анализ работ, посвященных изучению полемического общения в научной сфере деятельности, позволил обнаружить, что современная научная коммуникация сочетает в себе обе разновидности обсуждения (диалектического спора) – научную полемику и научную дискуссию. Однако родовым (прототипическим) названием по отношению ко всем разновидностям становится именно научная дискуссия («гипержанр» – К. Ф. Седов), которая представляет собой неоднородное явление, объединяющее в своих рамках разные виды научного речевого взаимодействия – и собственно дискуссию, и собственно полемику. В такой ситуации именно дискурс позволяет решить проблему, так как для него не существенны жанровые перегородки, «он объединяет тексты вне жанров или поверх жанров» [Клушина 2016: 83].

Подытоживая сказанное, отметим, что в современной российской лингвистике практика употребления «дискуссионный дискурс» не сложилась в силу размытости и широты понятия «дискуссионная речь». Определение «дискуссионный» меньше соответствует задаче изучения характеристик «оппозитивной» речи, оно несколько уводит от субъекта научного общения как оппонента. Тогда как номинация «полемический дискурс», включающая все разновидности полемического общения, наоборот, закрепились.

В ходе компонентного анализа подтверждается, что номинация «полемический» более соответствует изучаемому материалу: полемика – это диалогическое (устное и письменное) общение компетентных в конкретной сфере деятельности субъектов, имеющих различные (порой противоположные) точки зрения относительно обсуждаемого вопроса, с целью утверждения своей позиции и опровержения другой при помощи достаточной и убедительной аргументации. В научный полемический дискурс объединяются научные тексты на основе такого критерия, как полемичность содержания, то есть содержания, «в основе которого лежит значение несогласия» [Чернова 2009: 8].

Анализ словарных дефиниций и лингвистических работ [Боргер 2004: 100] позволил определить несогласие как речевые высказывания, отражающие несоответствие мнений, противоположную позицию, возражение, критику. Мы понимаем несогласие широко: как вид реакции на речь, схожий с негативной оценкой речевого поведения, где данная оценка может выражаться разнообразными речевыми способами. Формы выражения несогласия могут быть представлены в различных ситуативных вариантах и речевых проявлениях: любой вид критики, сомнение в правильности или приемлемости определенной позиции, возражение, опровержение.

Итак, научный полемический дискурс рассматривается как совокупность научных текстов, в которых реализуется коммуникативно-познавательная деятельность авторов, направленная на выражение несогласия с точкой зрения других исследователей и аргументацию собственной позиции. Коммуникативная интенция «выражение несогласия» определяется как доминанта речевой деятельности участников научно-полемического дискурса.

Характеристика научного полемического дискурса

Тексты, объединенные в научный полемический дискурс, с одной стороны, сохраняют общие черты научного функционального стиля, с другой – обладают признаками полемической коммуникации. Рассмотрим такие особенности научного полемического дискурса, как конфликтность, институциональность, интертекстуальность, «двойная» адресованность, оценочность, аргументативность.

Конфликтность: конфликт идей, мнений, столкновение двух позиций на обсуждаемый предмет являются коммуникативным и содержательным стержнем научного полемического текста. Научный полемический дискурс представляет собой сложное соотношение кооперативного и конфликтного общения. Выражение несогласия с определенной позицией и убеждение адресата в «истинности» своей точки зрения лежат в основе коммуникативно-прагматических стратегий автора.

В науке границы конфликта чаще всего «размыты» или «скрыты» в речевом поведении коммуникантов. Основой для конфликта могут послужить, например, 1) неясность формулирования значения видов глагола: Горбова Е. В. *Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии)*; 2) противоречивость объема понятия: Макеева М. Н. *К вопросу о месте рекламы: стиль vs*

дискурс, Новоженова З. Л. *Активные процессы в стилистической системе русского языка: стиль vs дискурс*; 3) сосуществование различных научных школ и их взглядов: Воронцова Т. А. *Функциональная стилистика vs дискурсология или функциональная стилистика + дискурсология?*, Колесникова Н. И. *Русский научный стиль vs академическое письмо*, и пр.

Как видим, уже по заглавию научного текста можно предположить, что он является полемическим. На конфликтность указывают такие языковые средства, как вопросительные конструкции в сочетании с разделительным союзом *или*, который употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключаящих или заменяющих друг друга, для указания на необходимость выбора между ними. Распространенными средствами выражения полемичности также могут быть специальные обороты с соответствующей семантикой: *о некоторых дискуссионных моментах, опять о «болевых точках», некоторые замечания по... и др.* Например, оборот *еще раз об...* имеет буквальное значение 'повторяя уже произведенное действие' и акцентирует внимание на том, что автор не первый обращается к этой проблеме, она до него уже рассматривалась, но у него есть возражение или опровержение: статья Б. В. Горнунга *Об основном принципе русского правописания* и полемический отклик на нее – статья Л. Н. Булатовой *Еще раз об основном принципе русской орфографии (по поводу статьи Б. В. Горнунга)*.

Без сомнения, частотным маркером конфликтности является сокращение *vs* (от лат. *versus* – «против»), которое используется для обозначения противопоставления кого-либо или чего-либо (в ситуации спора, конкуренции) или для сравнения двух объектов, идей и проч., особенно при необходимости выбора одной из альтернатив.

Институциональность привносится в научный полемический дискурс вследствие его функционирования в научной сфере деятельности, что отражается в подготовленности полемического текста, а также социальной корректности используемых методов опровержения и защиты.

Как отмечают исследователи (см. работы В. В. Колесова и др.), одной из отличительных черт русского речевого поведения является категоричное выражение несогласия в ситуации полемики. Однако в научной коммуникации не принято выдавать свое мнение за единственно верное, дискредитировать научные школы и направления. Организация речевой деятельности не только опирается на достижение поставленных целей и задач, но и ориентируется на опре-

деленные конвенции и правила, принятые в научном дискурсе, в конкретной культурной и языковой среде. Серьезность критики, ее обоснованность и объективность, а также недопустимость некорректных приемов – непеременимые условия успешности борьбы мнений в научном полемическом дискурсе.

Интертекстуальность выступает особым способом построения смысла в научных полемических текстах и компонентом организации диалога с чужой смысловой позицией. Обязательным условием создания полемического текста является наличие исходного текста, поэтому можно говорить о двухчастной внутренней структуре полемического текста («текст-контртекст»), отражающей диалог различных (противоположных) позиций. Степень выраженности интертекстуальных связей между исходным и новым текстами может быть различной, но их наличие обязательно. Особенность репрезентации интертекстуальности в научном полемическом тексте выражается в том, что чужая речь обязательно подвергается эксплицитной – негативной или смешанной – оценке и аналитическому комментарию. Приведем пример: *Обсудим понимание звучности С. В. Князевым: «Под степенью звучности (сонорности) в этом случае понимается уровень громкости, обратно пропорциональный степени сужения в речевом тракте при артикуляции данного звука» (Князев 1999: 86). Во-первых, в системе научной терминологии синонимия нежелательна, поэтому звучность лучше не отождествлять с сонорностью. Во-вторых, отождествление звучности с громкостью неприемлемо, на что указывали и Н. И. Жинкин, и М. В. Панов: любой звук может быть произнесен тихо и громко. Строить на столь зыбком основании теорию слогаделения – заранее обрекать себя на провал (Кретов 2018: 37).* Как видим, в примере сначала в виде цитаты представлен исходный текст, а далее контртекст – интерпретация цитаты оппонентом в виде развернутого оценочного комментария, в котором содержится два аргумента и вывод. В первом аргументе оценка выражена как рекомендация (*синонимия нежелательна, лучше не отождествлять*), во втором аргументе она подкрепляется ссылкой на авторитетных исследователей (*на что указывали и Н. И. Жинкин, и М. В. Панов*). Попутно заметим, что такие аналитические комментарии при выстраивании интертекстуальности являются образцовыми для научной полемической коммуникации и желательными, но авторы не всегда отдают им предпочтение.

«Двойная» адресованность определяется наличием участников полемического дискурса:

оппонент (инициатор возражения), пропонент (автор тезиса) и аудитория (читатель). Формулируя возражение, субъект полемики текста ориентируется одновременно на двух адресатов – пропонента и аудиторию, так как он стремится не только опровергнуть позицию пропонента, но и убедить в истинности собственной точки зрения читателя. Например: *Также не могу согласиться с квалификацией моей позиции как относящейся к трактовке русского вида «как своего рода гибридной категории» ... (Храковский 2015: 322–323). Постараюсь изложить свою позицию, оставляя решать читателю, является ли она вариантом «гибридного» взгляда или же словоизменительной трактовкой, близкой к изложенному выше подходу Ю. С. Маслова (Горбова 2017: 27).* Направление вектора адресованности на читателя либо на пропонента задает тон полемическому рассуждению, включает «полифонию» разных голосов в дискурсе. Автор полемики текста обозначает себя через личные и притяжательные местоимения *я* (реже *мы*) / *моя позиция* / *своя позиция*; определенно-личные конструкции (*не могу согласиться*); специальные номинации (*автор настоящей публикации*). Для обозначения пропонента используются: инициалы и фамилия исследователя, которого опровергают (Храковский 2015); местоимения *он* / *его точка зрения*; лексемы *автор, теоретик, представитель направления* и др. В ситуации, когда возражение оппонента вызывает ответную реакцию пропонента, то есть пропонент сам становится оппонентом, он может использовать ярлык *наш критик*. Для обозначения «аудитории» употребляются лексемы *читатель/читатели, адресат*.

Оценочность является обязательным средством и условием порождения научного полемики дискурса: оценка знания – облигаторный компонент содержательной структуры научного полемики текста. Аксиологическое поле формируется языковыми средствами лексического и синтаксического уровней языка, в которых актуализируется отношение автора к содержанию «чужой» концепции и пропоненту. Оценочное начало задается за счет «несогласия» (полного или частичного) с определенной научной позицией. Выраженная оценка предстает в полемике как аргумент или контраргумент (см. следующую характеристику), причем оценка понимается широко и включает неодобрительное, отрицательное (критическое) отношение к некоторому аспекту действительности, независимо от того, содержит ли критика оценочную лексику в своем языковом оформлении.

Мы придерживаемся мнения, что оценочность является доминантной особенностью научного полемики дискурса. В перспективе исследова-

ния описание и классификация оценочных речевых действий в зависимости от особенностей и характера выражаемой оценки. Приведем пример, в котором несогласие выражено эксплицитно в категоричной форме: *Мы совершенно не разделяем точку зрения таких ведущих жанроведов, как В. В. Дементьев и Т. В. Шмелева, о состоянии стагнации, которую якобы переживает современная отечественная генристика (см. [Дементьев, Фенина 2005: 6; Шмелева 2004: 30]). К началу нового столетия были высказаны, как нам представляется, не «программные идеи» теории речевых жанров (как пишет Т. В. Шмелева), а довольно поверхностные суждения «с позиции здравого смысла» (Седов 2012: 216).* Однако в итоговой части оценочного заключения автор всё же использует деинтенсификатор, указывающий на субъективность оценки (*как нам представляется*).

Аргументативность как важный компонент научного полемики дискурса реализуется через обоснование своей и опровержение противоположной точки зрения. Именно в аргументации раскрывается интенциональность полемики и ее направленность на разрешение или на обострение конфликтной ситуации. Интенциональность передается двоякой целью высказываний (обоснованно опровергнуть другую точку зрения; привести и обосновать ряд суждений в защиту собственной позиции), что отражается в логико-содержательной структуре полемики текста. Например, это может быть показано даже названиями частей полемики текста (Горбова 2017):

- *Отступление: отстаиваемая позиция.*
- *Аргументация против словоизменительной трактовки русского вида.*
- *Обсуждение аргументации против словоизменительной трактовки.*

К особенностям аргументативности в научном полемики дискурсе следует отнести тот факт, что средства выражения точки зрения полемики одновременно могут являться средствами опровержения позиции пропонента.

Заключение

В исследовании, посвященном изучению научного полемики общения, предпочтение отдается понятию «дискурс», трактуемому как динамический процесс языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, и ее результат (то есть текст). Рассматриваемый дискурс назван полемики, так как именно это определение соотносится с изучением оппозитивной речи.

Выделение научного полемики дискурса как особой речевой разновидности представляется целесообразным, потому что научные полемики-

ские тексты формируются под воздействием не базовых (стилеобразующих), а дискурсивных (нестилеобразующих), но сильнодействующих экстралингвистических факторов, связанных с реализацией авторского замысла. Таким фактором становятся прежде всего коммуникативные интенции субъектов полемики (авторов полемических текстов), ориентированные на выражение несогласия с другой точкой зрения и его обоснование.

Тексты статей полемической направленности, несмотря на сохранение общих характеристик научного функционального стиля (абстрактности, подчеркнутой логичности, смысловой точности и проч.), на содержательном и формальном уровне отражают типовые характеристики полемического общения (конфликтность, институциональность, двойную адресованность, интертекстуальность, оценочность и аргументативность), которые фрагментарно представлены в работе и могут быть детально проиллюстрированы при целостном описании дискурса.

Применение дискурсивного-стилистического метода к анализу научных полемических текстов в перспективе позволит описать многообразие способов выражения несогласия и аргументации в исследуемой речевой разновидности в зависимости от условий коммуникативной ситуации.

Примечания

¹ Имеется в виду: стилеобразующие факторы – экстралингвистические факторы, образующие функциональный стиль речи в широком понимании, то есть макростиль (сфера общения, связанная с тем или иным видом деятельности, соотносительным с формой сознания; форма мышления; тип содержания); нестилеобразующие факторы – экстралингвистические факторы, не образующие функционального стиля речи в широком понимании.

² В работах, посвященных диалогическому общению, дискуссии и полемике, понимаемые как разновидности спора, стремятся развести [Borysov 2018; Eemeren, Grootendorst 1984; Ивин 2002; Поварнин 1996; Славгородская 1986 и др.]. Однако на практике все иначе: и дискуссия, и полемика могут выступать как родовые или синонимичные/тождественные понятия.

Список источников

Горбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.

Кретов А. А. Русский слог и «Теория оптимальности» // Лингвистика без границ: сб. ст.

памяти. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. С. 370–387.

Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генеристика // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 210–223.

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 172 с.

Воронцова Т. А. Функциональная стилистика и дискурсология в современной лингвистической парадигме // Stylistyka – XXIII. Opole, 2014. С. 139–148.

Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб.: Медиапайр, 2022. 184 с.

Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2016. 268 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Жумагулова Б. С. Особенности полемического дискурса // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 142–145.

Иванов Л. Ю. Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 292 с.

Иванова В. И. О некоторых особенностях полемического дискурса в деловой коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф., 25–26 сентября 2019 г. / ред. В. И. Первушкин, П. А. Гагаев, А. Б. Тугаров, О. В. Ягов, С. М. Васин. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2019. С. 35–38.

Ивин А. А. Риторика. Искусство убеждать. М.: Фаир-Пресс, 2002. 304 с.

Клушина Н. И. Дискурсология и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2016. Т. 20, № 4. С. 78–90. doi 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90

Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: межвуз. сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 9–33.

Кожина М. Н. Размышления над вопросом о соотношении функциональной стилистики и дискурсивных исследований (с речеведческих по-

зий) // *Stylistyka – XIV* / под ред. проф. Ст. Гайды. Opole, 2005. С. 61–74.

Космодемьянская В. И. Стратегии и тактики в аргументативном полемическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2016. Вып. 1 (55). С. 99–103.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 683 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Низаметдинова Н. Х. Религиозно-полемический дискурс в церковно-учительской литературе XVI в. (к проблеме экологии языка в историческом аспекте) // *Экология языка: сб. ст. X Междунар. науч. конф., Пенза, 25 апреля 2017 г.* / под ред. Е. Н. Сердобинцевой. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2017. С. 109–113.

Новоженова З. Л. Активные процессы в стилистической системе русского языка: стиль vs дискурс // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2018. № 2. С. 20–27.

Орлова О. В. Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М. Н. Кожинной // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология*. 2013. № 4. С. 19–25.

Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. СПб.: Лань, 1996. 116 с.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 294 с.

Сажина Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2007. 132 с.

Серюи П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.

Славгородская Л. В. Научный диалог (лингвистические проблемы). Л.: Наука, 1986. 166 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Уделькина А. И. Рефлексивное пространство полемического дискурса // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. Т. 24, № 4. 2018. С. 181–188. doi 10.18287/2542-0445-2018-24-4-181-188

Чернова П. А. Языковая форма и функции полемического высказывания (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 20 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.

Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // *Когниция, коммуникация, дискурс*. 2011. № 3. С. 86–95. doi 10.26565/2218-2926-2011-03-07

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Ширинкина М. А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2021. 449 с.

Bazhenova E. et al. Evaluation of the Preceding Knowledge as Reflection of the Trends in Contemporary Scientific Language / E. Bazhenova, N. Solovyova, T. Karpova, A. Chernousova, M. Shirinkina // *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology*. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems / ed. by A. Rocha, E. Isaeva. Springer, Cham. 2022. Vol. 342. Pp. 437–450. doi 10.1007/978-3-030-89477-1_44

Borysov O. The Dialogical Subgenres of Argument in British and Ukrainian Lexicographical Presentation: a Comparative Aspect // *Trajectoriã Nauki = Path of Science*. 2018. Vol. 4. № 10. Pp. 5001–5005. doi 10.22178/pos.39-7

Dijk T. A. van Discourse and Context: a Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008. 284 p.

Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions: a Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion. Dordrecht, Holland; Cinnaminson, U.S.A.: Foris Publications, 1984. 215 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis as a Method in Social Scientific Research // *Methods in Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak; M. Meyer. London: Sage, 2001. Pp. 121–138.

Foucault M. L'archéologie Du Savoir. Paris: Galilard, 1969. 145 p.

Gajda S. Tekst / dyskurs oraz jego analiza i interpretacja // *Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu i inne metody badawcze*. Rzeszów, 2005. S. 11–21.

International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/discourse-theory> (дата обращения: 22.11.2023).

Moeschler J. Discours Polemique, Refutation et Resolution des Sequences Conversationnelles // *Etudes de Linguistique Appliquee*. 1981. № 44. Pp. 40–69.

Nguyen T., Venkatesh S., Phung D. Large-Scale Stylistic Analysis of Formality in Academia and Social Media // *Web Information Systems Engineering – WISE 2016. Lecture Notes in Computer Science* /

ed. by W. Cellary, M. Mokbel, J. Wang, H. Wang, R. Zhou, Y. Zhang. Springer, Cham, 2016. Vol. 10042. P. 137–145. doi 10.1007/978-3-319-48743-4_11

Schiffirin D. Approaches to Discourse. Oxford: Blackwell, 1994. 470 p.

Vinkers C. H., Tijdink J. K., Otte W. M. Use of Positive and Negative Words in Scientific PubMed Abstracts between 1974 and 2014: Retrospective Analysis // British Medical Journal. 2015(351): h6467. P. 1–6. doi 10.1136/bmj.h6467.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 2nd stereot. ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 576 p. (In Russ.)

Borger Ya. V. *Kompleksnyy analiz rechevykh aktov negativnoy reaktsii (na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy)*. Diss. kand. filol. nauk [A comprehensive analysis of speech acts of negative reaction (based on the material of modern dramatic works. Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2004. 172 p. (In Russ.)

Vorontsova T. A. *Funktsional'naya stilistika i diskursologiya v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme* [Functional stylistics and discursology in the modern linguistic paradigm]. *Stylistyka – XXIII* [Stylistics – XXIII]. Opole, 2014, pp. 139-148. (In Russ.)

Dialog-spor v nauchno-populyarnoy kommunikatsii [A Dialogue-Dispute in Popular-Science Communication]. Ed. by L. R. Duskaeva, Yu. M. Konyaeva. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2022. 184 p. (In Russ.)

Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty [Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects]. Ed. by G. Ya. Solganik, N. I. Klushina, N. V. Smirnova. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2016. 268 p. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th rev. and exp. ed. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.)

Zhumagulova B. S. *Osobennosti polemicheskogo diskursa* [Features of polemical discourse]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in Current Natural Sciences], 2013, issue 7, pp. 142-145. (In Russ.)

Ivanov L. Yu. *Semantiko-pragmaticheskie kharakteristiki teksta nauchnoy diskussii*. Diss. kand. filol. nauk [Semantic and pragmatic characteristics of the text of scientific discussion. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1992. 292 p. (In Russ.)

Ivanova V. I. *O nekotorykh osobennostyakh polemicheskogo diskursa v delovoy kommunikatsii* [On some features of polemical discourse in busi-

ness communication]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk: sb. st. V Vseros. nauch.-prakt. konf., 25–26 sentyabrya 2019 g.* [Current Problems of the Humanities and Social Sciences: Proceedings of V All-Russian Scientific and Practical Conference, September 25–26, 2019]. Ed. by V. I. Pervushkin, P. A. Gagaev, A. B. Tugarov, O. V. Yagov, S. M. Vasin. Penza, Penza State University Press, 2019, pp. 35-38. (In Russ.)

Ivin A. A. *Ritorika. Iskusstvo ubezhdad'* [Rhetoric. The Art of Persuasion]. Moscow, Fair Press, 2002. 304 p. (In Russ.)

Klushina N. I. *Diskursologiya i stilistika: integrativnye metody issledovaniya media kommunikatsii* [Discourse analysis and stylistics: Integrative methods for research in media communication]. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, issue 4, pp. 78-90. doi 10.22363/2312-9182-2016-20-4-78-90. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Diskursnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy* [Discourse analysis and functional stylistics from the perspective of speech studies]. *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text – Discourse – Style]: an interuniversity collection of scientific works. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Press, 2004, pp. 9-33. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Razmyshleniya nad voprosom o sootnoshenii funktsional'noy stilistiki i diskursnykh issledovaniy (s rechevedcheskikh pozitsiy)* [Reflections on the relationship between functional stylistics and discourse studies (from the perspective of speech studies)]. *Stylistyka – XIV* [Stylistics – XIV]. Ed. by prof. S. Gajda. Opole, 2005, pp. 61-74. (In Russ.)

Kosmodem'yanskaya V. I. *Strategii i taktiki v argumentativnom polemicheskoy diskurse* [Strategies and tactics in argumentative polemical discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2016, issue 1 (55), pp. 99-103. (In Russ.)

Krasnykh V. V. *'Svoy' sredi 'chuzhikh': mif ili real'nost'?* ['Friend' among 'foes': Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 375 p. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 683 p. (In Russ.)

Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)

Nizametdinova N. Kh. *Religiozno-polemicheskyy diskurs v tserkovno-uchitel'skoy literature XVI v. (k probleme ekologii yazyka v istoricheskom aspekte)* [Religious polemical discourse in church-teaching literature in the 16th century (on the problem of linguistic ecology in the historical aspect)]. *Ekologiya yazyka* [Ecology of Language]: proceedings of

X Int. sci. conf., Penza, April 25, 2017. Ed. by E. N. Serdobintseva. Penza, Penza State University Press, 2017, pp. 109-113. (In Russ.)

Novozhenova Z. L. Aktivnye protsessy v stilisticheskoy sisteme russkogo yazyka: stil' vs diskurs [Current processes in the stylistic system of the Russian language: style vs discourse]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, Pedagogy, and Psychology], 2018, issue 2, pp. 20-27. (In Russ.)

Orlova O. V. Problema sootnosheniya ponyatiy stilya i diskursa v lingvistike nachala XXI v. v kontekste idey M. N. Kozhinoy [The problem of correlation between the concepts of style and discourse in linguistics at the beginning of the 21st century in the context of M. N. Kozhina's ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2013, issue 4, pp. 19-25. (In Russ.)

Povarnin S. I. *Spor. O teorii i praktike spora* [Dispute. On the Theory and Practice of Dispute]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1996. 116 p. (In Russ.)

Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]: a monograph. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2004. 294 p. (In Russ.)

Sazhina E. V. *Strukturnye i pragmaticheskie kharakteristiki polemicheskogo diskursa*. Diss. kand. filol. nauk [Structural and pragmatic characteristics of polemical discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Minsk, 2007. 132 p. (In Russ.)

Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii [How texts are read in France]. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14-53. (In Russ.)

Slavgorodskaya L. V. *Nauchnyy dialog (lingvisticheskie problemy)* [Scientific Dialogue (Linguistic Problems)]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 166 p. (In Russ.)

Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)

Udel'kina A. I. Refleksivnoe prostranstvo polemicheskogo diskursa [Reflective space of the polemical discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology], 2018, vol. 24, issue 4, pp. 181-188. doi 10.18287/2542-0445-2018-24-4-181-188. (In Russ.)

Chernova P. A. *Yazykovaya forma i funktsii polemicheskogo vyskazyvaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)*. Avtoreferat diss. cand. filol. nauk [The linguistic form and functions of polemical statements (on the material of modern German). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 20 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost'* [Text Linguistics. Polycodicity. Intertextuality. Interdiscursivity]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. Diskurs kak fantomnyy ob'ekt: ot teksta k diskursu i obratno? [Discourse as a phantom object: From a text to discourse and back again?]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, Communication, Discourse], 2011, issue, pp. 86-95. doi 10.26565/2218-2926-2011-03-07. (In Russ.)

Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 368 p. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Pis'mennyy diskurs ispolnitel'noy vlasti v zhanrovo-stilisticheskom aspekte*. Diss. dokt. filol. nauk [Written discourse of executive power in the genre-and-stylistic aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2021. 449 p. (In Russ.)

Bazhenova E., Solovyova N., Karpova T., Chernousova A., Shirinkina M. Evaluation of the preceding knowledge as reflection of the trends in contemporary scientific language. *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*. Ed. by A. Rocha, E. Isaeva. Springer, Cham, 2022, vol. 342, pp. 437-450. doi 10.1007/978-3-030-89477-1_44. (In Eng.)

Borysov O. The dialogical subgenres of argument in British and Ukrainian lexicographical presentation: A comparative aspect. *Traektorîa Nauki = Path of Science*, 2018, vol. 4, issue 10, pp. 5001-5005. doi 10.22178/pos.39-7. (In Eng.)

Dijk T. A. van *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press, 2008. 284 p. (In Eng.)

Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed Towards Solving Conflicts of Opinion*. Dordrecht, Holland; Cinnaminson, U.S.A., Foris Publications, 1984. 215 p. (In Eng.)

Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research. *Methods in Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, Sage, 2001, pp. 121-138. (In Eng.)

Foucault M. *L'archéologie Du Savoir* [The Archaeology of Knowledge]. Paris, Gallimard, 1969. 145 p. (In Fr.)

Gajda S. Tekst / dyskurs oraz jego analiza i interpretacja [Text / discourse and its analysis and interpretation]. *Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu i inne metody badawcze* [Contemporary Discourse Analysis. Cognitive Discourse Analysis and Other Research Methods]. Rzeszów, 2005, pp. 11-21. (In Pol.)

International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. Available at: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/discourse-theory> (accessed 22 Nov 2023). (In Eng.)

Moeschler J. Discours Polemique, Refutation et Resolution des Sequences Conversationnelles [Polemic discourse, refutation and resolution of conver-

sational sequences]. *Etudes de Linguistique Appliquee* [Studies in Applied Linguistics], 1981, issue 44, pp. 40-69. (In Fr.)

Nguyen T., Venkatesh S., Phung D. Large-scale stylistic analysis of formality in academia and social media. *Web Information Systems Engineering – WISE 2016. Lecture Notes in Computer Science*. Ed. by W. Cellary, M. Mokbel, J. Wang, H. Wang, R. Zhou, Y. Zhang. Springer, Cham, 2016, vol. 10042, pp. 137-145. doi 10.1007/978-3-319-48743-4-11. (In Eng.)

Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, Blackwell, 1994. 470 p. (In Eng.)

Vinkers C. H., Tjldink J. K., Otte W. M. Use of positive and negative words in scientific PubMed abstracts between 1974 and 2014: Retrospective analysis. *British Medical Journal*, 2015 (351): h6467, pp. 1-6. doi 10.1136/bmj.h6467. (In Eng.)

Scientific Polemical Discourse and Factors of Its Formation

Natalya V. Solovyova

Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. biserova@bk.ru

Associate Professor in the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia

SPIN-code: 4265-7910

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8401-9942>

ResearcherID: GWC-5042-2022

Submitted 06 May 2024

Revised 10 Sep 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Solovyova N. V. Nauchnyy polemicheskii diskurs i faktory ego formirovaniya [Scientific Polemical Discourse and Factors of Its Formation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 41–53. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-41-53. EDN IIUQAI (In Russ.)

Abstract. The article substantiates the concept of ‘scientific polemical discourse’ as a complex verbal and mental activity in the scientific sphere of communication aimed at refuting a differing point of view and arguing the author's position. The use of the word ‘scientific’ in the preposition emphasizes the sphere of functioning of the discourse and its being conditioned by the corresponding sphere. The question of the relationship between the concepts of ‘functional style’ and ‘discourse’ is considered. They have a common methodological principle of analyzing linguistic specificity in its extra-linguistic conditionality. The difference lies in the criteria of selection and abstraction levels of extra-linguistic factors. The choice of factors relevant to scientific polemical discourse is argued. The communicative intention ‘expression of disagreement’ becomes a factor in the formation of this discourse because it is the speech activity dominant for scientific polemics participants. Disagreement is defined as a type of reaction to speech similar to negative evaluation of speech behavior, where this evaluation can be expressed by a variety of speech techniques: any kind

of criticism, doubt about the correctness or acceptability of a certain position, objection, refutation. Based on linguistic studies, the author proves the legitimacy and preferability of using the designation 'polemical' compared to other ways of naming polemical communication varieties. This word is most appropriate to the tasks of studying and providing communicative-pragmatic description of the discourse in question. Such features of scientific polemical discourse as the conflictual nature, institutionality, 'double' addressability, evaluability, argumentativeness, and intertextuality are illustrated on the material of scientific polemical texts.

Key words: functional stylistics; discourse; extra-linguistic factors; scientific polemical discourse; scientific text; scientific discussion; disagreement.

УДК 81*36
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-54-62
<https://elibrary.ru/ipmhet>

EDN IPMHET

Особенности функционирования лексем с префиксами *де-* и *ре-* в связанных основах

Ставицкая Софья Сергеевна
ассистент кафедры издательского дела

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. stavitsofi@mail.ru

SPIN-код: 9893-3028

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5476-749X>

Статья поступила в редакцию 15.03.2024

Одобрена после рецензирования 02.06.2024

Принята к публикации 20.09.24

Информация для цитирования

Ставицкая С. С. Особенности функционирования лексем с префиксами *де-* и *ре-* в связанных основах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16., вып. 4. С. 54–62. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-54-62. EDN IPMHET

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования лексем с префиксами *де-* и *ре-* в семантически связанных основах. Исследование разделено на четыре части: введение, описание кодифицированных значений префиксов *де-* и *ре-* и их словообразовательной валентности, описание корреляционной парадигмы лексем с префиксами *де-* и *ре-* в связанных основах, выводы. В работе приводятся семантические характеристики и показатели валентности префиксов в современном русском языке с целью сравнения с их первоначальным значением в языке-источнике – латинском языке, а также отслеживания дальнейшего пути трансформации этих значений вплоть до современного этапа развития русского языка, куда они были заимствованы в составе лексем через посредство европейских языков. Материалом исследования выступают пары слов с приставками *де-* и *ре-*, которые коррелируют с одной и той же связанной основой, что позволяет вычленивать и описать семантику данных префиксов и в дальнейшем определить, в каких парадигматических отношениях находятся слова в лексической паре (антонимии или синонимии). Проводится этимологический и семантический анализ каждой изучаемой лексемы. Обращается внимание на то, что в сочетании со связанными основами префиксы могут самостоятельно создавать значение слова в силу затемненности внутренней формы и частичной десемантизации корневой морфемы. Сами префиксы *де-* и *ре-* могут десемантизироваться, что в конечном счете формирует выводы о функционировании таких приставок со связанными основами. Результатом исследования является установление сходства словообразовательных моделей для префиксов *де-* и *ре-* с членимыми и нечленимыми основами. Установлено также, что такие слова могут образовывать синонимичные пары, если лексема с префиксом *ре-* и лексема с префиксом *де-* имеет компонент значения «обратное действие». Такие пары могут формировать и антонимические отношения, если ни один из префиксов не был десемантизирован.

Ключевые слова: префикс; связанная основа; связанный корень; семантика; десемантизация; словообразование; лексема; контекст.

Введение

В современных социально-политических, экономических и технологических реалиях слова с префиксами *de-* и *re-* демонстрируют высокую словообразовательную продуктивность (см.: [Антоненко 2013; Новоселова 2018; Субботина 2011; Вепрева, Пикулева 2023; Ставицкая 2021]).

Со словообразовательной точки зрения слова с заимствованными префиксами *de-* и *re-* можно разделить по признаку вычленяемости или невычленяемости в них этих префиксов. Мы, вслед за Г. О. Винокуром [Винокур 1959: 420], придерживаемся позиции, в соответствии с которой выделение словообразовательного форманта происходит на основе его общего значения и повторяемости в ряде слов, обладающих сходной словообразовательной структурой. Представляется важным рассматривать не только членимые слова с префиксами *de-* и *re-*, но и слова со связанными основами.

Данное исследование освещает следующие вопросы: в какие парадигматические отношения вступают коррелирующие пары слов с префиксами *de-* и *re-* в рамках одной связанной основы? сохраняются ли синхронно выделяемые значения префиксов в словах со связанными основами, и если да, то каковы они? Главным критерием выделения префиксов *de-* или *re-* в связанных основах оставалась именно способность этих двух префиксов коррелировать между собой в рамках этой производящей основы: «чем активнее и сопоставимее ряд слов со связанным корнем, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных аффиксов, чем деятельнее в языке эти аффиксы, тем отчетливее членимость слова» [Земская 1973: 50]. Также важность сопоставления лексем со связанными основами отмечает и современный исследователь Л. И. Швыдка: «Словообразовательный или морфологический анализ, базирующийся на анализе по НС (непосредственных составляющих слова. – С. С.), позволяет установить пошаговую деривационную модель слова с выявлением не только границ составляющих, но и их структурно-семантических коррелятов» [Швыдка 2012: 237]. При этом рассмотрение коррелирующих пар лексем с общей основой и разными префиксами верно не только для русского языка, но и в целом для славянской группы. Так, В. Фиалкова рассматривает *wumiana prefiksow* ‘мену префиксов’ с одной и той же основой, чтобы проанализировать такой компонент префиксального значения, как «интенсификация» [Fijałkowska 2016: 72]. Особенно важно отметить, вслед за Е. А. Земской, что в словах со связанными корнями может наблюдаться перенесение смыслового веса слова с корня на префикс, чаще всего это

происходит, если значение корня не удается описать изолированно [Земская 1973: 52].

В данном исследовании не проводится различие между терминами «связанная основа» [Винокур 1959: 421] и «связанный корень» [Земская 1973: 50], так как предмет анализа – это префиксальные, а не корневые и суффиксальные морфемы, входящие в основу. Далее в работе термин «префикс» (приставка) будет обозначать не только собственно префиксальную морфему, но и часть внутренней формы слова со связанной основой, формально являющуюся неким морфемным отрезком, вычленив который можно только с помощью присоединения различных префиксов к одной и той же основе.

При наличии ряда дериватов с коррелирующими словообразовательными аффиксами легче убедиться в верности выделения связанного корня и определить его значение, если дериваты будут иметь префиксы, противопоставленные по смыслу. В.В. Пазынин обобщает научные знания о заместительной деривации (а конкретно – о транспрефиксации). Именно его исследование легло в основу данной работы при анализе коррелирующих аффиксов [Пазынин 2007: 38–48]. И. С. Улуханов, описывая явление транспрефиксации как способа словообразования, отмечает, что при транспрефиксации мотивируемое слово возникает как противоположное по значению к мотивирующему [Улуханов 2008: 90]. Точно так же в результате корреляции префиксов *de-* и *re-* с одной и той же производящей основой получается антонимичная пара, так как значения приставок антонимичны друг другу. В данной работе также проводится непосредственное описание характера отношений между коррелирующими лексемами.

Материалом исследования являются лексемы с префиксами *de-* и *re-*, которые коррелируют в словах со связанными корнями, находясь при этом в синтагматических отношениях с одной и той же производящей основой. Под морфемной корреляцией понимается противопоставленность или сближение морфем по определенным свойствам, описанным для данных префиксов ниже.

Кодифицированные значения префиксов *de-* и *re-* и их словообразовательная валентность

Прежде чем исследовать префиксы *de-* и *re-* в связанных основах, необходимо проанализировать их семантические, синтагматические и парадигматические особенности на синхронном срезе современного русского языка, чтобы иметь представления о нормативной валентности и нормативных значениях изучаемых префиксов, а

затем и основания для сравнения. Вот свод их нормативных значений, выделенных с опорой на данные Русской грамматики-80 с переработкой и дополнениями:

– для префикса *де-*: 1) отмена, прекращение действия или явления, названного мотивирующим словом: *деблокада, демобилизация, деавторизация*; 2) устранение, удаление, разрушение предмета или явления, названного мотивирующим словом: *деникотинизация, деканцерогенизация, дезоксидация*; 3) неполнота, частичность действия или явления, названного мотивирующим словом: *деклонация, депигментация, деформация*; 4) совершение обратного, противоположного действия, названного мотивирующим словом, или название противоположного явления: *дешифровать, депоэтизация, девулканизация, демистификация*; 5) отделение или разделение предмета: *дезинтеграция, декомпозиция, демонтаж*; 6) движение вниз / уменьшение / противоположное по направлению движения предмета, названного мотивирующим словом: *дегенерация, деконструкция (философ.), деноминация*;

– для префикса *ре-*: 1) повторение: *реавторизация, ремилитаризация, ревакцинация, реинфекция*; 2) воссоздание, восстановление: *реконвалесценция, рекультивация, реэмиграция (ремиграция), ресульфация, реэкстракция*; 3) противоположность тому, что названо мотивирующим словом (непродуктивный тип): *регресс*; 4) *ре-* = *пере-* (со значением изменения): *реформатирование, реконфигурация, реорганизация, ребрендинг, редупликация*.

Валентность данных приставок может быть кратко описана следующим образом: при образовании глаголов приставки *де-* и *ре-* чаще всего присоединяются к глаголам с основой на *-ова* (*-ирова-/-изирова-/-изова*) и на *-ива-* (*-ыва-/-ва-/-а-*). Именно от таких глаголов в дальнейшем образуются существительные со значением процессуальности – это основы на *-ция-*, *-ни-*: *демобилизация, ремилитаризация, дехлорация, реинфекция* – мотивированные глаголами: *демобилизовать, ремилитаризовать, дехлорировать, реинфицировать(ся)*, которые, в свою очередь, мотивированы бесприставочными основами.

Большинство образований одновременно могут быть мотивированы и префиксальным глаголом, и существительным: *денационализировать / национализация – денационализация*.

Рассматриваемые приставки активны и для существительных с суффиксом *-атор-/-ятор-/-итор-* в основе, обозначающим «лицо или предмет, носитель процессуального признака, названный мотивирующим словом, предназна-

ченный для его осуществления». Мотивирующие: а) глаголы на *-ировать*, в которых отсекается финаль *-ирова-* инфинитивной основы: *компилировать – компилятор – декомпилятор (компилировать – декомпилировать – декомпилятор)*; *активировать – реактивировать – реактиватор*; б) глаголы на *-овать* (суффикс *-ова-* отсекается): *шифровать – дешифровать – дешифратор*; *транслировать – ретранслировать – ретранслятор*.

У префиксов *де-* и *ре-* одинаковые синтагматические свойства, вследствие чего они сочетаются с одними и теми же производящими основами, образуя при этом антонимические пары: *деэтимологизация – реэтимологизация, дезинтеграция – реинтеграция, дезорганизация – реорганизация, демаркетинг – ремаркетинг*. Префиксы *де-* и *ре-*, будучи в синтагматических отношениях с конкретной производящей основой, вступают в отношения корреляции на морфемном уровне, на лексическом уровне языка такие слова могут вступать в отношения антонимии при наличии противопоставленности значений приставок. Семантическая оппозиция, которая существует между этим значением приставки *ре-* и значениями приставки *де-*, формирует следующие семантические модели антонимических пар: *де-* ‘удаление, отмена, прекращение, устранение чего-либо’ – *ре-* ‘воссоздание объекта или воспроизведение’ или ‘переделывание’. Такие модели изначально обусловлены семантикой префикса *де-* как семантики с генерализующим значением ‘отмены’ или ‘негации’, которой противопоставлен префикс *ре-* с генерализующим значением ‘воспроизведения’ или ‘переделывания’ [Ставицкая 2021: 446].

В нашем исследовании для анализа предлагаются пары слов, отобранных по следующим критериям:

- 1) корреляция *де-* и *ре-* с одной и той же основой;
- 2) невычленяемость данных префиксов внутри основы на современном этапе современного русского языка (непрозрачность внутренней формы);
- 3) достаточное количество примеров употребления обеих лексем в коррелирующей паре в поисковых запросах (так, например, на основании этого критерия была отсеяна пара *депортация – репортация*, где значение второй лексемы не представляется возможным определить исходя из малого количества контекстов при запросе в google.com);
- 4) отсутствие у лексем специальных терминологических значений, так как термины создаются искусственно и их внутренняя форма прозрачна для профессионалов данной сферы.

Описание корреляционной парадигмы лексем с префиксами de- и re- в связанных основах

Исходя из указанных критериев отобраны следующие лексемы: *дегрессия – регрессия*, *дедукция – редукция* (*дедуцировать – редуцировать*), *декламация–рекламация* (*декламировать – рекламировать*), *делегация – релегация* (*делегировать – релегировать*), *депрессия – репрессия*, *депутация – репутация*, *дефлорация – рефлорация* (*дефлорировать – рефлорировать*), *деформация – реформация*. Данный объем материала мыслится как достаточный для выявления особенностей функционирования префиксов de- и re- в связанных основах.

Поскольку исследуемые префиксы имеют латинское происхождение, необходимо обозначить их исконные значения в языке-источнике: *dē-* – приставка, выражающая преимущественно: 1) отделение (*decedere*); 2) устранение, лишение (*dearmare*); 3) движение вниз (*decidere*); 4) недостаток, отсутствие (*deesse, dementia*); 5) завершение действия (*debellare*); *re- / red-* – приставка, выражающая: 1) обратное действие (*redire*) (Дворецкий: 287); 2) возобновление, повторность (*reponere, recognoscere*); 3) противодействие (*resistere*); 4) противоположное действие (*reprobare*) (Дворецкий: 853).

Поскольку в некоторых перечисленных парах лексем хорошо известные (и обозначенные выше) в современном русском языке значения префиксов de- и re- не отражаются в полной мере, в качестве первой особенности функционирования данных префиксов внутри связанных основ представляется важным выделить десемантизацию.

Рассмотрим выявленные пары.

Декламация – рекламация, декламировать – рекламировать. В современном русском языке *декламация* – 1. Искусство выразительного чтения. *Декламация стихотворения*. 2. Напыщенная, неестественная манера речи, изложения, ложный пафос. *Декламация с трибуны партии*. *Декламировать* – выразительно читать, произносить (художественный текст). *Декламировать стихотворение*. *Рекламация* – 1. Претензия, жалоба, выражение неудовольствия. 2. эконом. Требование возмещения убытков вследствие плохого качества товара, недостатка в весе и т. п. *Рекламация на некачественный товар*. *Рекламировать* – 1. Объявить о чём-либо., пользуясь рекламой. *Рекламировать новые товары*. 2. перен. То же, что расхвалить (разг.). *Рекламировать свои успехи* (Ожегов, Шведова: 158, 675).

Перечисленные выше исконные значения приставки de- не реализуются в собственно-латинском образовании, ср.: *de-clamo, avi, atum, are* 1) упражняться в произнесении речей, декла-

мировать; 2) говорить с жаром, с негодованием или кричать, орать (Дворецкий: 291). У приставки re- сема ‘обратное действие’ (непродуктивная в современном русском языке) реализуется в первом значении, а сема ‘повторность’ – во втором: *re-clamo, avi, atum, are* 1) громко возражать, шумно протестовать, криком выражать неудовольствие; 2) *поэт.* давать отзвук, отзываться, оглашаться; 3) громко выкрикивать, звать (Дворецкий: 856).

В словах *декламация, декламировать* префикс de- не отражает ни одно из значений префикса, выделенных в современном русском языке. Однако за счет префикса re- в паре *рекламировать – рекламация* проявлена сема ‘повтор’ для слова *рекламировать* (как и в производном от него *реклама*) и сема ‘воссоздание’ в слове *рекламация* в значении ‘требование возмещения убытков’.

Таким образом, десемантизация префикса de- является причиной, по которой при формальной корреляции префиксов de- и re- с общей основой не происходит образования антонимичной пары. Лексемы *декламация, декламировать – рекламация, рекламировать* не являются антонимичными и используются в разных сферах, что относится и к словам *рекламация – рекламировать*, где из-за реализации разных сем префиксов произошла дифференциация значений, при этом корень -*клам-* не может реализовать свое значение в беспрефиксных образованиях.

Делегация – релегация; делегировать – релегировать. Вновь из-за десемантизации префикса de- нельзя также говорить о семантической корреляции приставок в парах. Вероятно, уже в польском языке (польск. *delegacja*), откуда слово заимствовалось в русский во множественном числе (Фасмер 1: 496), префикс de- был десемантизирован, не отражаясь в значении: *делегация* – группа делегатов, представляющих какое-нибудь государство, коллектив. *Российская делегация*. В слове *релегация*, обозначающем специфическую реалию французской истории – повторную ссылку заключенных-рецидивистов конца XIX в., – как раз префикс re- привносит сему ‘повтор действия, однако в коррелирующей паре *делегация – релегация* не возникает парадигматических отношений на лексическом уровне на фоне префиксальной корреляции с одной и той же грамматической основой, поскольку префикс de- десемантизировался еще в языке-источнике, а лексема с префиксом re- имеет узкое употребление.

В паре *делегировать – релегировать* значения также не связаны. *Делегировать* – 1. Послать (посылать) делегатом. 2. Официально поручить, направить. *Делегировать полномочия* (Ожегов, Шведова: 158). В слове же *релегировать*, которое не имеет нормативного значения, зафиксиро-

ванного в словарях, в контекстах сети Интернет и СМИ встречается в значении ‘понижили в рейтинге, убрали из рейтинга’ (ср.: «Возможно исход гонки был бы другим, если бы не релегировали польского велосипедиста Марчина Марчиняка за опасную езду»¹), выражается семантика префикса *re-* ‘понижить’, являющаяся непродуктивной и редко определяемой в том числе при анализе слов с несвязанными основами, которая, однако, встречается еще в латыни: *re-lego, avi, atum, are* 1) отправлять, удалять; 2) ссылать, изгонять; 3) отклонять, отвергать (Дворецкий: 856).

Таким образом, вследствие различных путей заимствования эти лексемы не вступают в парадигматические отношения антонимии или синонимии на лексическом уровне, а связанный корень *-leg-* не может реализовать свое значение без префиксов.

Депутация – репутация. Первое из этих слов через польск *deputacja* из ново-лат. *deputatum* восходит к лат. *deputare* «указывать, назначать» (Шанский 1: 75), второе – через польск. *Reputacja* к лат. *reputātiō* «обдумывание, созерцание» (Фасмер 3: 473). В современном русском языке слова *депутация – репутация* не имеют общих сем и не функционируют как антонимы: *Депутация* – группа депутатов, выборных или назначенных лиц для выполнения какого-нибудь поручения, задания. *Направить депутацию.* *Репутация* – приобретаемая общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-, чего-нибудь. *Хорошая репутация* (Ожегов, Шведова: 161, 677).

Депрессия – репрессия. Значения лексем дифференцированы: *Депрессия* – 1. Угнетенное, подавленное психическое состояние (спец.). Впасть в депрессию. 2. Прекращение упадка, застоя в экономике (в ряде случаев, сменяющих собой кризис перепроизводства). *Репрессия* – карательная мера, исходящая от государственных органов. *Подвергнуться репрессиям* (там же). *Депрессия* восходит к лат. *deprimo* – давить вниз, опускать, подавлять, а *репрессия* – к лат. *reprimō* ‘прогонять, сдерживать’, где глагол *premo* ‘давить’ (Дворецкий: 872). Хотя есть общие семы, парадигматических отношений не возникает, так как слова используются в разных сферах.

Дедуция – редуция, дедуцировать – редуцировать. В лексеме *дедукция* (от лат. *deductio* ‘отведение, переселение’ < *deduco* ‘спускать вниз’ < *de + dico* ‘вести’ (там же: 284) за счет приставки реализуется компонент значения ‘противоположное по направлению движение предмета’ (поскольку *дедукция* – способ рассуждения от общих положений к частным выводам). *Редуция* (от лат. *reductio* ‘возвращение, отодвигание назад’ < *reduco* ‘отодвигать назад, возвращать’

< *re + dico* ‘вести’ (Дворецкий: 860)) – 1. Переход, сведение сложного к простому. 2. Уменьшение, ослабление чего-нибудь (Ожегов, Шведова: 673). Здесь проявляется семантика префикса *re-* ‘противоположность тому, что названо мотивирующим словом’. Лексемы используются в разных сферах: о дедукции говорится в отношении логики мышления и/или высказывания «от общего к частному», а редуция – уменьшение/резание предмета или явления – функционирует в остальных научных сферах: *редукция гласных* (лингв.), *редукция зуба* (биол.), *редукция пара* (техн.).

При анализе коррелирующих пар с данными префиксами стоит сказать и о явлении синонимии лексем с указанными префиксами в современном русском языке. Такая ситуация возникает, когда реализуется непродуктивное значение префикса *re-* ‘противоположность тому, что названо мотивирующим словом’, которое сближается со значением префикса *de-* ‘движение вниз, движение в противоположном направлении’.

В этом отношении показательна пара слов *дегрессия* (*digressio* < *degressio* ‘уход, отступление’ < *de + gressus* ‘шаг’) – *регрессия* (*regression* ‘отход, обратное движение’ < *re + gressus* ‘шаг’). Судя по качественному изменению гласного, отраженного в написании, основа с префиксом *de-* перераспределена еще в латыни, однако семантика ‘обратное действие’ в приставке не утрачена, так же, как и равнозначная семантика префикса *re-* в коррелирующей лексеме. Корень *-гресс-* в русском языке не реализует свое значение без префиксов, которые и несут на себе ключевую семантику (ср. *агрессия, эгрессия, прогресс*). *Дегрессия* – узкоспециализированный термин – пропорциональное налогообложение с понижением процента для уменьшающихся по величине доходов (по данным ресурса <https://www.klerk.ru/slovar/econ/term/24257> (дата обращения: август 2023)). *Регрессия* же – более активная лексема, реализуется в разных сферах со значением ‘обратное движение, возвращение’ (малопродуктивным для русского языка): *регрессия очагов воспаления* (мед.), *морская регрессия* (географ.), *линейная регрессия* (матем.), *личностная регрессия* (псих.). Таким образом, лексемы являются синонимами, в современном русском языке их дифференцируют лишь сферы применения. Это происходит за счет синонимичных компонентов значений в приставках.

Синонимическими аффиксами признаются те аффиксы, которые имеют тождественное значение [Милославский 1980: 199]. Многочисленные аффиксы могут быть синонимичны в одном или нескольких значениях (*de-* и *re-* синонимичны только в

одном значении – ‘совершение обратного действия’). Однако тождественность инвариантного значения префиксов не обязательно предполагает тождественность их контекстных значений.

В латинском языке, как и в русском, для префиксов *de-* и *re-*, коррелирующих в рамках одной основы, возможны и антонимия, и синонимия, и отсутствие парадигматических отношений. В качестве примера приведем краткий анализ нескольких латинских образований с общими основами:

1. *debellatrix* – ‘победительница’ – *de* + *bellum*, то есть ‘устраняющая войну’ и *rebellatrix* – ‘мятежница’ – *re* + *bellum* – ‘возобновляющая войну’ (Дворецкий: 288, 853). Антонимия.

2. *decanto* ‘околдовать’ – *gesanto* ‘снять чары’ (там же: 288, 854). Антонимия.

3. *detexo* ‘соткать’ – *retexo* ‘распускать’ (там же: 317, 878). Антонимия.

4. *desertio* ‘обман’ – *resertio* ‘укрывательство, оговорка’ (там же: 289, 854). Синонимия.

5. *declinacio* ‘наклон, отклонение’ – *reclinatio* ‘наклон назад, откидывание’ (там же: 291, 856). Синонимия.

6. *dejecto* ‘сбрасывать’ – *rejecto* ‘отбрасывать’ (там же: 300, 865). Синонимия.

7. *decalvatio* ‘снятие волос’ (из *calvus* – лысый) – *recalvatio* ‘плешь’ (там же: 288, 854). Есть общая сема со значением «отсутствие волос», однако слова не являются синонимами.

8. *desapo* ‘воспевать, славить’ (*cano*, *ogis* – пение, звон) – *gesapo* ‘откликаться пением’ (там же: 288, 854). Нет отношений антонимии или синонимии. Разные сферы употребления.

Таким образом, при равновозможном образовании синонимических и антонимических пар в языке-первоисточнике – латыни – в современном русском языке синонимия не является характерным видом отношений для слов с коррелирующими префиксами *de-* и *re-* в рамках одной основы, что обусловлено, во-первых, наличием европейских языков-посредников и развитием семантики лексем в этих языках, во-вторых, постепенной утратой на почве европейских языков (в том числе русского языка) продуктивности значения ‘обратное действие’ у приставки *re-* (>*re-*), что связано с наличием такого же значения у префикса *de-*, где и так генерализующей является семантика негации.

В начале работы был зафиксирован такой критерий выбора лексем для анализа, как отсутствие слов-терминов вследствие искусственности их создания. Однако следующие пары слов *дефлорация* – *рефлорация*, *дефлорировать* – *рефлорировать* (восходит к лат. *flos* ‘цветок’) представляют интерес на основании особенности выбора корневой морфемы для образования термина. *Дефлорация* – разрыв девственной плевы

(Ушаков 1: 701). *Рефлорация* – (гименопластика) – операция по восстановлению девственной плевы. В основе внутренней формы первой лексемы лежит метафора ‘срывания цветка’, а в более позднем образовании по аналогии внутренняя форма складывается в метафору ‘возвращение цветка’. Основа реализует свое метафорическое значение за счет приставок, сочетающихся с ней. В данной паре реализованы все семантические, синтагматические и парадигматические принципы, характерные для лексем с префиксами *de-* и *re-* с несвязанными основами: слово с основой на *-ция* (в глаголах на *-ова*), сема процессуальности, префикс *de-* реализует значение ‘лишение’, а префикс *re-* реализует значение ‘восстановление’, за счет чего возникает антонимия – как результат транспрефиксальной корреляции приставок *de-* и *re-* с одной и той же основой, при условии, что лексема (и реалия) с префиксом *re-* возникла в языке позже – в противовес лексеме с префиксом *de-*.

В заключение рассмотрим еще одну нетипичную пару слов: *деформация* (из фр. *déformation* восходит к лат. *deformatio* ‘искажение’ < *de* + *formo* ‘придавать форму, развивать, создавать’) – *реформация* (восходит к лат. *reformatio* ‘преобразование’ < *de* + *formo* ‘придавать форму, развивать, создавать’). Если *деформация* – это многозначное слово, встречающееся в разных научных областях: *деформация металла*, *деформация психики*, *деформация компьютерного кода*, то *Реформация* – религиозное, общественно-политическое и идеологическое движение в Западной Европе в XVI – 1-й половине XVII в., направленное на преобразование Римско-католической церкви и приведшее к возникновению протестантизма (Ушаков 3: 1350). Уникальность данной пары не в том, что между ними не возникает синонимических или антонимических отношений, и не в том, что они функционируют в разных сферах. В слове *деформация* легко прочитывается внутренняя форма за счет свободной основы, дающей возможность изучить семантику слова: *de-* ‘устранение, разрушение’ + *форм* + *a* + *-ция*, то есть в современном русском языке семантика такая же, как и в языке-первоисточнике, в то время как в слове *реформация* нельзя выделить корень *-форм-*, так как его значение реализуется только в состоянии связанной основы в ограниченном количестве контекстов. Получается, в сочетании с одной и той же основой один из префиксов – *de-* – выделяется, а другой – *re-* – нет, и основа остается связанной.

Выводы

В результате словообразовательного, семантического и этимологического анализа вышеприве-

денных лексем со связанными основами и приставками *de-* и *re-* можно сделать следующие выводы.

1. Описанные модели словообразования для лексем с приставками *de-* и *re-* оказались верны и для случаев со связанными основами с теми же префиксами.

2. В лексемах с коррелирующими префиксами *de-* и *re-* один или оба префикса часто полностью или частично десемантизируются.

3. Лексемы с коррелирующими префиксами *de-* и *re-* в рамках одной связанной основы могут образовывать синонимичные пары в исключительных случаях, так как в процессе заимствования лексем значение префикса *re-* 'обратное действие', схожее с подобным значением префикса *de-*, стало непродуктивным вследствие уже существующей генерализующей «негативной» семантики приставки *de-*. В рамках связанной основы они реже образуют антонимические пары.

4. Лексемы с коррелирующими префиксами *de-* и *re-* в рамках одной связанной основы могут образовывать антонимические пары в исключительных случаях, при условии, что первым в принимающем (в данном случае русском) языке возникло слово с префиксом *de-*, а после (и на основании) него возникло слово с префиксом *re-*, что является транспрефиксальным словообразованием, характерным для слов с данными префиксами со свободными основами (и искусственно созданными терминами).

5. Лексемы с коррелирующими префиксами *de-* и *re-* в рамках одной связанной основы практически не используются в одинаковых сферах речевого употребления, в отличие от лексем с данными префиксами и свободными основами.

6. Префиксы *de-* и *re-* в сочетании со связанными корнями могут забирать на себя «смысловый вес» лексем, буквально организуя ее значение, если значение корня невозможно описать изолированно (ср. *депрессия*, *регресс*).

Примечание

¹ URL: <https://velodaily.ru/nikita-kalachnik-winkirin-junior-track-world-championships-2021/> (дата обращения: 26.02.22).

Источники

Дворецкий – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000. 2-е изд., перераб. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.

Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка: 41089 словарных статей / под ред. С. А. Трубачева. М.: Азъ, 1992. 960 с.

РГ-80 – Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: д. фи-

лол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980–1982. Т. 1. 789 с.

Ушаков – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1, 1935. 1565 с. Т. 3, 1939. 1424 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А–Д) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. стер. М.: Прогресс., 1986. 576 с. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Шанский – Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 5. Д, Е, Ж / под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 304 с.

Список литературы

Антоненко Н. В. Особенности префиксации и роль префиксов *re-/re-* в современном английском и русском языках // Известия ВГПУ. 2013. № 9. С. 56–59.

Вепрева И. Т., Пикулева Ю. Б. Об активизации одной словообразовательной модели в контексте специальной военной операции на Украине // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры 2023. Т. 29, № 1. С. 70–80.

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 324 с.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: МГУ, 1980. 296 с.

Новоселова В. А. Актуальные префиксы ДЕ и РЕ в лексике современного политического языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1. С. 106–111. doi 10.15393/uchz.art.2018.18

Пазынин В. В. Заменительная префиксация в языке и речи. Словообразовательные ресурсы русского языка // Словарь неузуальных слов современной разговорной речи: сб. ст. М., 2007. С. 38–48.

Улукханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. 2-е изд. М.: РАН, 2008. 232 с.

Ставицкая С. С. Транспрефиксация приставок *de-* и *re-* как основание для возникновения лексической антонимии // Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФУ: материалы междунар. конф., 25–27 марта 2021 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 444–446.

Субботина М. В. Тенденция к интернационализации и современные деривационные процес-

сы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3. С. 349–355.

Швыдкая Л. И. Словообразовательный механизм и морфологическая структура слова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 241–249.

Fijałkowska W. Czy derywaty prefiksalne wymienne wyrażają intensywność? (Выражают ли именные префиксальные дериваты интенсивность?) // LingVaria. 2016. № 11 (22). С. 71–82.

References

Antonenko N. V. Osobennosti prefiksatsii i rol' prefiksov re-/re- v sovremennom angliyskom i russkom yazykakh [Peculiarities of prefixing and the role of prefixes re-/pe- in the modern English and Russian languages]. *Izvestiya VGPU* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, issue 9, pp. 56-59. (In Russ.)

Vepreva I. T., Pikuleva Yu. B. Ob aktivizatsii odnoy slovoobrazovatel'noy modeli v kontekste spetsial'noy voennoy operatsii na Ukraine [On the activation of one word formation model in the context of the special military operation in Ukraine]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2023, vol., 29, issue 1, pp. 70-80. (In Russ.)

Vinokur G. O. Zаметки по русскому словообразованию [Notes on Russian word formation]. In: Vinokur G. O. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Uchpediz Publ., 1959, pp. 419-442. (In Russ.)

Zemskaya E. A. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie [The Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 324 p. (In Russ.)

Miloslavskiy I. G. *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza* [Issues of Word-Formation Synthesis]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1980. 296 p. (In Russ.)

Novoselova V. A. Aktual'nye prefiksy DE i RE v leksike sovremennogo politicheskogo yazyka [Priority prefixes de- and re- in the lexicon of modern

political language]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2018, issue 1, pp. 106-111. doi 10.15393/uchz.art.2018.18. (In Russ.)

Pazynin V. V. Zamenitel'naya prefiksatsiya v yazyke i rechi. Slovoobrazovatel'nye resursy russkogo yazyka [Substitutional prefixation in language and speech. Word-formation resources of the Russian language]. *Slovar' neuzual'nykh slov sovremennoy razgovornoy rechi* [Dictionary of Non-Usual Words of Modern Colloquial Speech]. Moscow, 2007, pp. 38-48. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation]. 2nd ed. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 232 p. (In Russ.)

Stavitskaya S. S. Transprefiksatsiya prstavok de- i re- kak osnovanie dlya vozniknoveniya leksicheskoy antonimii [Transprefixing the prefixes DE- and RE- as the basis for the occurrence of lexical antonymy]. *Transformatsiya real'nosti: strategii i praktiki: 5-y molodezhnyy konvent UrFU: materialy mezhdunarod. konf. 25–27 marta 2021 goda* [Transformation of Reality: Strategies and Practices: 5th Youth Convention of UrFU: Proceedings of International Conference, March 25-27, 2021]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2021, pp. 444-446. (In Russ.)

Subbotina M. V. *Tendentsiya k internatsionalizatsii i sovremennye derivatsionnye protsessy* [The trend toward internationalization and modern derivational processes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, issue 3, pp. 349-355. (In Russ.)

Shvydkaya L. I. Slovoobrazovatel'nyy mekhanizm i morfologicheskaya struktura slova [Word-building mechanism versus morphemic word-structure]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2012, issue 3 (37), pp. 241-249. (In Russ.)

Fijałkowska W. Czy derywaty prefiksalne wymienne wyrażają intensywność? [Do Interchangeable Prefix Derivatives Express Intensity?]. *LingVaria*, 2016, issue 11 (22), pp. 71-82. (In Pol.)

The Functioning of Lexemes Having Bound Stems with Prefixes *de-/re-*

Sofya S. Stavitskaya

Assistant in the Department of Publishing

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia, 19. stavitsofi@mail.ru

SPIN-code: 9893-3028

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5476-749X>

Submitted 15 Mar 2024

Revised 02 Jun 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Stavitskaya S. S. Osobennosti funktsionirovaniya leksem s prefiksami *de-* i *re-* v svyazannykh osnovakh [The Functioning of Lexemes Having Bound Stems with Prefixes *de-/re-*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 54–62. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-54-62. EDN IPMHET (In Russ.)

Abstract. The article considers the peculiarities of the functioning of lexemes with prefixes *de-* and *re-* in bound stems. The study is divided into four parts: introduction, description of the codified meanings of prefixes *de-* and *re-* and their word-formation valence, description of the correlation paradigm of lexemes with these prefixes in bound stems, conclusions. The work provides semantic characteristics and valence indicators of the prefixes in modern Russian for comparison with their original meanings in the source language – Latin, as well as for tracing the further transformation path of these meanings up to the modern stage of the development of the Russian language, where they were borrowed as part of lexemes through European languages. The material under study is pairs of words with prefixes *de-* and *re-* that correlate with the same bound stem, which makes it possible to isolate and describe the semantics of these prefixes and further determine in what paradigmatic relations the words are in a lexical pair (antonymy or synonymy). Etymological and semantic analysis of each studied lexeme is carried out based on etymological explanatory dictionaries, as well as by considering the word in context. The study draws attention to the fact that in combination with bound stems, prefixes can independently create the meaning of a word due to the darkening of the internal form and partial desemantization of the root morpheme.

Prefixes *de-* and *re-* themselves can also be desemantized, which ultimately leads to conclusions about the functioning of such prefixes with bound stems. The study has established the similarity of word-forming models for prefixes *de-* and *re-* when used with divisible and indivisible stems. It has also been found that such words can form synonymous pairs in the case where both the lexeme with prefix *re-* and the lexeme with prefix *de-* have a component of the meaning ‘reverse action’. Such pairs can also form antonymic relationships if neither of the prefixes has been desemantized.

Key words: prefix; bound stem; bound root; semantics; desemantization; word-formation; lexeme; context.

УДК 81-25
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-63-70
<https://elibrary.ru/jzsbst>

EDN JZSBST

В СВОЁМ РОДЕ как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор русской повседневной речи

Сян Янань

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. st112867@student.spbu.ru

SPIN-код: 4574-6837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2279-6868>

ResearcherID: KIJ-9357-2024

Статья поступила в редакцию 27.05.2024

Одобрена после рецензирования 16.07.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Сян Янань. В СВОЁМ РОДЕ как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор русской повседневной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 63–70. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-63-70. EDN JZSBST

Аннотация. Работа посвящена анализу функционирования в русском устном повседневном дискурсе единицы *в своём роде* – как потенциального прагматического маркера-аппроксиматора. Источником материала для исследования стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка. В работе использован корпусный подход и такие научные методы, как метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный и количественный. Проведенный анализ показал, что выражение *в своём роде* в устном дискурсе значительно обогатило свое словарное значение неопределенности ('с известной точки зрения') за счет целого ряда прагматических значений: *аппроксимации* (снижения категоричности высказывания), *гезитации* (преодоления речевой заминки и оформления речевого поиска), *рефлексии* на сказанное или готовящееся к произнесению и *маркирования финала* фразы/реплики. Словарное лексико-грамматическое значение единицы *в своём роде* в устном употреблении уже почти утрачено, а взамен получен ряд прагматических значений (функций), которые не описаны в существующих словарях, что позволяет рассматривать исследуемую единицу как потенциальный полифункциональный прагматический маркер-аппроксиматор. Это, в свою очередь, может стать основанием для включения данной единицы в словарь прагматических маркеров. Полученные результаты могут быть полезны для понимания тенденций развития русской повседневной речи в рамках коллоквиалистики (анализа устной речи), для практики преподавания русского языка как иностранного (лингводидактика), а также практики перевода русских художественных текстов на другие языки.

Ключевые слова: повседневная речь; устный корпус; прагматический маркер; аппроксиматор; хедж; маркер неопределенности; прагматикализация.

Введение

Каждый из нас живет в определенной речевой среде¹. Речь – это «сумма всего того, что говорят люди; она включает: а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих; б) акты фо-

нации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций» [Соссюр 1999: 26]. Письменная речь чаще подготовлена, заранее структурирована в сознании говорящего и менее спонтанна, а уст-

ная речь является неподготовленной или в минимальной степени подготовленной, она «самоорганизуется в процессе порождения, в отличие от речи письменной, где наблюдается только фиксированный результат. Устная речь как будто рождается в муках – оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах» [Звуковой корпус ... 2013: 27].

Изучение устной речи достаточно важно для понимания ключевых языковых процессов, ср.: «именно разговорная речь является достоянием любого носителя языка, независимо от его возраста, образованности и культуры» [Русакова 2002: 32]. Ср. также: «написанный язык живет не самостоятельно, а питается соками живого, произносимого языка – лучше же наблюдать источник жизни, нежели ее наросты; к тому же в развитии произносимого языка участвуют силы всего народа, а письменного – лишь ничтожной его части» [Щерба 1957: 14–15]. Таким образом, исследование современной устной речи привлекает сегодня всё больше внимания лингвистов самых разных направлений.

В русской устной речи существует ряд функциональных единиц, подвергшихся процессу *прагматикализации*: их лексическое значение во многих реальных употреблениях ослаблено или полностью утрачено, и они выполняют в речи лишь ту или иную функцию. Учитывая такую специфику, их называют *прагматическими маркерами* (ПМ) [Богданова-Бегларян 2021: 16].

Одним из классов ПМ являются прагматические маркеры-аппроксиматоры (ПМА) – маркеры нечеткой, или приблизительной, номинации, показывающие неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющиеся, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013: 632]. Типичными ПМА русской устной речи являются единицы типа, как бы, как будто, вроде, или там. Все они довольно частотны в устном общении: например, маркер-аппроксиматор *как бы* имеет ранг 5 и ИРМ 900 (для 300 тыс. токенов в аннотированном подкорпусе ОРД²) в частотном списке 60 базовых русских ПМ, маркер *типа* – ранг 15 и ИРМ 297, маркер *вроде* – ранг 23 и ИРМ 77 [Прагматические... 2021: 54, 56].

Язык находится в состоянии постоянного развития. В устной речи зачастую появляются новые функциональные единицы, прагматическое значение которых не зафиксировано в академических словарях. Одной из таких единиц является *в своём роде*, функционирующая почти исключительно в устной повседневной речи³. Именно она стала объектом исследования в настоящей работе.

Материал, объект и методы исследования

Источником материала для анализа послужил устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>), то есть в работе используется корпусный подход к анализу речи, что обусловлено особенностями анализируемого материала.

Объектом изучения в работе является маркер неопределенности *в своём роде* в русской повседневной речи. Прагматические значения данной речевой единицы в словарях не зафиксированы.

В работе использованы такие научные методы, как метод сплошной выборки (для создания пользовательского подкорпуса материала), описательный (контекстный анализ), сопоставительный (данные словарей и устного корпуса) и квантитативный (простые количественные подсчеты).

Результаты анализа

Согласно определению МАС, единица *в своём роде* означает ‘с известной точки зрения’ [Словарь... 1984: 121].

В УП нашлось всего 33 примера с единицей *в своём роде*, в том числе достаточно много (42,4 %) «словарных» употреблений исследуемого выражения, ср.:

(1) [Раевский К.С. (муж, фармаколог)] *Она была в своём роде замечательный человек/ потому что она была /по-видимому / очень способный человек;*

(2) [Мина М.В. (муж, биолог-ихтиолог)] [Смех] *Аа я /по-моему / даже снялся в галстук – тоже единственная в своём роде фотография.*

«Словарными», следовательно, можно считать употребления, в которых зафиксированное в словарях значение подчеркнуто сочетанием с оценочными прилагательными *единственный, уникальный, замечательный, неповторимый, неплохой* и т. п. Именно эта высокая оценка и снижается (смягчается) с помощью единицы *в своём роде*.

Интереснее, однако, другие употребления, в которых исследуемое выражение *в своём роде* функционирует в различных прагматических значениях. Кроме «словарных», остальные, «несловарные», употребления (57,6 %) уже слегка выходят за рамки «словарных» и расширяют круг значений (функций) исследуемой единицы. Их можно разделить на три группы.

Первая группа употреблений – в сочетании тоже с оценочными единицами: *кустарный промысел, удовольствие видеть вас, тиран, очень великий человек, неплохой хозяин, спектакль (перен.), тонкий* (в значении ‘изысканный, утонченный’ – [Словарь... 1988: 380]), *герой, удивлен и восхищен*. Здесь выражение *в своём роде* снижает категоричность как высокой оценки (*удовольствие видеть вас, великий человек, неплохой хозяин, тон-*

кий, удивлен и восхищен), так и низкой (*кустарный промысел, спектакль (перен.), тиран*), ср.:

(3) [№ 7, муж, 30, 1973, рабочий] *Вы знаете/ в чем-то очень интересно/ потому что это был в своём роде очень великий человек/ потому что он за собой столько народу повел/ об этом стоит/ да/ думать и знать/ что это за человек;*

(4) [С. Калугин, муж, 31, 1967, музыкант|поэт] *Это человек достаточно ироничный и... в/ своём роде/ тонкий;*

(5) [№ 8, муж, 25, 1976, преподаватель] *Конечно/ тяжело понять человека/ попавшего в такую ситуацию/ но зачем тратить огромные средства на поднятие? Устраивать в своём роде спектакль? Эти деньги могли спасти еще многих людей.*

В контексте (3) говорящий объясняет, почему интересно то, о чем он говорит, с помощью выражения *в своём роде* и хеджа *в чем-то*. Понятие хеджа (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) близко к аппроксиматору [Lakoff 1973: 471]. Стратегия хеджирования предполагает использование говорящим слов (единиц) «осторожной» модальности – неопределенных местоимений или наречий, а также вводных слов, выражающих неуверенность говорящего (*какой-нибудь, вероятно, где-то*). Хеджи «имплицитно подразумевают неясность, их функция заключается в том, чтобы представить вещи более или менее неясными» [там же], снижая тем самым общую категоричность высказывания. В устной речи ПМА и хеджи совместно реализуют стратегию хеджирования, «выполняющую защитно-эвфемистическую функцию <...> за счет представления предметов и явлений нечеткими и неоднозначными» [Пастухова 2019: 10]. Можно сказать, что хеджи и маркеры-аппроксиматоры взаимно усиливают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит [Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023: 61]. В данном контексте использование выражения *в своём роде* и хеджа *в чем-то* помогает снизить категоричность (высокой оценки) говорящего.

В контексте (4) говорящий ищет подходящее слово для характеристики человека и использует маркер *в своём роде* в роли одновременно поискового хезитатива и так называемого «упреждающего» рефлексива, с помощью которого словно бы готовит слушателя к тому определению, которое сейчас произнесет (ср.: [Богданова-Бегларян 2023]). Поисковая функция исследуемого выражения поддерживается здесь и пунктуационно: многоточием перед маркером и найденным в результате словом *тонкий*⁵.

Согласно определению МАС, слово *спектакль* означает ‘театральное представление; разг. о каком-л. интересном зрелище, происше-

ствии и т. п.’» [Словарь... 1984: 219]. При этом в контексте (5) данное слово используется в переносном значении ‘смешное, занятное зрелище’, которое часто реализуется в сочетании именно с глаголом *устраивать*. Здесь выражение *в своём роде* помогает говорящему смягчить категоричность низкой оценки в его речи.

Из вышеприведенных примеров видно, что выражение *в своём роде* находится во фразе перед оценочными структурами и может сочетаться с разными частями речи (как прилагательными, так и существительными) и словосочетаниями.

Вторая группа употреблений *в своём роде* – уже без семантики оценки: *направление работы, вторая малая родина, смесь, шаги, ультиматум, княжна, занятие, препровождение времени, развлечение, моменты противостояния, именное оружие*. Лексическое («словарное») значение снижения категоричности «уходит», остается лишь функция неопределенности. Начинает «рождаться» прагматический маркер-аппроксиматор, ср.:

(6) [Генинг Е.П., муж, священник] *Но дело в том/ что когда мы говорим о крещении/ а я напоминаю/ что для нас это важно/ поскольку мы сейчас проводим вот такие аналогии/ аа ну/ если позволите/ между таинствами и Шагами/ потому что таинства – это тоже определённые Шаги в своём роде аа внутри церкви/ да/ христианской жизни;*

(7) [Следователь (О. Басилашвили, муж, 43, 1934)] *Для них это/ в своём роде/ занятие/ препровождение времени/ развлечение/ что ли;*

(8) [1, муж, 53, 1950, рабочий] *Да нет/ мне кажется/ это в какой-то мере даже направление работы правительства/ в своём роде.*

В контексте (6) выражение *в своём роде* следует после прилагательного *определённые*, которое, кроме наиболее типичного значения ‘ясный, отчетливый’, означает еще ‘тот или иной, некоторый’ [Словарь... 1984: 629], то есть тоже передает неуверенность (является хеджем). Одновременно в речи использованы вокализации (*аа*), свидетельствующие о колебаниях говорящего. Единица *в своём роде* оказывается «окружена» такими хезитационными явлениями, словно бы «втянута» в хезитацию, что и обеспечивает ей в данном случае еще и статус хезитатива (ср.: [Богданова-Бегларян 2024]).

В контексте (7) маркер *в своём роде* также выражает аппроксимацию, поддержанную частицей *что ли*⁴. В контексте (8) говорящий выражает свое мнение, используя маркер *в своём роде* и ряд хеджей (*кажется, какой-то*). Здесь *в своём роде* находится в конце фразы, выполняя дополнительную функцию разграничительного маркера финала [Богданова-Бегларян 2021: 29]. В

данной группе выражение *в своём роде* сочетается только с именами существительными и субстантивными словосочетаниями.

В третьей группе употреблений *в своём роде* семантика даже и не мыслится, остается только функция аппроксимации. В единственном контексте выражение *в своём роде* сочетается с глаголом *помогла*. Можно сказать, что здесь «рождается» уже чистый прагматический маркер-аппроксиматор, ср.:

(9) [№ 1, жен, 34, 1967, экономист] *Во время войны эта дисциплина тоже в своём роде помогла*.

В контексте (9) выражение *в своём роде* уже не обладает лексическим значением (заметим,

что способность этого выражения к грамматическому словоизменению и, соответственно, грамматические значения его составляющих утрачены им еще на этапе формирования устойчивой «словарной» единицы – в результате процесса *идиоматизации*, также весьма активного в русском устном дискурсе), а только помогает говорящему выразить свою неуверенность и снять с себя ответственность за сказанное.

Таким образом, для выражения *в своём роде* можно выстроить своеобразную шкалу прагматикализации, которая показывает сначала ослабление, а затем и утрату этим выражением лексического значения и появление маркера-аппроксиматора (рисунок).

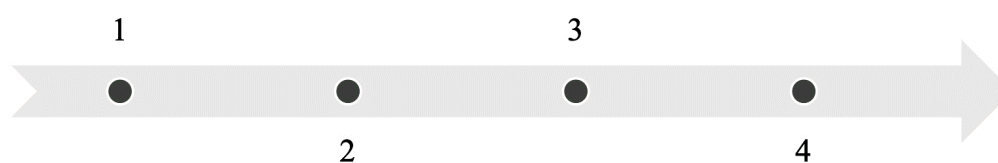

Рис. Шкала прагматикализации для единицы В СВОЁМ РОДЕ
Fig. Pragmaticalization scale for the unit V SVOYOM RODE

Точка 1 – единица *в своём роде* обладает чистым «словарным» значением (с известной точки зрения), смягчает категорически высокую оценку и сочетается с оценочными прилагательными: *единственный в своём роде*, *уникальный в своём роде*, *первый в своём роде*, *лучший в своём роде* и под.

Точка 2 – единица *в своём роде* смягчает категоричность как высокой, так и низкой оценки, сочетается в основном с существительными или субстантивными словосочетаниями, ср.:

- высокая оценка: *в своём роде удовольствие видеть вас*, *в своём роде очень великий человек*, *в своём роде герой*;

- низкая оценка: *в своём роде кустарный промысел*, *в своём роде немного тиран*⁶, *в своём роде устраивать спектакль*.

Точка 3 – единица *в своём роде* сочетается со словами без семантики оценки. Нет категоричности, нечего снижать, то есть лексическое значение «уходит», остается лишь функция неопределенности (аппроксимации). Начинает «рождаться» прагматический маркер-аппроксиматор: *в своём роде/ занятие/ препровождение времени/ развлечение*, *в своём роде моё именное оружие*, *в своём роде княжна*.

Точка 4 – семантика единицы *в своём роде* даже и не мыслится, остается только функция аппроксимации. В единственном найденном в УП контексте такого типа единица *в своём роде*

сочетается с глаголом: *тоже в своём роде помогла*. Здесь выражение *в своём роде* уже превратилось в чистый ПМА.

Заключение

Проведенный анализ показал, что маркер неопределенности *в своём роде* достаточно активен в русской устной повседневной речи. В устном подкорпусе НКРЯ 57,6 % употреблений исследуемой единицы выходят за рамки «словарных» значений и расширяют круг ее функциональных возможностей: прагматические значения аппроксимации, гезитации, рефлексии и маркирования финала высказывания/реплики. Лексико-грамматическое значение данного выражения в устном употреблении сначала ослабляется, а затем совсем утрачивается, и ему на смену приходит прагматическое значение, которое не описано ни в каких словарях. Таким образом, *в своём роде* можно рассматривать как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор, что может стать основанием для включения данной языковой единицы в словник ПМ⁷.

Полученные результаты могут способствовать лучшему пониманию тенденций развития устной речи как основной формы языкового существования и использоваться для дальнейшего анализа в области коммуникативной лингвистики. Результаты исследования также могут быть полезны в практике преподавания русского языка как

иностранным и в практике перевода русских художественных текстов на другие языки (особенно на китайский).

Примечания

¹ Ср. мнение Б. М. Гаспарова об устной речи как о «том трудно заметном и все время ускользающем, динамическом аспекте нашего взаимодействия с языком, который сопровождает наше существование в языке в каждый его момент, на всем протяжении нашего жизненного опыта» [Гаспаров 1996: 18].

² ОРД, или «Один речевой день», – это корпус русского языка повседневного общения, созданный в СПбГУ по методике 24-часовой записи [<https://ord.spbu.ru>] (см. о нем, например: [Богданова-Бегларян и др. 2017]).

³ Ср. сходные наблюдения над функционированием в устной речи единицы *своего рода*, также близкой к маркерам-аппроксиматорам [Богданова-Бегларян 2023].

⁴ Ср. лексикографическую характеристику единицы *что ли (ль)*: «(в знач. вводн. сл.) – употребляется для выражения сомнения, неуверенности, побуждения и т. д.» [Словарь... 1988: 686].

⁵ *Многоточие* как знак препинания, помимо прерванности речи, незаконченности высказывания или пропуска в тексте [там же: 283], способно выражать и паузу, связанную с неуверенностью или *выбором слова* (см.: [Сидорова 2005; Басалаева, Шпильман 2015]). Эта особенность письменной речи оказывает влияние и на исследователей, представляющих в корпусах расшифровки (дискурсивную транскрипцию) материала устной речи.

⁶ «Помощником» выражения *в своём роде* в деле смягчения низкой оценки, заключенной в слове *тиран* («то, кто мучит, притесняет кого-л.» – [Словарь ... 1988: 366]), выступает в данном контексте наречие *немного*, имеющее в своей лексикографической характеристике и значение «в некоторой степени, чуть-чуть, слегка» [там же: 455].

⁷ Необходимо, однако, заметить, что, как и уже упомянутое в статье выражение *своего рода*, исследуемая единица «занимает как бы (*своего рода*) (здесь и далее в цитате курсив автора. – Я. С.) промежуточное положение между значимыми единицами языка и лексически опустошенными, чисто прагматическими, единицами устного дискурса («словами-паразитами», или прагматическими маркерами). *Своего рода* (добавим: и *в своём роде*. – Я. С.) нельзя однозначно отнести к классу ПМ, так как это выражение используется не только в устной, но и в письменной речи, а также имеет лексикографическую фиксацию. С прагматическими маркерами словосочетание *своего рода* (добавим: и *в своём ро-*

де. – Я. С.) сближает неосознанность, автоматизм употребления говорящим, а также вербализация некоторых его затруднений в ходе речепорождения или реакция на само это речепорождение. Думается, что это «слово-паразит» интеллигентной речи: в аналогичной ситуации говорящий с более низким уровнем речевой культуры (речевой компетенции) употребит, скорее, маркер *типа* или *как бы*» [Богданова-Бегларян 2023: 106]. Думается, что всё сказанное Н. В. Богдановой-Бегларян о единице *своего рода* может быть с успехом отнесено и к исследуемой в настоящей работе единице *в своём роде*.

Список литературы

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Богданова-Бегларян Н. В. *Своего рода* как полифункциональный маркер-аппроксиматор русской повседневной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию кафедры русского языка (г. Владимир, 26–28 сентября 2023 г.) / отв. ред. М. Вас. Пименова. Владимир: Транзит-ИКС, 2023. С. 101–107.

Богданова-Бегларян Н. В. КАК СКАЗАТЬ и ИЛИ КАК СКАЗАТЬ как прагматические маркеры русской повседневной речи (расширение словника ПМ) // Сб. тез. ЛП Междунар. науч. филол. конф. имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (19–26 марта 2024, Санкт-Петербург). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2024. С. 1154–1155.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Вып. IX / ред. вып. И. Прохорова. М.: Новое литературное обозрение. 1996. 352 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.04.2024).

ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru> (дата обращения: 05.04.2024).

Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом дискурсе (на материале английского и русского языков). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 24 с.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 12 (19). В двух томах. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Русакова М. В. Психолингвистика. Вступительные лекции. СПб.: Союз, 2002. 51 с.

Сидорова М. Ю. ...Многоточие русского человека... (по материалам открытых Интернет-дневников) // Традиции и тенденции в современной грамматической науке. Вопросы русского языкознания. Вып. 12. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 212–221.

Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П–Р. Изд. второе, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1984. 752 с.

Словарь русского языка в четырех томах. Том II. К–О. Изд. третье, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.

Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С–Я. Изд. третье, испр. и доп. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1988. 796 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. 432 с.

Сян Янью, Богданова-Бегларян Н. В. Аппроксимация и хеджирование в языке и речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2023). Труды десятого междисциплинарного семинара / науч. ред. П. А. Скредин, У. Е. Кочеткова. СПб.: Политехника-принт, 2023. С. 60–65.

Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11–20.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2. P. 458–508.

References

Basalaeva E. G., Shpilman M. V. Mnogotochie kak ob'ekt yazykovoy refleksii v internet-diskurse [Ellipsis as an object of linguistic reflection in Internet discourse]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, issue 3, pp. 248–255. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. *Predislovie redaktora* [Editor's foreword]. *Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech]: a dictionary-monograph. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, pp. 5–52. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. *Svoego roda* kak polifunktsional'nyy marker-approksimator russkoy povsednevnoy rechi [*Svoego roda* as a multifunctional marker-approximator of Russian everyday speech]. *Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmaticheskiy aspekt*. [Language Categories and Units: Syntagmatic Aspect]: proceedings of the XV International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the foundation of the Russian Language Department. (Vladimir, September 26–28, 2023)]. Vladimir, Transit-IKS Publ., 2023, pp. 101–107. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. КАК SKAZAT' i ILI КАК SKAZAT' kak pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi (rasshirenie slovnika PM) [КАК SKAZAT' and ILI КАК SKAZAT' as pragmatic markers of Russian everyday speech (extension of the pragmatic markers vocabulary)]. *Sbornik tezisov LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoy (19-26 marta 2024, Sankt-Peterburg)* [A Collection of Abstracts of LII International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (March 19–26, 2024, St. Petersburg)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2024, pp. 1154–1155. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. Korpus 'Odin rechevoy den' v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi ['One Speech Day' Corpus in the study of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR³-2017)* [The Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017): proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar. St. Petersburg, Politekhniko-print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)

Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, New Literary Review Publ., 1996, issue 9. 352 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [A Speech Corpus as Material for Russian Speech Analysis. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg University Publ., 2013. 532 p. (In Russ.)

Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 Apr 2024). (In Russ.)

Corpus of Russian Everyday Speech 'One Speech Day'. Available at: <https://ord.spbu.ru>. (accessed 05 Apr 2024). (In Russ.)

Pastukhova O. D. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti evfemizmov v politicheskoy diskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Communicative and pragmatic features of euphemisms in political discourse (based on the material of the English and Russian languages). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2019. 24 p. (In Russ.)

Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech]: a dictionary-monograph. Comp., ed. and pref. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p. (In Russ.)

Podlesskaya V. I. Nechetkaya nominatsiya v russkoy razgovornoy rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Unclear nomination in Russian colloquial speech: An experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog' (2013). Vyp. 12 (19). V dvukh tomakh. Tom 1. Osnovnaya programma konferentsii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Based on Materials of the Annual International Conference 'Dialogue' (2013). Issue 12 (19). In 2 vols. Vol. 1. Main Conference Program]. Ed. by V. P. Selegey. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2013, pp. 631-643. (In Russ.)

Rusakova M. V. *Psikholingvistika. Vstupitel'nye leksii* [Psycholinguistics. Introductory Lectures]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2002. 51 p. (In Russ.)

Sidorova M. Yu. ...Mnogotochie russkogo che-loveka... (po materialam otkrytykh Internet-dnevnikov) [...Ellipsis of a Russian Person... (based on materials of open Internet diaries)]. *Traditsii i tendentsii v sovremennoy grammaticheskoy nauke. Voprosy russkogo yazykoznaniiya* [Traditions and Trends in Modern Grammatical Science. Questions of Russian Linguistics]. Issue 12. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2005, pp. 212-221. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes]. 2nd rev. and enl. ed. Ed. by A. P. Evgenieva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984, vol. 3. 752 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes]. 3rd rev. and enl. ed. Ed. by A. P. Evgenieva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986, vol. 2. 736 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes]. 3rd rev. and enl. ed. Ed. by A. P. Evgenieva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988, vol. 4. 796 p. (In Russ.)

Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 1999. 432 p. (In Russ.)

Xiang Yanan, Bogdanova-Beglaryan N. V. *Ap-proksimatsiya i khedzhirovanie v yazyke i rechi* [Approximation and hedging in language and speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR³-2023)* [The Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2023)]: proceedings of the 10th Interdisciplinary Seminar. St. Petersburg, Politekhnikaprint Publ., 2023, pp. 60-65. (In Russ.)

Shcherba L. V. O sluzhebnoy i samostoyatel'noy znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta [On the auxiliary and independent significance of grammar as an educational subject]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 11-20. (In Russ.)

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, issue 2, pp. 458-508. (In Eng.)

V SVOYOM RODE as a Potential Pragmatic Marker-Approximator of Russian Everyday Speech

Xiang Yanan

Postgraduate Student at the Department of Russian Language

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia. st112867@student.spbu.ru

SPIN-code: 4574-6837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2279-6868>

ResearcherID: KIJ-9357-2024

Submitted 27 May 2024

Revised 16 Jul 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Xiang Yanan. V SVOYOM RODE kak potentsial'nyy pragmaticheskiy marker-approksimator russkoy povsednevnoy rechi [V SVOYOM RODE as a Potential Pragmatic Marker-Approximator of Russian Everyday Speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 63–70. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-63-70. EDN JZSBST (In Russ.)

Abstract. The paper analyzes the functioning of the unit *v svojom rode* in Russian oral everyday discourse as a potential pragmatic marker-approximator. The source of material for analysis was the spoken subcorpus of the Russian National Corpus. The study employs the corpus approach and scientific methods such as continuous sampling, descriptive, comparative, and quantitative methods. The analysis showed that the expression *v svojom rode* in oral discourse has significantly enriched its dictionary meaning of uncertainty ('from a certain point of view') with a number of pragmatic meanings: *approximation* (reducing the categoricalness of the statement), *hesitation* (overcoming speech hesitation and formalizing speech search), *reflection* on what has been said or is about to be said, and *marking the ending* of a phrase/remark. The dictionary lexico-grammatical meaning of the unit *v svojom rode* in oral use has almost been lost; instead, there appeared several pragmatic meanings (functions) that are not described in the existing dictionaries, which allows us to consider the unit under study as a potential multifunctional pragmatic marker-approximator. This, in turn, may become the basis for including this unit in the Dictionary of Pragmatic Markers. The results obtained can be useful for understanding the trends in the development of Russian everyday speech within the framework of colloquial speech studies (analysis of oral speech), for the practice of teaching Russian as a foreign language (linguodidactics), as well as for the practice of translating Russian literary texts into other languages.

Key words: everyday speech; spoken corpus; pragmatic marker; approximator; hesitant; marker of uncertainty; pragmaticization.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-71-81
<https://elibrary.ru/lqtmoi>

EDN LQTMOI

Коми-пермяцкие названия осота и бодяка, содержащие компонент *йӧн*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья», проект № 24-18-20015

Федосеева Екатерина Леонидовна

научный сотрудник

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. ekl-fedoseeva@yandex.ru

SPIN-код: 7957-5116

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-4833>

ResearcherID: rid92333

Статья поступила в редакцию 27.08.2024

Одобрена после рецензирования 28.10.2024

Принята к публикации 01.11.2024

Информация для цитирования

Федосеева Е. Л. Коми-пермяцкие названия осота и бодяка, содержащие компонент *йӧн* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 71–81. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-71-81. EDN LQTMOI

Аннотация. В статье рассмотрены коми-пермяцкие названия осота и бодяка, содержащие компонент *йӧн*. Исследование актуально для лексикографирования и картографирования данных фитонимов, поскольку оно позволяет идентифицировать эти растения. Проведен анализ структуры фитонимов и их контекстного окружения с целью обнаружения языковых средств, с помощью которых обозначаются объективные свойства этих сорняков. Контекстный анализ показал, что определить растение помогают прилагательные *желля* «колючий», *лӧк* «злой, свирепый», *чорыт* «твердый», когда речь идет о бодяке, или *хрупкӧй* «хрупкий», *небыт*, *мягкӧй* «мягкий» при описании осота. Структурно-семантический анализ позволил выявить в компонентах названий признаки, помогающие дифференцировать рассматриваемые растения: млечный сок, выделяемый осотом (*йӧлтурун* досл. «молочная трава»), *йӧлйӧн* досл. «молочный осот», *йӧвайӧн* досл. «молочный осот» и др.), жёлтая окраска лепестков осота (*вежйӧн* досл. «желтый осот»), твёрдость стебля, колючесть бодяка (*чорытйӧн* досл. «твёрдый осот»), *желляйӧн* досл. «колючий осот»). Отдельно рассмотрен метафорический фитоним *лӧкйӧн* досл. «злой, свирепый осот», тоже указывающий на колючесть бодяка. Проведено сопоставление коми-пермяцких названий осота и бодяка с их наименованиями в пермских языках (коми-зырянском и удмуртском), которое позволило обнаружить, с одной стороны, разные дифференцирующие компоненты в структуре единиц разных языков (*пушыкыра йӧн* досл. «пушистый осот» в коми-зырянском, *кечйӧны* досл. «козий осот» в удмуртском), с другой стороны – общие для этих языков обозначения осота (*йӧн* (к.-п.), *йӧн* (к.-з.), *йӧны* (удм.)), которые можно объяснить существованием общепермского корня со значением «осот, колючая сорная трава или кустарник».

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; лексика флоры; фитоним; компоненты фитонима; семантика; структурная модель; контекстный анализ.

Введение

Традиционные знания народа непосредственно отражаются в лексике. Она позволяет выстраивать картину мира этноса, выявлять языковые контакты, определять и сравнивать взгляды на жизнь современных представителей народа со взглядами их предков. Большой объем информации об этносе кроется в народных наименованиях растений (фитонимах). Они дают возможность взглянуть на мир глазами носителя языка, установить этапы хозяйственного развития народа, выявить мифологические представления, активный словарный запас человека в определенный период времени. Поэтому фитонимы представляют большой интерес для лингвистов и исследуются в различных аспектах на материале разных языков (в частности, с опорой на данные русского языка, см: [Меркулова 1967; Копчева 1985; Налетова 2001; Смирнова 2002; Савина 2009], славянских языков, см.: [Колосова 2003, 2010; Агапкина 2019], финно-угорских языков, см.: [Бродский 2006; Коппалева 2007; Гайдамашко 2017; Галицына 2024] и мн. др.). Здесь же стоит отметить большую работу, проделанную российскими лингвогеографами и лексикологами в рамках всероссийского проекта «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ). В программу собирания сведений для ЛАРНГ вошли вопросы по различным темам, в том числе группа вопросов раздела «Растительный мир» (в рамках первой части «Природа») по фитонимической лексике. В 2017 году вышел I том «Лексического атласа», посвященный наименованиям объектов растительного мира Европейской части России (ЛАРНГ 1). Результаты исследования русских диалектных названий растений также нашли отражение в статьях традиционного ежегодного сборника научных работ, посвященных данной проблематике, – «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)».

В. Б. Колосова, рассматривая фитонимы в славянских языках, отмечает, что не все группы растений изучены одинаково. Достаточно хорошо проанализированы наименования деревьев и кустарников, травянистых растений – несколько меньше, совсем плохо описаны миконимы (наименования грибов) [Колосова 2010: 18]. Но, по ее мнению, довольно активно создаются «фитопортреты» – описания одного растительного образа. Причем растения в таких статьях рассматриваются в разных аспектах: анализируются мифологические представления, связанные с растениями, выявляется религиозная семантика, их роль в медицине и др. [там же: 18–19].

Что касается финно-угорских языков, одним из которых является коми-пермяцкий, то, по мнению И. В. Бродского, степень изученности

фитонимии отдельных финно-угорских языков неравномерна [Бродский 2006: 7]. Если наименования растений финского, эстонского, коми-зырянского языков исследованы лучше всего ввиду давней письменной традиции, то лексикографические источники коми-пермяцкого языка не позволяют говорить о достаточной степени изученности [Бродский 2015: 75]. Попытку научного описания коми-пермяцкой фитонимической лексики предприняла Т. Н. Меркушева, однако она исследовала лишь фитонимы южного наречия Коми-Пермяцкого округа [Меркушева 2003]. Наименования растений северного наречия остаются без внимания, хотя проводился анализ некоторых фитонимов в работах исследователей коми-пермяцкой лексики. Так, наименования растений северного наречия рассмотрены в хрестоматии Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2016]; в монографии Е. Н. Федосеевой представлен список лексем, среди которых обнаружены фитонимы как уже зафиксированные в КПРС, так и записанные автором лично [Федосеева 2015: 124–156]; А. С. Лобановой в последних работах описаны отдельные группы фитонимической лексики [Лобанова 2008: 49–186; Лобанова 2017; Лобанова 2018], И. И. Русиновой, А. С. Лобановой, Е. Л. Федосеевой проанализированы фитонимы, образованные от названий животных [Русинова, Лобанова, Федосеева 2022]. Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и поговорках рассмотрена в статье А. С. Лобановой, И. И. Русиновой [Лобанова, Русинова 2023]. Значительную работу проводят исследователи речи носителей русских говоров Пермского края, в статьях которых анализируются финно-угорские (в том числе коми-пермяцкие) заимствования (см.: [Зверева 2012; Бакланова 2014; Гайдамашко 2017; Русинова, Шкураток 2024]).

Стоит отметить также, что среди пермских языков степень изученности удмуртских фитонимов, на наш взгляд, всё-таки выше, чем в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, поскольку с 2009 г. выходит «Диалектологический атлас удмуртского языка», в котором отражены и фитонимы (к примеру, в I выпуске представлены карты «Лес», «Капуста», «Картофель», «Морковь», «Огурец») (ДАУЯ 2009: 197, 200, 201, 202, 203).

Проблема идентификации растений по данным живой речи и словарей

Очень часто при фиксации и дальнейшем анализе фитонимов возникают сложности в идентификации растений, которые ими обозначены. Связано это в основном с тем, что в наивном представлении носителей коми-пермяцкого языка (да и других языков) не отражается научная

классификация растений, отнесенность их к тому или иному ботаническому роду или виду. Очень часто сходство растений по внешнему виду или функциям является основанием для использования одинаковых или похожих наименований при обозначении разных растений. Особенно актуальной проблема определения растения является для составителей толковых словарей или лексических атласов. Для того чтобы безошибочно идентифицировать растение, исследователю в том числе необходимо обратить внимание на отражение отличительных признаков этого растения в названии или контексте, другими словами, требуется провести контекстный или структурно-семантический анализ наименований растений. Контекстная среда каждой лексической единицы (языковое окружение) позволяет выявлять наиболее важные характеристики, касающиеся этой лексемы.

На протяжении последних нескольких лет сотрудники лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ во время экспедиций в Коми-Пермяцкий округ фиксируют фитонимическую лексику. Собранные в ходе экспедиций, а также выявленные в имеющихся лексикографических источниках наименования растений вошли в опубликованную в 2021 г. монографию «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений» (Материалы 2021).

Зафиксированные фитонимы позволяют говорить о том, что какая-то их часть пришла из русского языка при взаимодействии с носителями русских говоров Пермского края, значительная часть остается исконной и используется в настоящее время. Довольно большую группу составляют наименования травянистых растений. Связано это прежде всего с практической жизнью людей: потребностью в питательных, лекарственных свойствах растений, применением их при обустройстве жилья и ведении хозяйства. В эту же группу входят в том числе и наименования сорняков. Сорные травы часто применяют в медицине (чистотел, лопух, подорожник, бодяк и др.), в хозяйстве (мокрица и молочай в качестве корма для скота). В связи с этим в говорах фиксируется довольно много номинаций таких растений, и это привлекает внимание исследователей. В частности, на материале русских говоров Пермского края проведено исследование М. А. Грановой [Гранова 2024].

Среди всех имеющихся в коми-пермяцком языке названий сорняков довольно много наименований осота и бодяка. На настоящий момент нами обнаружено 19 фитонимов. Данные диалектологических экспедиций и лексикографических источников показывают, что часто носители коми-пермяцкого языка используют слово *йён*

для наименования обоих растений (как самостоятельно, так и в составе сложных единиц). В связи с этим видится актуальным проведение анализа структуры фитонимов и их контекстного окружения, чтобы обнаружить языковые средства, с помощью которых обозначаются объективные свойства этих сорняков. Такой анализ позволит идентифицировать растения, что очень важно для лексикографирования и картографирования фитонимов.

Травянистые растения *осот* и *бодяк*: внешние признаки, свойства, отличия

Осот и бодяк относятся к семейству сложноцветных. Это растения с довольно высоким стеблем и мощной корневой системой. Их можно встретить на лугах, по обочинам дорог, в огородах. Они имеют высокую адаптивность к различным условиям, быструю и легкую распространяемость благодаря способности корня даже при обламывании отрастать и давать новое растение. Поэтому оба представителя семейства сложноцветных относятся к трудноискоренимым сорнякам [Рычин 1952: 238–241].

Стоит отметить, что в научной литературе описано несколько разновидностей осота, отличающихся друг от друга незначительными признаками, определить которые могут только специалисты. Так, например, в научной номенклатуре зафиксированы *осот жёлтый*, *осот жёсткий*, *осот огородный* [там же: 238–239]. Но обыватель вряд ли сможет различить эти растения, поэтому в русском языке все они обозначаются одной единицей – осот. Та же ситуация в коми-пермяцком языке: все виды осота именуется словом *йён*.

Растение, которое в русском литературном языке именуется бодяком, в народно-языковой традиции тоже часто называется осотом [там же: 241]. Бодяк, или бодяк розовый, имеет несколько отличительных от осота признаков, которые позволяют разграничить эти растения. Во-первых, главное их отличие – это окраска лепестков. Осот огородный имеет соцветия желтого цвета, тогда как бодяк полевой – сиреневого или розового, поэтому существует еще одно его название – *осот розовый*. Во-вторых, при изломе стебля осота огородного выделяется млечный сок. Бодяк таким свойством не обладает. В-третьих, молодые растения и стебли осота огородного можно использовать в пищу, предварительно удалив горечь млечного сока, что нельзя сказать о бодяке розовом, поскольку основное свойство листьев и корзинок (головки) этого растения – сильная колючесть. Осот огородный всё-таки обладает относительно мягкими колючками, расположенными только по краям листьев.

Стоит сказать об одной лексикографической проблеме, касающейся подачи названий этих растений в словарях. В некоторых лексикографических источниках коми-пермяцкого языка осот назван молочаем (КПОС 1992, 249; КПРС 1985: 159). По всей видимости, осот огородный не специалисты, а обычные люди часто называют молочаем из-за способности обоих растений (и молочая, и осота) выделять млечный сок. Однако в целом по ботаническим (да и внешним) характеристикам это два абсолютно разных растения.

Источники материала исследования

Для анализа нами были использованы данные коми-пермяцких лексикографических источников. К ним относятся «Коми-пермяцко-русский словарь» (КПРС), «Коми-пермяцкий орфографический словарь» (КПОС), «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Николая Рогова (Рогов), а также работы исследователей коми-пермяцкой лексики: данные диссертаций Т. Н. Меркушевой [Меркушева 2003], Е. Н. Федосеевой [Федосеева 2015], некоторые статьи А. С. Лобановой [Лобанова 2017, 2018 и др.]. Были использованы также материалы экспедиций, проводимых сотрудниками лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ на протяжении последних 5 лет в разных районах Коми-Пермяцкого округа (КПА), и цитаты из художественных текстов коми-пермяцких авторов.

Контекстный анализ коми-пермяцких названий осота и бодяка

Самое нейтральное обозначение данных растений, не содержащее каких-либо дифференцирующих компонентов, – слово *йён*. Оно зафиксировано как в имеющихся орфографических источниках (КПРС; КПОС; Рогов), так и в полевых материалах, собранных в ходе экспедиций, преимущественно на севере округа: *Йён, допустим, видзёт. Ся желля*. Например, растёт «йён». Он колючий (Пуксиб Кос.) (КПМ). [*Эм ёг, кёда өддён бышкасьё*] *Йёныс* [Есть сорняк, который сильно колетса] *Йён* (Пуксиб Кос.) (КПА).

Полевые материалы показывают, что лексемой *йён* могут называть как осот полевой, так и бодяк. Для того чтобы понять, о каком растении идет речь, необходим контекст: *Йёныс эм мяжкёй, эм лёк*. «Йён» есть мягкий, есть злой (Коса) (КПА). Другими словами, при обозначении осота полевого и бодяка носители языка используют определения, выражающие дополнительные характеристики растений, помогающие их разграничить.

Однако есть пример, в котором словом *йён* обозначает только бодяк: [*Но йёвайёныс эд*

тожё невна желлякодъ?] *Но, сям кыдз желлякодъ тожё. Но сям небытжык, сийё прямо абу зубыт вот перчаткатёг нетишкёвтынн. А йёнсё, сям желлясьё буракодъ. Сям чорыт, адззат.* [Но йёвайён тоже немного колючий?] Да, немного колючий. Но он мягче, его прямо не больно рвать без перчаток. А *йён*, он колетса сильно. Он твёрдый, видите (Чинагорт Юсьв.) (КПА). В приведенном контексте при сравнении двух видов растений (осота и бодяка) информант для описания одного из них приводит слова «колетса (сильно)», «твёрдый», что позволяет идентифицировать его как бодяк.

Еще одно наименование, содержащее компонент *йён*, – *йёнтурун* (второй компонент *турун* в зн. «трава»). Согласно полевым материалам, данный фитоним обозначает растение бодяк, на это указывает контекст: *Молочник эм. Йёлтурун. Абу желля, но сям хрупкёй сэтиём, чегё. А желляыс сям йёнтурун*. Молочник есть. «Йёлтурун». Неколючая, но она хрупкая такая, ломается. А колючая – это «*йёнтурун*» (Гайны) (КПА). Зачастую для бодяка информанты подбирают прилагательное *желля* «колючий», что описывает внешнюю отличительную особенность его стебля и листьев. Стоит отметить, что и осот, и бодяк имеют колючки, однако более колючим является именно бодяк: иглы присутствуют как на стеблях и на листьях, так и на цветочных розетках этого растения.

В художественной литературе (как у писателей северного, так и у писателей южного наречия) также фиксируется фитоним «йён»: *Алина весётчис, летис нятиак да поснит ёгтуруннэсё, а ыджыттэсё – йён да жабрей – колялис*. «Алина убирала сорняки, рвала мокрицу и мелкие сорняки, а крупные – осот/бодяк и жабрей – оставляла» [Климов 1987: 363]; *Не весь, шуёны: йён вужись пё рудзёг оз быдмы*. «Не просто так говорят: из корня осота/бодяка, мол, рожь не взойдёт» [Баталов 1980: 210]; *Дело, Егор, сыын, что тишкётім ыббезнымёс. Вокорень тишкётім. Кукуруза кёдзам, а быдмё йён*. «Дело, Егор, в том, что мы испортили наши поля. Полностью испортили. Кукурузу сажаем, а растёт осот/бодяк» [Минин 1988: 193]. Фитоним «йён» в данных примерах является обобщенным названием разных видов осота (осота полевого, осота молочайного) и, как нам думается, бодяка, поскольку в контекстах нет указания на какую-либо дополнительную характеристику, которая помогла бы разграничить осот и бодяк. Поэтому при переводе подобных контекстов следует обозначать оба варианта. Однако существуют и другие примеры, в которых используются разные названия с компонентом *йён* для этих двух растений:

Вундöмподыс отавитöма, мукöдлаас цевитöны жабрей, катиасин, **чорыт йöн** да **йöлайöн**, кöднасянь паськалö ма кöра дук. «Жнивьё проросло, местами цветут жабрей, ромашка, бодяк и осот полевой, от которых тянется медовый запах» [Климов 1987: 151]; *Кукуруза кельдöтис, рапмис, тырис йöнöн да йöвтурунöн*, – *кöть тэ мый сэтöн кер*. «Кукуруза пересохла, завяла, заросла полевым бодяком и осотом, – хоть что ты здесь делай» [Минин 1988: 239]. В данных контекстах использованы другие наименования (*чорыт йöн* «бодяк», *йöлайöн* «осот», *йöвтурун* «осот»), позволяющие понять, о каких именно растениях идет речь в тексте.

Но дополнительная дифференцирующая информация часто заключена не в пределах контекста, а в структуре приведенных наименований. Иными словами, в этих случаях нам необходимо рассмотреть компоненты, составляющие сложные фитонимы с корнем *йöн*.

Структурно-семантический анализ коми-пермяцких названий осота и бодяка

В приведенных выше примерах при обозначении осота молочайного обнаруживается один из структурных идентифицирующих маркеров – корень, обозначающий **млечный сок**, выделяемый данным растением. Данное свойство отражается при помощи компонента *йöв* «молоко», входящего в состав следующих названий: *йöвайöн*, *йöлайöн* досл. «молочный осот», *йöвтурун*, *йöлтурун*, *йöлтурын* досл. «молочная трава», *йöлашадь* досл. «молочный прут». Фитонимы *Йöвтурун* и *йöлтурун* являются формами, отражающими существование в коми-пермяцком языке двух основных наречий, разграничивающихся по фонетическому принципу. Приведем несколько контекстов. *Йöныс, кöда йöлön петö, сiа йöлтурун*. Осот, который молоко выделяет (досл. «с молоком выходит»), – это «йöлтурун» (Коса). (КПА). *Йöлтурун этiя, кöда абу желля йöныс, сiа*. «Йöлтурун» – это неколючий осот (Пуксиб Кос.) (там же). *Йöлтурын. А рочön ме сiö тожö ог тöд. Кузя сiа быдмö, веж цветок-кезön цветитö. Листтэс сьлön тожö уна*. «Йöлтурын». А по-русски я его тоже не знаю. Высоко растёт, жёлтыми цветками цветёт. Листьев у него тоже много (Коса) (там же). *Желляыс сiа желля, мöдыс, йöлийöныс, видзöt, небытик, нерытик, а эта желля*. Колючий он колючий, другой, «йöлийöн», видишь, мягкий, нежный, а этот колючий (Пуксиб Кос.). [ПМ]. (Войвыл Кос.) (там же). *Йöн. Йöвайöн да чорыт йöн*. Осот. «Молочный осот» и твёрдый осот (Куд.) (там же).

Интересным представляется фитоним *йöлашадь*, зафиксированный в «Коми-пермяцком

орфографическом словаре» [КПОС 1992: 249] без каких-либо помет и контекстов, поэтому определить место распространения данной лексемы затруднительно, в полевых материалах она не отражена. Можно предположить, что в фитониме *йöлашадь* компонент *шадь*, используемый в коми-пермяцком языке в значении «прут», может относиться к стеблю растения, имеющему обычно довольно большую длину.

Еще один компонент названий, помогающий разграничить осот и бодяк, указывает на **окраску лепестков**. Использование колоративов в составе фитонимов – один из распространенных способов идентификации растений в коми-пермяцком языке: *сьддсэтöр* «чёрная смородина», где *сьдд* «чёрный»; *гöрдперелой* «гвоздика лесная, травянка», где *гöрд* «красный»; *вежсин* «нивяник обыкновенный, ромашка аптечная», где *веж* «желтый»; *чочком петшöр* «глухая крапива», где *чочком* «белый» и др. (Материалы 2021: 41, 47, 69, 96). В анализируемом случае главное отличие бодяка от осота – как раз окраска лепестков: у бодяка – розовый или малиновый, у осота – жёлтый. Фитоним *вежйöн* досл. «жёлтый осот» в значении «осот полевой» служит ярким тому доказательством. *А вежйöн тай эшö, вежöн цветитö да*. А жёлтый осот ещё, потому что жёлтым цветёт. (Пуксиб Кос.) (КПА).

При анализе коми-пермяцких наименований бодяка выявляется еще один структурный маркер – компонент сложных фитонимов, обозначающий **твёрдость стебля**, его **колючесть**. Об этом нам сообщают лексические единицы *чорытйöн* досл. «твёрдый осот», где *чорыт* «твёрдый», или *желляйöн* досл. «колючий осот», где *желля* «колючий»: [*Огородечас кытшöмöсь ёггес быдмöны?*] *Чорытйöн да йöвайöн*. [*Чорытйöн?*] *Ну, сiа öддöн тай бытшикасö, кöдö подаыс даже йöнсö оз сёй*. [В огороде какие сорняки растут?] «Чорытйöн» (букв. «твёрдый осот») и «йöвайöн» (букв. «молочный осот»). Да, он ведь очень колется, который даже скотина не ест (Ошиб Куд.) (там же). *Сэсся эшö желляйöн, йöлийöн*. Потом ещё «желляйöн», «йöлийöн» (Войвыл Кос.) (там же).

Фитоним *лөкйöн* досл. «злой осот», обозначающий растение бодяк, требует отдельного внимания, поскольку здесь в основе названия лежит метафорический перенос. Прилагательное *лөк* «злой, свирепый», используемое для характеристики определенных человеческих качеств, в нашем примере стало характеристикой сорняка. Думается, что в данном случае прилагательное *лөк* используется для обозначения колючести бодяка: *Лөкйöн эшö эм, кöда бытшикасö öддöн*. Есть ещё «лөкйöн», который колется сильно (Коса) (там же).

В «Пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре, составленном Николаем Роговым» (1869), зафиксирован фитоним *вӧвйӧн* досл. «конский осот». Однако уже позднее, в «Коми-пермяцко-русском словаре» (1985), тот же фитоним обозначен как «чертополох». В «Коми-русском словаре» [КРС, 1961: 114] также встречается слово *вӧвйӧн* в этом же значении. В «Кратком коми-русском, русско-коми ботаническом словаре» А. Н. Ракина фитоним *вӧвйӧн* тоже зафиксирован, он определен как «бодяк разнолистный» и «чертополох» (Ракин 1989: 11). Это неудивительно, потому что и в русской, и в коми-пермяцкой фитонимии часто используются одно и то же название для разных растений, обладающих схожими признаками (к-п. *кульпалка* в зн. «рогоз», «камыш» [Материалы 2021: 59]; к.-п. *понуль* в зн. «молодая ель», «пихта» [КПРС 1985: 357], русск. перм. *калина* в зн. «калина», «бузина» и др.) [СПГ 2000: 373].

Названия осота и бодяка в других пермских языках

В данном разделе будет проведен небольшой сопоставительный анализ названий осота и бодяка в родственных коми-пермяцкому коми-зырянском и удмуртском языках.

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» (КЭСКЯ 1970: 113) приводится общепермский корень **ʃḡⁿпз* в значении «осот, колючая сорная трава или кустарник». Однако этот корень использовался и в допермский период в значении «высокая колючая трава (кустарник)» и встречается также, к примеру, в мансийском языке в значении «шиповник» (там же).

Коми-пермяцкому *йӧн* «осот» соответствуют коми-зырянское *йӧн* (КРС 1961: 247) и удмуртское *йӧны* (РУС 1942: 232). Для дифференциации разных видов осота используются атрибутирующий компонент: в коми-зырянском языке для обозначения осота огородного существуют фитонимы *виж йӧн* «желтый осот» (определение указывает на цвет лепестков), *йӧла йӧн* «молочный осот» (определение указывает на млечный сок, выделяемый растением), *небыд йӧн* «мягкий осот» (определение указывает на нетвердость стебля и отсутствие колючек). Бодяк представлен такими фитонимами, как *гӧрд йӧн* «красный осот» (определение указывает на цвет лепестков), *пушкыра йӧн* «пушистый осот», *кудриа йӧн* «кудрявый осот» в значении «бодяк болотный» (определение указывает на особенности внешнего вида растения), *шмака йӧн* «круглый осот, осот в виде шишки» (определение указывает на форму соцветия). Интерес представляет фитоним *сибдан йӧн* в значении «репейник», где *сибдан* от *сибдыны* «застрять», *йӧн* «осот». Значения ком-

понентов наименования растения отражают способность репейника цепляться головками соцветий к разным, особенно ворсистым, поверхностям (например, к шерсти, волосам и т. д.) и застревать в них (КРС 1961: 247).

В диалектах коми-зырянского языка фитонимом *йӧн* также обозначают «шиповник иглистый», «крапиву двудомную» (там же), скорее всего, эти названия восходят к допермскому корню, имеющему значение «высокая колючая трава (кустарник)» (КЭСКЯ 1970: 113). Также в «Кратком коми-русском, русско-коми ботаническом словаре» А. Н. Ракина зафиксировано некоторое количество диалектных фитонимов с компонентом «йӧн», обозначающих колючие растения: *йӧн йыы*, *йӧн выы* в зн. «малина», *ошйӧн*, *ва йӧн*, *гуруль йӧн*, *йӧнйыл*, *лӧк йӧн*, *мича йӧн*, *тотарин йӧн* в зн. «чертополох», *йӧнъяр* в зн. «лопух, репейник», *лежнэг йӧн* в зн. «шиповник», *йӧн турун*, *колючӧй йӧн* в зн. «крапива» (Ракин 1989: 9, 16, 21, 23, 27, 29, 32, 40).

В удмуртском языке не так много наименований растений с компонентом *йӧн*, как в коми-зырянском, однако по имеющимся примерам можно сделать довольно интересные заключения.

Наиболее распространенный вариант названия *йӧлайӧны* «молочный осот», обозначающий осот огородный, имеет эквиваленты в родственных коми-пермяцком (*йӧлайӧн*, *йӧвйӧн*) и коми-зырянском (*йӧла йӧн*) языках и отражает свойство растения выделять млечный сок.

Интересными являются фитонимы *кечйӧны*, *кечйӧлтурын* и *кечйӧл*, где *кеч* имеет значения «коза», «заяц», *йӧны* «осот», *йӧл* «молоко», *турын* «трава» (СБТ 1994: 22). Все они обозначают осот полевой и содержат в составе зоонимический компонент *кеч*. В работе М. Р. Насибуллиной рассматриваемый компонент данных фитонимов переводится как «коза, козёл»: *кечйӧлтурын* досл. «трава – козье молоко» в зн. «молочай, молочай болотный», *кечтурын* досл. «козья трава» в зн. «молочай, молочай болотный» [Насибуллина 2015: 40], *кечйӧны* досл. «козий осот» в зн. «осот полевой» [там же: 44], *кечйӧл* досл. «козье молоко» в зн. «осот, осот полевой» [там же: 47]. Так или иначе, во всех перечисленных фитонимах отражается способность растения выделять млечный сок через обозначение животного, дающего молоко (*кеч* «коза»).

Таким образом, названия осота и бодяка в пермских языках имеют общепермский корень, дающий возможность обозначать разные виды колючих растений одним словом. Для разграничения этих растений используются отдельные, зачастую различные для каждого языка, дифференцирующие определения, акцентирующие внимание на том или ином внешнем признаке растения.

Результаты исследования

Осот и бодяк – растения одного семейства. Как показывают полевые материалы, многие носители коми-пермяцкого языка часто дают им общее название *йён*, однако существует и ряд других наименований, отражающих отличительные свойства данных растений, но также содержащих компонент *йён*.

Для дифференциации рассматриваемых растений был проведен контекстный анализ, позволивший после исследования контекста выявить конкретный объект флоры. Так, определить растение помогают прилагательные *желля* «колючий», *лэк* «злой, свирепый», *чорыт* «твердый», когда речь идет о бодяке, или *хрупкёй* «хрупкий», *небыт*, *мягкёй* «мягкий» – при описании осота.

Второй способ заключался в проведении структурно-семантического анализа, который позволил выявить в компонентах названий признаки, дифференцирующие рассматриваемые растения. К ним относятся:

1. Млечный сок, выделяемый осотом. В качестве примера можно привести лексемы с компонентом *йёл*, *йёв*: *йёлтурун* досл. «молочная трава», *йёлйён* досл. «молочный осот», *йёвайён* досл. «молочный осот» и др.

2. Жёлтая окраска лепестков. Она легла в основу одного из обозначений осота – *вежйён* досл. «желтый осот». Поскольку соцветия бодяка обладают малиновым или розовым оттенком, указание на желтый цвет помогает легко отнести фитоним *вежйён* к осоту.

3. Твёрдость стебля, колючесть. Это главное отличительное свойство бодяка, получившего номинации *чорытйён* досл. «твёрдый осот» и *желляйён* досл. «колючий осот». Метафора, легшая в основу прилагательного *лэк* «злой, свирепый», дополнила и углубила предыдущий признак рассматриваемого растения: *лэкйён* досл. «злой, свирепый осот», то есть очень колючий осот.

Что касается других пермских языков (коми-зырянского и удмуртского), то можно сказать следующее: данные лексикографических источников, а также анализ этимологии лексемы *йён* позволяют говорить о существовании общепермского корня *j8°пз со значением «осот, колючая сорная трава или кустарник», от которого произошли фитонимы *йён* (к.-п.), *йён* (к.-з.), *йёны* (удм.), обозначающие осот. Однако в каждом из этих языков зафиксирован ряд обозначений осота и бодяка, содержащих дифференцирующие компоненты: *пушкыра йён* досл. «пушистый осот» в коми-зырянском, *кечйёны* досл. «козий осот» в удмуртском и т. п.

Список источников с сокращениями

ДАУЯ – Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.

КПА – Полевые материалы на коми-пермяцком языке, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

КПОС – Коми-пермяцкёй орфографическёй словарь. Мёддз изданнё, исправитём да содтём / составитёб: Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 923 с.

КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / авт.-сост.: В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. 386 с.

ЛАРНГ 1 – Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.

Материалы 2021 – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс]: монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электронные данные. Пермь, 2021. 116 с.

Ракин – Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1989. 88 с.

Рогов – Рогов Н.А. Пермско-русский и русско-пермский словарь. СПб., 1869. 415 с.

РУС – Русско-удмуртский словарь / под ред. А. Бутолина. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1942. 408 с.

СБТ – Словарь биологических терминов / под общ. ред. С. Соколова. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь: Кн. мир, 2000. 609 с.

Список литературы

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.

Бакланова И. И. Народные названия дикорастущих съедобных растений Пермского края, или история поиска названия *гоньши* // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию доцента К. Н. Прокошевой (г. Пермь, 18–19 дек. 2014 г.) / сост. С. С. Иванова, отв. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014. С. 35–42.

Баталов В. Я. На рассвете. Роман в двух книгах на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Перм. кн. изд-во (Коми-Пермяцкое отд-ние), 1980. 320 с.

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках: На материале прибалтийско-финских и коми языков: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 311 с.

Бродский И. В. Финно-пермские фитонимические портреты. 1. Зверобой (*Hupericum*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования); Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 73–92.

Гайдамашко Р. В. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13, № 2. С. 298–331.

Галицына Е. Г. Народная номенклатура травянистых растений в германских и финно-пермских языках: сопоставительно-ономасиологический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 19 с.

Гранова М. А. Общие названия сорной травы в русских говорах Пермского края: мотивационный аспект (на материале диалектных словарей) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-15-23

Зверева Ю. В. Слова *пикан, пестик* и производные от них в пермских говорах // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / под ред. Е. Н. Поляковой. Вып. 3. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. С. 123–128.

Климов В. В. Покоя не будет: роман и рассказы на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Перм. кн. изд-во (Коми-Пермяц. отд-ние), 1987. 381 с.

Колосова В. Б. Лексика и символика народной ботаники восточных славян: Этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 181 с.

Колосова В. Б. Славянская этноботаника: очерк истории // Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2010. С. 7–20.

Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 255 с.

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2007. 287 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования. Пермь: Изд-во «ОТ» и «ДО», 2008. 188 с.

Лобанова А. С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов *пикан* ‘снуть’, *пистик* ‘хвощ полевой’, *горадзюль* ‘купальница’ // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи:

материалы V Всерос. науч. конф (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–248.

Лобанова А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симп. / отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары, 2018. С. 124–127.

Лобанова А. С., Русинова И. И. Культурная семантика фитонимов в коми-пермяцких фразеологизмах и поговорках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 54–66. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-54-66

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). М.: Наука. 1967. 257 с.

Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.

Минин И. А. Лицом к лицу: повести, рассказы и пьеса на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Перм. кн. изд-во (Коми-Пермяцкое отд-ние), 1988. 384 с.

Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2001. 225 с.

Насибуллина М. Р. Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 37–59.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков: монография. М.: Языки народов мира, 2016. 514 с.

Русинова И. И., Лобанова А. С., Федосеева Е. Л. Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 578–591. doi 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591

Русинова И. И., Шкураток Ю. А. Освоение коми-пермяцкого названия лопуха *порськок* русскими говорами Пермского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. В печати.

Рычин Ю. В. Сорные растения. Определитель для средней полосы Европейской части СССР. М.: Учпедгиз, 1952. 280 с.

Савина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2009. 367 с.

Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: номинативный и лингвогеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 470 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: монография / Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2015. 196 с.

References

- Agapkina T. A. *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (In Russ.)
- Baklanova I. I. Narodnye nazvaniya dikorastushchikh s"edobnykh rasteniy Permskogo kraya, ili istoriya poiska nazvaniya gonysh [Folk names of wild edible plants of the Perm region, or the history of search for the name gonysh]. *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya*: [Problems of Linguistic Regional Studies]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of birth of Associate Professor K. N. Prokosheva (Perm, December 18-19, 2014). Comp. by S. S. Ivanova, ed. by Yu. G. Gladkikh. Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University Press, 2014, pp. 35-42. (In Russ.)
- Batalov V. Ya. *Na rassvete. Roman v dvukh knigakh na komi-permyatskom yazyke* [At Dawn. A Novel in Two Books in the Komi-Permyak Language]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo (Komi-Permyak Branch, 1980. 320 p. (In Komi-Perm.)
- Brodskiy I. V. *Nazvaniya rasteniy v finno-ugorskikh yazykakh: Na materiale pribaltiysko-finskikh i komi yazykov*. Diss. kand. filol. nauk [Plant names in Finno-Ugric languages: on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 311 p. (In Russ.)
- Brodskiy I. V. Finno-permskie fitonimicheskie portrety. 1. Zveroboy (Hypericum) [Finno-Permian phytonymic portraits. 1. Hypericum] *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2015]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015, pp. 73-92. (In Russ.)
- Gaidamashko R. V. K etimologii i lingvogeografii nazvaniy zontichnykh rasteniy v russkikh govorakh Prikam'ya: puchka, umra [On the etymology and linguogeography of Umbelliferae plant names in the Russian dialects of the Kama region: puchka, umra]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2017, vol. 13, pt. 2, pp. 298-331. (In Russ.)
- Galitsyna E. G. *Narodnaya nomenklatura travyanistykh rasteniy v germanskikh i finno-permskikh yazykakh: sopostavitel'no-onomasiologicheskii aspekt*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Folk nomenclature of herbaceous plants in the Germanic and Finno-Permian languages: A comparative onomasiological aspect. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2024. 19 p. (In Russ.)
- Granova M. A. Obshchie nazvaniya sornoy travy v russkikh govorakh Permskogo kraja: motivatsionnyy aspekt (na materiale dialektnykh slovarney) [General designations of weeds in Russian dialects of the Perm region: A motivational aspect (based on dialect dictionaries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 15-23. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-15-23. (In Russ.)
- Zvereva Yu. V. Slova pikan, pestik i proizvodnye ot nikh v permskikh govorakh [The words pikan, pestik and their derivatives in Perm dialects]. *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovaniya* [Linguocultural Space of the Perm region: Materials and Research]. Ed. by E. N. Polyakova. Perm, Perm State University Press, 2012, issue 3, pp. 123-128. (In Russ.)
- Klimov V. V. *Pokoya ne budet: roman i rasskazy na komi-permyatskom yazyke* [There Will Be No Rest: A novel and short stories in the Komi-Permyak language]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo (Komi-Permyak Branch), 1987. 381 p. (In Komi-Permyak)
- Kolosova V. B. *Leksika i simbolika narodnoy botaniki vostochnykh slavyan: Na obshcheslavyanskom fone: Etnolingvisticheskiy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Vocabulary and symbolism of folk botany of the Eastern Slavs: Against the common Slavic background: The ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 181 p. (In Russ.)
- Kolosova V. B. Slavyanskaya etnobotanika: ocherk istorii [Slavonic ethnobotany: a glimpse of history]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2010, vol. 6, pt. 1, pp. 7-20. (In Russ.)
- Kopocheva V. V. *Sootnoshenie iskusstvennoy i estestvennoy nominatsii (na materiale nazvaniy rasteniy)*. Diss. kand. filol. nauk. [The use of artificial and natural nominations (based on the material of plant names). Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 1985. 255 p. (In Russ.)
- Koppaleva Yu. E. *Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie)* [Finnish Folk Flora Vocabulary (Formation and Functioning)]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 287 p. (In Russ.)
- Lobanova A. S. *Komi-permyatskiy etnolingvisticheskiy sbornik: materialy i issledovaniya* [Komi-Permyak Ethnolinguistic Collection: Materials and Research]. Perm, 'OT' i 'DO' Publ., 2008. 188 p. (In Russ.)
- Lobanova A. S. O kul'turnoy konnotatsii komi-permyatskikh fitonimov pikan 'snyt', pistik 'khvoshch polevoy', goradzul' 'kupal'nitsa' [On the cultural connotations of Komi-perm phytonyms pikan, pistic, garajul]. *Filologiya v XXI veke: meto-*

dy, problemy, idei [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas]: Proc. All-Russ. Sci. Conf. (Perm, April 10, 2017). Ed. by I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2017, pp. 240-248. (In Russ.)

Lobanova A. S. Etnokonnotirovannaya leksika komi-permyatskogo yazyka (na materiale naimenovaniy flory) [The cultural connotations of Komi-Perm phytonyms (based on the material of flora names)]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala. Sbornik statey XI Mezhdunarodnogo simpoziuma*. [Linguistic Contacts of the Peoples of the Volga Region and the Urals. Collection of Articles of the XI International Symposium]. Cheboksary, 2018, pp. 124-127. (In Russ.)

Lobanova A. S., Rusinova I. I. Kul'turnaya semantika fitonimov v komi-permyatskikh frazeologizmakh i paremiyakh [Cultural semantics of phytonyms in Komi-Permyak phraseological units and paroemias]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp. 54-66. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-54-66. (In Russ.)

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* (Travy. Yagody, Griby) [Essays on the Russian Folk Nomenclature of Plants (Herbs. Berries. Mushrooms)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 160 p. (In Russ.)

Merkusheva T. N. *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Flora and fauna vocabulary of the southern dialect of the Komi-Permyak language. Cand. philol. sci. diss.]. Syktyvkar, 2003. 230 p. (In Russ.)

Minin I. A. *Litsom k litsu: povesti, rasskazy i p'esa na komi-permyatskom yazyke* [Face to Face: Novels, Short Stories and a Play in the Komi-Permyak Language]. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo (Komi-Permyak Branch), 1988. 384 p. (In Komi-Perm.)

Naletova N. I. *Nazvaniya rasteniy v pskovskikh govorakh*. Diss. kand. filol. nauk [Names of plants in Pskov dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Pskov, 2001. 225 p. (In Russ.)

Nasibullina M. R. Zoonimicheskie komponenty v mnogostavnykh fitonimakh udmurtskogo yazyka [The zoonymic components in the multi-compound phytonyms of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, issue 3, pp. 37-59. (In Russ.)

Ponomareva L. G. *Rech' severnykh komi-permyakov* [Speech of the Northern Komi-Permyaks]: a monograph. Moscow, Yazyki narodov mira Publ., 2016. 514 p. (In Komi-Perm. and Russ.)

Rusinova I. I., Lobanova A. S., Fedoseeva E. L. Komi-permyatskie fitonimy, soderzhashchie nazvaniya zivotnykh [Komi-Perm phytonyms containing animal names]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, vol. 16, issue 4, pp. 578-591. doi 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591. (In Russ.)

Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. Osvoenie komi-permyatskogo nazvaniya lopukha pors'kok russkimi govorami Permskogo kraya [The Komi-Permyak name of burdock porskok as presented in Russian dialects of the Perm region]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2025. In print. (In Russ.)

Rychin Yu. V. *Sornye rasteniya. Opredelitel' dlya sredney polosy Evropeyskoy chasti SSSR* [Weeds. The Guide for the Moderate Climate Zone of the European Part of the USSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1952. 280 p. (In Russ.)

Savina Yu. Yu. *Fitonimicheskaya leksika eletsikh govorov*. Diss. kand. filol. nauk [Phytonymic vocabulary of the Yelets dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Bryansk, 2009. 367 p. (In Russ.)

Smirnova O. V. *Leksika rastitel'nogo mira v govorakh Voronezhskoy oblasti: nominativnyy i lingvogeograficheskiy aspekty*. Diss. kand. filol. nauk. [Flora vocabulary in the dialects of the Voronezh region: Nominative and linguogeographic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2002. 470 p. (In Russ.)

Fedoseeva E. N. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka*. [Vocabulary of the Northern Dialect of the Komi-Permyak Language]. Syktyvkar, 2015. 196 p. (In Russ.)

The Komi-Permyak Names of Plants Osot and Bodyak Containing the Component *jön*

*This research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-20015
'The Komi-Permyaks in linguistic and ethno-cultural space of Prikamye'*

Ekaterina L. Fedoseeva

Researcher

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. ekl-fedoseeva@yandex.ru

SPIN-code: 7957-5116

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-4833>

ResearcherID: rid92333

Submitted 27 Aug 2024

Revised 28 Oct 2024

Accepted 01 Nov 2024

For citation

Fedoseeva E. L. Komi-permyatskie nazvaniya osota i bodyaka, sodержashchie komponent *jön* [The Komi-Permyak Names of Plants Osot and Bodyak Containing the Component *jön*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 71–81. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-71-81. EDN LQTMOI (In Russ.)

Abstract. The article considers the Komi-Permyak names of plants *osot* and *bodyak* containing the component *jön*. The study is useful for lexicography and mapping of these phytonyms as it makes it possible to identify these plants. The author analyzed the structure of the phytonyms and their contextual environment in order to discover the linguistic means with the help of which the objective properties of these weeds are indicated. The contextual analysis has shown that in the case of *bodyak* the plant can be identified with the help of the adjectives *zhellya* ‘prickly’, *lyok* ‘angry, ferocious’, *choryt* ‘hard’, in the case of *osot* – through the adjectives *hrupkøj* ‘fragile’, *nebyt*, *myagkøj* ‘soft’.

The structural-semantic analysis identified in the components of the names the signs that help differentiate the plants in question: milky juice secreted by the plant *osot* (*jölturun* lit. ‘milky grass’, *jöljön* lit. ‘milky osot’, *jövajön* lit. ‘milk osot’, etc.), the yellow petals of *osot* (*vezhjön* lit. ‘yellow osot’); the hardness of the stem and prickliness of *bodyak* (*chorytjön* lit. ‘hard osot’, *zhellyajön* lit. ‘prickly osot’). The metaphorical phytonym *lyok jön* lit. ‘angry, ferocious osot’, also indicating the prickliness of the plant *bodyak*, is considered separately. The paper provides a comparison of the Komi-Permyak names of plants *osot* and *bodyak* with their names in the Permic languages (Komi-Zyryan and Udmurt). This comparison revealed, on the one hand, different distinguishing components in the structure of units from different languages (*pushkyra jön* lit. ‘fluffy osot’ in Komi-Zyryan, *kechjöny* lit. ‘goat’s osot’ in Udmurt); on the other hand, the designations of *osot* that are common to these languages, which can be explained by the existence of a common Permic root with the meaning ‘osot, a prickly weed or shrub’.

Key words: Komi-Permyak language; flora vocabulary; phytonym; phytonym components; semantics; structural model; contextual analysis.

УДК 81'373:81'373.47
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91
<https://elibrary.ru/lcumqz>

EDN LCUMQZ

Семантика русской экспрессивной лексики, связанной с употреблением алкоголя

Чжан Сяофэй

преподаватель русского языка

Шаньдунский университет

264200, КНР, г. Вэйхай, ул. Вэньхуаси, 180. 1311897238@qq.com

SPIN-код: 5103-8753

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3213-9835>

ResearcherID: LFT-1777-2024

Баженова Елена Александровна

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-код: 2117-6927

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

ResearcherID: L-9322-2017

Статья поступила в редакцию 18.06.2024

Одобрена после рецензирования 17.09.2024

Принята к публикации 20.09.24

Информация для цитирования

Чжан Сяофэй, Баженова Е. А. Семантика русской экспрессивной лексики, связанной с употреблением алкоголя // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 82–91. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91. EDN LCUMQZ

Аннотация. Статья посвящена семантическому анализу экспрессивной лексики, выражающей представления носителей русского языка о винопитии. Материалом послужили экспрессивы, которые в разных социальных стратах (художественной литературе, разговорной речи, просторечии, сленге) репрезентируют отношение говорящих к референтам ситуации употребления алкоголя. Теоретико-методологической базой исследования выступили труды Н. А. Лукьяновой, Т. В. Матвеевой, В. Н. Телии и др. об экспрессивности как лексической категории, связанной с эмоционально-оценочным отношением субъекта речи к явлениям действительности и получающей выражение в коннотативной части лексического значения экспрессивного слова. Впервые на материале лексики алкогольной тематики проведен анализ двух компонентов значения экспрессива – интенсивности и эмотивной оценки. Установлено, что интенсивность экспрессивной лексики соотносится с отклонением от социально одобряемой нормы винопития и последующего состояния опьянения; экспрессивная лексика выражает как отрицательную, так и положительную оценку референтов. В связи с влиянием контекста на эмоциональную окраску экспрессивного слова подчеркивается сложность интерпретации его оценочного значения и описываются контекстные средства, которые позволяют более точно определить вектор эмоциональной оценки. Авторы приходят к выводу, что большой объем экспрессивных лексических единиц алкогольной тематики свидетельствует об их актуальности для речевого поведения носителей русского языка. Это подтверждает целесообразность дальнейшего изучения коллективных и индивидуальных представлений о культуре питания, зафиксированных в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: экспрессивность; компоненты экспрессивной семантики; русская экспрессивная лексика; лексика коммуникативной сферы «употребление алкоголя».

Экспрессивность как лингвистическое явление

Изучение экспрессивности в российском языкознании имеет глубокую традицию. Различным аспектам анализа экспрессивного русского слова посвящены труды Е. М. Вольф, Г. Я. Крейдлина, Н. А. Лукьяновой, Т. В. Матвеевой, Е. Ф. Петрищевой, И. А. Стернина, В. Н. Телии, М. И. Черемисиной, В. И. Шаховского и др. Теория экспрессивности в русистике развивается на базе идей А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, В. А. Звегинцева. Одним из основоположников данной проблематики является Ш. Балли, заложивший основы экспрессивной стилистики. Предметом этой науки ученый считал «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, т. е. выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [Балли 2001: 33].

Несмотря на обширную историю вопроса, категория экспрессивности относится к числу дискуссионных. См.: «В лингвистике существуют такие языковые феномены, которые чем глубже изучаются исследователями, тем больше остается и вновь возникает немало неясного, спорного в понимании их сущности. Экспрессивность относится к одному из таких феноменов» [Лукьянова 2015: 183].

Экспрессивные слова функционируют в разных сферах литературного языка и разных социальных стратах: художественной литературе, медиатекстах, литературно-разговорной речи, внелитературном просторечии, жаргонах, аргосленге, территориальных диалектах. В научной литературе экспрессивность рассматривается и как общеязыковая категория, и как частная категория определенных уровней языка. Обзор различных подходов к изучению экспрессивности представлен в работах Н. А. Лукьяновой [Лукьянова 2008, 2009, 2012], Т. В. Матвеевой [Матвеева 2013], В. И. Шаховского [Шаховский 1987, 2008], Н. В. Зимовец [Зимовец 2009].

В энциклопедии «Русский язык» автором определения рассматриваемого понятия является В. Н. Телия: «**Экспрессивность** (от лат. *expressio* – выражение) – семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка, его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутрен-

нем мире человека. Экспрессивность языковых единиц заключается в способности их содержательной стороны отражать эти отношения в виде особых, экспрессивных, признаков. При разнотипности и смысловом различии эмоциональных и оценочных признаков они, будучи субъективными, противостоят в языке объективному значению коммуникативных или номинативных его единиц» [Телия 1979: 403].

Акцентируем внимание на двух важных моментах приведенного определения.

Во-первых, в категории экспрессивности проявляется экспрессивная функция языка, выделенная В. фон Гумбольдтом наряду с коммуникативной и когнитивной функциями. Хотя количество языковых функций в работах разных ученых варьируется (например, Р. Якобсон выделял эмотивную, конативную, референтивную, денотативную, фатическую, поэтическую и метаязыковую функции [Якобсон 1975]), три основных функции, тесно связанных между собой, – коммуникативная, когнитивная и экспрессивная – признаются всеми исследователями.

Т. В. Матвеева, указывая на неразрывную связь функций языка, отмечает: «Экспрессивная функция языка вообще и слова в частности связана с адресантом речи, но, с учетом двустороннего характера языкового общения, позиция его субъекта неотрывна от позиции адресата речи. Идея самовыражения посредством языка, безусловно, находит свое воплощение. Однако реализуя коммуникативную функцию языка, субъект <...> открывает личное отношение к предмету речи для собеседника, часто с осознанной целью воздействия на сознание последнего. Так семантический аспект экспрессивности срастается с прагматическим, соответственно, экспрессивная функция может приравняться к прагматической (функции воздействия)» [Матвеева 2013: 5–6].

Во-вторых, свойство экспрессивности слова противопоставлено его другому свойству – номинативности. Эта идея впервые была высказана Ш. Балли [Балли 2001]. В работах российских лингвистов можно встретить различные трактовки номинативной функции экспрессивного слова. Так, М. И. Черемисина считает, что экспрессивная лексема не называет предмет, поэтому не выполняет номинативной функции [Черемисина 1979: 3]. По мнению Е. Ф. Петрищевой, «эмоционально окрашенные единицы лексики типа *лентяй, лодырь, балаболка, писака* и т. д. выполняют две функции – номинативную и экспрессивную» [Петрищева 1984: 170–175].

С точки зрения Н. А. Лукьяновой, номинативность соотносится с классифицирующей деятельностью сознания, то есть работой левого полушария головного мозга, в то время как экспрессивность – с работой правого полушария. Экспрессивная лексическая единица не столько называет предмет, признак, действие, сколько выражает человеческий фактор, поэтому экспрессивный фонд языка антропоцентричен [Лукьянова 2015: 188]. Этот вывод согласуется, в частности, с результатами сопоставительного анализа русских и китайских эвфемизмов [Го Тунцин 2015; Ли Цинхуа 2012; Сю Сяодань 2008 и др.]. Исследования китайских ученых свидетельствуют о том, что в экспрессивности как универсальном явлении в речи носителей разных лингвокультур в то же время отражается уникальная картина мира и система ценностей того или иного народа.

Завершая рассмотрение семантики экспрессивного слова, подчеркнем, что его лексическое значение состоит из двух частей. Основная и обязательная часть, связанная с реализацией понятийной функции языка, образует денотативный компонент значения – объективное содержание слова. Вторую часть семантики составляет коннотация, в которой сосредоточено субъективно-оценочное содержание экспрессива [Матвеева 2013: 8–9].

Материал и методы

Материалом исследования является словник объемом более 500 экспрессивных лексических единиц (слов, фразеологических сочетаний, разговорных идиом, окказиональных слов и выражений), связанных с употреблением алкоголя. Экспрессивы отобраны методом направленной выборки из следующих источников: словарей разного типа, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), интернет-ресурсов, а также ответов информантов, участвовавших в лингвистическом опросе. При формировании словника отбирались экспрессивы, отражающие представления о винопитии носителей русского языка преимущественно второй половины XX – XXI в. и зафиксированные в словарях, составленных не только профессиональными лексикографами, но и неспециалистами-любителями. Целесообразность привлечения к семантическому анализу экспрессивов, функционирующих в просторечии, жаргонах, сленге и арго, обусловлена тем, что лексика, используемая в разных социальных средах, в совокупности дает целостное представление о винопитии как значимом фрагменте русской картины мира.

Семантическая структура экспрессивной лексики алкогольной тематики

Применительно к исследуемой лексике наиболее убедительной нам представляется идея

Т. В. Матвеевой о том, что экспрессивная семантика «крепится на каркасе объективно-логического значения» [Матвеева 2013: 9]. Исходя из этого экспрессивные слова алкогольной тематики характеризуются семантической двуплановостью: во-первых, они обозначают понятие о компоненте реальной ситуации, связанной с выпивкой (пьющий человек, процесс принятия алкоголя, спиртной напиток, степень опьянения и др.); во-вторых, в коннотации экспрессивов содержится субъективно-оценочная характеристика объекта речи. Коннотативная часть лексического значения противопоставляет экспрессивное слово его нейтральному аналогу – доминанте синонимического ряда. Например: **выпить** – бухнуть, выкушать, грохнуть, жахнуть, тянуть, шандарахнуть; **алкоголик** – забудыга, жмурик, колдырь, синюха; **пьяный** – готовенький, нарядный, подогретый, тепленький; **спиртной напиток** – беленькая, вакса, заряд, зелье, синька; **бутылка** – ампула, бомба, мерзавчик, пузырек, фуфырик. Как видим, экспрессивные синонимы на фоне нейтрального стержневого слова характеризуют референты ситуации винопития с качественной или количественной стороны, при этом в аспекте такого количества, которое переходит в новое качество. Так, *жахнуть* – не просто выпить, а выпить быстро, мгновенно, с жадностью, без остатка; *забудыга, синюха* – не просто названия пьяного или пьющего человека, а характеристики спившегося, опустившегося человека, к которым прибегают в таких ситуациях, когда надо обозвать, а не назвать человека.

Проиллюстрируем, как сами носители русского языка осознают назначение экспрессивного слова.

Вкусить отравы – используется для описания процесса потребления крепких алкогольных напитков, когда пьющие знают последствия их употребления (САТ); По сути любой алкогольный напиток является «сывороткой правды», после него всегда тянет на откровения (<https://otvet.mail.ru/>); Если человек выпивает умеренно, то про него не будут говорить, естественно, что он *кирял*, что он любит *кирять*, что он готов в любой момент *накиряться*. То есть в подтексте должно подразумеваться то, что «*киряющий*» – это именно злоупотребляющий, пьющий слишком много (<http://www.bolshoyvopros.ru/>). Из приведенных высказываний очевидно, что говорящие используют экспрессивные слова не столько для называния алкогольного напитка, процесса питья, состояния опьянения и других реалий соответствующей ситуации, сколько для выражения к ней своего отношения.

Т. В. Матвеева справедливо отмечает, что двухкомпонентное лексическое значение экспрессивного слова (денотат и коннотация) не

является простой суммой объективно-понятийной и субъективно-оценочной семантики. Хотя эти компоненты тесно взаимосвязаны, ведущую роль играет коннотация, «ведь не оценочная номинация соответствующего объекта в языке уже создана» [Матвеева 2013: 11]. Н. А. Лукьянова также считает, что экспрессивные слова предназначены «выражать эмоциональное состояние говорящих в момент речи, характеризовать и давать субъективные оценки окружающим предметам и другим людям, усиливать впечатление адресата от полученной им информации, воздействовать на него» [Лукьянова 2015: 187].

Семантическая структура лексической экспрессивности

В семантике экспрессивной лексической единицы обычно выделяют три микроразличия: интенсивность, эмотивность (эмотивную оценку) и образность. В связи с ограниченным объемом статьи рассмотрим первые два, важные для анализа экспрессивов алкогольной тематики.

Интенсивность соотносится с такой квалификацией явления, которая демонстрирует отклонение от нормы, от некоторого «нуля нормативности», и вследствие этого воспринимается говорящими иначе, чем обычное, соответствующее социальной норме или мере, явление [Лукьянова 2015: 190]. Применительно к лексике, связанной с употреблением алкоголя, именно интенсивность самого процесса питья и состояния опьянения является основным микроразличием многих экспрессивов. Например, нейтральный глагол *выпить* в одном из своих прямых значений – ‘принять внутрь спиртной напиток’ – называет такое действие, которое может быть интерпретировано как соответствующее некоторой социальной норме. В отличие от него, глаголы *набухаться*, *наклюкаться* и т. п. актуализируют добавочный смысл ‘много / сверх меры’. Об актуализации этого смысла свидетельствуют, например, следующие высказывания: *А где Санёк, почему на работу не вышел? Опять, что ли, набухался?* (kartaslov.ru); *Я сегодня черт знает сколько выпил. Башка трещит. С утра, черт возьми, наклюкался* (Куприн. Штабс-капитан Рыбников). Как видим, экспрессивные глаголы *набухаться* и *наклюкаться* описывают ситуации иного плана, чем глагол *выпить*. Таким образом, в значении подобных глаголов можно выделить два микроразличия: 1) номинативное – ‘принять алкоголь’; 2) экспрессивное, входящее в коннотативную семантику, – ‘принять алкоголя много, сверх меры, утратив способность к адекватному поведению’. Проведенное нами исследование подтверждает выводы Н.А. Лукьяновой и Т.В. Матвеевой о том, что интенсивность экс-

прессивного слова связана с представлением говорящих о ненормативном в отношении некоторой социальной меры явлении.

Для анализа отклонения от стандарта Т. В. Матвеева вводит понятие **параметрического основания экспрессивности**, см.: «Зона гипертрофии того или иного признака, т. е. того состояния, когда этот признак в количественном отношении максимально приблизился к своей допустимой границе, – это и есть зона интенсивности, параметрической напряженности, которая фиксируется экспрессивными лексическими единицами» [Матвеева 2013: 20–21].

Наше исследование показывает, что практически вся экспрессивная лексика, характеризующая сильную степень опьянения, находится в зоне «параметрической напряженности». Так, можно быть пьяным *в дымину, в стельку, в дрова, вдрабадан, вдрызг, вусмерть, до беспмятства, до посинения* и т. п. Интенсивность выпивки, превышающая стереотипные представления о норме, передается глаголами интенсивно-результативного способа действия: *надраться, нагрузиться, наюзюкаться, накидаться, накиряться, нахлебаться, обнулиться, обжабиться* и т. п. В глаголах-интенсивах обращает на себя внимание употребление приставок *на-, об- / обо-, у-* в сочетании с постфиксом *-ся*. По данным толкового словаря, в возвратных глаголах приставка *на-* имеет значение ‘пресыщение действием самого действующего субъекта’ (СРЯ), то есть указывает на превышение нормальной меры действия.

При анализе экспрессивов алкогольной тематики обращают на себя внимание и лексические единицы, выражающие **экстенсивность** – «ослабление или значительное снижение меры характеризуемого объекта» [там же: 22]. Прежде всего экстенсивность наблюдается в семантике эвфемизмов, например: *принять по пять капель, выкушать, дары Вакха, поклонник Бахуса, веселительный напиток, сугрев, подшофе, махонькая* (о рюмке водки) и др.

Информацию о параметрическом признаке экспрессива дают источники трех типов: 1) словарные дефиниции; 2) комментарии говорящих; 3) контекстный анализ высказываний.

Приведем примеры **словарных дефиниций** (здесь и далее контекстный показатель параметрического признака выделен полужирным шрифтом): *не крепок на ногах* – ‘**сильно** пьян’ (БАС); *держаться бутылки, чарочки* – ‘**часто** выпивать спиртное’ (СЭРЯ); *запить горькую, мертвую* – ‘**предаться безудержному** пьянству’ (СЭРЯ); *употреблять* – ‘**выпивать немного** спиртного перед ответственным событием’ (СЭРЯ).

Комментарии говорящих облегчают анализ просторечных, жаргонных, а также индивидуально-авторских экспрессивов. Например: *принять* – ‘быстро вытить, чтобы **немного** опьянеть’ (<https://dzen.ru/>); *фуфырик* – ‘**очень** маленькая бутылочка с крепким алкоголем’ (<https://aif.ru/>); *в ауте* – ‘человек **очень** пьян’ (<https://otvet.mail.ru/>); *киряющий* – злоупотребляющий, пьющий **слишком много** (<http://www.bolshoyvopros.ru>).

Проиллюстрируем также **контекстные** показатели параметрического значения экспрессивов:

*Они все же **хватили лишку**.., потому что на поминках и должен кто-нибудь **хватить лишку*** (М. Палей. Евгеша и Аннушка); *В свое время... отличилась даже принцесса Саудовской Аравии – **под сильным градусом она в кровь расцарапала бортипроводницу** авиакомпании «Транс уорлд эйруэйз» во время путешествия из Парижа в Бостон* (Российская газета); *Несмотря на ранний час, барон Бернгард Цу Штакельберг унд Вальдек **был уже не то чтобы «навеселе», но немножко «грузен»** и, разговаривая с Геннадием Тарасовичем, неторопливо прихлебывал свой французский арманьяк* (Ю. Герман. Дорогой мой человек); *Он освободился, утерся, встал из-за стола и по высокому звону в ушах понял, что **пьян в дугу, вдрезину, в бога** или во что еще там полагается быть пьяным, – одним словом, **пьян окончательно и бесповоротно*** (И. Грекова. На испытаниях); *Он без меры **накушался** домашней **семидесятиградусной нефilterованной туповой водки*** (Н. Абгарян. Всё о Манноне).

Обилие экспрессивов такого типа свидетельствует об их востребованности в речевом пользовании носителей русского языка, а также о сформированности коллективных и индивидуальных представлений о превышении границ социально одобряемой нормы употребления спиртных напитков.

Далее обратимся к анализу **эмотивного компонента** лексической экспрессивности. Лингвистический термин *эмотивность* употребляется в качестве аналога термина психологии *эмоциональность*. Эмотивный компонент значения экспрессивного слова выражает психические переживания и эмоциональную оценку – закрепленное в значении лексической единицы мнение субъекта относительно определенной реалии или ситуации.

Поскольку эмоции могут быть положительными и отрицательными, эмотивные оценки также подразделяются на два типа. **Положительные (позитивные, мелиоративные)** оценки являются «эмоционально возвышающими предмет речи» [Петрищева 1984: 161], они передают радость, одобрение, похвалу, ласку, восхищение, восторг и тому подобные чувства. **Отрицатель-**

ные (негативные, пейоративные) оценки являются «эмоционально принижающими предмет речи» [там же], они связаны с выражением неодобрения, неприятия, осуждения, пренебрежения, презрения, грубости и других подобных чувств.

Проиллюстрируем эмотивную оценку, заключенную в экспрессивах с «алкогольной семантикой».

Так, нейтральное слово *водка* противопоставлено мелиоративным синонимам *бальзам на душу, беленькая, веселительный напиток, водадуля, водица, дары Бахуса, целебное* и др., выражающим разные оттенки удовольствия от принятия алкоголя. Более того, некоторые эвфемизмы (например, *дары Бахуса, дары Вакха*), в случае их использования без иронии, способны создать возвышенную тональности речи. Пейоративная оценка заложена в семантику сниженных и грубых экспрессивов типа *водяра, злодейка с наклейкой, мертвая, отравя, пойло, синька* и т. п., которые демонстрируют скорее негативное отношение к водке.

Отрицательная эмоциональная оценка сопровождается многочисленными характеристиками пьяного человека (субстантивные, адъективные, глагольные, наречные, фразеологические), см.: *сильно напиться – до поросычьего визга, до беспамятства, до дрожи в руках, до синевы, залить глаза, залить зенки, лыка не вязать, упасть в синюю яму; пьяный человек – бухорылый, кривой, синюшный, убуханный, упоротый, еле живой, на бровях, на рогах; напиться – набухаться, надраться, накуряться, налакаться, нализаться, нахлестаться, нахрюкаться; быть в состоянии сильного опьянения – в дымину, в мат, в слюни, в хлам* и т. п.

Примеры показывают, что неодобрительные эмоции, касающиеся пьянства, ярко проявляются в многочисленных рядах стилистически окрашенных, сниженных слов. Очевидно, что по сравнению с положительными эмоциями отрицательные более разнообразны и многочисленны. Они сопровождают выражение неодобрения, осуждения, порицания, пренебрежения, презрения, отвращения, омерзения, недовольства, негодования, насмешки, сарказма и других подобных чувств.

Особое положение в системе эмоциональных оценок занимают шутка и ирония. Их истинный смысл нередко завуалирован: они в скрытом виде могут выражать как одобрение, так и неодобрение. Н. А. Лукьянова в связи с этим пишет: «Шутка – шутливое отношение говорящего к кому-либо, чему-либо – то, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, забавы, веселья. Ирония – тонкая, скрытая насмешка, взрыв-

ная сила которой замаскирована внешне серьезной формой <...> Говорящий стремится завуалировать свои чувства, но делает это намеренно так, чтобы слушающий догадался о них. На эту двусмысленность обычно указывает интонация» [Лукьянова 1986: 47]. Судя по нашей выборке, шутка и ирония по поводу принятия алкоголя выражаются экспрессивными лексическими единицами довольно часто.

Приведем примеры **шутливой** окраски экспрессивных глаголов: *Булькнул водки последний глоток, Подкрепленный нехитрой жарехой. Мы расслабились нынче чуток С шепотным дрессировщиком Лехой* (М. Казаченко. В зоопарке); *Купила пиво, сегодня буду джазить* (<https://zvukibukvy.ru/slang/>); *мы сегодня с ним помирились и чебурахнули по банке...* (Ю. Домбровский. Леди Макбет). **Ироничную** окраску экспрессивов иллюстрируют следующие примеры: *После веселых, многолюдных застолий с безмерными возлияниями Серова всё чаще остается одна в пустом доме* (В. Серова. Справочник трезвого алкоголика); *Тот же Мартемьянов любит иногда заглянуть в рюмочку. Знаем мы эти замашки! Сегодня рюмочка, завтра рюмочка, а там, глядишь, и стипся!* (А. Коптяева. Иван Иванович).

Однако точно интерпретировать оценочное значение экспрессивного слова весьма непросто, поэтому наблюдается разноречивость в словарных пометах *неодобр.*, *пренебр.*, *презр.* и др. Н. А. Лукьянова в связи с этим замечает: «Ведь не случайна такая пестрая картина лингвистической интерпретации экспрессивов как в работах лексикологов, так и в словарях: она демонстрирует сложность самого предмета изучения – эмоциональной оценки как компонента семантического содержания лексических единиц» [там же: 45].

Нельзя не согласиться с мнением исследователя, что при анализе эмотивно-оценочной стороны экспрессива необходимо учитывать зависимость вектора оценки от эмоционального тона контекста в целом, поскольку в речевых актах часто происходит смена «знака оценки» – чаще позитивной на негативную, реже наоборот [Лукьянова 2015: 193]. Более того, автор справедливо считает, что такие эмоциональные реакции, как жалость, сочувствие, соучастие, досада, раздражение, возмущение, негодование, «не закрепляются в семантике лексических единиц в качестве ее компонента, а реализуются в речи, на уровне контекста» [Лукьянова 1986: 49]. Н. А. Лукьяновой описаны компоненты контекста, которые служат показателями экспрессивно-эмоциональной оценки [там же: 49–55]. Назовем некоторые из показателей и проиллюстрируем их примерами из нашей выборки.

1. **Общая эмоциональность фразы**, проявляющаяся в интонации, например: *Ты че талый [пьяный] что ли?* (<https://argo.academic.ru/>); *Ты что, с ума сошел, Соколов? – закричала я. – Я тебе что, алкашка какая-то?* (Л. Нечаева. Анютины глазки); *Да ты посмотри на него: у него штаны закатанные, как у негра, он же алкота, видно сразу по цвету лица, прям с плаката* (Н. Коляда. «Мы едем, едем, едем в далекие края...»).

Из примеров видно, что тональность высказывания способна изменить эмоциональную окраску экспрессива. Поэтому «одно и то же слово может употребляться в речи с разными видами эмоциональной оценки, например, ирон. и неодобр., ирон. и насмеш., ирон. и пренебр., ирон. и презр. и т. п.» [там же: 49]. Этот вывод подтверждается, в частности, сравнением эмоционального тона извлеченных из НКРЯ контекстов, в которых используется одно и то же экспрессивное слово *бухарик* – ‘неумеренно пьющий человек, но еще не алкоголик’ (<https://pikabu.ru/>):

Ее компаньоном оказался какой-то ублюдок с сальными патлами, явный бухарик (В. Громов. Компромат для олигарха) – выражение презрения, омерзительно-уничжительного отношения к спившемуся, опустившемуся человеку.

Бухарикам благодарное человечество вишло под левые лопатки по ампуле «эсперали» на пять лет, и теперь они ведут исключительно трезвый образ жизни, давая ежедневно десятки интервью (В. Сундеев. Сенсация, потрясшая мир) – выражение шутливо-ироничного отношения к закодировавшимся алкоголикам.

Вот приятели – такие же бухарики, как я сам, – и прозвали последним днем Помпеи, ну а для краткости просто Помпеем (Н. Дежнев. Год бродячей собаки) – выражение самоиронии.

Отличнейший парень, прямой, честный, бухарик, правда... Давайте-ка за помин его души (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть) – выражение сочувственного отношения к умершему человеку на его поминках.

Чего ж тогда, бухарик, разгуливаешь по проезжей части? – ехидно заметил всё тот же голос (Н. Дежнев. Год бродячей собаки) – выражение насмешливо-неодобрительного отношения к человеку, нарушающему правила дорожного движения.

2. **Контекстные усилители семантики экспрессивов:**

– **пояснительные слова или выражения**, раскрывающие семантику экспрессива¹, например: *...мне сам Бог велел. После бани и нищий пьет!* (В. Михальский. Храм Согласия); *Заметила, что в пятницу под деревьями часто со-*

бираются мужчины по дороге с работы и «отдыхают», приносят с собой питье (<http://www.bolshoyvopros.ru>); Мы обмыли новую позму, то есть выпили водки и закусили копченой рыбой (В. Катаев. Алмазный мой венец); Да, я хорош. (В смысле пьян) (<https://vk.com>);

– **междометия и частицы**, например: *Счас... как смажут для радости жизни!* (В. Тучков. Русский холод. Надуманное); *Ну ты и умалыздался! Еле на ногах стоишь!* (<https://otvet.mail.ru/>); *Вера, прищурившись, проводила его взглядом... чтоб тебе там обожраться проклятой вашей водкой!* (М. Халфина. Простая история);

– **вводные и модальные слова и выражения**, передающие эмоциональное состояние говорящего и оценку той ситуации, которая обозначается экспрессивным словом, например: *А где Санёк, почему на работу не вышел? Опять, что ли, набухался?* (<https://kartaslov.ru/>); *Последняя кружка, а то, не ровен час, до обеда набубуниться можно* (<https://sloooovo.ru/>); *И помчался — небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить* (Ф. Ошевнев. Верующий батюшка); *И нечаянно дошел до того, что выпивал прежнюю порцию, и был только, что называется, на кураже, когда всё так отрадно и весело* (С. Максимов. Лесная глушь);

– **слова-интенсификаторы**, выполняющие усилительную функцию в контексте, например: *Чумной какой-то, — насмешливо бросила одна из них, — наверное, под балдой* (А. Ильин. Частный случай с историком Филёвым); *Вот классно мы в субботу отдохнули! Только Колян так нажрался — ни петь, ни рисовать — весь вечер коры мочил* (<http://slovoborg.su/>); *После выпитого мысли разбредались, голова болела и вообще я был какой-то квелый и недееспособный* (Н. Козаков. Дневник); *В один момент под вечер приходит ко мне в магазин алкаш подшофе, еле держится на ногах... И вот, когда этот бухорылый черт начинает с пьяных шар орать...* (<https://vk.com>);

– **сравнительные обороты**, раскрывающие образ, заложенный в семантике экспрессива, например: *Нажрался зелья-то и развозился, что пьяный медведь!* (Н. Златовратский. Между старою и новою правдой).

Итак, эмоциональная оценка, отражающая отношение говорящего к предмету речи, позволяет установить сформировавшиеся в коллективном или индивидуальном сознании носителей языка представления об употреблении алкоголя, то есть участвует в порождении экспрессивности лексических единиц, входящих в рассматриваемую нами коммуникативную сферу. Многочисленность и семантическое разнообра-

зие эмоционально-оценочных слов и фразеологизмов, используемых в ситуациях употребления алкоголя, свидетельствует о значимости эмоциональной оценки как языкового феномена и является показателем активного развития системы экспрессивных лексических средств русского языка.

Заключение

В коммуникативной сфере, связанной с употреблением алкоголя, функционирует большой массив разговорных экспрессивов, которые репрезентируют коллективные и индивидуальные представления носителей русского языка о различных аспектах принятия алкоголя. Ведущими компонентами семантической структуры многих экспрессивов являются коннотации интенсивности и эмотивной оценки.

Коннотация интенсивности прежде всего свойственна глаголам интенсивно-результативного способа действия, обозначающим превышение некой нормы питания, установленной в социуме. Помимо этого, в зоне экспликации интенсивности находятся экспрессивные лексико-грамматические единицы разных частей речи, обозначающие высокую степень опьянения.

Эмоционально-оценочная коннотация наблюдается практически во всех экспрессивах, характеризующих референты, связанные с винопитием. Хотя наибольшее разнообразие свойственно выражению отрицательно-оценочных эмоций, нами зафиксированы многочисленные случаи шуточной и ироничной окраски экспрессивов алкогольной тематики. В то же время на значение экспрессива оказывает влияние эмоциональная тональность контекста в целом, поэтому при анализе вектора экспрессивной оценки необходимо учитывать контекстные показатели: общую эмоциональность фразы, пояснительные, вводные и модальные слова и др.

Всё вышесказанное позволяет определить экспрессив, относящийся к номинативному полю «употребление алкоголя», как лексическую единицу (слово или фразеологическое сочетание), которая выражает эмоционально-психологическое отношение говорящих к разным аспектам ситуации винопития. Множество экспрессивов алкогольной тематики свидетельствует об их востребованности в речевом поведении носителей русского языка, а также о сформированности коллективных и индивидуальных представлений о границах социально одобряемой нормы употребления спиртных напитков. В связи с этим отражение в языке национально специфического общественного мнения об употреблении алкоголя является перспективной темой дальнейших лингвистических исследований.

Примечание

¹В примерах экспрессивы, связанные с употреблением алкоголя, выделены полужирным шрифтом, контекстные усилители семантики экспрессивных слов подчеркнуты.

Список источников

БАС – Большой академический словарь русского языка: в 27 т. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.

КСАТ – *Пыгарский М. В.* Краткий словарь алкогольных терминов. URL: https://royallib.com/book/pogarskiy_mihail/kratkiy_slovar_alkogolnih_terminov.html (дата обращения: 21.07.2024).

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.

СЭРЯ – *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, 2008. 459 с.

Список литературы

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001. 394 с.

Зимовец Н. В. К вопросу о классификации эмоционально-экспрессивных единиц в лингвистике // Система ценностей современного общества. 2009. № 1. С. 77–82.

Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 211–215.

Лукьянова Н. А. Традиции и новации в изучении русской лексики разговорного дискурса // Русистика: сб. науч. тр. Киев: Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. Вып. 12. С. 10–22.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигмах современной русистики // *Ars philologica: рассуждения о языке и тексте: межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 5–33.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 231 с.

Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 173 с.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 222 с.

Телия В. Н. Экспрессивность // Русский язык. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 403–404.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лекси-

кологии и словообразования. Вып. 8. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1979. С. 3–11.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Го Тунцин Социолингвистическое исследование эвфемизмов. Чэнду: Изд-во Юго-Западного университета Цзяотун, 2015. 184 с. 辜同清. 委婉语社会语言学研究. 西南交通大学出版社. 2015. 184 p. (Gu Tongqing. Wei wan yu she hui yu yan xue yan jiu. Cheng du: Xi nan jiao tong da xue chu ban she. 2015. 184 p.)

Ли Цинхуа Эвфемизмы в китайско-русской межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Коммуникация в сфере культур. 2012. Р. 57–59. 李庆华. 委婉语在全球化背景下中俄跨文化交际中的作用 // 文化视界. 2012. Р. 57–59. (Li Qinghua. Wei wan yu zai quan qiu hua bei jing xia zhong e kua wen hua jiao ji zhong de zuo yong // Wen hua shi jie. 2012. Р. 57–59.)

Сюй Сяодань Сопоставление русских и китайских эвфемизмов // Научная информация. 2008. С. 114–115. 徐晓丹. 俄汉委婉语对比 // 科技信息. 2008. Р. 114–115. (Xu Xiaodan. E han wei wan yu dui bi // Ke ji xin xi. 2008. Р. 114–115.)

References

Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2001. 394 p. (In Russ.)

Zimovets N. V. K voprosu o klassifikatsii emotsional'no-ekspressivnykh edinit v lingvistike [On the classification of emotional-expressive units in linguistics]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The Value System of Contemporary Society], 2009, issue 1, pp. 77-82. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Diskussionnye momenty interpretatsii ekspressivnosti kak kategorii leksikologii [Discussion points in the interpretation of expressiveness as a category of lexicology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2009, issue 1 (9), pp. 211-215. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Traditsii i novatsii v izuchenii russkoy leksiki razgovornogo diskursa [Traditions and innovations in the study of the Russian vocabulary of spoken discourse]. *Rusistika* [Russian Studies]: a collection of scientific works. Kiev, Taras Shevchenko National University of Kyiv Press, Lomonosov Moscow State University Press, 2012, issue 12, pp. 10-22. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v paradigmatkakh sovremennoy rusistiki* [Expressive vocabulary of colloquial usage in the paradigms of contemporary Russian studies]. *Ars philological: rassuzhdeniya o yazyke i tekste* [Ars Philological: Reflections on Language and Text]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2008, pp. 5-33. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte* [Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, issue 9, pp. 183-201. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial usage (problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 231 p. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. LAP LAMBERT Academic Publ., 2013. 173 p. (In Russ.)

Petrishcheva E. F. *Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo yazyka* [Stylistically Colored Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 222 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Ekspressivnost'* [Expressiveness]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979, pp. 403-404. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Ekspressivnyy fond i puti ego izucheniya* [Expressive fund and the ways to study it]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Current Issues of Lexicology and Word Formation]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 1979, issue 8, pp. 3-11. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1987. 192 p. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [A Linguistic Theory of Emotions], Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Yakobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: 'za' i 'protiv'* [Structuralism: Pros and Cons], Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193-231. (In Russ.)

Go Tungqing. *Wei wan yu she hui yu yan xue yan jiu* [Sociolinguistic Study of Euphemisms]. Chengdu, Southwest Jiaotong University Press, 2015. 184 p. (In Ch.)

Li Qinghua. *Wei wan yu zai quan qiu hua bei jing xia zhong e kua wen hua jiao ji zhong de zuo yong* [Euphemisms in Sino-Russian intercultural communication in the context of globalization]. *Wen hua shi jie* [Cultural Perspectives], 2012, pp. 57-59. (In Ch.)

Xu Xiaodan. *E han wei wan yu dui bi* [The comparison of Russian and Chinese euphemisms]. *Ke ji xin xi* [Scientific Information], 2008, pp. 114-115. (In Ch.)

Semantics of Russian Expressive Vocabulary Connected with Drinking Alcohol

Zhang Xiaofei

Russian Language Teacher

Shandong University at Weihai

180, Wenhua rd., Weihai, 264200, China. 1311897238@qq.com

SPIN-code: 5103-8753

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3213-9835>

ResearcherID: LFT-1777-2024

Elena A. Bazhenova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. bazhenova_e2000@mail.ru

SPIN-code: 2117-6927

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4580-4128>

ResearcherID: L-9322-2017

Submitted 18 Jun 2024

Revised 17 Sep 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Zhang Xiaofei, Bazhenova E. A. Semantika russkoy ekspressivnoy leksiki, svyazannoy s upotrebleniem alkogolya [Semantics of Russian Expressive Vocabulary Connected with Drinking Alcohol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 82–91. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-82-91. EDN LCUMQZ (In Russ.)

Abstract. The paper provides a semantic analysis of expressive vocabulary that reflects the ideas of the Russian-language speakers about drinking alcohol. The material of the study are colloquial words and idioms expressing emotional / psychological attitude of the speakers to different referents of the alcohol consumption situation (that is: the process of drinking, the drinker himself, the alcoholic beverage, the state of intoxication, etc.). The authors study expressive units used by representatives of different social strata, including such units found in fiction, colloquial language, slang, vulgar speech. The theoretical and methodological framework of the study is based on the works of N. A. Lukyanova, T. V. Matveyeva, V. N. Teliya and other Russian linguists, where expressiveness is defined as a lexical category associated with the emotional-evaluative attitude of the speaker to the phenomena of reality and manifested in the connotative part of the lexical meaning of the expressive word. This study is the first to provide an analysis of the two semantic components of the ‘alcohol consumption’ vocabulary – intensity and emotional evaluation. It has been established that the intensity of the expressive vocabulary in question correlates with the deviation from the socially approved norm of drinking and the subsequent state of intoxication; this vocabulary manifests both negative and positive evaluation of the referents. The authors underline the influence of context on the emotional connotation of an expressive word and the consequent difficulty of interpreting expressive words (positively or negatively), describe the contextual means that make it possible to identify the emotional connotation of the used expressive.

The authors come to a conclusion that a large number of expressive lexical units in narrations about drinking alcohol indicate their relevance to the speech behavior of native speakers of the Russian language. This confirms the expediency of further study of collective and individual perceptions of alcohol consumption present in the Russian-language linguistic worldview.

Key words: expressiveness; expressive semantics components; Russian expressive vocabulary; alcohol consumption vocabulary.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1.09"19"
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-92-102
<https://elibrary.ru/fdvwgl>

EDN FDVWGL

«Вы теперь для меня именно – *то*, а не *не то*»: переписка Л. Н. Толстого и П. В. Анненкова

Андреева Валерия Геннадьевна

д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. lanfra87@mail.ru

ведущий научный сотрудник

Костромской государственной университет
156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

SPIN-код: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Статья поступила в редакцию 17.07.2024

Одобрена после рецензирования 11.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Информация для цитирования

Андреева В. Г. «Вы теперь для меня именно – *то*, а не *не то*»: переписка Л. Н. Толстого и П. В. Анненкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 92–102. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-92-102. EDN FDVWGL

Аннотация. Автор обращается к краткой, но значимой переписке Толстого и Анненкова, анализирует отношение писателя и критика друг к другу, делая акценты на важнейших моментах писем для понимания целостной позиции корреспондентов. В работе представлена история взаимодействия Толстого и Анненкова, отмечается глубокое понимание критиком причин появления у Толстого тех или иных идей. Показано, что рассматриваемая переписка содержит те ценные высказывания и замечания, которых нет в статьях критика. Анненков в переписке с Толстым всерьез и основательно подчеркивает масштаб пути личности и заключающиеся в ней скрытые силы. Поток внимания писателя, по мнению Анненкова, должен был быть направлен не только во внешний мир, но и в глубины душевной жизни. Пропущенный через разум и душу, этот внешний мир подавался читателю преображенным. Особое внимание автор статьи уделяет разным взглядам друзей Тургенева и Анненкова на творческую эволюцию Толстого. Отмечается влияние, которое критик оказал на молодого писателя, а также расхождение во взглядах. Общая, роющая жизнь не притягивала Анненкова, его внимание было направлено на личность, которая в России нередко игнорировалась. Он не отрицал ясной мысли, необходимой в произведениях литературы, он пытался сам опираться на разум, сетовал на отсутствие в России системы и порядка. Задачи искусства Анненков видел не в обсуждении проблем государственного масштаба, но в поиске лучшего пути для частного человека.

Автор статьи приходит к выводу, что Анненков лучше Боткина и Дружинина (которые втроем составляли, по выражению Толстого, «эстетический триумvirат») понимал Толстого. Писатель и

критик фактически не обращались к идее общих творческих замыслов, Анненков, в отличие от Боткина и Дружинина, не был первым читателем произведений Толстого, но именно Анненков смог понять особенности натуры Толстого, накладывавшие отпечаток на его художественный талант. Письма Анненкова и его мысли о писателе всегда были направлены на служение Толстому и искусству.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; П. В. Анненков; И. С. Тургенев; переписка; эстетический триумvirат; чистое искусство; литературные журналы; назначение литературы; внутренняя жизнь; русский либерализм.

Среди всего наследия Л. Н. Толстого, включающего художественные произведения, публицистику, трактаты, учебные книги, сборники мудрых мыслей, рассказы для народа с усиленными дидактическими элементами, эго-документы (дневники и эпистолярный), наименее изученным пластом остаются, на наш взгляд, письма. Можно назвать несколько причин их недостаточной исследованности. Во-первых, сложности в понимании и осмыслении писем были связаны с тем, что часто при публикации переписки выбирался не совсем уместный принцип подачи материала, при котором письма публиковались не в порядке написания, а отдельно для каждого корреспондента, из-за чего исчезало ощущение живого диалога. К этой же группе причин можно отнести и тот факт, что нередко переписка публиковалась выборочно – как правило, письма литераторов издавались в ряду других текстов в полных собраниях сочинений. Но для глубинного понимания смыслов необходимо анализировать послания обоих корреспондентов. Большое значение в этом плане имел выход двухтомного издания «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями», подготовленного С. А. Розановой (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978). Во-вторых, на наш взгляд, исследователи недооценивали письма Толстого и его корреспондентов с позиции раскрытия внутреннего мира писателя и его мировоззрения, определенных творческих замыслов. Понятно, что письма не могут дать целостную картину взглядов или состояния Толстого, но они содержат ценную информацию, которая вкупе с накопленным в толстоведении материалом позволяет новаторски взглянуть на некоторые проблемы или заполнить определенные лакуны. В-третьих, существует этическая сторона в прочтении и исследовании чужих писем, написании комментариев с неизбежными оценками. Однако залогом справедливости и точности исследователя в данном случае выступает глубокое уважение к личности писателя и к слову.

В данной статье мы обратимся к достаточно краткой, но значимой и информативной переписке Толстого с Анненковым, проанализируем отношение писателя и критика друг к другу, сделаем акценты на важнейших моментах писем, нуждающихся в глубоком комментарии для

понимания целостной позиции корреспондентов. Более того, на основании исследования писем в статье мы представим историю взаимодействия Толстого и Анненкова, преимущественно упоминаемую в плане общения Толстого с «бесценным триумvirатом» (так сам писатель именовал В. П. Боткина, П. В. Анненкова и А. В. Дружинина). Н. Н. Гусев считал, что «кратковременная дружба» Толстого с эстетическим триумvirатом была основана на «общности чисто художественных интересов» [Гусев 1957: 120]. По нашему мнению, взаимоотношения современников были более глубокими и сложными, не ограничивались исключительно кратковременным единством взглядов. В. Н. Крылов точно отметил, что «благодаря поддержке “триумvirата” Толстой получил уверенность в себе как художник, ощутил себя писателем в общественном мнении, его талант был оценен замечательными критиками» [Крылов 2011: 125].

Методологической основой работы стали биографический, сравнительный, историко-типологический, герменевтический методы, метод целостного анализа, онтологический метод. Данная работа продолжает ряд статей автора о переписке Толстого с русскими писателями и литераторами, направленный на воссоздание целостной картины литературного процесса, своеобразно (в зависимости от мнений и позиций корреспондентов) отраженной в переписке.

Павел Васильевич Анненков (1812 или 1813–1887) – литературный критик, историк литературы, общественный деятель, мемуарист, один из первых биографов А. С. Пушкина. Анненков в течение долгих лет был близким другом И. С. Тургенева. После ссоры Толстого и Тургенева именно Анненков, еще до выхода мемуаров А. А. Фета, достаточно подробно и основательно описал причины размолвки двух известных писателей. В. И. Кулешов отмечает, что Анненков дал верное понимание хода ссоры Толстого и Тургенева: «Рассказывая о несостоявшейся дуэли между Тургеневым и Л. Н. Толстым, Анненков преуспел в главном: убедительно доказал, что Тургенев от вызова не уклонился и его снял сам Толстой. В одном Анненков не располагал всеми фактами: в характеристике причины ссоры...» [Кулешов 1983: 29]. Интересно краткое описание взаимоотношений Тургенева с Толстым и соб-

ственно фигуры Толстого, данное в статье «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1856» и ставшее очень известным в литературоведении. Анненков прекрасно передал своеобразие Толстого, особенность его мышления, его жизненную и мировоззренческую позицию: «Л. Н. Толстой был очень оригинальный ум, с которым надо было осторожно обращаться. Он искал пояснения всех явлений жизни и всех вопросов совести в себе самом, не зная и не желая знать ни эстетических, ни философских их пояснений, не признавая никаких традиций, ни исторических, ни теоретических, и полагая, что они выдуманы нарочно людьми для самообольщения или для обольщения других. Как курьез воззрение это еще могло поддерживаться при громадном образовании и большой начитанности, но гр. Толстой не гонялся за курьезами» (Анненков 1983: 390). Как правило, на данном месте исследователи обрывают цитату Анненкова, однако важно подчеркнуть дальнейшую характеристику ума Толстого критиком: «То был сектантский ум по преимуществу, очень логический, когда касалось выводов, но покорявшийся только вдохновенному слову, сказавшемуся, неизвестно как, в глубине его души. Поэтому столь же интересно было следить за его мнением, всегда новым и неожиданным, сколько и за происхождением этого мнения. Нередко встречались у него приговоры, поражающие своим ультрарадикальным характером» (там же).

Процитированные слова критика показывают, что он обращал внимание на причины появления у Толстого тех или иных идей, а для этого необходимо было общение с писателем, дружеское, искреннее взаимодействие, погруженность в мировоззрение другого человека, умение чувствовать и понимать собеседника. Переписка Толстого и Анненкова небольшая, включает всего четыре письма: три из них относятся к 1850-м гг., а четвертое написано Толстым в 1875 г. Эта переписка содержит те ценные высказывания и замечания, которых нет в критике Анненкова, – об этом писали современники и далее литературоведы – критик был наиболее красноречив и ярок именно в устных беседах и личных документах, в том числе в переписке, в творческом общении с друзьями – а его тексты и статьи гораздо лаконичнее (что не относится к мемуарно-биографической работе о Пушкине). Эту особенность справедливо подчеркнул Д. Офффорд: «Ведь Анненков никогда убедительно не проявлял в печати того критического мастерства и пронизательности, которые Тургенев и многие другие уважали в его беседах и в случайных литературных суждениях, встречающихся в его письмах» [Offord 1985: 132].

Примечательно, что либерал-государственник Б. Н. Чичерин, с которым Анненков расхотелся по ряду позиций, дал оценочный портрет Анненкова и также упомянул о мастерстве литературных бесед критика в хорошей компании: «Из петербургских приятелей Тургенева ближе всего к нему был Павел Васильевич Анненков, с которым я тоже скоро сошелся. Это был человек необширного ума, сдержанный и осторожный, но обходительный и образованный, много путешествовавший, много видевший, одаренный тонким чувством изящного, хотя нередко он высказывал свои суждения в слишком замысловатой и затейливой форме. <...> Самыми приятными обедами у Тургенева были те, когда я их заставлял вдвоем с Анненковым. Тут были живые, преимущественно литературные беседы, каких в это время не было даже в Москве» (Чичерин 2010: 244).

Толстой и Анненков познакомились в 1855 г., но это знакомство было кратким. Осенью 1856 г. и в начале 1857 г. Толстой много общался с Анненковым, к этому времени относятся противоречивые суждения Толстого об Анненкове – писатель искал близкого друга, «своего человека», однако члены «бесценного триумvirата», как ему казалось, не подходили на эту роль. Так, 13 ноября 1856 г. Толстой записал в дневнике: «...в 4-м часу к Дружинину, там Гончаров, Анненков, все мне противны, особенно Дружинин, и противны за то, что мне хочется любить, дружбы, а они не в состоянии» (Толстой 1928–1958, т. 47: 99). Однако в личных беседах с Анненковым Толстой отмечает его ум и высокие моральные качества: «Потом ужинали с Анненковым и много толковали, он очень умен и человек хороший» (там же: 100). 15 декабря 1856 г. Толстой записывает в дневнике: «Анненков прелестен» (там же: 105).

Первое из сохранившихся писем Анненкову было совместным – оно написано И. С. Тургеневым и Л. Н. Толстым 26 февраля (10 марта) 1857 г. – Анненков также адресовал свое ответное послание обоим писателям. После достаточно продолжительного личного общения на рубеже 1856–1857 гг. Толстой, отправившийся в заграничную поездку, по всей видимости, просто не успевал написать Анненкову, да и не знал, как приняться за первое письмо. Было бы ошибкой считать, что письмо Толстого было написано просто «в тему», что Толстой не собирался или не хотел писать Анненкову (Толстой и сам отметил, что долгое время намеревался адресовать Анненкову длинное письмо). Но в Дижоне Толстому сделать приписку к посланию Тургенева, который находился с Анненковым в постоянной переписке, было гораздо легче, чем писать критику самому, «с чистого листа». Примечательно,

что еще в письме от 3(15) января 1857 г. из Парижа Тургенев писал Анненкову: «Получаю я письма от Толстого, которые меня радуют. Малый, очевидно, умнеет и добрее. Полюбил Вас – это я ему всегда предсказывал» (Тургенев 1978–2014, т. 3: 178). Таким образом, Тургенев отмечал, что Толстой думал об Анненкове, упоминал о нем. К сожалению, письма Толстого (в которых были эти свидетельства) к Тургеневу второй половины 1856 г. и начала 1857 г. не сохранились. Тургенев же в переписке с Анненковым нередко упоминает Толстого. Так, в послании от 28 января (9 февраля) 1857 г. Тургенев писал Анненкову, что получил от Толстого «очень милое и умное письмо» и побуждал к помощи молодому писателю: «...и следует всем нам помогать ему, по мере возможности, в его трудном и тугом развитии» (там же: 191).

В первой части совместного письма Анненкову, написанной Тургеневым, есть и упоминание о творческом процессе Толстого. Тургенев в это время был в несколько удрученном состоянии из-за болезни и работал с трудом, в находившемся же рядом писателе он отмечал необычайный всплеск активности: «...он работает усердно, и страницы исписываются за страницами» (там же: 201).

Небольшая приписка Толстого к посланию Тургенева очень искренняя, писатель открыто сообщал Анненкову о том, что ощущает его отсутствие как друга и собеседника. В письме Толстому от 8(20) декабря 1856 г. Тургенев отмечал, что толстовское мнение об Анненкове скоро изменится: «Вы видите Анненкова теперь? Помните, как он Вам не нравился? А теперь Вы, я надеюсь, убедились, что он человек и умный и хороший. Чем больше Вы его будете знать, тем он станет Вам дороже, поверьте мне» (там же: 162) – так это и произошло, мнение Толстого о знакомом критике изменилось: «Вы теперь для меня именно – *то*, а не *не то*» (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 304). В финале своей приписки Толстой спрашивал искреннее мнение Анненкова по поводу рассказов его брата – речь шла о повести Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе».

После письма от 26 февраля (10 марта) 1857 г. из Дижона, которое было написано Тургеневым и Толстым, Анненков и Тургенев обменялись письмами. Анненков писал Тургеневу 28 февраля (11 марта) 1857 г. из Петербурга, а Тургенев отвечал 4 (16) марта 1857 г. и 9 (21) марта 1857 г. из Парижа. А дальше Анненковым было написано ответное письмо обоим писателям, в нем наше внимание привлекают сразу несколько моментов.

Во-первых, критик отметил, что хочет перед обоими писателями «очистить душу», но может

это сделать только «бранясь». Опустим наставления Анненкова Тургеневу, но Толстому он рекомендовал «*подчиняться всем своим впечатлениям, не бунтовать против них и помнить, что всякий акт покорности данному явлению принесет и понимание его, и верную его оценку*» (курсив наш. – В. А.) (там же: 305). Д. Офффорд отмечает, что «переписка между Анненковым и Тургеневым, чьи взгляды на искусство (и политику) были удивительно схожи, очень ясно отражала растущее нетерпение этих двух мужчин к любым дидактическим, полемическим или политическим тенденциям в искусстве» [Offord 1985: 127]. Несмотря на дружбу между Тургеневым и Анненковым, их достаточно близкие взгляды на искусство в конце 1850-х гг., советы Толстому они давали очень разные. Анненков призывал Толстого *внимательно относиться именно к своим впечатлениям и именно ими и руководствоваться*, Тургенев писал Толстому: «Вы утихаете. Светлеете и – главное – Вы становитесь свободны, свободны от собственных воззрений и предубеждений» (курсив наш. – В. А.) (Тургенев 1978–2014, т. 3: 179).

Тургенев призывал Толстого учиться у авторитетов в мировой и русской литературе, Анненков в этом плане был свободен от стереотипов, как и другие члены «триумвирата», настаивал на уникальном и индивидуальном восприятии великих тайн искусства: «Анненков не сомневался в позитивном смысле свободного творчества не только для самого автора, но и для социума в целом. Нестесненный взгляд художника рано или поздно обратится к самым насущным проблемам общественного развития и представит их художественные воплощения и решения...» [Шнейдер 2015: 42, 46]. Уместно в данном случае вспомнить, что Анненков достаточно трезво и метко показал, что именно отталкивало Толстого в старшем коллеге: «В Тургеневе он распознал многосторонний ум и склонность к эффекту – последнее особенно раздражало его, так как искание жизненной правды и простоты и здравомысленности существования составляло и тогда идеал в его мыслях» (Анненков 1983: 390–391).

Анненков в письме несколько отшучивается по поводу своих «высказываний» писателям, однако он всерьез и основательно подчеркивает масштаб пути личности и то, что, по его мнению, под силу человеку – ни много, ни мало – «владение собой и Вселенной» (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 305). Значима здесь лексема «Вселенная», в целом не очень употребительная в XIX в.: Анненков одной фразой дает корреспондентам понять, что вся творческая сила, по его мнению, заключена в личности, необходимо уметь ею пользоваться.

Во-вторых, Анненков дает глубокую оценку произведений Н. Н. Толстого (брата Л. Н. Толстого), отмечая созерцательность автора, по его мнению, оставшуюся без анализа и обобщений. Анненков сетовал, что произведениям старшего Толстого недостает «связующего элемента мысли, воззрения, события или, наконец, просто приятной авторской личности» (там же). Анненков недоумевал и сокрушался по поводу того, что Н. Н. Толстой – «человек только *глазеющий*» (там же). Разумеется, яркая оценка произведений Н. Н. Толстого была дана Анненковым в письме Л. Н. Толстому неспроста – критик пытался уберечь молодого писателя от ошибок, совершаемых его братом. Просто изображения, наблюдения за окружающим, пусть и вполне поэтически устроенным, критику было мало для создания полноценного литературного произведения. Г. Г. Ермилова и В. В. Тихомиров отметили, что художественность для Анненкова «всегда была одним из основных критериев оценки произведения, и она всегда предполагала глубокое овладение темой, присутствие мысли, но не отвлеченной, а образной» [Ермилова 1995: 27]. Поток внимания писателя, по мнению Анненкова, должен был быть направлен не только во внешний мир, но и внутрь писателя, в разум и душу, пропущенный через которые этот внешний мир подавался читателю преобразенным.

Оставшийся значительный абзац письма Анненкова посвящен обзору новинок русской литературы и его мнению по поводу состояния литературных журналов. Прежде всего, Анненков пишет о комедии «Доходное место» А. Н. Островского, высоко ее оценивая, называя «чудесной». Очень положительно о «Доходном месте» отзывался и Толстой – гораздо ранее этого письма Анненкова. Еще в январе 1857 г. в дневнике Толстой писал о проницательном и удачном изображении Островским взяточного мира, а в письме к В. П. Боткину Толстой отметил, что «вся комедия – чудо» (Толстой 1928–1958, т. 60: 156).

В статье о переписке Толстого и Островского мы показали, что общее высоко положительное мнение Толстого о комедии «Доходное место» сложилось у писателя уже в начале зимы 1856/1857 гг. [Андреева 2023б: 37–38]. Таким образом, суждение Анненкова в начале последнего абзаца письма вряд ли могло как-то повлиять на Толстого. Оно имело иную задачу: глубоко созвучное мыслям самого писателя (разумеется, Анненков знал отношение Толстого к комедии Островского), оно должно было еще более расположить Толстого в сторону мнений и замечаний критика и при этом оттолкнуть от воззрений славянофила К. С. Аксакова, с которым Тол-

стой познакомился в мае 1856 г. Зная о том, что Толстой был вхож в дом к Аксаковым и начал общаться с К. С. Аксаковым, Анненков осторожно, не прямо обличает «соперника» и «идеологического оппонента», который мог «перетянуть» Толстого в другой стан: «Вот К. Аксаков, написавший “Обозрение литературы”, уж запросто странен, без возмездия. Он не без мысли и верных замечаний, но при оценке писателей точно рекрутский приемщик — у того колена выгнуты, у того грыжа, у того сзади кишка вываливается, а рекрутской мерой служит та будущая народная литература, о которой теперь *нельзя ничего сказать* еще» (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 305). Итак, Анненков неоднозначно характеризует «Обозрение современной литературы» К. С. Аксакова, считая несколько преувеличенной попытку оценить многие произведения с позиции выражения в них народных интересов и образов. Между тем Толстому никогда не была чужда оценка литературы именно с народных позиций – однако к ней он придет позднее. Н. В. Володина точно отметила, что «позиция Анненкова – это позиция просвещенного либерализма, для которого человеческая личность, ее права и достоинство, гражданская свобода и гражданское общество являются главными приоритетами» [Володина 2011: 54]. В том числе и эту важнейшую сторону Анненков хотел донести до Толстого, который в это время находился в Европе.

Далее Анненков производит краткий обзор журналов, начиная с «Современника», который он называет «бесцветным». Тут уместно напомнить, что постепенное отделение либерально настроенных писателей от «Современника» началось еще в 1856 г. А. В. Дружинин 18 декабря 1856 г. писал: «Наш литературный *сепарсе* (франц. *союз*. – В. А.), вопреки всем ожиданиям, не потерпел нисколько от отъезда некоторых товарищей и отделения “Библиотеки” от “Современника”. Боткин, Анненков, я и Толстой составляем зерно союза, к которому примыкают Панаев, Майковы, Писемский, Гончаров и т. д. Разные новые лица к нам присовокупляются и придают разнообразие беседам» (Дружинин 1986: 399).

«Бесцветность» «Современника» Анненков связывал (как он сообщал в письме) с «робкой осторожностью Боткина» (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 306). Дело в том, что Анненков, Боткин и Дружинин в течение определенного времени возлагали друг на друга надежды по изменению направления «Современника». Когда Дружинин ушел из журнала и стал редактором «Библиотеки для чтения», Анненков некоторое время считал, что именно Боткин может противостоять новому демократическому направле-

нию издания Некрасова. Анненков укоряет Боткина в осторожности, между тем Боткин сам был недоволен содержанием «Современника», однако сделать решительно ничего не мог.

Дальше резкая критика оказывается направленной в сторону «Русского вестника». Сначала Анненков выражает якобы мнение большинства, замечая негодование, направленное в сторону журнала, связанное с его обращенностью к западной науке и «фритреду». Употребленное Анненковым выражение происходит от английского *Free trade* – свободная торговля. Анненков подразумевал статью А. Гагемейстера «Взгляд на промышленность и торговлю России», вышедшую в № 1 журнала «Русский Вестник» за 1857 г. Анненков обращает внимание на наклонность журнала к теории централизации, в большей степени оказавшуюся в это время в «Русском вестнике» из-за статей Б. Н. Чичерина (в это время М. Н. Катков разделял вполне либеральные воззрения). «...И журнал хочет стряхнуть этот оттенок», – отмечал Анненков (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 306). Б. Н. Чичерин опубликовал в «Русском Вестнике» ряд работ. Разрыв Каткова и Чичерина произошел в связи со статьей последнего «Новейшие публицисты», написанной о книге французского историка Токвиля «Старый порядок и революция». По всей видимости, имя Чичерина появилось в письме Анненкова также неслучайно. «Бесценный триумвират» знал о переписке и активном общении Толстого и Чичерина, в котором писатель пытался найти друга [Андреева 2023а]. Между тем «чрезмерное “государственничество” Чичерина казалось Анненкову “слабой стороной” его позиции» [Китаев 2008: 74]. Анненков хотел подчеркнуть это и Толстому – что, нужно отдать должное, у критика получилось. Конечно, писатель сам выстраивал отношения и с Б. Н. Чичериным, и с Ю. Ф. Самаринным, однако именно «эстетический триумвират» внес свою лепту в отвержение Толстым «государственничества» названных его современников – «дорогу, по которой шел Чичерин, Толстой назвал соблазнительной и битой» [Андреева 2023а: 74].

«Библиотека для чтения», редактором которой в то время стал Дружинин, оценивается Анненковым не без юмора, но положительно, через сравнение с ласкающимся с публикой угодливым мальчиком. А вот «Отечественные записки», по мнению Анненкова, были обречены.

В конце апреля 1857 г. Толстой написал письмо Анненкову из Кларана, где он оказался вместе с четой Пуциных – семьей М. И. Пуцина – декабриста, брата И. И. Пуцина (друга Пушкина). Вместе с письмом Толстой отправил Анненкову записку М. И. Пуцина, которая не сохрани-

лась, но, как видно из письма Толстого, содержала замечательный рассказ из эпохи Пушкина (поэтому Толстой и отослал эту записку Анненкову). А. Ю. Саркисова справедливо отмечает, что Анненков прекрасно осознавал огромную ответственность биографа, что он «крайне трепетно относился к интимной стороне жизни известного человека, неоднократно выражая негодование по поводу неделикатности биографов в выставлении на публичное обозрение различных неприглядных или чересчур откровенных фактов чужой частной жизни» [Саркисова 2018: 193]. Конечно, Толстой прекрасно знал об этих качествах Анненкова.

В этом же письме от 22 апреля (4 мая) 1857 г. Толстой делится с Анненковым своими сомнениями по поводу «Казаков»: «...не знаю, что выбрать или как слить, или должен я всё бросить» (Л. Н. Толстой. Переписка... 1978: 308). Далее следуют важные заключения Толстого о субъективной поэзии искренности, о стремлении писателя разобраться в себе. Но в путанице и хаосе мыслей Толстому в это время видится какое-то свое смутное правило. Писатель пока явно был не в состоянии его четко осмыслить и сформулировать, поэтому он решил придерживаться правила Анненкова (критик считал, что Толстой может просто подчиниться своим первоначальным впечатлениям): «Буду держаться вашего мудрого правила девственности и никому не покажу и предоставлю одному себе выбрать или бросить» (там же).

Было бы ошибкой считать, что субъективная сфера, в которую Толстой пустился и «ошалел», была навязана ему Анненковым. Странник «чистого искусства», Анненков никогда не отрицал ясной мысли, необходимой в произведениях литературы. Более того, нередко разочаровываясь в русской действительности того времени, в которой было немало поводов для уныния, Анненков пытался сам опираться на разум. В. А. Китаев очень верно показал, что отсутствие в России системы и порядка казалось Анненкову поистине удручающим, что, выступая за установление порядка, критик всюду видел только его извращение (отсюда и тяга Анненкова к упорядоченности и соразмерности всего в Европе): «Иногда ему казалось, что для России “лучшим порядком может быть только хаос”, потому что “все порядки, имевшие претензии быть таковыми, неизбежно делаются на этой почве преотвратительными явлениями”». «В эти минуты крайнего пессимизма оставалось апеллировать “только к силе, равной пару и пороку” – “логической необходимости вещей”» [Китаев 2008: 75].

В финале письма Толстой упоминает критическую деятельность Анненкова, восторг Турге-

нева от статей критика. Уместно тут сказать кратко и собственно об отношении Толстого, который ценил работы Анненкова, хотя в молодости не своевременно их читал.

Анненков во многом предвидел путь Толстого. Всего он написал три статьи, посвященные писателю и его творчеству: «О мысли в произведениях изящной словесности» («Современник». 1855. № 1); «Современная беллетристика. Граф Л. Н. Толстой. “Казачи”» («Санкт-Петербургские ведомости». 1863. № 144–145); «Исторические и эстетические вопросы в романе графа Л. Н. Толстого “Война и мир”» (Вестник Европы. 1868. № 2).

Первая из этих статей была написана еще до того времени, как Толстой и Анненков познакомились лично. Эта работа все-таки в большей степени посвящена прозе Тургенева, но в финальной ее части Анненков анализирует «Детство» и «Отрочество» Толстого, показывает, что повествование у Толстого имеет важнейшие качества исследования, при этом творчество писателя остается примером «изящной словесности». Б. М. Эйхенбаум отметил, что в финале статьи Анненков ставит Толстого в ряд лучших писателей своего времени, что должно было утвердить молодого литератора на выбранном пути: «Понятно, что отзывы таких авторитетных в то время лиц, как Анненков, должны были укрепить Толстого в решении бросить военную службу и отдаться писательской деятельности» [Эйхенбаум 2009: 254]. В статье Анненков отмечает, что Толстой не отступает ни на шаг от простого психического исследования художественного повествования. По мнению Б. Ф. Егорова, «статья Анненкова явилась фактически самой ранней для середины пятидесятых годов декларацией “чистого искусства”, опубликованной задолго до соответствующих известных статей Дружинина и Боткина» [Егоров 1982: 233].

Во второй статье, как прекрасно показал М. В. Строганов, Анненков еще до написания Толстым «Войны и мира» достаточно четко сформулировал главный творческий принцип писателя, который был реализован не только в «Казачах», но и позднее в романе-эпопее: «Анненков говорит, что творческая мысль Толстого достигает высших степеней художественного изображения вне зависимости от того, насколько ценен для него самого интеллектуальный кругозор и идеологическая позиция того или иного героя. Из этого следует, что человек, который читает и оценивает произведения Толстого, тоже должен отказаться от оценки интеллектуальных потенциалов и идеологической позиции Толстого как мыслителя» [Строганов 2015: 94].

М. В. Строганов абсолютно прав в том, что для середины XIX в. мысли Анненкова были несвоевременными, поэтому они и остались неслышанными. Ученый показал, что «Толстой своими общественными практиками создавал образы (не образцы) поведения, и он вовсе не предполагал, что сам он обязательно и последовательно будет соблюдать эти образы как образцы» [там же: 96]. Также М. В. Строганов убедительно отметил, что Анненков смог осмыслить вкуче деятельность Толстого и предположить, что различные педагогические, хозяйственные практики были, по сути, новым видом художественного творчества Толстого.

В третьей статье Анненков дал двойственную оценку роману «Война и мир», с одной стороны, показав безусловный дар Толстого-художника и его тонкое эстетическое чутье, с другой – обозначив некоторые недостатки произведения, его отклонения от жанра «исторического романа» и т. п.

Иллюстрируя соотношение частного и общего, толстовский взгляд в «Казачах» был, по всей видимости, ближе Анненкову, нежели позиция писателя в «Войне и мире». Общая, роевая жизнь не притягивала Анненкова, всё его внимание было направлено на личность, которая в России нередко игнорировалась, если речь шла о жизни рядового человека. И задачи искусства Анненков видел отнюдь не в обсуждении и выдвигании проблем государственного масштаба, выборе направления движения страны, но в поиске лучшего пути для частного человека. «Перед искусством, по его мнению, не стоит задача актуализации социально значимых общественных проблем, которые оказывают лишь внешнее воздействие на личность. Главное – это талантливое воплощение в художественных произведениях “частной жизни” человека во всей ее противоречивой действительности и поиск источников обретения индивидом истинной гармонии» [Шнейдер 2014: 120].

В конце 1850-х гг., чуть раньше или позднее, Толстой постепенно отходит от общения с «эстетическим триумvirатом». Писатель обращается в сторону педагогики, школ для народа, немало занимается хозяйством, однако уроки и советы, преподнесенные Толстому Анненковым, устные и письменные, несомненно, не прошли даром. Благодаря общению с «эстетическим триумvirатом» и с Анненковым в частности Толстой сравнительно быстро преодолел свой первый серьезный «отход от литературы». Однако в 1860-е гг. продуктивного общения Толстого с Анненковым уже не сложилось – Ясная Поляна, семейная жизнь, работа не оставляли Толстому времени. К тому же замыслы писателя были тогда связаны в

меньшей степени с личностью как Вселенной, а в большей степени оказались ориентированы на осмысление роли человека в истории и судьбе страны.

В конце января 1875 г., по поручению Тургенева, Анненков написал краткое письмо Толстому о переводе его повестей «Набег» и «Три смерти», о планах гг. Виардо и Тургенева перевести в течение лета «Казаков». Как можно судить по ответному письму Толстого от 21 февраля 1875 г., Анненковым, помимо письма, был послан перевод повести «Два гусара», сделанный Шарлем Роллина. Толстой выразил благодарность за присланный перевод, ничего не написав по поводу намеченных в письме Анненкова планов (которые и не были осуществлены).

В последний раз Толстой и Анненков лично общались в мае 1882 г. В письме С. А. Толстой от 24–25 мая 1882 г. писатель сообщал, что ехал вместе с Анненковым, который «нынче заходил звать меня к себе». В приписке к этому же письму, сделанной вечером, Толстой отметил: «Вечером был у Анненкова. Играл в винт» (Толстой 1928–1958, т. 83: 346).

Таким образом, можно утверждать, что Анненков (как и в целом весь «эстетический триумvirат») оказал на Толстого серьезное влияние в осмыслении современной ему литературы, выборе собственных творческих принципов. Несомненно, интенсивность и длительность общения (непосредственного и в письмах) Толстого и Боткина, Толстого и Дружинина была значительно выше, с Анненковым Толстой меньше взаимодействовал, меньше переписывался. Однако, по нашему мнению, Анненков лучше других членов «эстетического триумvirата» понимал Толстого – это, в том числе, касалось душевных движений и творческих замыслов писателя. Несмотря на тот факт, что Толстой и Анненков фактически не обращались к идее общих творческих замыслов (к примеру, чисто художественного журнала), что Анненков, в отличие от Боткина и Дружинина не был первым читателем произведений Толстого, именно Анненков смог глубоко понять эволюцию писателя, особенности его натуры, накладывавшие отпечаток на его удивительный художественный талант. Уместно в данном случае привести цитату Б. Ф. Егорова, который отмечал, что «...Анненков вообще был относительно гармонической личностью, и служение ближнему не являлось для него насильем над природой» [Егоров 1965: 145]. Как мы постарались показать, письма Анненкова Толстому и его мысли о писателе и его произведениях, на самом деле, всегда были направлены на служение Толстому и искусству, и нисколько – на продвижение себя.

Список источников

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1983. 714 с.

Дружинин А. В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. 518 с.

Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1978. 495 с.

П. В. Анненков и его друзья. Лит. воспоминания и переписка 1835–1885 годов: Материалы и статьи П. В. Анненкова. СПб.: А.С. Суворин, 1892. 666 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1978–2014. Письма в 18 т.

Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с. Т. 2. 528 с.

Список литературы

Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023а. Т. 5. № 1. С. 54–83. doi 10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83

Андреева В. Г. Всего четыре письма: о переписке Л. Н. Толстого и А. Н. Островского в истории взаимоотношений двух писателей // Вестник Костромского государственного университета. 2023б. Т. 29. № 5. С. 36–42. doi 10.34216/1998-0817-2023-29-S-36-42

Володина Н. В. Европа в восприятии «русского европейца»: pro and contra («Парижские письма» П. В. Анненкова, «Дни» Б. К. Зайцева) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. Т. 1. С. 53–57.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 272 с.

Егоров Б. Ф. «Эстетическая критика» без лака и дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 142–160.

Ермилова Г. Г., Тихомиров В. В. П. В. Анненков – литературный критик // Русская литература. 1995. № 4. С. 27–49.

Китаев В. А. П. В. Анненков и русский либерализм (вторая половина 50-х – начало 80-х годов XIX века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2008. Т. 8, № 1. С. 73–78.

Кулешов В. И. П. В. Анненков — мемуарист // Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1983. С. 5–32.

Крылов В. Н. Л. Н. Толстой и «эстетический триумvirат» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 2. С. 119–128.

Саркисова А. Ю. Этико-эстетические воззрения П. В. Анненкова на жанр биографии в его письмах к И. С. Тургеневу // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 189–197.

Строганов М. В. О пресловутых противоречиях Л. Толстого // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого / отв. ред. Л. В. Гладкова. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 91–98.

Шнейдер К. И. «Лишний человек» П. В. Анненков // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 1(24). С. 118–123.

Шнейдер К. И. Ранний русский либерализм в эстетическом измерении // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 41–48.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Offord D. Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. 281 p.

References

Andreeva V. G. 'Lyubeznyy drug... ne serdis' za otkrovennost'!': perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina ['Dear friend... don't be angry for your frankness!': Correspondence between L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin]. *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2023a, vol. 5, issue 1, pp. 54-83. doi 10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83. (In Russ.)

Andreeva V. G. Vsego chetyre pis'ma: o perepiske L. N. Tolstogo i A. N. Ostrovskogo v istorii vzaimootnosheniy dvukh pisateley [Only four letters: about the correspondence of L. N. Tolstoy and A. N. Ostrovsky in the history of the relationship between two writers]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023b, vol. 29, special issue, pp. 36-42. doi 10.34216/1998-0817-2023-29-S-36-42. (In Russ.)

Volodina N. V. Evropa v vospriyatii 'russkogo evropeytsa': pro and contra ('Parizhskie pis'ma' P. V. Annenkova, 'Dni' B. K. Zaitseva) [Europe in the perception of the 'Russian European': pro and contra ('Paris letters' by P. V. Annenkov, 'The Days' by B. K. Zaitsev)]. *Vestnik Cherepovetskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin], 2011, issue 4, vol. 1, pp. 53-57. (In Russ.)

Gusev N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Leo Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1957. 915 p. (In Russ.)

Egorov B. F. *Bor'ba esteticheskikh idey v Rossii serediny XIX veka* [The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia in the Middle of the 19th Century]. Leningrad, Iskustvo Publ., 1982. 272 p. (In Russ.)

Egorov B. F. 'Esteticheskaya kritika' bez laka i degtya (V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin) ['Aesthetic criticism' without varnish and tar (V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin)]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1965, issue 5, pp. 142-160. (In Russ.)

Ermilova G. G., Tikhomirov V. V. P. V. Annenkov – literaturnyy kritik [P. V. Annenkov as a literary critic]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1995, issue 4, pp. 27-49. (In Russ.)

Kitaev V. A. P. V. Annenkov i russkiy liberalizm (vtoraya polovina 50-kh – nachalo 80-kh godov XIX veka) [P. V. Annenkov and Russian Liberalism (the Second Half of the 1850-s – the Beginning of the 1880-s)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2008, vol. 8, issue 1, pp. 73-78. (In Russ.)

Kuleshov V. I. P. V. Annenkov – memuarist [P. V. Annenkov as a memoirist]. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, pp. 5-32. (In Russ.)

Krylov V. N. L. N. Tolstoy i 'esteticheskiy triumvirat' [L. N. Tolstoy and the 'aesthetic triumvirate']. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series], 2011, vol. 153, issue 2, pp. 119-128. (In Russ.)

Sarkisova A. Yu. Etiko-esteticheskie vozzreniya P. V. Annenkova na zhanr biografii v ego pis'makh k I. S. Turgenevu [P. V. Annenkov's ethical and aesthetic views on the genre of biography in his letters to I. S. Turgenev]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2018, issue 1, pp. 189-197. (In Russ.)

Stroganov M. V. O preslovutykh protivorechiyakh L. Tolstogo [About the notorious contradictions of L. Tolstoy]. *Materialy Tolstovskikh chteniy 2014 g. v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [Materials of the Tolstoy Readings in 2014 at the Leo Tolstoy State Museum]. Ed. by L. V. Gladkova. Moscow, Original-maket Publ., 2015, pp. 91-98. (In Russ.)

Shneyder K. I. 'Lishniy chelovek' P. V. Annenkov [Pavel V. Annenkov, a superfluous man]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2014, issue 1 (24), pp. 118-123. (In Russ.)

Shneyder K. I. Ranniy russkiy liberalizm v esteticheskom izmerenii [Early Russian liberalism in the aesthetic dimension]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2015, issue 7, pp. 41-48. (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: issledovaniya* [Leo Tolstoy: Research]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. 952 p. (In Russ.)

Offord D. *Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1985. 281 p. (In Eng.)

'Now for me you are exactly *this*, and not *not that*': Correspondence Between Leo Tolstoy and Pavel Annenkov

Valeria G. Andreeva

Leading Researcher

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia. lanfra87@mail.ru

Leading Researcher

Kostroma State University

17, Dzerzhinskogo st., Kostroma, 156005, Russia

SPIN-code: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Submitted 17 Jul 2024

Revised 11 Sep 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Andreeva V. G. «Vy teper' dlya menya imenno – *to*, a ne *ne to*»: perepiska L. N. Tolstogo i P. V. Annenkova [‘Now for me you are exactly *this*, and not *not that*’: Correspondence Between Leo Tolstoy and Pavel Annenkov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 92–102. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-92-102. EDN FDVWGL (In Russ.)

Abstract. The article deals with the brief but significant correspondence between Tolstoy and Annenkov, analyzes the attitude of the writer and the critic to each other, emphasizing the most important moments of the letters that provide the understanding of the holistic position of the correspondents. The work presents the history of the interaction between Tolstoy and Annenkov, noting the critic's deep understanding of the reasons for the emergence of certain ideas in Tolstoy. It is shown that the correspondence contains valuable statements and comments that are not found in the critic's articles. In his correspondence with Tolstoy, Annenkov emphasizes the scale of the individual's path and the hidden forces contained in an individual. The writer's attention, according to Annenkov, should be directed not only to the outside world but also to the depths of his spiritual life. Passed through the mind and soul, this external world was presented to the reader transformed. The author of the article pays special attention to the different views of Turgenev and Annenkov, both of whom were Tolstoy's friends, on the creative evolution of the writer. The influence that the critic had on the young writer is noted, as well as the divergence of their views. 'Swarm life' did not attract Annenkov, his attention was directed toward the individual, often ignored in Russia. Annenkov did not deny the clear thought necessary in literary works, he tried to rely on reason himself, complained about the lack of system and order in Russia. The critic saw the tasks of art not in discussing problems of a national scale, but in finding the best path for an individual.

The author of the article comes to a conclusion that Annenkov understood Tolstoy better than Botkin and Druzhinin (who together constituted, in Tolstoy's words, an 'aesthetic triumvirate'). The writer and the critic did not discuss an idea of creating something together; Annenkov, unlike Botkin and Druzhinin, was

not the first reader of Tolstoy's works; but it was Annenkov who was able to understand the peculiarities of Tolstoy's nature that left an imprint on the writer's literary talent. Annenkov's letters and his thoughts about the writer were always aimed at serving Tolstoy and art.

Key words: Leo Tolstoy; Pavel Annenkov; Ivan Turgenev; correspondence; aesthetic triumvirate; pure art; literary magazines; the purpose of literature; inner life; Russian liberalism.

УДК 82.09
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-103-113
<https://elibrary.ru/fvnhfi>

EDN FVNHFI

Творчество Андрея Волоса в современном литературоведении и критике

Бадией Хамсех Фард Хананех Садат

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Hannane.badieii@mail.ru

SPIN-код: 5441-4843

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9013-224X>

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Одобрена после рецензирования 06.07.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Бадией Хамсех Фард Х. С. Творчество Андрея Волоса в современном литературоведении и критике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 103–113. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-103-113. EDN FVNHFI

Аннотация. В статье предлагается обзор критических работ, посвященных творчеству Андрея Волоса. Анализируются статьи писателей и критиков А. Битова, А. Василевского, О. Кудрина, И. Кукулина, А. Латыниной, И. Логинова, В. Оскоцкого, М. Ремизовой, И. Ростовцевой, Ю. Суровцева, А. Саломатина, литературоведов С. Абашина, З. Азизовой, А. Казимирчука, М. Марачевой, В. Мароши, В. Мескина, Т. Половинкиной, Г. Ребель, Э. Сергеевой, Э. Шафранской. Показывается, что особый интерес исследователей вызывают тема Востока и способы ее художественной реализации в произведениях А. Волоса, особенности сюжета и композиции, стилевые и жанровые традиции, присутствующие в творчестве писателя. В статье также рассматривается ряд важных проблем, связанных с творчеством А. Волоса: вопросы о связи творчества писателя с традициями русской, персидской и таджикской литератур, принципах воспроизведения восточной духовности (в частности, мусульманской культуры), специфике образов «восточных» персонажей, образа автора и системы его философских представлений. Все эти вопросы до сих пор остаются неизученными или исследованными в недостаточной степени. Предложенный в статье анализ критических работ, посвященных А. Волосу, помогает получить представление о значимости фигуры этого прозаика, его уникальности и месте в современном литературном процессе. При обращении к творчеству А. Волоса все ученые и критики приходят к выводу о его уникальном подходе к литературе и глубоком понимании различных аспектов истории, культуры и общества, о многослойности, неоднозначности и жизненности его произведений, что делает их особенно привлекательными для читателей и исследователей.

Ключевые слова: Андрей Волос; современное литературоведение; современная критика; образ автора; традиции; тема Востока; образ Востока.

Цель статьи – реконструкция истории изучения творчества А. Волоса в современном российском литературоведении и критике.

Андрей Волос – автор романов «Хуррамабад» (2000), «Возвращение в Панджруд» (2013), тет-

ралогии «Судные дни» («Победитель», «Предатель», «Должник», «Кредитор», «Месмерист» (2016–2017)), сборника «Таджикские игры» (2005) и других произведений. Свои первые рассказы А. Волос опубликовал в 1986 г.; в 1989 г.

был напечатан первый сборник его произведений. Однако долгое время имя писателя оставалось не замеченным критиками и литературоведами.

Первые отзывы критиков на произведения А. Волоса появились в 2000 г. после публикации романа «Хуррамабад»¹. Действие этого романа происходит на протяжении примерно 60 лет – с конца 1920-х гг., когда в Среднюю Азию пришла советская власть, а вместе с ней русское население, до конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда люди стали массово уезжать обратно в Россию. М. Ремизова в статье «Свои и чужие в городе счастья», посвященной этому произведению, отметила своеобразие его тематики, особенности организации художественного времени и особо остановилась на проблеме жанра. С точки зрения критика, авторское жанровое определение – «роман-пунктир» – «удивительно точно и ёмко передает особенности “хуррамабадской” структуры», поскольку, с одной стороны, верно указывает на «общую линию, связывающую сюжеты отдельных новелл», из которых состоит произведение, а с другой – подчеркивает относительную завершенность каждого из «сюжетов, лежащих самостоятельными мазками на полотне единого текста» [Ремизова 2000].

В июне 2000 г. в Московском отделении Международного сообщества писательских союзов (МСПС) состоялась презентация книги А. Волоса «Хуррамабад», организованная совместно МСПС, «Независимой газетой» и Посольством Республики Таджикистан, которая, по сути, превратилась в конференцию. На ней выступили известные российские критики и писатели – И. Ростовцева, А. Василевский, В. Оскоцкий, А. Битов, Ю. Суровцев и другие, высказавшие свое мнение о романе. Подробная информация об этом мероприятии содержится в статье И. Кукулина «Плов и проза в межкультурном контексте», в которой собраны и обобщены отзывы на указанное произведение [Кукулин 2000].

Критики затронули множество проблем и раскрыли художественные особенности романа, его связи с русской и мировой литературой.

Главный редактор журнала «Новый мир» А. Василевский напомнил о том, что главным конкурентом А. Волоса в финальной части «Антибукера» был известный российский писатель В. Астафьев (с романом «Веселый солдат»), однако, по мнению редактора, решение жюри дать премию именно А. Волосу было абсолютно правильным, поскольку произведение является «новаторским» и «уникальным». В заключение А. Василевский предложил выдвинуть роман на Государственную премию Российской Федерации [там же].

Характеризуя произведение, известный российский критик Ю. Суровцев напомнил присутствующим, что А. Волос – лауреат не только Антибукера, но и не менее значимой российско-итальянской премии Пенне. Данный факт критик связал с новой тенденцией в мировой литературе – пониманием исторических событий через психологию людей, а также через воспроизведение процессов «превращения» и «наложения» культур. В качестве других примеров проявления этой тенденции Ю. Суровцев назвал роман А. Эбаноидзе о гражданской войне в Грузии и повесть А. Мамедова «Люби и ошибайся», посвященную Азербайджану [там же].

Другой не менее известный критик – В. Оскоцкий – отметил, что рассматриваемый роман является «новым шагом» в развитии традиционного «социально-аналитического» или «психологического» реализма, поскольку в произведении воссозданы «типичные» для изображаемой эпохи характеры и обстоятельства, а также колоритные бытовые детали. В. Оскоцкий обратил внимание на важную особенность организации художественного пространства романа: воссозданный в произведении «Хуррамабад» город соединяет в себе некоторые типичные черты нескольких реальных среднеазиатских городов бывшего СССР: Душанбе, Куляба, бывшего Ленинабада и нынешнего Худжанда, а также других населенных пунктов советской Средней Азии. В качестве важного достоинства писателя критик отметил его умение выстроить яркий увлекательный сюжет. В. Оскоцкий сравнил роман А. Волоса с «военной прозой» 1960–1970-х гг., выделив общую для всех этих произведений мысль: когда один человек стреляет в другого, выпущенная им пуля остается в его душе навсегда – даже если реального выстрела по тем или иным причинам не было.

Критик И. Ростовцева отметила другую типологическую особенность романа А. Волоса – наличие у него характерной для романов второй половины XX в. «поэтической основы», что сближает его произведение (особенно главу «Чужой») с Хулио Кортасаром. С другой стороны, если рассматривать произведение в аспекте особенностей его сюжета и системы образов, то, с точки зрения критика, явное сходство обнаруживается и с произведениями Андрея Платонова.

Писатель А. Битов указал на особое психологическое воздействие, оказываемое романом А. Волоса на читателя, – способность воспринимать окружающий мир сквозь его призму, которая возникает только после чтения «сильных» художественных произведений. Писатель отметил и выразившийся в романе «Хуррамабад» «психологический конфликт», характерный для

русской культуры в целом, – его «пограничное положение», проявляющееся в особом ощущаемом читателем нахождении «на границе между временем и пространством» [там же].

В целом можно отметить, что обсуждение книги А. Волоса «Хуррамабад», состоявшееся в Московском отделении Международного сообщества писательских союзов, продемонстрировало большое значение этого произведения для российской литературы конца 1990-х – начала 2000-х гг. и помогло понять некоторые его художественные особенности.

Российская критика активно отозвалась и на присвоение роману «Хуррамабад» Государственной премии РФ. По мнению А. Латыниной, «...через вымышленный Хуррамабад <...> проходит <...> линия разлома, которая отделяет имперское прошлое красочной окраины России от ее феодального настоящего». Критик отметила и огромное социальное значение поставленных в книге А. Волоса проблем: «...Давно ли приезжали сюда деды и родители, осваивались, проникались любовью к чужой земле, и вот уже “люди, приехавшие некогда в Таджикистан, чтобы строить электростанции, выращивать тонковолокнистый хлопок, лечить людей, добывать уран и золото, заседать в парткомах и рыть каналы в качестве ссыльных”, как пишет Волос в предисловии, гонимые войной, нуждой, голодом, “откатываются назад, на родину”. Ужасно то, что и родина их не ждет...» [Латынина 2001].

Критик М. Ремизова в статье, посвященной присуждению роману «Хуррамабад» Государственной премии, отметила еще одну важную особенность произведения – его «жизнеподобие». Под «жизнеподобием» в данном случае понимается не обычная «правдоподобность», выражающаяся через отдельные детали художественного текста, а «неоднозначность», «многослойность», наличие характеризующих действительность противоречий, и – что особенно характерно для настоящего, глубокого искусства – «недосказанность» [Ремизова 2001].

Внимание российских исследователей, естественно, привлекла специфика выражения в произведении «чужой» культуры. Об этом пишет в 2003 г. С. Абашин в статье «Свой среди чужих, чужой среди своих (этнографические размышления по поводу новеллы А. Волоса “Свой”²)». Эта новелла привлекала внимание и других исследователей книги, в том числе по причине неоднозначности представленных в ней художественных решений и непроясненности характера главного героя. Новелла «Свой» принципиально важна для «Хуррамабада», поскольку в ней описывается неудавшаяся попытка перехода героя из одной культуры (русской) в другую (таджик-

скую). Проблема перехода из одной культуры в другую должна была особо заинтересовать этнографов и культурологов: «...Самым интересным в романе Волоса оказался вполне этнографический сюжет – столкновение разных языков, историй и образов жизни, их взаимопроникновение и взаимоотталкивание» [Абашин 2003: 3]. И одновременно поставленная в новелле проблема оказывается очень важна для культурной антропологии и этнографии с теоретической точки зрения, поскольку процессы культурной трансформации личности до сих пор остаются в современной науке недостаточно проясненными.

Первые аналитические статьи о произведениях А. Волоса были опубликованы позднее – в 2014 г. – уже после того, как его роман «Возвращение в Панджруд» был удостоен премии «Русский Букер». Об этом произведении были написаны рецензии О. Кудрина, И. Логинова и Г. Ребель, опубликованные в журнале «Вопросы литературы».

Российских читателей и критиков роман привлек ярким образом великого средневекового таджикского поэта Джафара Рудаки, которого нередко называют «отцом персидской поэзии». До наших дней дошли только немногочисленные произведения писателя, однако в них содержится множество мудрых мыслей, которые учат людей высоконравственным поступкам и способам достижения счастливой жизни. В своих стихах поэт говорит о любви к ближнему, прославляет жизнь и раскрывает перед людьми благодать и милость Божию. Жизнь Дж. Рудаки полна загадок, которые пытаются разгадать исследователи. Так, например, некоторые из них считают, что поэт был слеп, возможно, с самого рождения, однако в его стихах воспеваются красота природы, они наполнены яркими красками, использование которых трудно ожидать от незрячего слепорожденного человека.

Одна из наиболее содержательных публикаций о творчестве А. Волоса была подготовлена Г. Ребель. В статье «Цена слова. Роман Андрея Волоса “Возвращение в Панджруд”» исследователь дает точное определение *жанра* этого произведения – «роман-притча», а также формулирует его главные темы – личность и судьба художника, весомость и значимость поэтического слова. В статье содержится анализ эстетических, нравственно-философских и социально-психологических проблем, которые поставлены писателем в его книге.

В статье анализируются особенности сюжета, художественные способы передачи предметного мира и проблематики романа: «“Возвращение в Панджруд” – это книга-раздумье, а не книга-ответ. И, конечно, книга о поэте – это книга о

слове» [Ребель 2014: 186]; «На страницах романа разворачиваются походы, битвы, казни, придворные интриги, мятежи – и опять и опять казни. Перед мысленным взором читателя возникают священнослужители, войны, поэты, мудрецы, крестьяне, дикхане, верховные властители» [там же: 192]. Таким образом критик подчеркивает важность и актуальность гуманистических идей, заложенных в произведении.

В рецензии И. Логинова на роман «Возвращение в Панджруд» анализируется сюжет произведения в его связи с актуальными современными проблемами: «...На первый план выходят деланое благонравие и политехнологии в стиле “Игры престолов”, где ненависть “горит вечным пламенем”. При этом для написания эпической поэмы об эмире нужно “обглодать немало кочерыжек”, а метафора “власть = саранча” очень подходит для современных управленцев: один эмир – один кузнечик, десять эмиров – десять кузнечиков...» [Логинов 2014: 122].

В рецензии подробно исследуется образ главного героя. Одно из ключевых достоинств произведения критик видит в органичной связи традиционных особенностей восточного мыслителя и «человека вообще», стремящегося к обретению высших духовных ценностей: «...Образ царя поэтов вместил значительно больше вольностей из-за темных пятен в биографии. Джафар не воплощает собой тип чистокровного восточного мудреца и не бунтует в режиме нон-стоп – он старается сохранить систему внутренних координат, даже когда внешних уже не видит» [там же: 123].

Критик О. Кудрин в статье «Поэт и тинэйджер» рассматривает роман «Возвращение в Панджруд» в контексте других романов – лауреатов премии «Русский Букер», раскрывая связь его художественной формы с миром идей и архетипическими образами мировой литературы. С точки зрения критика, самое ценное в романе – «это сверх-идея, воплощенная в центральных образах, – возвращение к истокам, к самому себе; слепой пожилой мудрец, открывающий глаза на мир зрячему юному глупцу. Точно, безупречно по ритмике выстроен сюжет. В финале наступающий катарсис, вполне античный (кажется, что и герои романа были бы довольны – не зря же они прилежно учатся у греков многому)» [Кудрин 2014: 197].

В 2015 г. роман «Возвращение в Панджруд» как особое художественное явление привлек и филологов – лингвистов и литературоведов.

З. Азизова в статье «Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса “Возвращение в Панджруд”» охарактеризовала систему лексических средств, обладающих в тексте национально-культурной

маркированностью, и предложила следующую типологию: *религиозные термины* (Коран, намаз, сура и др.); *человек* в аспекте его должностной и профессиональной принадлежности (мулла, эмир, муэдзин и т. д.); *социальные группы людей*, в том числе этнонимы и обозначение религиозных общностей (гулямы, тюрки и др.); *предметы быта* (танур, дастархан, казан и др.); *постройки* (мечеть, зиндан, мазар, хауз и др.); *одежда, обувь и ткани* (чалма, чапан, мата и т. п.); *наименования кушаний* (халва, шурпа и др.); *растительный мир* (арча, камыш и др.); *инструменты и оружие* (камча, кинжал и др.); *наименования денежных единиц* (дирхемы, фельс и др.); *понятия, касающиеся обычаев, традиций и законов* (туй, байрам и др.); *государственно-административные наименования* (халифат, фирман и др.) [Азизова 2015: 168].

В статье определяются и обосновываются функции в литературном произведении анализируемых лексем. Исследование языковых особенностей романа соотносится с принципами дискурсивного анализа, при этом автор привлекает обширный культурно-исторический контекст: «Для создания яркой и образной картины жизни восточных народов автор часто использует топонимы и антропонимы, которые образуют ономастическое пространство художественного текста» [там же: 167].

А. Саломатин в статье «Лекарь поневоле и странствующий слепец. О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса» сопоставляет два произведения, посвященные жизни Средневековья, – «Возвращение в Панджруд» А. Волоса и «Лавр» Е. Водолазкина. По его мнению, «оба романа выделяются на фоне современной отечественной литературы, а “Возвращение в Панджруд”, возможно, и вовсе одно из лучших произведений, созданных в русской прозе с начала тысячелетия» [Саломатин 2015: 117]. Сходство произведений автор увидел, в частности, в том, что в них воспроизводятся *биографии* главных героев, организованные при помощи ключевого мотива *пути* (в том числе пути *духовного*): «“Лавр” – своего рода житие русского врача Арсения, всей своей жизнью <...> стремящегося искупить произошедшую по его вине гибель возлюбленной Устины. В основе “Возвращения в Панджруд” – апокрифическая история ослепления поэта Джафара Рудаки, прошедшего через земные почести и козни к вневременной славе» [там же: 101]. А. Саломатин на примере рассматриваемых романов выделил магистральные тенденции и проблемы современной русской прозы – уклон в публицистичность, снижение уровня технического мастерства писателей, «выключенность» из мирового культурного контекста.

В 2017–2018 гг. российских критиков привлекла тетралогия А. Волоса «Судные дни», напечатанная в 2016–2017 гг.

Исследователь В. Мескин опубликовал статью «Опыт эпопеи в современной прозе. Эпическое и историческое в тетралогии Андрея Волоса “Судные дни”». В работе рассматриваются особенности содержания и формы четырех относительно автономных романов писателя, объединенных изображением драматических судеб одних и тех же героев. Важнейшим качеством изучаемого романа, с точки зрения исследователя, является убедительная реализация *принципа историзма*, заложенного в основание всего повествования. Рассуждения и выводы подтверждаются ссылками на мнения критиков, на суждения самого писателя о своем творчестве [Мескин 2017: 237].

Автор исследования пришел к выводу, что писатель нередко рассматривает известные исторические события как современный миф, в котором есть и правда, и вымысел, что позволяет ему дать собственную «художественную интерпретацию событий тридцатипятилетней давности» [там же: 240]. Одновременно он обращает внимание и на то, как А. Волосу удается раскрыть трагедию русского и казахского крестьянства, показать силу человеческого духа, выявить трудности нравственного выбора [там же: 243].

Значительное внимание в статье уделяется анализу системы образов и композиции произведения: «Историю российского XX века <...> автор показывает в перекрестии десятков, естественно, не простых судеб. Точками художественных перспектив, сцепления сюжетных линий предстают характеры типические, рожденные широкими социальными обобщениями» [там же: 242]. Особо отмечается драматический психологизм тетралогии, выражающийся через систему воспроизведения «потока сознания», внутренние монологи героев, великолепные пейзажные зарисовки величественных горных вершин, яркие детали, которые делают образы персонажей достоверными и жизненными [там же: 243].

Литературовед А. Казимирчук в статье «“Афган” в эволюции героев тетралогии Андрея Волоса “Судные дни”», обратившись к прозе писателя, проанализировал «ментальную карту негеографического пространства» – *genius loci* Афганистана. С точки зрения исследователя, «Афган» – «некий диагноз для героев и страны, зона внутреннего отчуждения, с включенными в нее определенными психологическими состояниями – и персонажей, и читателя» [Казимирчук 2018: 174]. Выбор писателем темы «Афгана» не случаен, поскольку история отношений с этой страной на протяжении XX в. (начиная с первого афганского похода Красной Армии 1929–1930 гг.) –

одна из важнейших точек в летописи истории, раскрывающая мифологемы современного российского общественного сознания. *Genius loci*, «злой дух русского Афгана», подвергающийся под пером писателя как «конструкции» (в первой книге тетралогии), так и переосмыслению, «деконструкции» [там же: 178–179], создает объемное изображение хода истории. Исследователь отмечает, что в прозе писателя Афган – это место, постоянно катастрофически влиявшее на ход российской истории: «Гений места Афгана в тетралогии “Судные дни” превращается в злого гения, в проклятое место, которое не отпускает никого, если ему не принесешь жертву» [там же: 174].

В дальнейшем свои идеи об эпопее А. Волоса «Судные дни» А. Казимирчук развил в статье «Афганская война в прозе Андрея Волоса». Критик подробно раскрыл особенности воспроизведения темы войны в романе и подчеркнул, что рассматриваемая тетралогия – «масштабная зарисовка», являющаяся попыткой автора осмыслить катастрофические события конца XX в. и их воздействие на формирование современной России. С его точки зрения, затянувшаяся война в Афганистане стала событием, которое повлияло на разочарование и усталость поколения 1980-х гг. и позже стало одной из причин распада СССР – «очередного шрама» на испещренном травмами теле России [Казимирчук 2021: 117].

В 2018–2022 гг. появились новые публикации, посвященные опубликованному ранее роману «Возвращение в Панджруд», которые, возможно, отличаются большей глубиной и продуманностью основных положений. Появление таких статей является косвенным подтверждением значимости этих произведений для русской литературы начала 2000-х гг.

Э. Шафранская в статье «Роман Андрея Волоса “Возвращение в Панджруд”: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки» исследовала особенности жанра романа и судьбу главного персонажа в связи с историко-культурным фоном произведения – средневековой жизнью Мавераннахра, исторической области Центральной Азии. Исследователь отмечает, что писатель, используя древние рукописи, мифы и легенды, сумел убедительно воссоздать в своем романе биографию великого поэта, о которой до выхода этого произведения было мало что известно, и тем самым «проложил мост» не только во времени, но и между разными культурами [Шафранская 2018: 618].

Автор статьи выделил вневременные проблемы, волновавшие древнего поэта и его окружение, одновременно представляющие интерес и для современного читателя. «Герои романа рассуждают о вере, власти, поэзии, языке, человеке.

Сюжет приобретает вид параболы: он не только о том времени – он о всех временах, он о тех проблемах, которые непреходящи, они интересны и насущны для современности» [там же: 621].

Литературовед Т. Половинкина в статье «Приметы древнего мусульманского мира в романе А. Волоса “Возвращение в Панджруд”» [Половинкина 2020] рассмотрела художественные реалии, связанные с персидской суфийской культурой, при помощи которых писателю удалось воссоздать образ и биографию поэта, а также мир, окружающий героя. Суфизм стремится объединить всех людей, которые пытаются постигнуть и созерцать Бога, хотят служить Ему, познавая в этом Служении как самих себя, так и окружающий их Мир, в котором им выпало жить, и показать, как и где можно искать Истину. В этом плане роман «Возвращение в Панджруд» представляется весьма показательным произведением. Исследователь особо остановилась на анализе двух основных *локусов* романа – древних *городах* Бухара и Самарканд, занимающих особое место в структуре произведения.

М. Марачева в статье «Художественное своеобразие прозы Андрея Волоса», обратившись к романам «Хуррамабад» и «Возвращение в Панджруд», сопоставила два произведения. Первое из них посвящено недавней истории XX в., второе погружено в древность.

Анализируя роман «Возвращение в Панджруд», автор статьи выделяет основную тему романа, актуальную и для нашего времени, – «долг и ответственность поэта перед людьми, перед своими читателями». Литературовед обращается и к анализу жанра произведения, определяя его как «роман-воспитание»: «Бывший придворный поэт Бухары, потерявший влияние из-за религиозно-политических интриг, ослепленный и изгнанный из города, учит мальчика-поводыря Шеравкана читать, верить в силу человеческого разума, быть добродетельным и активным», – то есть всему тому, что важно для настоящего человека в любые времена [Марачева 2022: 85].

Э. Сергеева в статье «Образ культурного пространства романов Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» и А. Волоса “Возвращение в Панджруд”» сопоставила произведение А. Волоса с известным в России романом, созданным в 1940–1956 гг., в котором изображалась приблизительно та же эпоха и примерно то же культурное пространство. Литературовед исследовала структуру текста произведений, принципы воспроизведения локально-культурного пространства Востока в отношении к конкретному географическому пространству, а также сопоставила специфику *локусов* личного пространства глав-

ных героев [Сергеева 2020: 1275]. Общим в рассматриваемых произведениях является принцип использования «многосоставного текста», отражающего «локально-культурное пространство Востока, который обеспечивается глубинным подтекстовым смыслом». Древний Восток интерпретируется как «мифопоэтическое пространство», таящее «загадку мусульманской восточной жизни, восточной истории, восточной культуры, восточной духовности, быта, а также тайну поэтического слова» [там же: 1276].

Э. Сергеева обратила особое внимание на способы художественной организации в обоих произведениях локального культурного пространства Востока, которое воссоздается при помощи бытовых деталей местного колорита, – например, «пышного разноцветья» восточного базара, – а также передачи характерной для восточных людей ментальности, связанной «с основами мусульманской религии, которая определяет специфику этноса, принципы взаимоотношения между людьми» [там же].

Литературовед В. Мароши в статье «Мотивы “своего” и “чужого” в структуре “романа-пунктира” “Хуррамабад” А. Волоса» рассмотрел роль указанной оппозиции в художественной структуре произведения. С его точки зрения, писателю удалось раскрыть, как Хуррамабад из обычного «*locus amoenus*» превращается в «опасное место», охваченное насилием и горем. Эпическое повествование предполагает, что все рассказы-главы выстроены в хронологическом порядке: с начала 1930-х до 1990-х гг. – периода, который стал временем массового отъезда русских граждан и начала гражданской войны. Последовательность глав романа обусловлена историческим процессом, раскрытым в романе, – сначала освоением русскими «чужого» мира, затем катастрофической потерей ими родного города, собственности и, наконец, эмиграцией в недружественную русскую деревню. С точки зрения исследователя, «расширение отчуждения» персонажей дополняется «отчуждением биографического автора», которое делается очевидным в последнем очерке произведения «Худжандский пунктир» [Мароши 2021: 138].

Российские критики указали и на некоторые несовершенства произведений А. Волоса – в частности, на недостаточную психологическую проработку образов персонажей и их поступков. Особенно много вопросов вызвала личность инженера Макушина из новеллы «Свой», бросившего престижную работу в исследовательском институте, оставившего свою семью и детей, живущих в Москве, ради того, чтобы жить в Таджикистане и трудиться в качестве подсобного рабочего. У некоторых критиков возникли со-

мнения и по поводу того, насколько хорошо знает писатель особенности современного быта и детали современной таджикской культуры и насколько точно он понимает и интерпретирует историко-политическую ситуацию в стране, образовавшейся на месте бывшей «советской республики», и в ее обществе [Абашин 2003: 12].

В 2001 г. роман А. Волоса «Хуррамабад» был переведен А. Тейтом с русского на английский язык и опубликован издательством ГЛАС [Volos 2001]. Естественно, произведение было замечено англоязычными читателями и получило несколько положительных откликов. На англоязычном форуме (посвященном новинкам мировой литературы ‘World Literature Forum’ (раздел ‘Asian & Oceanic’)) в небольшой рецензии квалифицированного читателя из Швеции под именем Бьёрн (Bjorn) отмечается, что роман «Хуррамабад» убедительно описывает бурную историю Таджикистана в XX в. – процессы миграции и их влияние на современное состояние страны. Автор статьи указывает на «яркость» повествования и богатство языка произведения, убедительное отражение в нем повседневного опыта, культурных нюансов и исторических событий, формирующих таджикское общество на рубеже эпох. Особо подчеркивается, что в книге показываются сложные национальные проблемы и важность «человеческих связей», сохраняющихся, несмотря на все существующие проблемы. Автор делает вывод, что роман предлагает «острое и захватывающее» исследование меняющейся нации, тем самым через жизнь народа отражая «суть» Таджикистана [Bjorn 2008].

Отклик на роман “Hurramabad” представлен на англоязычном сайте ‘Travel Readings’ в отзыве читателя-путешественника под именем Дамиен (Damien), в котором дается общее представление о некоторых исторических и культурных традициях Таджикистана и переплетении в них «русского» начала с таджикским, а также рассматриваются особенности советского и постсоветского периодов истории страны. Автор делится собственными наблюдениями, сделанными в столице страны – городе Душанбе, цитирует выдержки из книги А. Волоса, в которых рассказывается о ностальгии русской общины в Таджикистане, раздираемой противоречиями после обретения независимости и последовавшей за ней гражданской войны 1990-х гг., и отмечает «элегантность» произведений и следование в них традициям А. Чехова [Damien 2016].

Появились рецензии на роман и профессиональных критиков и литературоведов. Известная писательница, критик и редактор А. Морган (Ann Morgan), проживающая в Великобритании (Folkestone), создатель книги и сайта ‘Reading the

World: How I Read a Book From Every Country’ (‘The World Between Two Covers’ in the US), приводит для западных читателей факты о биографии писателя и о последствиях гражданской войны в Таджикистане после распада СССР и выселении оттуда этнических русских, указала на происшедшие бедствия и случившийся там «коллапс коллективной реальности». Критик отметила «уникальность» взгляда писателя на прошедшие события и особо подчеркнула «мощную образность» произведения и огромное эмоциональное воздействие, оказываемое им на читателя и «делающее опыт принудительного выселения с родины осязаемым и реальным» [Morgan 2012].

В докладе К. Ре (Caterina Re) из Генуэзского университета (Università di Genova), сделанном на VII Летней конференции в июне 2022 г., организованной Central Eurasian Studies Society совместно с European Society for Central Asian Studies (ESCAS), который был опубликован на сайте Университета Мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Республика Узбекистан) (University of World Economy and Diplomacy in Tashkent, Uzbekistan), сравнивается творчество двух писателей, связанных со Средней Азией и пишущих на русском языке, – А. Волоса (роман «Паланг» – 2008) и Ч. Айтматова (роман «Когда падают горы» – 2007). Этих писателей связывает то, что они жили и творили как в советскую, так и в постсоветскую эпоху и описывали в своих произведениях уникальный мультикультурный мир среднеазиатских стран (жизнь русских, киргизов и таджиков). Исследователь указывает, что оба писателя сделали акцент на изображении глубокой взаимосвязи между человеком и окружающей средой, на переплетении ландшафта и истории, связях между животными и растениями, органическим и неорганическим. Автор утверждает, что каждое из этих произведений изменяет преобладавшую ранее «антропоцентрическую перспективу» (более характерную для «западной» традиции) за счет использования приема «отстранения», то есть обращения к «отличным от человека» персонажам, появление которых вызвано спецификой центральноазиатского пространства и истории. Обращение к этим художественным приемам позволяет писателям ставить актуальные для ряда постсоветских государств этические и философские вопросы [Re 2022].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что российские литературоведы и критики в основном высоко оценили творчество А. Волоса. Особый интерес исследователей вызвала тема Востока и способы ее художественной реализации в произведениях писателя, а также особенности сюжета и композиции, стилевые и жанро-

вые традиции его творчества. Среди проблем, поставленных в романах А. Волоса, литературоведов и критиков заинтересовали проблем творческой личности, ответственности художника перед читателями, отношения художника с властью. Особое внимание вызвал вопрос, актуальный для российского человека, живущего в начале XXI в.: как отношения с мусульманским Востоком в XX в. повлияли на дальнейшую историю страны. Среди аспектов, привлечших внимание исследователей, можно выделить следующие: особенности системы образов, языка и стиля произведений, принципов создания культурного локуса Востока и связи романов с определенными жанровыми традициями русской литературы.

В то же время следует отметить, что ряд важных проблем, касающихся творчества А. Волоса, с нашей точки зрения, до сих пор остается неисследованным или исследованным в недостаточной степени. Это, в частности, вопросы о связи творчества писателя с традициями русской, персидской и таджикской литературы, принципах воспроизведения восточной духовности (в частности, мусульманской культуры), специфике образов «восточных» персонажей, образа автора и системы его философских представлений. Остается дискуссионным вопрос о специфике жанра произведений Волоса (роман-притча), «роман воспитания», «роман-пунктир» и т. п.) и об особенностях циклизации его произведений. Предстоит понять своеобразие взаимодействия «житейского» с мифологическим, фольклорным, религиозно-философским и политическим «началами» в творчестве писателя, а также особенности организации художественного пространства и времени и их связи с реальным географическим пространством и временем. Требуется уточнения и вопрос о связи творчества А. Волоса с основными литературными направлениями («методами») XX–XXI вв. – реализмом, постмодернизмом и постреализмом. Интересной и многообещающей представляется реализация подхода к его произведениям как к своеобразному «восточному интертексту», смысловые и контекстные связи которого углубляют его содержание. Неизученным является и вопрос о способах (вариантах) художественной репрезентации образа Востока в творчестве А. Волоса.

Критик А. Саломатин, отмечая явные достоинства романов А. Волоса и их значение для русской культуры, в то же время написал: «...Будучи культурными событиями в России, в поле мировой словесности они уже не столь очевидно конкурентоспособны» [Саломатин 2015: 117]. Можно предположить, что рассмотрение многообразных связей произведений А. Волоса с раз-

ными национальными традициями поможет определить истинное место этого писателя в мировой культуре.

По мере того, как исследователи продолжают раскрывать многослойность смысла, заложенного в текстах Волоса, становится очевидным, что его произведения, предлагая глубокое отражение человеческого опыта во всем его многообразии и универсальности, предстают шире каких бы то ни было границ, в том числе жанровых. Каждая из рассмотренных нами статей и рецензий – приглашение к диалогу, который соединяет культуры, языки и литературные традиции, обогащая наше понимание силы слова в формировании представлений о мире.

Примечания

¹ Прототипом Хуррамабада является город Душанбе.

² Новелла «Свой» является частью романа «Хуррамабад».

Список литературы

Абашии С. Н. Свой среди чужих, чужой среди своих (Размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса «Свой») // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–25.

Азизова З. Т. Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Пандждруд» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 3. С. 166–169.

Казимирчук А. Д. «Афган» в эволюции героев тетралогии Андрея Волоса «Судные дни» // *Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. ст. / Моск. гор. пед. ун-т. М., 2018. С. 174–183.

Казимирчук А. Д. Афганская война в прозе Андрея Волоса // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2021. С. 117–125.

Кудрин О. В. Поэт и тинейджер // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 196–206.

Кукулин И. Плов и проза в межкультурном контексте // Независимая газета. 2000. 6 июля. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-07-06/1_hammurabad.html.

Латынина А. «Квартирный вопрос» в постсоветскую эру // Литературная газета. 2001. № 13. 28 марта – 3 апреля.

Логинов И. Андрей Волос. «Возвращение в Пандждруд» // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 122–124.

Марачева А. В. Художественное своеобразие прозы Андрея Волоса // Перекрёстки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве: материалы Восьмых

Международ. науч. чтений: в 2 ч. Ч. 1. Калуга, 2022. С. 83–90.

Мароши В. В. Мотивы «своего» и «чужого» в структуре «романа-пунктира» «Хуррамабад» А. Волоса // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 103–116. doi 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116

Мескин В. А. Опыт эпопеи в современной прозе. Эпическое и историческое в тетралогии Андрея Волоса «Судные дни» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 237–245. doi 10.22363/2312-9220-2017-22-2-237-245

Половинкина Т. В. Приметы древнего мусульманского мира в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2020. № 11. С. 19–21. doi 10.32743/UniPhil.2020.78.11.19-21

Ребель Г. М. Цена слова. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 183–195.

Ремизова М. С. «Независимая» победила: Роман Андрея Волоса удостоен Государственной премии // Кулиса НГ. 2001. № 10. 15 июня.

Ремизова М. С. Свои и чужие в городе счастья // Независимая газета. 2000. 6 апр. № 13 (136). URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-04-06/3_alien.html (дата обращения).

Саломатин А. В. Лекарь поневоле и странствующий слепец. О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 100–118.

Сергеева Э. С. Образ культурного пространства романов Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине» и А. Волоса «Возвращение в Панджруд» // Экономика и социум. 2020. № 11 (78). С. 1275–1278.

Шафранская Э. Ф. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15, № 4. С. 618–627. doi 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Vjorn. Andrei Volos: Hurramabad. 2008. URL: <https://www.worldliteratureforum.com/forum/index.php?threads/andrei-volos-hurramabad.122/> (дата обращения: 22.03.2024)

Damien. Tajikistan: Hurramabad by Andrei Volos. 2016. URL: <https://www.travelreadings.org/2016/05/16/tajikistan-hurramabad-by-andrei-volos/> (дата обращения: 23.03.2024)

Morgan Ann. Tag Archives: Andrei Volos. Tajikistan: imagine. 2012. URL: <https://ayearofreadingtheworld.com/tag/andrei-volos/> (дата обращения: 12.04.2024)

Re Caterina. Post-Soviet literatures of Central Asia: an ecocritical reading of Chingiz Aitmatov and Andrei Volos. 2022. URL: <https://nomadit.co.uk/conference/tashkent2022/paper/65317> (дата обращения: 12.04.2024)

Volos Andrei. Hurramabad: A Novel as a Dotted Line / Translated by Arch Tait. Ivan R. Dee Publisher, 2001. 240 p. (Glas Series. Vol. 26).

References

Abashin S. N. *Svoy sredi chuzhikh, chuzhoy sredi svoikh (Razmyshleniya etnografa po povodu novelly A. Volosa 'Svoy')* [Friend to strangers, stranger to friends] (ethnographic reflections on the short story by Andrei Volos 'Svoy'). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2003, issue 2, pp. 3-25. (In Russ.)

Azizova Z. T. Kul'turno-natsional'naya markirovannost' yazykovykh edinit v romane Andrey A. Volosa 'Vozvrashchenie v Pandzhurd' [Cultural and national marking of language units in the novel 'Return to Panjurd' by Andrei Volos]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of the Kostroma State University], 2015, vol. 21, issue 3, pp. 166-169. (In Russ.)

Kazimirchuk A. D. 'Afgan' v evolyutsii geroev tetralogii Andrey A. Volosa 'Sudnye dni' ['Afghan' in the evolution of the heroes of Andrei Volos's tetralogy 'Judgment Days']. *Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture* [Genius Loci in Literature, Art, Culture]. Moscow, 2018, pp. 174-183. (In Russ.)

Kazimirchuk A. D. Afganskaya voyna v proze Andrey A. Volosa [Afghan War in the Prose of Andrei Volos]. *Problemy raspada i naslediya SSSR v sovremennom publichnom prostranstve* [Problems of Disintegration and Heritage of the USSR in the Modern Public Space]. Moscow, 2021, pp. 117-125. (In Russ.)

Kudrin O. V. Poet i tineydzher [A poet and a teenager]. *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2014, issue 4, pp. 196-206. (In Russ.)

Kukulin I. Plov i proza v mezhkul'turnom kontekste [Pilaf and prose in the intercultural context]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2000, 6 July. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-07-06/1_hammurabad.html. (In Russ.)

Latynina A. 'Kvartirnyy vopros' v postsovetskuyu eru [The housing problem in the post-soviet era]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 2001, issue 13, 28 March – 3 April. (In Russ.)

Loginov I. Andrei Volos. 'Vozvrashchenie v Pandzhurd' [Andrei Volos. 'Return to Panjurd']. *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2014, issue 3, pp. 122-124. (In Russ.)

Maracheva A. V. Khudozhestvennoe svoeobrazie prozy Andreya Volosa [The singularity of Andrei Volos's prose]. *Perekrestki vzaimodeystviy: dialog russkoy i zarubezhnoy literatury vo vremeni i prostanstve* [Crossroads of Interactions: The Dialogue of Russian and Foreign Literature in Time and Space]: materials of the Eighth International Scientific Readings: in 2 pts. Kaluga, 2022, pt.1, pp. 83-90. (In Russ.)

Maroshi V. V. Motivy 'svoego' i 'chuzhogo' v strukture 'romana-punktira' 'Khurramabad' A. Volosa [The motifs of the 'own' and 'alien' in the structure of the 'dotted-line novel' 'Hurrabad' by A. Volos]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2021, issue 1, pp. 103-116. doi 10.25205/2410-7883-2021-1-103-116. (In Russ.)

Meskin V. A. Opyt epopei v sovremennoy proze. Epicheskoe i istoricheskoe v tetralogii Andrey Volosa 'Sudnye dni' [Epic genre in modern prose. Epic and history in tetralogy 'Judgment Days' by Andrei Volos]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2017, vol. 22, issue 2, pp. 237-245. doi 10.22363/2312-9220-2017-22-2-237-245. (In Russ.)

Polovinkina T. V. Primety drevnego musul'manskogo mira v romane A. Volosa 'Vozvrashchenie v Pandzhrud' [Signs of the ancient Muslim world in the novel 'Return to Panjrud' by A. Volos]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art Studies], 2020, issue 11, pp. 19-21. doi 10.32743/UniPhil.2020.78.11.19-21. (In Russ.)

Rebel G. M. Tsena slova. Roman Andrey Volosa 'Vozvrashchenie v Pandzhrud' [The price of the word. Andrei Volos's novel 'Return to Panjrud']. *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2014, issue 4, pp. 183-195. (In Russ.)

Remizova M. S. 'Nezavisimaya' pobedila: Roman Andrey Volosa udostoen Gosudarstvennoy premii: poluchil Gospremiyu za 2000 g. [The 'Independent' has won: The novel by Andrei Volos received the State Award for 2000]. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper], 2001, issue 10, June 15. (In Russ.)

Remizova M. S. *Svoi i chuzhie v gorode shchast'ya: Vyshla kniga laureata premii Antibuker Andrey Volosa* [Friends and strangers in the city of happiness: A book by the Anti-Booker Prize laureate

Andrei Volos has been published]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2000, issue 13 (136), 6 April. Available at: https://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html. (In Russ.)

Salomatin A. V. Lekar' ponevole i stranstvuyushchiy slepets. O romanakh Evgeniya Vodolazkina i Andrey Volosa [The healer against his will and the wandering blind man. On the novels of Evgeniy Vodolazkin and Andrei Volos]. *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2015, issue 4, pp. 100-118. (In Russ.)

Sergeeva E. S. Obraz kul'turnogo prostranstva romanov L. Solov'eva 'Povest' o Khodzhe Nasreddine' i A. Volosa 'Vozvrashchenie v Pandzhrud' [The image of the cultural space of the novels 'The Tale of Khoja Nasreddin' by L. Solovyov and 'Return to Panjrud' by A. Volos]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and Society], 2020, issue 11 (78), pp. 1275-1278. (In Russ.)

Shafranskaya E. F. Roman Andrey Volosa 'Vozvrashchenie v Pandzhrud': rekonstruktsiya povsednevnosti Maverannahra i sud'by poeta Rudaki [Novel 'Return to Panjrud' by Andrei Volos as reconstruction of daily life of Maverannahr and poet's Rudaki fate]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2018, vol. 15, issue 4, pp. 618-627. doi 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627. (In Russ.)

Bjorn. Andrei Volos: Hurrabad. 2008. Available at: <https://www.worldliteratureforum.com/forum/index.php?threads/andrei-volos-hurrabad.122/> (accessed 22 Mar 2024). (In Eng.)

Damien. Tajikistan: Hurrabad by Andrei Volos. 2016. Available at: <https://www.travelreadings.org/2016/05/16/tajikistan-hurrabad-by-andrei-volos/> (accessed 23 Mar 2024). (In Eng.)

Morgan Ann. Tag Archives: Andrei Volos. Tajikistan: imagine. 2012. Available at: <https://ayearofreadingtheworld.com/tag/andrei-volos/> (accessed 12 Apr 2024). (In Eng.)

Re Caterina. Post-Soviet literatures of Central Asia: an ecocritical reading of Chingiz Aitmatov and Andrei Volos. 2022. Available at: <https://nomadit.co.uk/conference/tashkent2022/paper/65317> (accessed 12 Apr 2024). (In Eng.)

Volos Andrei. Hurrabad: A Novel as a Dotted Line. Translated by Arch Tait. Ivan R. Dee Publisher, 2001. 240 p. (Glas Series: vol. 26). (In Eng.)

The Works of Andrei Volos in Modern Literary Studies and Criticism

Badiei Khamseh Fard Hananeh Sadat

Postgraduate Student at the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. Hannane.badieii@mail.ru

SPIN-code: 5441-4843

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9013-224X>

Submitted 06 May 2024

Revised 06 Jul 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Badiei Khamseh Fard H. S. Tvorchestvo Andrey Volosa v sovremennom literaturovedenii i kritike [The Works of Andrei Volos in Modern Literary Studies and Criticism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 103–113. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-103-113. EDN FVNHF1 (In Russ.)

Abstract. The article offers an overview of critical writings devoted to the works of Andrei Volos. The author analyzes papers by writers and critics A. Bitov, A. Vasilevsky, O. Kudrin, I. Kukulin, A. Latynina, I. Loginov, V. Oskotsky, M. Remizova, I. Rostovtseva, Yu. Surovtsev, A. Salomatin, literary critics S. Abashin, Z. Azizova, A. Kazimirchuk, M. Maracheva, V. Maroshi, V. Meskin, T. Polovinkina, G. Rebel, E. Sergeeva, E. Shafranskaya. It is shown that of particular interest to researchers in the works of A. Volos are the theme of the East and the methods of its artistic implementation, the features of the plot and composition, style and genre traditions. The article discusses a number of other major problems, including the connection of the writer's works with the traditions of Russian, Persian, and Tajik literature, the principles of reproducing Eastern spirituality (in particular, Muslim culture), the images of 'oriental' characters, the image of the author himself, and the system of his philosophical beliefs. All these questions are unexplored or insufficiently studied. The analysis of critical works proposed in the article helps to gain an idea of the significance of the figure of A. Volos as a prose writer, of his uniqueness and place in the modern literary process. Studying the works of A. Volos, scholars and critics come to a conclusion about his unique approach to literature and deep understanding of various aspects of history, culture, and society. His works are distinguished by their multi-layeredness, ambiguity, and vitality, which makes them especially attractive to readers and researchers.

Key words: Andrei Volos; modern literary studies; modern criticism; image of the author; traditions; theme of the East; image of the East.

УДК 82.091
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124
<https://elibrary.ru/gwcmog>

Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер)

Гнюсова Ирина Федоровна

**к. филол. н., доцент кафедры общего литературоведения,
издательского дела и редактирования**

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. irbor2004@mail.ru

SPIN-код: 1823-8837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0552-8391>

ResearcherID: A-3053-2016

Статья поступила в редакцию 15.06.24

Одобрена после рецензирования 30.07.24

Принята к публикации 16.08.24

Информация для цитирования

Гнюсова И. Ф. Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 114–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124. EDN GWCMOG

Аннотация. В статье предпринимается попытка доказать, что восторженный отзыв Л. Н. Толстого о романе Э. Троллопа «Премьер-министр» в период работы над «Анной Карениной» был связан с тем, что Троллоп изображает в нем тип героя, схожий с образом Каренина, – государственного деятеля, обладающего умом и любовью к своему делу, но отличающегося невниманием к частной, человеческой стороне жизни. В статье показано, что герои проходят схожий путь эволюции. Испытания преобразуют их: и Пантагенет Паллизер, и Каренин остро ощущают драматизм своего положения и ищут поддержки. На разных этапах такую поддержку им оказывают героини: в обоих случаях авторы рисуют образ немолодой и некрасивой женщины, имеющей твердые убеждения и дающей советы своему спутнику. Однако духовное «пробуждение» героев длится недолго: и Паллизер, и Каренин терпят крах, перенимая ценности, которые еще недавно казались для них неприемлемыми. Делается предположение о том, что и Троллоп, и Толстой сохраняют сочувствие к своим героям: на это указывает желание Паллизера «приносить смиренную пользу» и образ ребенка, взятого Карениным на воспитание. Автор статьи предполагает, что Толстого мог привлечь в «Премьер-министре» глубокий и точный психологизм Троллопа, который детально прослеживает «механизм» преобразования нечувствительного героя. Русскому писателю могли быть интересны и традиции жанра политического романа: вслед за Троллопом, он пытается показать влияние политики на характер и духовную эволюцию человека. В заключение делается вывод о том, что точки пересечения между двумя образами государственных деятелей – еще одно свидетельство пристального внимания Толстого к английской литературе, которое во многом и сформировало концепцию самого «английского» его романа – «Анна Каренина».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; Э. Троллоп; образ государственного человека; психологизм; политический роман.

Роман «Премьер-министр», впервые опубликованный в Англии в 1875–1876 гг., считается одной из вершин творчества Энтони Тrollope. В России произведение практически неизвестно и было переведено лишь единожды, в 1877 г. У романа, однако, нашелся знаковый читатель – Лев Толстой, который в январе 1877 г. оставил замечание в письме к брату: «Prime Minister прекрасно» (62, 302)¹. Толстой в это время работал над «Анной Карениной», и именно этот его роман будет наиболее часто сравниваться с различными произведениями Тrollope. «Премьер-министр» фигурирует среди них на удивление редко. В статье будет предпринята попытка обратить пристальное внимание на фигуру главного героя романа Тrollope – государственного деятеля Пантагенета Паллизера: психологический драматизм этого образа во многом сближает его с Алексеем Карениным.

Сопоставление этих двух персонажей вообще можно назвать общим местом в компаративистике, однако речь традиционно идет не о романе «Премьер-министр». Пантагенет Паллизер – сквозной герой «парламентского» цикла Тrollope, в который входит шесть произведений. «Премьер-министр» является пятым по счету, но молодой парламентарий действует уже в первом романе цикла – “Can You Forgive Her?”, что не совсем корректно переведено как «Виновата ли она?» при публикации в 1864–1865 гг. Одна из сюжетных линий этого романа имеет очевидные переклички с «Анной Карениной»: пылкая леди Гленкора выдана замуж за молодого политического деятеля Паллизера, который «был скучен, как государственный человек» и «еще скучнее в частной жизни» [Тrollope 1864–1865]. До этого героиня чуть не стала женой беспутного аристократа Борго Фицджеральда, которого продолжает любить и после свадьбы. Когда Борго возобновляет ухаживания за леди Гленкорой и склоняет ее к побегу, героиня признается во всем мужу. Но результат этой беседы противоположен аналогичной коллизии между супругами Карениными: Пантагенет Паллизер признает, что уделял Гленкоре мало внимания, отказывается от высокого поста и увозит жену в Швейцарию, восстанавливая семейное благополучие.

Явной параллели между сюжетами и образами двух романов был посвящен целый ряд исследований. Так, С. Э. Нуралова в обзорной монографии «Лев Толстой и викторианская литература» (2010) отмечает «общность способов художественного отображения» [Нуралова 2010: 48] в романах «Виновата ли она?» и «Анна Каренина». В. Г. Андреева в статье о романах Тrollope и «Анне Карениной» (2020) делает вывод о

«значительном влиянии английского писателя, его художественных образов и идей на Толстого» [Андреева 2020: 66]. Она также акцентирует внимание на фигуре Паллизера в романе «Виновата ли она?», «вне всякого сомнения, отмеченного Толстым, который наделил многими схожими чертами Алексея Александровича Каренина» [там же: 77].

Единственным исследователем, сосредоточившим внимание на отклике Толстого на роман «Премьер-министр», стал М. Д. Долбилов. В своей монографии (2023) он указывает на то, что фокус интереса Толстого мог быть направлен именно на фигуру Пантагенета Паллизера как политика: «Возможно, идеал аполитичного, совестливого и нелюдимого политика-аристократа, <...> был в числе достоинств романа, которыми тот заслужил толстовскую оценку» [Долбилов 2023: 340]. Исследователь, кроме того, указывает на целый ряд «тематических параллелей» и «перекличек в деталях» между романами «Премьер-министр» и «Анна Каренина». Наиболее яркой находкой является употребление Левиным, раздраженным суетой вокруг приезда Васеньки Весловского, английского слова *fuss* – «суматоха»: «Да что вы такой *fuss* делаете? Подать, что обыкновенно» (19, 143). То же самое слово в оригинале использует Паллизер, когда сердится на жену, негодуя, «что в свете осталось так мало простоты, что человек не мог угощать своих друзей без всякой подобной суеты»² [Тrollope 1877]. Вполне обоснованно выглядят и другие «интертекстуальные референции» к роману Тrollope, которые находит М. Д. Долбилов в «Анне Карениной»: и «сложная интрига по поводу выборов, выигрываемых в конце концов несколькими голосами», и «глава об изгнании хозяином гостя из дома» [Долбилов 2023: 340].

М. Д. Долбилов, однако, не уделяет специального внимания основной психологической коллизии тrolloповского романа, связанной с образом Пантагенета Паллизера, который против воли вынужден был стать «праздным премьер-министром» [Проскурнин 1992: 57] и, как указывает Б. М. Проскурнин, «из чудака... превратился почти в трагическую фигуру, в жертву» [там же: 54]. Схожий драматический путь – от черновых вариантов к итоговому тексту – проходит и Алексей Александрович Каренин. Представляется, что сопоставление этих образов дает возможность по-новому взглянуть на толстовского героя и его драму не только как обманутого мужа, но и как государственного деятеля и даже политика. Подобно Паллизеру, Каренин внезапно оказывается перед фактом фатального одиночества человека, облеченного властью, и разрушительного

влияния той мнимой жизни, той официально-государственной реальности, которая постепенно подчиняет себе настоящую жизнь человека и определяет его судьбу.

Оговоримся сразу, что данное исследование может иметь лишь сравнительно-типологический характер. Судя по письму брату, датированному 10 или 11 января 1877 г., Толстой читал роман «Премьер-министр» незадолго до этого – вероятнее всего, в начале января 1877-го или во второй половине декабря 1876 г. Н. К. Гудзий указывает, что «в середине декабря Толстой лично отвез в Москву Каткову новые главы романа, заканчивавшие пятую часть» (см. (20, 623)), – можно предположить, что тогда-то писатель и приобрел новый роман Тrolлопа. Несомненно одно: Толстой читал роман в оригинале – на это указывает наличие в его библиотеке издания 1876 г. на английском языке.

Таким образом, к моменту знакомства с «Премьер-министром» образ Каренина был почти полностью раскрыт – оставался лишь эпизод разговора с Облонским и совместное их участие в спиритическом сеансе. Следовательно, нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о каком-либо влиянии центрального образа «Премьер-министра» на создание характера Каренина. Тем не менее налицо общность концепции образов: и Толстой, и Тrolлоп одинаково показывают внутреннюю эволюцию крупного деятеля, посвятившего жизнь рутине государственных дел и внезапно столкнувшегося с «самою жизнью».

На этом пути каждый из героев проходит несколько схожих этапов. Первый из них – безмятежное спокойствие Паллизера и Каренина, углубленность в служебную деятельность и одинаковое равнодушие к личному и житейскому. Кризисная ситуация вызывает их неожиданное и болезненное «пробуждение»: оба испытывают смятение, осознают свою уязвимость перед обстоятельствами. За этим следует этап, когда каждый герой обретает духовное величие, пытается следовать своим убеждениям, презрев осуждение окружающих. Но итогом в обоих случаях становится разочарование, выбор ложного пути, заблуждение и духовное омертвление.

В начале «Премьер-министра» параллель между героями не столь очевидна, поскольку герой, уже знакомый читателю по романам «парламентского» цикла, сразу оказывается в ситуации кризиса. Джеймс Кинкейд указывает на то, что «сквозные» персонажи писателя не одинаковы в разных произведениях: они всегда «служат особым и уникальным требованиям романа, в котором появляются», «могут видоизменяться или даже трансформироваться» [Kincaid 1977]. Действительно, в первых главах «Премьер-

министра» перед читателем предстает уже не тот невозмутимый, довольный собой молодой государственный деятель, который фигурировал в романе «Виновата ли она?». Пантагенет Паллизер всё так же неутомимо трудолюбив, но во главу угла Тrolлоп ставит теперь не его политическое честолюбие, а сомнение в своих способностях. Если в первом романе цикла герой мечтает о высокой должности, то теперь, получив пост премьер-министра, он «более чем сомневался». Главной причиной тому становится необходимость соприкосновения с жизнью людей, выход из привычного круга государственных дел: Паллизер «беспрестанно повторял себе, что в нем не доставало благородной способности вызывать поддержку и повинование от других. С предметами и фактами он справиться мог, но люди еще не были для него доступны» [Тrolлоп 1877].

Меняется и отношение Паллизера к жене. Если в первом из «парламентских» романов он был равнодушно «убежден, что в семейной его жизни все обстоит благополучно» [Тrolлоп 1864–1865], то в «Премьер-министре» леди Гленкора является самым близким ему человеком. «До сих пор я никогда не обращал внимания на твои насмешки, Кора, но теперь чувствую, что мне нужно твое сочувствие» [Тrolлоп 1877], – с грустной улыбкой говорит он жене, узнав о приказе явиться в Виндзорский дворец для высокого назначения. Обида Гленкоры из-за отказа сделать ее гофмейстериней вызывает у него искреннее страдание: «ее горесть или ее неудовольствие совершенно его расстраивали» [там же]. Это-то мягкосердечие Паллизера – как в семейной жизни, так и в государственных делах – и становится новой доминантой его характера в пятой части «парламентского» цикла.

Столь радикальная смена акцентов характерна и для романа «Анна Каренина», если сравнить его черновые варианты с окончательной версией. Правда, происходит она в обратном направлении. В первых набросках муж главной героини очень напоминает Пьера Безухова: он «имел... несчастье носить на своем лице слишком ясно вывеску сердечной доброты и невинности. Он часто улыбался улыбкой, морщившей углы его глаз, и потому еще более имел вид ученого чудака или дурачка...» (20, 20). Б. М. Эйхенбаум замечает, что в этот период работы над романом «симпатии автора были... на его [Алексея Александровича] стороне» [Эйхенбаум 2009: 643]. Введение образа Левина меняет «расстановку сил»: Толстому больше не нужен положительный герой в лице Каренина, и он превращается в «типичного чиновника-бюрократа» [там же: 644].

Таким образом, в начале романа перед нами также образ, подвергшийся авторской перера-

ботке: ключевыми характеристиками Каренина теперь становятся «холодная самоуверенность» и неизменный «тон насмешки». Этот тон отдаленно перекликается с ключевым свойством характера Гленкоры – «способностью к насмешливости» [там же: 1877]. Однако схожие акценты сделаны писателями с противоположной целью. Ироничность Гленкоры подчеркивает ее искренность и живость, тогда как шуточный тон Каренина выдает ту же неуверенность в себе, которую испытывает и новоявленный премьер-министр Троллопа.

Поведение Каренина в начале романа можно назвать в какой-то степени театральным: не умея выразить удовольствия от встречи с женой, он произносит романтически возвышенные фразы, контрастирующие с его «холодной и представительной фигурой»: «...Нежный муж, нежный, как на другой год женитьбы, сгорал желанием увидеть тебя» (18, 110–111). Герой будто бы и сам осознает, что неспособен вести себя естественно: он произносит это «тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил» (18, 111).

Истинных чувств Каренина писатель не показывает и в следующей сцене, где герой собирается предостеречь жену от неосторожного поведения в свете. «...Он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидевший, что этот мост разобран и что там пучина» (18, 151), – эти аналитические рассуждения принадлежат не герою. Каренин еще не осознает, что с ним случилось, – отсюда его хождение по кругу, физическое и мысленное. Он только ощущает «беспокойство и тревогу» и желает «обдумать, решить и отбросить», то есть прекратить нехарактерное для него погружение внутрь себя и в душевное состояние жены.

Стоическое умение закрываться от катастрофических жизненных обстоятельств сохраняется у Каренина на протяжении долгого времени. Толстой показывает своеобразную внутреннюю раздвоенность героя: тот «знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив» (18, 213), и в то же время «ничего не хотел думать о поведении и чувствах своей жены, и действительно он об этом ничего не думал» (18, 212). Только признание Анны производит эффект «прорвавшейся плотины». Каренин наконец осознает, что он чувствовал всё это время: его мучили «сомнения и страдания ревности» (18, 294).

Эти страдания, мучительное чувство уязвимости и жалости к себе открывают для окружающих новую сторону личности бесстрастного государственного деятеля. В «Анне Карениной» са-

мый яркий эпизод, демонстрирующий это, связан со словом «пелестрадал» (18, 384), которое героиней, запутываясь от волнения, произносит в разговоре с Анной. В романе «Премьер-министр» Паллизер выказывает обостренную чувствительность и неуверенность в себе, когда вынужден распределять министерские посты: «Для меня приниматься за это, не чувствуя себя способным к этому труду, ...похоже на святотатство» [Троллоп 1877].

Растерянность Паллизера от свалившейся на него ответственности кажется парадоксальной, если вспомнить, что, как и Каренин, он признан всеми одним из самых способных государственных деятелей. В романе «Виновата ли она?» автор с ироничной торжественностью представляет своего героя читателям, заявляя, что «мистер Паллизер был одним из тех политиков, обладанием которых Англия, пожалуй, может гордиться с большим основанием, чем прочими своими ресурсами» [Trollope 1864–1865]. Однако смятению героя в романе «Премьер-министр» есть объяснение. Высокая должность является, как он сам понимает, чисто номинальной: политически нейтральная фигура Паллизера необходима лишь для того, чтобы временно соединить противоборствующие партии в коалицию. Страдания героя связаны еще и с осознанием собственной ненужности: «...Как ничтожно положение, как оно низко, как противно той высокой идее об общественном труде, которая до сих пор была главной пружиной всей его жизни!» [Троллоп 1877].

Б. М. Проскурнин, анализируя «Премьера-министра» как образец политического романа, указывает, что причина терзаний Паллизера – «его резкое расхождение с системой нравственных и моральных ценностей викторианского общества» [Проскурнин 1992: 54]. Это расхождение подчеркивает и центральный образ второй сюжетной линии – Фердинанд Лопец, беспринципный и холодный интриган без средств к существованию, который сумел поставить себя так, что был принят в высшем свете и даже завоевал доверие леди Гленкоры. Лопец становится воплощением пустоты людей, с которым вынужден взаимодействовать Паллизер. Именно Лопец оказывается в центре внимания на пышных приемах леди Гленкоры, а премьер-министр вынужден скрываться в своем кабинете или укромном углу зала.

В этой ситуации Лопец почти становится героем-двойником Паллизера, воплощая собой то, чего ожидали от нового премьер-министра, – исключительно внешнего блеска и светской опытности без погружения в государственную службу³. Толстой, приближая семейный кризис Каре-

ниных к кульминации, также окружает своего героя системой «зеркальных» персонажей, которые могли бы подтолкнуть его к «пробуждению». Один из них – «знаменитый петербургский адвокат» (18, 385), беседа с которым демонстрирует Каренину своего рода обратную сторону его государственной деятельности. «Каренин “велик”, а адвокат “ничтожен”, но оба они принадлежат к одной и той же официальной сфере, – пишет Э. Г. Бабаев. – Каренин считал, что пишет законы “для других”. Адвокат мог действовать лишь применительно к этим законам, когда Каренин решил воспользоваться ими “для себя”» [Бабаев 1978: 84–85]. Впрочем, Каренин еще не чувствует этой параллели: адвокат и его предложения лишь вызывают у него отвращение.

Однако в этой части романа у героя обнаруживается дополнительный «двойник»: этот некто Стремов, «один из влиятельных людей Петербурга» (18, 311), который принадлежит к кружку Бетси Тверской и, очевидно, не отличается высокими моральными принципами. Стремов одерживает верх над Карениным, притворившись его сторонником: он «с жаром не только защищал приведение в действие мер, предлагаемых Карениным, но и предлагал другие крайние в том же духе» (18, 390). Стремов – тот же тип самоуверенного выскочки: для него главным является внешний эффект, а не суть вопроса, о которой так печется Каренин. Но наиболее важно в этой ситуации, что герой начинает ясно видеть окружающую его мелочность и пустоту: «Ему непонятно, удивительно было, как они не видали, что болтун, фразер Стремов менее всякого другого способен к этому» (18, 430).

Отметим попутно, что в этом небольшом эпизоде, посвященном интригам в сферах государственного управления, Толстой явно использует традиции английского политического романа – жанра, «в сюжетно-фабульной основе которого лежит политический конфликт, политическое единоборство» [Проскурнин 1992: 5]. Но при этом, как отмечает Б. М. Проскурнин, политический роман – это произведение не собственно о политике, а о «взаимодействии человеческой личности и политики» [там же: 6], и, более того, этот жанр предназначен «для раскрытия личностного преломления политического существования человека, так как в нем главенствует ситуация политического выбора» [Проскурнин 2000: 33]. К такому типу принадлежат и «парламентские» романы Тrolлопа. Если Толстой и не читал «Премьер-министра» к моменту создания четвертой части «Анны Карениной», он мог быть знаком с другими романами цикла: например, «Финиас Финн, ирландский член парламента» и

«Финиас Финн возвратившийся», которые вышли в русском переводе в 1869 и 1875 гг.

Традиция политического романа могла быть интересна Толстому уже в силу того, что на российской почве подобной жанровой формы еще не было⁴. В Англии она в чистом виде появилась только ближе к середине XIX в., когда стабилизировалась английская политическая система. К некоторым предпосылкам для зарождения жанра политического романа в России можно отнести разве что становление системы местного самоуправления в результате земской реформы – неслучайно эпизод губернских выборов имеет явные переклички с описанием парламентских прений у Тrolлопа.

Впрочем, в эпизоде с «делом об устройстве инородцев» традиции английского жанра гораздо более сильны: фактически они показывают Каренина не как чиновника, а как политика. Одновременно в этой части романа Толстой наиболее отчетливо следует за Тrolлопом, «главным объектом художественного осмысления которого был характер в его живой текучести, диалектике и динамике» [Проскурнин 1992: 21]. Телеграмма о назначении Стремова начинает новый этап эволюции Каренина – от мучительной растерянности он движется к мужественному принятию новых обстоятельств и одновременно к духовному возрождению. Неслучайно телеграмма застаёт его в пути: чтобы доказать свою правоту политическим противникам, герой решает сам разобраться в положении инородцев. Очевидно, это был экстраординарный поступок со стороны петербургского сановника (он «наделал много шума» (18, 391) в столице). Но еще более поразителен переход к практическому действию для самого героя. Если раньше «каждый раз, когда он сталкивался с самою жизнью, он отстранялся от нее» (18, 151), то теперь Каренин едет навстречу жизни – и симптоматично, что все-таки не исполняет задуманного и возвращается назад на полпути.

«Радостное чувство любви и прощения к врагам» (18, 434), которое ощущает герой у постели умирающей жены, становится высшей точкой его внутреннего преображения. На смену страданиям героя приходит «душевное спокойствие» и «духовная радость» (18, 440), он чувствует себя «совершенно спокойным и согласным с собой» (18, 441), и это удовлетворение вызвано тем, кто Каренин больше не отстраняется от людей, а, напротив, погружается в их чувства и нужды. Одновременно его перестает волновать осуждение окружающих: «Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света» (18, 436), – говорит он Вронскому.

Герой Троллопа не подвергается столь радикальной духовной трансформации, однако растерянность в нем также сменяется решительностью и гневом. Негодование Паллизера вызывает не только его положение «праздного министра», но и то, что его жена принялась делать вещи, которые претят ему самому, – обеспечивать публичность своего мужа, приглашая в дом множество гостей. «Намерение завоевывать друзей... посредством обедов и вечеров для меня гнусно, – в сердцах заявляет Паллизер. – Если это будет продолжаться таким образом, я сойду с ума» [Троллоп 1877]. При этом герой осознает, что, возможно, именно эта светская жизнь и должна стать его основной обязанностью: «Может быть, ...леди Гленкора... с ее обедами и приемами, ...скорее была первым министром, чем он. Может быть, это... понимали все, кроме него» [там же].

Гленкора, таким образом, – тоже двойник героя; фактически она даже становится его «политическим оппонентом». М. Д. Долбилов указывает, что тема «неформального влияния женщин в политической сфере» [Долбилов 2023: 340] – одна из важнейших в «Премьер-министре», и она также находит отражение в романе Толстого. В пример он приводит шуточную беседу в пятой части «Анны Карениной»: «Как бы графине Марье Борисовне – военное министерство, а начальником бы штаба княгиню Ватковскую...» (19, 85)

Гленкора же фактически, не в шутку, пытается «сама стать политиком» [Проскурнин 1992: 60], как пишет Б. М. Проскурнин. Вначале Паллизер просто старается уклониться от ее светских раутов, проводя большую часть времени в кабинете и гуляя по саду в одиночестве, но бесцеремонность многочисленных просителей не оставляет его и там. Стремясь оградиться от окружающей его пошлости, премьер-министр выбирает себе одну спутницу – леди Розину, «высокую, худощавую, зябкую старуху, не очень старую, может быть, лет пятидесяти, но казавшаяся десятью годами старше, очень меланхолического характера» [Троллоп 1877]. Этот странный выбор становится почти формой протеста: окружающие с изумлением думают, «уж не обладает ли леди Розина какою-нибудь своею собственной глубокомысленной политикой» [там же], но на деле Паллизер ведет со своей спутницей совершенно заурядные (и за счет этого контраста очень комичные) разговоры. Главное, чего жаждет найти герой в людях, – это искренность, а в леди Розине «не было притворства, и [ей] ничего не было нужно от него» [там же].

На короткий срок у Каренина тоже появляется неожиданная привязанность – объектом ее ста-

новится новорожденная дочь Анны, у колыбели которой он получает желанное спокойствие: «Он иногда по получасу молча глядел на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдал за движениями хмурящегося лба» (18, 441). Как и леди Розина в случае с премьер-министром Троллопа, младенец примиряет Каренина с действительностью: «в такие минуты... Алексей Александрович... не видел в своем положении ничего необыкновенного» (там же).

При этом оба героя в своих попытках найти что-то простое и истинное в невыносимой, грубой действительности осознают, что им не удастся от нее сбежать. Даже близкие люди не понимают их внутренней тяги к «смирному спокойствию» (там же). Каренин быстро ощущает «невозможность в глазах света его положения... и вообще могущество той грубой таинственной силы, которая, вразрез с его душевным настроением, руководила его жизнью и требовала... изменения его отношений к жене» (18, 447). То же чувство подчиненности чужой воле не оставляет и Паллизера. Источником напряжения становится, в числе прочего, самовластие леди Гленкоры, желание которой участвовать в политической жизни приводит к публичному скандалу: его провоцирует Лопец, получивший на выборах неофициальную поддержку жены премьер-министра, но так и не попавший в парламент. Гленкора признает свою вину, но характерен разговор между супругами вскоре после примирения: Паллизер просит жену «сделаться чувствительной» ради него, в ответ Гленкора заявляет: «А я желала бы сделать тебя толстокожим для самого тебя. Это единственный способ жить спокойно в таком грубом и пошлом свете» [Троллоп 1877].

В итоге внешнее давление на героев оказывается слишком сильно и в совокупности с новым источником страданий (отъезд Анны и Вронского в Италию и нападки газет на премьер-министра) приводит обоих героев в состояние меланхолической безысходности, мрачной неподвижности, почти безжизненности. Каренин пытается «иметь вид спокойный и даже равнодушный», но постепенно отчаяние овладевает им целиком: «опустив голову на стол, он долго сидел в этом положении, несколько раз пытался заговорить и останавливался» (19, 76). Паллизер меняется даже внешне: «у него начало появляться утомленное выражение старческого лица. Его редкие волосы стали седесть, а длинные, худые щеки сделались еще длиннее» [там же]. А главное – Гленкора замечает в нем странную апатию: «никакой особенный предмет не шевелил его энергии» [там же].

Это сонное, неподвижное состояние героев одинаково совпадает с остановкой в продвижении по служебной лестнице. Симптоматично, что сами они не замечают перемен: «все ясно видели это, но сам Алексей Александрович не сознавал еще того, что карьера его кончена. <...> Он еще занимал важное место, ...но он был человеком, который весь вышел и от которого ничего более не ждут» (19, 86). Подобная перемена наступает и в положении Паллизера: Гленкора замечает, что «старый герцог теперь говорил с ней не так часто о политическом положении ее мужа», а члены правительства «сохраняли с нею необыкновенную сдержанность»⁵ [там же].

И здесь Троллоп демонстрирует поразительную перемену в характере своего героя: в предчувствии возможной отставки Паллизер, долгое время убежденный в том, что «с ним случилось страшное бедствие, когда обстоятельства принудили его сделаться первым министром» [там же], начинает стараться всеми силами удержать свою власть. Он становится «самовластен и сердит» [там же], он принимает решения, пренебрегая советами сторонников. Гленкора осознает, что «обаяние власти овладевает им» [там же], и то же видит его наставник герцог Сент-Бёнгей: «Увы, увы! если бы мы ему позволили удалиться прежде, чем яд разлился по его жилам!..» [там же]. Однако автор указывает, что истинная причина этой перемены в поведении Паллизера – страх, что уход с самого высокого поста в государстве будет равносильен краху всей его жизни: он чувствует, что «или должен оставаться первым министром, или сделаться безмолвным, неизвестным или ничтожным человеком» [там же].

С Карениным происходит еще более страшная перемена: чувство всепрощения трансформируется в нем в косную самоуверенность, которая распространяется и на личные, и на государственные дела: он «каждую минуту думал, что в его душе живет Христос, и что, подписывая бумаги, он исполняет его волю». Если вначале он еще ощущает «ошибочность этого представления» (19, 82), то скоро желание «забывать о том, чего он не хотел помнить» (19, 92), преодолевает сомнения. Неслучайно последние сцены с участием Каренина Толстой дает со стороны – глазами Стивы Облонского. Читатель больше ничего не может узнать о внутреннем мире героя – показаны лишь «усталость и мертвенность» (19, 301) его лица, раздражение в разговоре об Анне и покровительственные рассуждения о религии в саркастически поданной сцене с французом-медиумом.

Характерно, что на этом финальном этапе «омертвения» героя у него тоже появляется спутница – графиня Лидия Ивановна. Однако

она занимает в эволюции Каренина принципиально иное место, чем леди Розина, которая даже не осознает своего влияния на жизнь премьер-министра. Лидия Ивановна, напротив, одержима стремлением спасти Каренина и предпринимает всё, чтобы обратить его в свою веру⁶. Обе героини, тем не менее, приносят своим спутникам желанное спокойствие, и это выдает еще одну общую черту Каренина и Паллизера – их тотальное одиночество, которое предстает как своего рода личная ущербность, душевный изъян. Оба они никогда не умели привязываться к живым людям. Паллизер по-своему искренне любит жену, но Троллоп не демонстрирует их взаимопонимания: на первом месте у леди Гленкоры оказываются свои цели и свои амбиции. Каренин был также привязан к Анне, но никогда не понимал ее.

Ложный путь, который выбирают в конце оба героя, неминуемо ведет их к личностному краху. После отставки Паллизер чувствует полное опустошение: «Что он будет делать теперь?.. Он боялся, что для него все кончено и что на всю жизнь он должен остаться просто герцогом Омниумом⁷» [там же]. Без своей службы герой оказывается никем, но и вернуться к ней он не может: пребывание на посту премьер-министра показало ему всю бессмысленность политической жизни.

Дж. Кинкейд полагает, что в этом и заключалась главная цель романа: показать «воспитание» четы Паллизеров: «Эти два человека... становятся высшей знатью; он – лидером величайшего в мире правительства, она – самым выдающимся и влиятельным общественным деятелем. Они движутся к самой сердцевине мира, и... ничего там не находят» [Kincaid 1977]. Именно поэтому линия Паллизеров выглядит почти бессюжетной на фоне наполненной интригами линии Лопеца. Впрочем, «Премьер-министр» – не последний в «парламентской» серии, и финальные слова Паллизера оставляют надежду на возрождение героя: «Я постараюсь выждать то время, когда опять буду в состоянии приносить какую-нибудь смиренную пользу»⁸ [Троллоп 1877].

Намек на возможность возрождения можно обнаружить и в последней части «Анны Карениной». Как и в «Войне и мире», на примирение с действительностью здесь указывают образы детей: Левин бежит в грозу спасти Кити и маленького сына, а графиня Вронская упоминает, что Каренин взял себе дочь Анны. Это единственное упоминание о герое в финальной части – не случайный акцент: он возвращает читателя к «чувству не только жалости, но и нежности» (18, 440), которое герой испытывал к новорожденной девочке, и позволяет надеяться на новый виток его эволюции.

Надежда эта выглядит еще более обоснованной, если обратиться к черновым вариантам романа: в ранних набросках сюжетная линия, связанная с мужем главной героини, завершалась на христианском прощении ее мужем. В более поздних вариантах, даже включающих влияние Лидии Ивановны, Каренин опять же показан более мягким и милосердным; он соглашается на развод и даже пишет об этом самой Анне. Но в 1877 г., при создании окончательного текста, происходит, как отмечает М. Д. Долбилов, неожиданное «окарикатуривание» [Долбилов 2023: 265] героя. Причины этого, по мнению исследователя, лежат во внехудожественной плоскости: трансформация образа Каренина стала откликом Толстого на общественно-политические события, связанные с наступающей войной с Турцией, и невиданный ажиотаж вокруг «славянского вопроса», который вызывал крайнее раздражение писателя. Писатель, по мнению М. Д. Долбилова, «избрал промежуточным объектом полемики великосветский евангелический пиетизм» [там же: 295] – еще одно увлечение высшего света, связанное с английским проповедником бароном Редстоком.

Однако этот новый Каренин, напоминающий «пародию на религиозного консерватора», по мнению исследователя, «не очень согласуется с предшествующими характеристиками Каренина-бюрократа – ...участника модернизационных мероприятий правительства, начатых Великими реформами» [там же: 360]. Получается, что Толстой, прописывая финальную стадию эволюции Каренина, невольно возвращается к жанру политического романа, в котором социально-политические веяния преломляются в отдельно взятой личности государственного человека. Но при этом он явно нарушает логику развития своего героя.

Изначально образ обманутого мужа был очень важен для Толстого, поскольку должен был играть роль морального противовеса поступкам главной героини. Когда замысел романа усложняется и возникает линия Левина, образ Каренина становится более пластичным: Толстой получает возможность придать ему дополнительную смысловую нагрузку. В итоге содержательный диапазон этой фигуры оказывается очень широк – недаром столь разнятся оценки, данные Каренину Анной: от «злой машины» до «святого». Но в целом образ героя сохраняет свой изначальный нравственный потенциал – неслучайно в нем присутствует очень много параллелей с Левиным: оба они оказываются перед дилеммой о прощении, оба переживают моральные терзания. Эта параллель указы-

вает на то, что Каренин, как и Левин, мог сохранить в финале открытые им истины и христианское смирение в противовес неимоверной сложности и тяжести жизни. Но логика развития героя как «государственной машины» возобладает: герой останавливается в своем духовном развитии. То, что Толстой сохраняет мотив взятого на воспитание ребенка Анны, остается лишь слабым откликом на аналогичное желание Паллизера «приносить какую-нибудь смиренную пользу». Этот усложненный образ героя свидетельствует о чуткости писателя к изменяющейся русской жизни и о трудности задачи, стоящей перед ним: изобразить государственного деятеля в иной, более сложной и неустойчивой, в сравнении с английской, реальности пореформенной России 1870-х гг.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью утверждать: восхищенный отзыв Толстого о романе «Премьер-министр» был связан с тем, что Тrollope показывает в нем тип героя, схожий с образом Каренина, – государственного деятеля, обладающего умом, способностями и искренней любовью к своему делу, но отличающегося той же «несообщительностью», невниманием к частной, человеческой стороне жизни. Близка и логика развития героев: испытания, выпавшие Каренину и Паллизеру, постепенно преобразуют их. Безусловно, Толстого привлек глубокий и точный психологизм Тrollope, который детально прослеживает «механизм» преобразования нечувствительного героя, исследует диапазон душевных состояний такого же образа человека – «министерской машины» (18, 379). Толстому могли быть интересны и традиции политического романа в творчестве Тrollope: вслед за английским писателем он пытается показать влияние политики на характер и духовную эволюцию человека и точно так же приходит к неутешительным выводам. Близость образов государственного деятеля в двух романах можно считать еще одним свидетельством того пристального внимания Толстого к английской литературе, которое во многом и сформировало концепцию самого «английского» его романа «Анна Каренина».

Примечания

¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л. Н. Толстого [Толстой 1928–1958] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

² Роман Тrollope цитируется по дореволюционной публикации [Тrollope 1877], однако все цитаты сверены с оригинальным текстом [Тrollope 1875–1876].

³ Сюжет, связанный с образом Лопеца, содержит еще одну очевидную переключку с «Анной Карениной»: герой, попав в безвыходные обстоятельства, бросается под колеса поезда. Исследователями уже было отмечено, что «момент самоубийства описан почти совершенно теми же словами, что и в “Анне Карениной”»: герой Троллопа «тоже спускается на рельсы “быстрым, легким шагом”, точно и неторопливо выбирает место перед летящим паровозом» [Гордость и переизбрание 2017]. Интерпретация эта не совсем точна: если Анна перед самоубийством находится в сильном душевном смятении и принимает роковое решение почти спонтанно, то в поведении Лопеца на станции виден холодный расчет и даже обычная изворотливость. Он обманывает сторожа, утверждая, что ждет приятеля, и ходит «взад и вперед с улыбающимся лицом и развязною походкой» [Троллоп 1877].

⁴ В российском литературоведении предпринимались попытки доказать наличие политического или социально-политического романа и на русской почве: так, Б. А. Прокудин, К. В. Алексеев относят к ним произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и ряда писателей-разночинцев. Однако нам представляется более обоснованным традиционный термин «идеологический роман». Ему вполне соответствует и описание социально-политического романа, данное К. В. Алексеевым: «Главными признаками социально-политического произведения являются, во-первых, общественно-политическая цель, которую преследовал автор, создавая его, во-вторых, главная идея, которая должна иметь четкую социально-политическую направленность; в-третьих, какую роль сыграло или могло бы сыграть произведение в политической жизни общества» [Алексеев 2005: 78]. Очевидно, что эти характеристики совершенно не совпадают с определением английского политического романа, в центре которого находится не идеология, а человек.

⁵ Симптоматично, что оба героя теряют высокое положение не вследствие своих служебных ошибок или некомпетентности, а, наоборот, вопреки этим качествам: американский исследователь Дж. Хэлперин указывает, что отставка Паллизера происходит «не потому, что он потерял доверие страны, а потому что его отказ играть в обычные политические игры в конце концов оскорбил его коллег. Они устали от его прямоты. Он обидел их тем, что не мог быть легкомысленным и компанейским» [Halperin 1977: 231].

⁶ Отметим, что леди Розина в романе Троллопа представляет собой своего рода поздний вариант образа Лидии Ивановны: она «была замечательно религиозна, но это постепенно проходило по мере того, как она становилась старше. Стро-

гая суровость религии требует полной энергии средних лет» [Троллоп 1877].

⁷ Дворянский титул Плантагенета Паллизера.

⁸ Дж. Хэлперин, впрочем, убежден, что в финале романа Троллоп выносит приговор не своему герою, который фактически одерживает моральную победу над «изворотливыми и преуспевающими политиками», а всей современной ему политической системе: «Окончательный уход этого человека из политики после его моральной победы... является печальным комментарием к самой системе. Мы радуемся тому, что такие люди существуют, и видим, как сильно романист любит их; и в то же время мы видим, что происходит с ними, когда они попадают в мир других людей, в “реальный” мир политики» [Halperin 1977: 234, 244–245].

Список литературы

Алексеев К. В. Русский социально-политический роман: признаки, типология // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2005. № 1 (11). С. 78–81.

Андреева В. Г. Романы Э. Троллопа и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: генетические и типологические сходства // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 62–89. doi 10.17223/24099554/14/3

Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., 1978. 158 с.

Гордость и переизбрание: о шести романах Энтони Троллопа о парламентаризме // Коммерсант Weekend. 21.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3352588> (дата обращения: 28.04.2023)

Долбилов М. Д. Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. 391 с.

Нуралова С. Э. Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. 87 с.

Проскурнин Б. М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. 285 с.

Проскурнин Б. М. «Парламентские» романы Энтони Троллопа и проблемы эволюции английского политического романа. Пермь, 1992. 111 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л., 1928–1958.

Троллоп Э. Виновата ли она? // Русское слово. 1864. № 5–9, 11. 1865. № 1–8. URL: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml (дата обращения: 27.04.2023)

Троллоп Э. Первый министр. СПб., 1877. URL: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1876_the_prime_minister-oldorfo.shtml?ysclid=lgyunco2sp773781752 (дата обращения: 27.04.2023)

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

Halperin J. *Trollope and Politics: A Study of the Pallisers and Others*. The Macmillan Press Ltd, 1977. 328 p.

Kincaid J. R. *The Novels of Anthony Trollope*. Oxford: Clarendon Press, 1977. URL: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html#1a>, <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/6.html> (дата обращения: 4.05.2023)

Trollope A. *Can You Forgive Her?* London, 1864–1865. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/19500/pg19500-images.html#c24> (дата обращения: 21.04.2024)

Trollope A. *The Prime Minister*. London, 1875–1876. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2158/2158-h/2158-h.htm#c27> (дата обращения: 21.04.2024)

References

Alekseev K. V. Russkiy sotsial'no-politicheskiy roman: priznaki, tipologiya [The Russian socio-political novel: Features, typology]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin], 2005, issue 1 (11), pp. 78-81. (In Russ.)

Andreeva V. G. Romany E. Trollopa i 'Anna Karenina' L. N. Tolstogo: geneticheskie i tipologicheskie skhodstva [Novels by Anthony Trollope and Anna Karenina by Leo Tolstoy: Genetic and typological similarities]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2020, issue 14, pp. 62-89. doi 10.17223/24099554/14/3. (In Russ.)

Babaev E. G. 'Anna Karenina' L. N. Tolstogo [Leo Tolstoy's 'Anna Karenina']. Moscow, 1978. 158 p. (In Russ.)

Gordost' i pereizbranie: o shesti romanakh Entoni Trollopa o parlamentarizme [Pride and re-election: on Anthony Trollope's six novels about parliamentarianism]. *Kommersant Weekend*, 2017, July 21. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3352588> (accessed 28 Apr 2023). (In Russ.)

Dolbilov M. D. *Zhizn' tvorimogo romana. Ot avanteksta k kontekstu 'Anny Kareninoy'* [The Life of a Novel in the Making. From the Avant-Text to the Context of 'Anna Karenina']. Moscow, 2023. 391 p. (In Russ.)

Nuralova S. E. *Lev Tolstoy i viktorskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian Novel]. Yerevan, 2010. 87 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. *Angliyskiy politicheskiy roman XIX veka: Ocherki genezisa i evolyutsii* [The Nineteenth-Century English Political Novel: Sketches of Genesis and Evolution]. Perm, 2000. 285 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. 'Parlamentskie' romany Entoni Trollopa i problemy evolyutsii angliyskogo politicheskogo romana [Anthony Trollope's 'Parliamentary' Novels and the Issues of the Evolution of the English Political Novel]. Perm, 1992. 111 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]: in 90 vols. Moscow, Leningrad, 1928–1958. (In Russ.)

Trollop A. Vinovata li ona? [Can You Forgive Her?]. *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1864, issues 5–9, 11; 1865, issue 1–8. Available at: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml (accessed 27 Apr 2023). (In Russ.)

Trollop A. *Pervyy ministr* [The Prime Minister]. St. Petersburg, 1877. Available at: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1876_the_prime_minister-oldorfo1876_the_prime_minister-oldorfo.shtml?ysclid=lgyunco2sp773781752 (accessed 27 Apr 2023). (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. Lev Tolstoy. Semidesyatye gody [Tolstoi in the Seventies]. In: Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Studies. Articles]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 2009. 952 p. (In Russ.)

Halperin J. *Trollope and Politics: A Study of the Pallisers and Others*. The Macmillan Press Ltd, 1977. 328 p. (In Eng.)

Kincaid J. R. *The Novels of Anthony Trollope*. Oxford, Clarendon Press, 1977. Available at: <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/2.html#1a>, <https://victorianweb.org/authors/trollope/kincaid/6.html> (accessed 4 May 2023). (In Eng.)

Trollope A. *Can You Forgive Her?* London, 1864–1865. Available at: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/19500/pg19500-images.html#c24> (accessed 21 Apr 2024). (In Eng.)

Trollope A. *The Prime Minister*. London, 1875–1876. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/2158/2158-h/2158-h.htm#c27> (accessed 21 Apr 2024). (In Eng.)

The Character of a Statesman in the Novels of Leo Tolstoy and Anthony Trollope (Alexey Karenin and Plantagenet Palliser)

Irina F. Gnyusova

Associate Professor in the Department of General Literary Studies, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University

36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russia. irbor2004@mail.ru

SPIN-code: 1823-8837

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0552-8391>

ResearcherID: A-3053-2016

Submitted 15 Jun 2024

Revised 30 Jul 2024

Accepted 16 Aug 2024

For citation

Gnyusova I. F. *Obraz gosudarstvennogo cheloveka v romanakh L. N. Tolstogo i E. Trollopa (Aleksey Karenin i Plantagenet Palliser)* [The Character of a Statesman in the Novels of Leo Tolstoy and Anthony Trollope (Alexey Karenin and Plantagenet Palliser)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 114–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124. EDN GWCMOG (In Russ.)

Abstract. The paper aims to prove that Leo Tolstoy's enthusiastic review of Anthony Trollope's *The Prime Minister* during the period of work on *Anna Karenina* was due to the fact that Trollope depicts a type of character similar to the character of Karenin – a statesman with intelligence and love for his work, but characterized by inattention to the private, human side of life. The paper shows that the characters follow a similar path of evolution. The trials they have to go through transform them: both Plantagenet Palliser and Karenin acutely feel the drama of their situation and seek support. At different stages, such support is provided by female characters: in both cases, the authors portray an image of an elderly and unbeautiful woman who has strong convictions and gives advice to her companion. However, the spiritual 'awakening' of the characters does not last long: both Palliser and Karenin fail when they adopt values that until recently seemed unacceptable to them. The paper suggests that both Trollope and Tolstoy retain sympathy for their characters: this is indicated by Palliser's desire to 'be of some humble use' and the mention of the child taken in by Karenin. Tolstoy may have been attracted to *The Prime Minister* by Trollope's deep and precise psychological analysis as the English novelist traces in detail the 'mechanism' of the insensitive character's transformation. The Russian writer could also have been interested in the traditions of the political novel as a genre: following Trollope, he tries to show the influence of politics on the character and spiritual evolution of man. The paper concludes that the points of intersection between the two characters of statesmen are another piece of evidence of Tolstoy's close attention to English literature, which, to a large extent, formed the concept of his most 'English' novel *Anna Karenina*.

Key words: Leo Tolstoy; Anthony Trollope; character of a statesman; psychologism; political novel.

УДК 82-1

doi 10.17072/2073-6681-2024-4-125-134

<https://elibrary.ru/hqkjco>

EDN HQKJCO

Рецепция истории о Фаусте в новейшей прозе: «Фальшивый Фауст» Маргера Зариня в русском переводе

Зейферт Елена Ивановна**д. филол. н., профессор кафедры теоретической и исторической поэтики**

Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, ул. Миусская площадь, д. 6. elena_seifert@list.ru**ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения
и культурной дипломатии**

Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

SPIN-код: 1330-5190

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>*Статья поступила в редакцию 12.04.2023**Одобрена после рецензирования 16.07.2024**Принята к публикации 02.09.2024***Информация для цитирования**

Зейферт Е. И. Рецепция истории о Фаусте в новейшей прозе: «Фальшивый Фауст» Маргера Зариня в русском переводе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 125–134. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-125-134. EDN HQKJCO

Аннотация. Целью настоящей статьи является осмысление контактных связей с Гёте (в том числе через других авторов истории о Фаусте) в романе латышского прозаика Маргера Оттовича Зариня (1910–1993) «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга – П.П.П.» (1984). Предметом исследования становится переводной текст как объект трансграничья (роман был переведен на русский язык Валдой Волковской). Писатель играет кодами различных версий Фауста – от книги, изданной Шписом, через посредство Кристофера Марлоу (Заринем постоянно упоминается и цитируется его «Трагическая история доктора Фауста») и Гёте («Фауст» тоже прямо упоминается и цитируется) до Томаса Манна и Булгакова, и переводчица чутко отражает это. В изображении пакта человека и дьявола Заринь демонстрирует интегральную форму контактов с Марлоу, Гёте, Томасом Манном и Булгаковым, в создании центрального персонажа – музыканта – с Томасом Манном, в отображении через шествие дьявола со свитой по столице политической и литературной жизни – с Булгаковым. Дифференциальная форма контактов проявляется через отрицание спасения Богом Фауста (Мастера, музыканта и др.) и дарования ему покоя. Фауст латышского автора – исчадие ада, оборотень, палач, комендант нацистского концлагеря. Дифференциальная форма контактов проявляется и через намеренную перетасовку мотивов прототипов. «Фальшивый Фауст» М. Зариня и переводчицы В. Волковской – сложный комплекс интертекстуальной и переводческой вторичной авторской внеаходимости. Писатель уходит от влияния целого ряда произведений, переводчица наследует интертекстуальную вторичную авторскую трансгредиентность и даже цепочку интертекстуальной вторичной авторской внеположности (Марлоу, Гёте, Булгаков, Томас Манн и др.).

Ключевые слова: рецепция; интертекст; контактные связи; Фауст; Иоганн Вольфганг Гёте; Томас Манн; Маргер Заринь; Валда Волковская

В 2024 г. исполняется 275 лет со дня рождения Гёте и 250 лет со дня выхода в свет его культового романа «Страдания юного Вертера». Иоганн Вольфганг Гёте – столь внушительная фигура даже среди гениев человечества, что мировая гётеана разрослась до гигантского количества источников. Хотя вершину гётеаны составляют труды крупных ученых Германии (W. Boehm, F. Koch, K.-O. Conrady, H. Korf, R. Friedenthal etc.) и России (В. Жирмунский, А. Аникст, Н. Вильмонт, С. Тураев, К. Свасьян и др.), на полную разгадку творческих тайн великого немецкого классика человечеству, безусловно, надеяться не приходится.

Создатель бессмертных шедевров лирики (среди которых миниатюра “Wanderers Nachtlied II” («Ночная песнь странника II»), коллекция стихотворных жемчужин “West-östlicher Divan” («Западно-восточный диван»)), эпоса (“Die Leiden des jungen Werthers” («Страдания юного Вертера»), “Wilhelm Meisters Lehrjahre” («Годы учения Вильгельма Мейстера») и др.) и драмы (“Egmont” («Эгмонт»), “Iphigenie auf Tauris” («Ифигения в Тавриде») и др.), Гёте в первую очередь предстает автором «Фауста», произведения столь монументального, сильного и глубокого, что оно заняло достойное место рядом с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, «Божественной комедией» Данте, «Гамлетом» Шекспира. Гёте периода «Бури и натиска» заболел «мировым духом» Шекспира, и его страсть к мировому размаху не остыла, а в полной мере воплотилась в «Фаусте». С великим английским классиком Гёте роднит и «шекспировское разнообразие», масштабность проблем, сочетание реальности и фантазмагии, трагического и комического, следование принципу «весь мир – театр». Немецкий поэт был человеком необычайно сильного темперамента и в то же время постоянного самоограничения (по Конради, сообразования натуры «бурного гения» с конкретикой жизни в желании противостоять разрушительным силам губящего изнутри естества), субъективной личностью, необычайно открытой внешнему, объективному миру.

Резонанс И. В. Гёте велик и в наше время, имя немецкого классика остается одним из наиболее влиятельных мировых литературных имен. Новейшая проза содержит целый комплекс отсылок к Гёте на разных уровнях художественного текста. Д. Дюришин выделял интегральную и дифференциальную формы контактов. В первом случае взаимодействие продиктовано созвучием их творческих замыслов, во втором – полемичностью [Дюришин 1979: 149]. По Н. Конраду, литературные связи – явление, сопутствующее возникновению однородных литератур при

наличии похожих исторических условий, а не определяющее его [Конрад 1972: 315–329]. Литературные контакты разделяются на синхронные с одностадийным литературным материалом и диахронные с наследием предшествующих литературных эпох. «Гёте и мировая литература¹» – широчайший диахронный комплекс контактов, впитавший в себя различные отсылки к Гёте Л. Толстого, Ф. Достоевского, Т. Манна, М. Булгакова и др., а также переключку Гёте с Вергилием, Данте, Шекспиром через семанализ (Ю. Кристева). Наследуя Гёте, писатели обращаются и к более поздним писателям (также его наследникам), что усложняет временной характер контакта.

По утверждению П. Беркова, «преломление явлений чужих литератур в творческом сознании писателей, композиторов, художников, в искусстве кино, декламации и т. п.» является одним из видов литературных контактов наряду с «усвоением сюжетов, образов, приёмов, жанров, стихосложения и т. п.», «переводами-переработками и точными переводами», «подражаниями иноязычным литературным произведениям, полемике с ними в художественной форме, пародиями на них» и др. [Берков 1981: 38]. А. Веселовский считал, что «заимствование предполагает в воспринимателе не пустое место, а встречное течение, сходное направление мышления, аналогичные образы фантазии» [Жирмунский 1939: 16]. Отдаленное от нас по времени иноязычное явление Гёте привлекает современных прозаиков актуальностью своего сообщения – универсальностью взглядов, стремлением постичь истину, утверждением вечных человеческих ценностей. Русская и немецкая культура близки друг другу благодаря ряду посредников между ними. Компаративист А. Дима выделяет ряд индивидуальных (писатели, общественные деятели, путешественники и др.) и коллективных (страны, города, учреждения, библиотеки и др.) посредников [Дима 1977: 121–137]. Гёте остается одним из наиболее крупных индивидуальных посредников между немецкой и русской литературами.

На каком языке читают немецкого классика писатели, находящиеся с ним в интертекстуальном диалоге? Есть ли отличие между тем, в каком языковом облике проникает в культуру зарубежное явление? При восприятии Гёте на немецком языке в воспринимающем писателе словно пробуждается дух переводчика и сильнее, чем при чтении в русском переводе, желание (и право) творческого вмешательства в оригинал. Можно ли говорить о национальной адаптации Гёте новейшими русскими и русскоязычными прозаиками? Если действие романов переносится из Германии в страны другой культуры, из ори-

гинала устраняются чуждые и непривычные для русского читателя элементы, то, по Н. Конраду, это национальная адаптация.

Как работает переводной текст, в котором наблюдаются отсылки к другому автору? Опираясь на труды предшественников [Тлостанова 2008; Berry, Epstein 1999], известный теоретик В. Аминева в своей статье «Перевод как форма репрезентации культурного пограничья» исследует особенности репрезентации гибридной идентичности, которая осуществляется как «в пределах», «внутри» гомогенной культуры, так и «на границах», в «промежутке» между различными традициями [Аминева 2022]. Переводчик автора, находящегося в диалоге с Гёте, вступает в диалог и с немецким классиком.

Проза 1980–2020-х гг., как и творчество предыдущих периодов литературы, пропитана гётевскими кодами. Наблюдается обращение к гётевским цитатам, реминисценциям, аллюзиям, биографическим фактам, сюжетам, персонажам, названиям, символам. В первую очередь обнаруживаются переключки со знаменитой трагедией немецкого гения. Роман «Фальшивый Фауст» латышского прозаика и музыканта Маргера Зариня появился на свет в 1984 г. в переводе на русский язык Валды Волковской. Это сильное, первого ряда произведение, связанное с «Фаустом» Гёте через посредничество К. Марлоу, Т. Манна, М. Булгакова и других писателей. Аллюзии на Гёте таятся в интертекстуальных ходах романа Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры» (1994). Роман Марка Берколайко «Доктор Фауст и его агентура» (2022) усиливает ученую ипостась Фауста и на любовном плане изображает парафраз любви пожилого Гёте к Ульрике фон Левеццов. Интересная находка – рукописный роман «[кортасар]», написанный коллективом авторов во главе с Дмитрием Бавильским при участии Дмитрия Дейча, Джен, Элины Войцеховской, Андрея Ко, Андрея Лебедева, Андрея Матвеева, Александра Волинского. Проект романа был инициирован в livejournal.com (ЖЖ) 30 июня 2003 г. Произведение, существующее в постах и собранной по ним рукописи (личный архив Дмитрия Бавильского), написано в стиле Кортасара по фабуле Фауста. Бавильский, сам в итоге написавший две трети текста, раздал пароль всем желающим участвовать в проекте, и вышеуказанные авторы в рамках общего сюжета создавали посты. Текст имеет «Театральное вступление». В произведении фигурируют Фауст, Мефистотель, пёс, Маргарита (Марго и Рита), директор театра и другие персонажи известной фабулы. Изображая типичную историю (провинциал осваивается в столице), авторы

ссылаются на Гёте, который считал, что путь Фауста проходит всё человечество.

Также активны прямые и неявные отсылки к другим произведениям Гёте. К примеру, произведение Игоря Вишневецкого «Неизбирательное сродство. Роман из 1835 года» (2018) прямо отсылает к третьему роману Гёте – “Die Wahlverwandtschaften” («Избирательное родство»), 1809.

Воистину культовое влияние Гёте на русскую литературу описано В. Жирмунским в его труде «Гёте в русской литературе» [Жирмунский 1937], и это воздействие можно распространить на литературу мировую. Рецепции немецкого гения в мировой литературе посвящен большой ряд работ. Только обзор этой литературы от первых попыток осмыслить эту сразу ставшую необъятной проблему через знаменитую монографию В. Жирмунского до новейших работ составит, пожалуй, отдельную книгу. К примеру, в исследовании Г. Ишимбаевой анализируется влияние образа Гёте на литературу постмодернистской эпохи [Ишимбаева 2019]. Н. Васин изучает рецепцию «Фауста» в русской литературе первой трети XIX века [Васин 2012], И. Попова и Д. Кольцов – в драме Л. Андреева [Попова, Кольцов 2010]. Рецептивной судьбе «Страданий юного Вертера», в том числе русскому художественному следу этого романа Гёте, посвящена книга М. Бенга [Бент 2016]. Особое внимание учёных обращено на немецкую литературу, облечённую Гёте [Меньшикова 2010; Данилина 2003]. Такому интересу писателей к Гёте мы обязаны как его гению, так и духовному «присвоению» немецкого классика другими авторами. Продолжим ряд вдохновлённых Гёте русских писателей и философов – В. Жуковский, А. Пушкин, И. Тургенев, В. Соловьёв, Н. Бердяев, А. Белый и др. Нужно иметь веские причины браться за исследование рецепции Гёте.

Целью настоящей статьи является осмысление контактных связей с Гёте (в том числе через других авторов истории о Фаусте) в романе латышского прозаика Маргера Отговича Зариня (1910–1993) «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга – П.П.П.» (1984). Предметом исследования становится переводной текст как объект трансграничья (перевод романа осуществлён Валдой Волковской, создавшей русский инвариант романа). Писатель играет кодами различных версий Фауста – от книги, изданной Шписом, через посредство Кристофера Марлоу (Заринем постоянно упоминается и цитируется его «Трагическая история доктора Фауста») и Гёте («Фауст» тоже прямо упоминается и цитируется) до Томаса Манна и Булгакова, и переводчица чутко отражает это.

В 1587 г. устные предания о Фаусте были обработаны неизвестным автором, собраны в книгу «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чарошее и чернокнижнике» и опубликованы издателем Й. Шписом (Франкфурт). Чудеса, совершаемые доктором, объяснялись в этой «народной книге» помощью дьявола и, конечно, осуждались автором (по одной из версий, автором был сам Шпис, ревностный лютеранин), не дарующим Фаусту спасения. Так утвердилась связь Фауста с дьяволом (Мефистофель – одно из имен Сатаны, восходящее к словам «мефиз» («разрушитель») и «тофель» («лжец»)), что ничуть не уменьшило популярности мага в глазах народа. В 1590 г. предшественник Шекспира Кристофер Марлоу создал трагедию “The Tragical History of Doctor Faustus” («Трагическая история доктора Фауста») (1588–1589?) на основе книги о Фаусте, изданной Шписом. Бродячие актерские труппы в Европе, в том числе в Германии, подхватили сюжет Марлоу, впоследствии ставший гвоздем репертуара кукольных театров. Юный Гёте не был знаком с текстом трагедии К. Марлоу, но знал ее интерпретацию в виде кукольной комедии, которая, как писал немецкий поэт в автобиографии «Поэзия и правда», «на все лады звучала и звенела» в нем.

Герой Маргера Зариня Кристофер Марлов (Мефистотель) – музыкант и композитор, как и манновский Фауст – Адриан Леверкюн («Доктор Фаустус»). В текст латышского автора нередко включены размышления о застольной музыке, и даже «Лунная соната» Бетховена исполняется и рефлексировается за столом. Но Кристофер способен сочинять и исполнять гениальную музыку (у него нечеловеческий дар), чему примером становится его соната в трех частях «Сарказмы». Заринь словно собирает своих персонажей из различных мотивов их прототипов и других героев, связанных с историей Фауста. У зариневской Маргариты – один глаз зеленый, другой карий, как у булгаковского Воланда (у него один зеленый, другой черный). Она опальная поэтесса, оппонентка власти («Я принадлежу к левым. Я очень-очень-очень левая!» [Заринь 1984: 162]), как Иван Бездомный. Тем не менее Маргарита открыто радуется полученной благодаря Янису Вридрикусу Трампедаху (Фаусту) роскоши, наслаждается розовым будуаром. Она злорадно думает о мести своим обидчикам. Ее прекрасный образ намеренно снижен: Маргарита «тайком таскает из кладовки селедку и жрёт её, запершись в будуаре» [там же: 177]. Ласке с Янисом Вридрикусом отдается вскоре после его ухода, но не из любви к нему, а из благодарности за материальные блага. Фауст у Зариня сначала спасает бросившуюся в реку с моста Маргариту,

но в финале, как и гётевский персонаж, губит ее: в «Фальшивом Фаусте» Маргарита бросает Фауста, и он из ревности убивает ее ножом. У Кристофера Марлова – большой шрам на лице, как у Марка Крысобоя; писатель Кристофер Марлоу был убит ударом ножа возле глаза, возможно, и поэтому его двойник носит на лице такой шрам. Персонаж Зариня слегка припадает на левую ногу (Воланд страдает болью в колене), потому что левый каблук у него подбит подковой, как у лошади (вероятно, герой имеет копыта). Трампедах замечает у него «чуть повыше ушей небольшие отростки». Кристофер часто признается, что и есть Сатана («играть роль Мефисто», портить общается с ним, «не чуя, что перед ним Сатана»). Марлов то Сатана, то свита Сатаны (он якобы лакей магистра). Дьявол и свита перемещаются по столице (Риге). Есть у Зариня и прекрасная Елена: Кристофер играет за тафельклавиром «Прекрасную Елену», столовая музыка становится в этом случае музыкой для души.

«Кто тут искуситель, кто искушаемый – не разобрать» [там же: 10], – признается Марлов. «А вышло наоборот. Посланец Люцифера, тяжело униженный, страдал по Маргарите, в то время как доктор Фауст, обретя демоническую власть, безнаказанно глумился над ним и потешался» [там же: 249]. Кристофер называет Трампедаху и созданным им самим Гомункулом. Янис Вридрикус – немец, хотя и скрывает это и признается только Маргарите (она тоже немка), и зовут его Иоганн, как в преданиях именуют Фауста (это первое личное имя Гёте, от которого немецкий классик, вероятно, намеренно ушел в «Фаусте», назвав героя Георгом).

Янис Вридрикус Трампедах в своем доме с похожими между собой загроможденностью локусами кухни и лаборатории «беспрепятственно предаётся наукам, гастрономии и словесности» [там же: 10] (Глава 1. Часть 1. Дом магистра Яниса Вридрикуса). На книжных полках стоят «дорогие, бесценные тома на греческом, латинском, русском, французском, немецком и английском языках» [там же]. Яниса Вридрикуса, алхимика (и Марлов – алхимик, он владеет рецептом молодости), Заринь именует магистром, то есть Мастером. Его горничная англичанка Керолайна «с приколотой на затылке кукишкой, чёрными усёнками под носом и голосом драгунского прапорщика» «похожа на ведьму» [там же]. Магистр видит в Марлове «что-то демоническое», Кристофер в транс шепчет рецепт и угадывает сон магистра. Свой договор (Трампедах передает Марлову в пользование свою поваренную книгу взамен на молодость и любовь прекрасной женщины) музыкант и магистр скрепляют кровью.

Изображаемые мотивы уходят корнями и в другие произведения авторов, облучённых Фаустом. Благодаря косметическим и алхимическим манипуляциям Марлова Трампедах волшебю молодеет не только как Маргарита у Булгакова, но и пародийно как пожилой юноша на палубе и сам Густав фон Ашенбах в «Смерти в Венеции», и становится в глазах Маргариты «рыжим идеалистом» (вспомним трех рыжих персонажей – вестников смерти в этой новелле). Образ Трампедах и процесс его омоложения снижены. Чего стоит забавное описание омоложения магистра с его «носом, который смахивает на перезрелую сливу» с помощью кузнечиков и огурцов! К концу романа «нос – слива «Виктория», такой же синий, как до примочек» [Заринь 1984: 300]. У Маргариты обнаруживается туберкулез, и Янис Вридрикус отправляет ее в горный санаторий. Марлов, заболевший чахоткой, тоже находится в «санатории, окружённом лесами, стоявшем на тихом и уединённом крутце Гауи, всего в сорока километрах от Риги» («Волшебная гора»). Свойственная Т. Манну оппозиция «Танатос/Эрос» присуща и Зариню. Маргарита, по словам Марлова, похожа на Чёрную Мэри. Имеется в виду современница Марлоу и Шекспира поэтесса Мэри Херберт (Сидни)². В Маргариту влюблены как Трампедах (невзаимно, но она ради материальных благ заставляет его зарегистрировать с ней брак), так и Кристофер (взаимно). В романе есть легкие эротические сцены их счастливой любви. Героиню любят и Фауст, в итоге убивающий ее, и дьявол (герои постоянно меняются ролями). Главку XIII, описывающую тоску Кристофера по Маргарите, Заринь называет «Страдания молодого Вертера». Изображение предчувствия нацизма в третьей главе роднит «Фальшивого Фауста» с новеллой Т. Манна «Марио и волшебник». Немка Маргарита не хочет ехать с мужем в «великую Германию», ужасаясь тому, какими стали немцы, называя их «человеконенавистниками и предателями».

Полное название произведения Маргера Зариня «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга» говорит об обновлении истории о Фаусте, хотя здесь и фальшивого. «Фальшивым Фаустом» в книге названа «кулинарная фантазия Эразма Роттердамского», нарратор (рассказчик от лица Кристофера) сообщает, что название «Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга» придумал для своей книги, текста, рождающегося в тексте. Обман (заведомое желание Кристофера выдать чужую книгу за свою) царит в романе уже с первой страницы. Герой берется за дело («В начале было дело»), зарясь на чужую книгу. Но он напарывается на большего обманщика. Янис Вридрикус

Трампедах сам украл эту книгу, написанную сто лет назад.

Как Булгакову, Зариню свойственно прямое обращение к читателю, приглашение к активному диалогу, сгущающееся к финалу: «Ваш одобрительный кивок и улыбка заставляют меня заранее благодарить вас за всё, в чём вы со мной согласны» [там же: 309]. Латышский автор постоянно меняет форму повествования: события в романе излагаются то всезнающим повествователем (и тогда Кристофер – персонаж от третьего лица), то рассказчиком Кристофером от лица «я». В речи повествователя встречается причудливое сочетание глагольных времен: преобладает прошедшее время, но периодически автор словно наводит лупу на изображаемое событие и останавливает его, «включая» настоящее время, словно повелевая «Остановись, мгновенье!».

В то же время переключение времен служит «иностранным» языку. При всей интертекстуальности роман Зариня отнюдь не вторичен. Художественная задача писателя – изобразить жизнь Латвии перед второй мировой войной и во время нее, и эта задача полнокровно и оригинально решена. Через фаустианскую историю Заринь показывает политическую и литературную пестроту и карнавальность Латвии 1930-х. У ее армии два танка, один из которых развалился на параде и был утащен с места демонстрации лошадками. Литературная жизнь Риги показана через калейдоскоп пародийных имен и названий периодики. Пресса, критика, писатели беспринципны: то поют осанну якобы утонувшей поэтессе Маргарите Шелле (даже те издания, которые раньше поносили ее), то после ее «воскресения» намереваются воздвигнуть памятник не ей, а ее «жертве» – невинно пострадавшему директору департамента. Владелец издательства «Жёлтая Роза» Янис Штерн сдирает со стен ее комнаты обои в виде рукописей стихов, «воскресшая» Маргарита грозит подать на него в суд, но меркантильно удовлетворяется немалым вознаграждением. Янис Вридрикус начинает в Риге успешную карьеру политика и продолжает занятия сочинительством и алхимией. Сквозь текст проходит парафраз фавулы Христа и Иуды, в которой герои постоянно меняются местами: пятилатовый сребреник получает то Кристофер, то Трампедах, то Маргарита. В одном из эпизодов романа, говоря о военных предателях, Кристофер прямо заявляет: «Я не Иуда Искариот».

Двойничество – важнейший прием Зариня. Как известно, в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» в каждом из трех пространств (мире Иешуа, мире Москвы периода НЭП и мире Воланда) у героев есть двойники [Соколов 2016].

Кристофер Марлов признается Маргарите, что он и есть Кристофер Марлоу, живший в XVI в. рядом с Шекспиром, с которым тесно общался, и Галилеем. Курсивом в романе дается старина, в которой персонажами выступают Кристофер Марлоу, Шекспир, их современница Мэри Херберт, ее муж граф Уильям Херберт (его имя в любовном треугольнике словно намеренно вызывает путаницу с Шекспиром), Гёте, Байрон и др. Подобный курсив уводит роман в еще большую глубину. Мотивы двойничества усилены конспирацией персонажей: у Яниса Вридрикуса Трампедаха «временный псевдоним» Альгимант Альбрерод, Кристофер Марлов обретает имя пропавшего без вести Кристапа Бессера, партизан Василий оказывается Владимиром. Оборотничество постигает других людей во время войны: часть приятелей Кристофера становятся предателями и изуверами (а другие их жертвами).

В изображении пакта человека и дьявола Заринь демонстрирует интегральную форму контактов с Марлоу, Гёте, Томасом Манном и Булгаковым, в создании центрального персонажа – музыканта – с Томасом Манном, в отображении через шествие дьявола со свитой по столице политической и литературной жизни – с Булгаковым. Дифференциальная форма контактов проявляется через отрицание спасения Богом Фауста (Мастера, музыканта и др.) и дарования ему покая. Фауст латышского автора – исчадие ада, оборотень, палач. Заринь трактует интертекстуальность широко, показывая как отсылки к Гёте последователей, так и отражение его мотивов в произведениях предшественников (упомянутых в романе Вергилия и Шекспира). Дифференциальная форма контактов проявляется и через намеренную перетасовку мотивов прототипов. Метаморфозы (кто в романе Фауст, кто дьявол, кто Христос, кто Иуда?) приводят к множеству альтернативных финалов. Так, Маргарита умирает, заслоня собой Кристофера, но убивает Маргариту и ранит Кристофера то ли дептфордский аббат (эта линия ведет к смерти Кристофера Марлоу, убитого в Дептфорде), то ли ревнивец Янис Вридрикус.

Если Фауст (Трампедах) здесь убийца, то Мефистофель (Кристофер), избегающий мобилизации, ужасающийся предателям, какой же дьявол, если «никогда никого не убивал» [Заринь 1984: 280]? Фабула о Фаусте, чуть было не побледневшая на фоне войны, предстает чудовищной метаморфозой. XIV главка называется “Arbeit macht frei” и повествует о жизни Кристофера в немецкой оккупации под вымышленным именем пропавшего сына своей крестной в местечке рядом с бывшим домом Яниса Вридрикуса. Марлова останавливают нацисты, один из которых

оказывается в прошлом музыкантом. Эзэсовец «предал Баха, Моцарта, Шуберта, Шумана, Брамса, Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте» [там же: 296] (в этом списке, обратим дополнительное внимание, Лессинг и Гёте с их историями о Фаусте). После репатриации в «великую Германию» Фауст Зариня, изобретатель смертельного зелья, становится уполномоченным фюрера Уриана Аурехана и стремится вывести омолодивший его эликсир у его изобретателя Кристофера «для омоложения престарелых сверхчеловеков арийской расы». Фауст – комендант концлагеря, он пытается Мефистофеля, ставшего связным советских партизан (кто из них Фауст, кто Мефистофель – давно непонятно), и планирует убить его изобретенным им ядом, но советские войска освобождают пленников, и Трампедах убивает себя.

«Убедить и околпачить едока – вот искусство так искусство» [там же: 215]. Человек ест не только пищу, но и всё, что предлагает ему общество. Выше было отмечено, что Кристофер (как Мефистофель) соблазняет Яниса Вридрикуса (как Фауста) вечной молодостью и любовью прекрасной женщины, беря взамен книгу Трампедаха. Но, как выясняется в эпилоге, Трампедах сам плагиатор. Фальшивы не только Фауст и Мефистофель, а вся социально-политическая обстановка в Латвии 1930-х гг. Изображение Латвии в преддверии Второй мировой войны и затем под гнетом нацизма в фаустианской истории делает «Фальшивого Фауста» национальной (латышской) адаптацией известного сюжета.

Русский перевод Влады Волковской создает гибридную русско-латышскую адаптацию этой фабулы. Валда Адольфовна Волковская, как и Маргер Заринь, полигранист [Зейферт 2014], уверенно владеющая двумя видами искусства, талантливая актриса и переводчица. Родилась в Риге в семье художников. В 1955 г. окончила ГИТИС. Была актрисой в Рижском театре, Московском театре кукол. Член Союза переводчиков СССР. Чтобы перевести «Фальшивого Фауста», Волковской нужно было подняться на высочайший уровень обогащенного классиками и одновременно уникального стиля Маргера Зариня, и ей это блестяще удалось.

Заринь намеренно воспроизводит слог Томаса Манна – ювелирно точный, плотный, насыщенный деталями и подробностями, цветом, звуком, контуром, запахом, вкусом. Таков «язык пращуров с его калёным хлестким словом» [Заринь 1984: 43], они запоминали тяжеловатый народный слог. В этом стиле вуалируется комичность: за алхимией в романе стоит в основном обжорство и распитие спиртных напитков, поданное точно взвешенными манновскими фразами. Столовую Яниса Вридрикуса украшают портреты изобретателей вод-

ки, коньяка, настоящего пива с хмелем, Бахуса и Анакреонта и картины, в том числе местных «шародеев», с изображением распития и похмелья. Первым зельем, за изготовлением которого мы застаем Трампедаха, оказывается джин, которым доктор в свое время вылечил неисправимого пьяницу-священнослужителя с *delirium tremens*. Клавиатура тафельклавира залита вином.

Латинский и немецкий как языки науки Заринь постоянно вкрапляет без перевода в свой текст, усиливая тему алхимии и фармацевтики, его Фауст – практикующий доктор. Переводчица, как и в оригинале у Зариня, сохраняет без перевода латинские и немецкие вкрапления в романе. Но порой она вынуждена пояснить непонятное немецкое слово: «хенкеры⁴ – вешатели» (о нацистах). Русский язык ею «онемечен»: к примеру, немцы обращаются к Кристоферу «керл»⁵ и др. Русский язык как язык культуры перевода, блестяще сделанного с латышского Валдой Волковской, намеренно «состарен», в него легко и непринужденно введены устаревшие слова (вервие, вяя), редкие, странные синонимы (голуби – воркуны, шампиньоны – печерицы, десерт – верхосытка, клюква – журавика, прием пищи – еденье, радужка – радуга), иностранные и специальные слова. Русский язык, с одной стороны, уводит в другую эпоху, с другой – служит здесь нуждам латышского языка, изображая социально-политическую и бытовую жизнь Латвии в 1930-е гг. Недаром В. Турбин называет эту книгу «о политике, духовности и оккультизме» «актом просветительским» [Турбин 1984: 387]. Смещение языков у Зариня порой намеренно комично, как в примерах из сравнительного языкознания на полках у магистра: прозит, ваше здоровье, прими на грудь, толкни в пасть и др. Даже говоря о художественном произведении, писатель использует в речи персонажа алкогольную метафору: «...потрясающее переродившее в недрах могучего интеллекта творение» [Заринь 1984: 26].

Эволюция образа Кристофера Марлова (Мефистофеля) от плагиатора чужого произведения до антифашиста показательна: человек в своем стремлении уничтожить другого человека (палачами в романе выступают и Фауст, и друзья-ровесники Марлова) становится хуже дьявола. Маргер Заринь, преломляя историю Фауста в своем романе, усваивает сюжет (пакт чёрта и человека), персонажей (Фауст, Мефистотель, Маргарита), жанровые модусы (трагизм, комизм) и, заявляя об опасности фаустовских душевных метаний, создает художественную полемику с Гёте и его предшественниками и последователями.

«Фальшивый Фауст» М. Зариня и переводчицы В. Волковской – сложный комплекс интертекстуальной и переводческой вторичной авторской вненаходимости. Писатель уходит от влияния целого ряда произведений. Переводчица наследует интертекстуальную вторичную авторскую трансгредиентность и даже цепочку интертекстуальной вторичной авторской внеположности (Марлоу, Гёте, Булгаков, Томас Манн и др.). И Заринь, и Волковская как первостепенные авторы уходят из чужого художественного мира, чтобы обогатить его. Дистанция, которой они держатся, – дополнительный индикатор подлинности создаваемого ими текста. Множественность источников рождает здесь эффект облучения рефлексами³, при котором литературное явление (в этом процессе растёт резко индивидуальное явление) обогащается в поле перекрестья рефлексивных, идущих от предшествующих и – меньшей частью – синхронных ему литературных явлений. Взаимодействие рефлексивных усиливает оригинальную ткань рождающегося произведения – его собственная природа здесь ценна и первична. Облучённое произведение не заимствует признаки других литературных явлений, а подпитывает свои, исконные, их рефлексами.

Автор «Фальшивого Фауста» Маргер Заринь, как Гёте, прожил 82 года (жизнь Томаса Манна длилась 80 лет). Это не случайные совпадения. Томас Манн «гётеизировал» свою жизнь, наслаждаясь наследием кумира, трансформируя гётевские и гётианские факты в творчестве. Заринь, знаковая фигура в литературе и музыке Латвии, явственно подражает обоим классикам, что отражается на цельности и здоровой продолжительности его жизни.

Примечания

¹ Автором термина «мировая литература» (*die Weltliteratur*), как известно, является сам Гёте.

² Образ Чёрной Мэри вызывает в памяти и жестоко изуродованную жертву Джека-потрошителя.

³ Облучение рефлексами – термин автора настоящей статьи. См.: [Зейферт 2024: 32-51]

⁴ *Henken* (нем.) – повесить.

⁵ *Der Kerl* (нем.) – парень.

Список литературы

Аминева В. Р. Перевод как форма репрезентации культурного пограничья // *Филологические науки*. 2022. № 6. С. 84–92. doi 10.20339/PhS.6s-22.084

Бент М. «Вертер, мученик мятежный...». М., 2016. 440 с.

Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981. 496 с.

Васин Н. С. Рецепция трагедии Гёте «Фауст» в русской литературе первой трети XIX века // Филология и человек. 2012. № 2. С. 171–178.

Данилина Г. И. И. Бахман и Гёте: композиция как цитата // Гетевские чтения – 2003 / под ред. С. В. Тураева. М., 2003. С. 221–237.

Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. 300 с.

Дюрришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. 318 с.

Жирмунский В. М. А.Н. Веселовский (1838–1906). Вступительная статья // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 5–32.

Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Гослитиздат, 1937. 674 с.

Заринь М. Фальшивый Фауст, или Переправленная, пополненная поваренная книга – П.П.П. М.: Известия, 1984. 400 с.

Зейферт Е. И. Интертекстуальная и переводческая вторичная венаходимость автора // Вестник Московского университета. Теория перевода. Серия 22. 2024. Т. 17, № 1. С. 32–51. doi 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-32-51.

Зейферт Е. И. Манифест полигранизма // Поэтоград. 2014. № 22(123). С. 34–39.

Ишимбаева Г. Г. Рецепция образа Гёте в литературе постмодернистской эпохи // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2. С. 118–128. doi 10.15643/libartrus-2019.2.3

Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. 520 с.

Меньщикова М. К. Рецепция творчества И. В. Гёте художественно-эстетической системе Ф. Геббеля // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5 (1). С. 351–354.

Попова И. М., Кольцов Д. А. Рецепция «Фауста» Гёте в драматургии Л. Н. Андреева // Вестник ТГТУ. 2010. Т. 16, № 2. С. 474–478.

Соколов Б. В. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». М., 2016. 608 с.

Глостанова М. В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с.

Турбин В. Время, которое в пути // Заринь М. Фальшивый Фауст, или Пополненная, поправленная поваренная книга. М.: Известия, 1984. С. 386–395.

Berry E., Epstein M. Transcultural experiments: Russian and American models of creative communication. New York: St. Martin's Press, 1999. 340 p.

References

Amineva V. R. Perevod kak forma reprezentatsii kul'turnogo pogranič'ya [Translation as a form of representation of the cultural borderland]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2022, issue 6, pp. 84–92. doi 10.20339/PhS.6s-22.084. (In Russ.)

Bent M. 'Verter, muchenik myatezhnyy...' ['Werther, a rebellious martyr...']. Moscow, 2016. 440 p. (In Russ.)

Berkov P. N. *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [Problems of the Historical Development of Literature]. Leningrad, 1981. 496 p. (In Russ.)

Vasin N. S. Retsepsiya tragedii Gete 'Faust' v russkoy literature pervoy treti XIX veka [The influence of J.W. von Goethe's Faust on the 19th century Russian literature]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2012, issue 2, pp. 171–178. (In Russ.)

Danilina G. I. I. Bakhman i Gete: kompozitsiya kak tsitata [Bachmann and Goethe: Composition as a quotation]. *Getevskie chteniya – 2003* [Goethe Readings – 2003]. Ed. by S. V. Turaev. Moscow, 2003, pp. 221–237. (In Russ.)

Dima A. *Printsipy sravnitel'nogo literaturevedeniya* [Principles of Comparative Literature Studies]. Moscow, 1977. 300 p. (In Russ.)

Dyurishin D. *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [The Theory of Comparative Literature Studies]. Moscow, 1979. 318 p. (In Russ.)

Zhirmunskiy V. M. A. N. Veselovskiy (1838–1906). Vstupitel'naya stat'ya [A. N. Veselovsky (1838–1906). Introductory article]. In: Veselovskiy A. N. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Leningrad, 1939, pp. 5–32. (In Russ.)

Zhirmunskiy V. M. *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1937. 674 p. (In Russ.)

Zariņš M. *Fal'shivyy Faust, ili Perepravlennaya, popolnennaya povarennaya kniga – P.P.P.* [Mock Faustus, or The Corrected Complemented Cooking-Book CCC]. Moscow, Izvestiya Publ., 1984. 400 p. (In Russ.)

Seifert E. I. Vtorichnaya intertekstual'naya i perevodcheskaya avtorskaya vnenakhodimost' avtora [The author's intertextual and translation secondary outsideness]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], 2024, vol. 17, issue 1, pp. 32–51. doi 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-32-51 (In Russ.)

Seifert E. I. Manifest poligranizma [Manifesto of polygranism]. *Poetograd*, 2014, issue 123, pp. 34–39. (In Russ.)

Ishimbaeva G. G. Retsepsiya obraza Gete v literature postmodernistskoy epokhi [Reception of Goethe's image in the literature of the postmodern era]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2019, issue 2, pp. 118–128. doi 10.15643/libartrus-2019.2.3. (In Russ.)

Konrad N. I. *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow, 1972. 520 p. (In Russ.)

Men'shchikova M. K. Retsepsiya tvorchestva I. V. Gete khudozhestvenno-esteticheskoy sisteme

F. Gebbelya [Reception of Goethe's art in artistic and aesthetic system of F. Hebbel]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2010, issue 5 (1), pp. 351-354. (In Russ.)

Popova I. M., Kol'tsov D. A. Retsepsiya 'Fausta' Gete v dramaturgii L. N. Andreeva [Reception of Goethe in L. N. Andreev's dramaturgy]. *Vestnik TGTU* [Transactions of the TSTU], 2010, vol. 16, issue 2, pp. 474-478. (In Russ.)

Sokolov B. V. *Rasshifrovannyi Bulgakov. Tayny 'Mastery i Margarity'* [Bulgakov Deciphered. The Secrets of 'The Master and Margarita']. Moscow, 2016. 608 p. (In Russ.)

Tlostanova M. V. *Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii* [From the Philosophy of Multiculturalism to the Philosophy of Transculturation]. Moscow, RUDN University Press, 2008. 251 p. (In Russ.)

Turbin V. Vremya, kotoroe v puti [Time that is on the way]. In: Zarin' M. *Fal'shivyy Faust, ili Popolnennaya, popravlenneya povarennaya kniga* [False Faust, or an Expanded, Revised Cookbook]. Moscow, Izvestiya Publ., 1984, pp. 386-395. (In Russ.)

Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York, St. Martin's Press, 1999. 340 p. (In Eng.)

Reception of the Story of Faust in Modern Prose: 'Mock Faustus' by Margeris Zarins Translated into Russian

Elena I. Seifert

Professor in the Department of Theoretical and Historical Poetics

Russian State University for the Humanities

15, Chayanova st., Moscow, 125047, Russia. elena_seifert@list.ru

Leading Researcher in the Laboratory for Comparative Literary Studies and Cultural Diplomacy

Moscow State Linguistic University

38, bld.1, Ostozhenka st., Moscow, 119034, Russia

SPIN-code: 1330-5190

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Submitted 12 Apr 2024

Revised 16 Jul 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Seifert E. I. Retsepsiya istorii o Fauste v noveyshey proze: «Fal'shivyy Faust» Margera Zarinya v russkom perevode [Reception of the Story of Faust in Modern Prose: 'Mock Faustus' by Margeris Zarins Translated into Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 125–134. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-125-134. EDN HQKJCO (In Russ.)

Abstract. This article provides reflections on the contact connections with Goethe (including through other authors of the story of Faust) in the novel by the Latvian prose writer Margeris Zarins (Margeris Zariņš, 1910-1993) *Mock Faustus, or The Corrected Complemented Cooking-Book CCC* (1984). The subject of the study is the translated text as a cross-border object (the novel was translated into Russian by Valda Volkovskaya). The writer plays with the codes of different versions of Faust – from the book published by Spies, through the mediation of Christopher Marlowe (Zarins constantly mentions and quotes his *The Tragical History of Doctor Faustus*) and Goethe (*Faust* is also directly mentioned and quoted) to Thomas Mann and Bulgakov, and this is perfectly conveyed by the translator. In the depiction of the pact between man and the devil, Zarins demonstrates the integral form of contacts with Marlowe, Goethe, Thomas Mann, and Bulgakov, in the creation of the central character – the musician – with Thomas Mann, in the display of political and literary life through the procession of the devil with his retinue through the capital – with Bulgakov. The differential form of contacts is manifested through the denial of God's salvation of Faust (Master, musician,

etc.) and of the granting of peace to him. Faust by the Latvian author is a fiend of hell, a werewolf, an executioner, and a commandant of a Nazi concentration camp. The differential form of contacts is also manifested through the deliberate shuffling of the motifs related to the prototypes. *Mock Faustus* by M. Zarins and translator V. Volkovskaya is a complex combination of intertextual and translational secondary authorial transgression. The writer escapes the influence of a number of works, the translator inherits intertextual secondary authorial transgression and even a chain of intertextual secondary authorial outness (Marlow, Goethe, Bulgakov, Thomas Mann, etc.).

Key words: reception; intertext; contact connections; Faust; Johann Wolfgang Goethe; Thomas Mann; Margeris Zarins; Margeris Zariņš; Valda Volkovskaya.

УДК 821.111-32
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-135-141
<https://elibrary.ru/hujnva>

EDN HUIJNVA

Социокультурный контекст в готической новелле Э. Несбит “From the Dead” (1893)

Крюкова Вера Геннадьевна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42. vekriukova@sfedu.ru

SPIN-код: 1309-1612

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6918-0241>

Статья поступила в редакцию 12.02.2024

Одобрена после рецензирования 18.05.2024

Принята к публикации 22.07.24

Информация для цитирования

Крюкова В. Г. Социокультурный контекст в готической новелле Э. Несбит “From the dead” (1893) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 135–141. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-135-141. EDN HUIJNVA

Аннотация. В статье рассматривается художественное воплощение феномена «новой женщины» в готической новелле Э. Несбит “From the Dead” (1893). Особое внимание уделяется социокультурным аспектам, открывающим противоречивость викторианской гендерной идеологии и семейно-брачной системы, лишавшей женщину права на самостоятельное устройство собственной судьбы и порицающей проявления инициативы. Основной конфликт новеллы создается благодаря акцентированию духовно-телесного дуализма образа «ожившего трупа». В произведении писательницы порубежного периода готическая топика раскрывает механизмы отторжения инаковости. В исследовании проводятся параллели с ветхозаветными героями, предпринимается попытка интерпретации художественного текста с использованием аллюзивных имен, а также попытка трактовать образ ожившего мертвеца в рамках психоаналитической теории. Основным способом актуализации женского вопроса становится изменение персонажно-образной системы со смещением активного начала в сторону женского действующего лица. Более того, готическая топика нередко предстает в комической функции. Обращение Э. Несбит к жанру готической новеллы объясняется разработанными сюжетными схемами, позволяющими довести до кульминации процесс виктимизации героини, а также возможность сохранения ощущения неразрешенного кризиса, что передает социальные настроения нестабильного периода *fin de siècle*, времени пересмотра существовавших социальных, гендерных и нравственных парадигм. Автор статьи обосновывает вывод о трагическом столкновении гендерных стереотипов, указывая на то, что формульность готического жанра позволяет вскрыть механизмы формирования политики исключения «новой женщины» из брачно-семейной системы, отведения ей периферийного положения в обществе, основанном на консервативной викторианской идеологии.

Ключевые слова: «новая женщина»; готическая новелла; Несбит; «оживший мертвец»; отвлечение; конфликт.

Эдит Несбит (*Edith Nesbit*, 1858–1924) широко известна своим вкладом в развитие традиций детской литературы эдвардианского периода. И

если детские романы писательницы вызывают устойчивый исследовательский интерес (У. К. Кнэпфлмахер [Knoepflmacher 1983],

М. Николаева [Nikolajeva 1988], Э. Лазарос Хонидж [Honig 1988], Х. Карпентер [Carpenter 1985], М. Крауч [Crouch 1972]), то вклад Несбит в развитие жанра готической новеллы пока недостаточно изучен, несмотря на то что готические новеллы появлялись на страницах различных журналов на протяжении всей писательской карьеры Несбит. Прижизненные публикации только ее историй с привидениями (ghost stories) составили четыре сборника. Лишь в 1986 г. статья Р. Хаджи, посвященная вкладу Несбит в развитие «литературы ужасов», была включена в "The Penguin encyclopedia of horror and the supernatural", а готические новеллы Несбит заняли свое заслуженное место в антологиях. Если Р. Хаджи видит новаторство Несбит в особой «эмоциональной интенсивности» повествования, стремлении писательницы вскрыть механизмы организации внутреннего мира своих героев [Hadji 1986: 299], то М. Крауч, скорее, отмечает новаторскую литературную игру Несбит с викторианской традицией: «Она отбросила уверенный, трезвый, поистине литературный стиль предшествующей эпохи, заменив его удивительно доступной, гибкой, откровенной прозой...» [Crouch 1972: 16].

Занимая нишу сенсационной беллетристики и будучи коммерчески востребованной частью «поля культурной продукции» (П. Бурдые), стилизованная готическая новелла Несбит может также вызывать интерес как явление социокультурное. Иными словами, нас интересует то, как топика готического жанра в новеллах Несбит воплощает атмосферу пугающих консервативное общество перемен, происходящих в последней трети XIX в.

Стоит отметить, что существуют разночтения в отношении определения жанров малой готической прозы, а именно близости таких терминов, как «страшная история» (horror story), «рассказ о привидениях (призраках)» (ghost story), «готический рассказ» (gothic story), «готическая новелла» (gothic tale). В русскоязычной теории малых жанров острсюжетный характер новеллы, а не рассказа наиболее соответствует готическому (сенсационному) его варианту. Нам представляются убедительными доводы О. В. Лебедевой, отметившей в качестве отличительных особенностей готической новеллы такие характеристики, как динамическое развертывание сюжета, концентрирование на необычном явлении и неожиданная развязка, единство впечатления, формальная точность и лаконичность [Лебедева 2005: 16–17]. Более того, используемый нами термин «готическая новелла» подчеркивает генетическую связь между образцами малой готической прозы конца XIX в. и вставными новелла-

ми, включенными в готические романы Г. Уолпола, А. Радклиф, Ч. Метьюрина и др.

Как представляется, выбор готического жанра Несбит, кроме его коммерческой востребованности как сенсационной беллетристики, оказывается подходящим инструментом для актуализации противоречивости брачно-семейной идеологии конца XIX в. Традиции готической литературы предполагают изображение несовершенств института брака, что также соответствовало скептическому настрою самой писательницы¹. Именно готическая жанровая формульность отвечает проблематизации «порядка» и созданию атмосферы ужаса перед роковыми переменами; женщина в готическом рассказе нередко предстает персонажем виктимным и оказывается далека от образа деятельного «ангела дома». Более того, семья и супружеские отношения, представленные в готических произведениях, лишены своих общепризнанных достоинств и таят в себе опасности. Следует также отметить крайнюю подвижность готических сюжетных схем, лишенных установки на восстановление нарушенного баланса, что составляет основу неразрешимого конфликта.

Однако не только следование традиции, но и ее творческая трансформация характерны для Несбит. Последняя связана с изменением концепции героини. Самым неожиданным образом она оказалась эстетизированным воплощением феномена «новой женщины», скандальным явлением социальной жизни порубежной эпохи². Заметим, что Эдит Несбит находила образ «новой женщины» привлекательным и сама осваивала новые гендерные роли, проявляя допустимую форму независимости (что соответствовало ее положению основного добытчика в семье). Однако писательница не была последовательна в своей приверженности новой идеологии. А. Ратлидж отмечает свойственную Несбит избирательность в данном вопросе [Rutledge 2010: 227]. Тем не менее любопытно, что героини готических новелл Несбит демонстрируют черты, ассоциируемые с женщиной нового типа. Ее героини стремятся иметь собственный заработок ("Man-size in marble", "The stranger who might have been observed", "The Aunt and the Editor"), оказываются причастны знаменитому Гертон-колледжу³ в Кэмбридже ("The Millionairess"), выказывают любовь к езде на велосипеде ("The Hermit of 'the Yews'"). Они «не боятся вести откровенные разговоры с молодыми людьми» [Ledger 1997: 13] ("The Haunted Inheritance", "Uncle Abraham's Romance") и проявляют инициативу в вопросах устройства собственной судьбы ("From the Dead").

Заметим, что некоторые женские образы произведений малой готической прозы Несбит лишь отчасти построены в соответствии с образом «новой женщины». Тема утверждения нового образца поведения и права женщин на самоопределение не получает в них достаточного художественного оформления. Однако в исследуемой нами новелле “From the Dead” (1893) Несбит создает полнокровный образ «новой женщины».

Новелла открывается разговором главных героев Артура и Иды, во время которого выясняется, что невеста Артура Эльвира влюблена в брата Иды, но вынуждена скрывать свои чувства, чтобы не причинить боль будущему мужу. Чтобы развеять сомнения Артура, Ида демонстрирует записку, написанную Эльвирой и подтверждающую правдивость ее слов. Артур разрывает помолвку с невестой, и она вскоре становится женой брата Иды. Спустя некоторое время Артур влюбляется в Иду и обретает с ней семейное счастье, пока однажды она не признается ему, что подделала записку, написанную Эльвирой, но лишь для того, чтобы открыть ему глаза на сердечные привязанности его невесты. В гневе Артур заявляет Иде, что не может простить ей обман и уходит. Вернувшись, он обнаруживает, что Ида сбежала, оставив прощальную записку. Артур бросается на безуспешные поиски жены и лишь через некоторое время узнает о ее местоположении. Артур приезжает слишком поздно, Ида умерла, оставив ему на попечение новорожденную дочь. Потрясенный Артур остается ночевать в доме, в котором накануне умерла его жена. Ночью он слышит шаги и видит, как Ида входит в комнату – она просит его о прощении и желает поцеловать, но в ужасе Артур закрывается от нее. Позже бездыханное тело Иды обнаруживают за дверью.

Ида трижды проявляет волю и выходит за пределы стереотипной модели поведения: в первый раз, когда раскрывает правду о чувствах Эльвиры; во второй раз, когда признается в обмане Артуру; и, наконец, когда восстает из мертвых, чтобы получить прощение мужа. И все три раза Артур демонстрирует неприятие подобного проявления инициативы, откровенности, надежды на понимание. Побег Иды лишает ее социальной и психологической защищенности, помещает ее за рамки «неписанных законов викторианского общества» [Бячкова 2013: 32], а тот факт, что Ида ожидает ребенка, усугубляет положение женщины. Для Иды не находится места в брачном союзе, построенном в соответствии со строгой викторианской семейной идеологией, и она становится «блуждающим путником, изгнанным из дома, словно Адам и Ева, отлученные от Рая Богом» [Ellis 1989: ix].

Добровольное изгнание Иды способствует развенчанию мифа о «домашней идиллии» как совершенном союзе, лишенном недостатков. Брачный союз представлен в новелле в виде «потерянного рая», и это сходство становится более очевидным, если вспомнить, что основной причиной грехопадения, толкнувшей Еву на нарушение божественного запрета, является желание стать равной Адаму: «чтоб закрепить любовь Адама и сравняться с ним, а может, кое в чем и превзойти» [Милтон 2006: 264]. Желание Евы встать на одну ступень с Адамом на «лестнице Природы» привело к грехопадению и изгнанию первых людей из Рая, желание Иды проявить волю в устройстве собственной судьбы привело к изгнанию из лона семьи. При этом, в отличие от Адама, Артур не следует за женой, а позволяет ей исчезнуть навсегда.

Тем понятнее выбор имен главных героев: имя Ида (Ida) совпадает по количеству букв с именем прародительницы Евы (Eve), более того, по некоторым данным, оно, как и имя Ева, имеет древнееврейское происхождение. По другим источникам, имя Ида относится к скандинавским именам, что в контексте популярности интеллектуальной драмы Г. Ибсена возвращает читателя к дискуссии о возникновении феномена «новой женщины», с ее стремлением к утверждению собственной воли. Имя главного протагониста, Артур, совпадает первой буквой с именем Адама. Можно предположить, что поэтика имен собственных указывает на наличие ветхозаветных аллюзий. Однако имя Артур не может не вызвать ассоциаций и с героем бретонского цикла рыцарского романа. Другими словами, герои Несбит существуют в разных культурных дискурсах: так, Артур представляет феодально-патриархальный взгляд на семью, в то время как Ида отстаивает право на пересмотр семейно-брачной системы.

Стоит отметить, что мотив возвращения из мертвых в готической и романтической литературе – устойчивый троп, который трактуют по-разному: как опровержение всякого умопостижимого, рационального начала миропорядка, проявление рокового, возвышенного; как напоминание за свершенное некогда насилие, пугающее и не проговоренное; как выражение открывающейся «другости» в обыденном. Так, говоря о редуцированной форме гротеска, представленного в субъективно-мистическом плане, М. М. Бахтин рассуждает о том, что «мир романтического гротеска – это в той или иной степени страшный и чуждый человеку мир. Всё привычное, обычное, обыденное, обжитое, общепризнанное оказывается вдруг бессмысленным, сомнительным, чуждым и враждебным человеку. Свой мир

вдруг превращается в чужой мир. В обычном и нестрашном вдруг раскрывается страшное» [Бахтин 1990: 47]. Гротескный образ ожившего мертвеца позволяет обнажить «чуждость» в некогда привычном мире. Так, из возлюбленной и жены Ида буквально превращается в готического «монстра», явившегося с того света. Она преодолевает порог жизни и смерти, чтобы вернуться к мужу, но вызывает у него лишь страх и отвращение. Ее красота (в первую очередь подчеркнутая ее телесным обликом) вызывает острое неприятие в герое, на что указывает настойчивое использование протагонистом личного местоимения среднего рода *it* в отношении жены: "The door opened slowly, slowly, slowly, and the figure of my dead wife came in. It came straight towards the bed, and stood at the bed-foot in its white grave-clothes, with the white bandage under its chin. There was a scent of lavender. Its eyes were wide open and looked at me with love unspeakable" [Nesbit 2000]. Восставшая из мертвых Ида превращается в нечто *abject* (отвратительное). Но даже будучи живой, Ида была противопоставлена викторианскому гендерному порядку с его требованиями подчинительной роли женщины. Механизмы формирования ужаса, описанные Ю. Кристевой, помогают переосмыслить отношение к феномену «новой женщины» как к форме уникального субъекта, «несогласного на универсальное» [Кристева 2003: 31]. Более того, как представляется, символическая энергия «новой женщины» роднит ее с образом «архаической матери»: «Эта та мощь, мощь ужасная, которую с таким трудом вынуждена смирять патрилинейная филиация» [там же: 20]. Подтверждением того, что, раскрывая механизмы порождения ужаса, Несбит пытается указать на то, как «новая женщина» превращается в «негативную идентичность»⁴, служит эпитет *abject*, использованный Артуром для описания страха, вызванного появлением мертвой Иды. «Новая женщина» представляет опасность, связанную с притязаниями женщины на проявление воли и понимание. Эту мысль подтверждает исследование Б. Крид, в котором появление в художественном пространстве образа женщины-монстра указывает на «хрупкость установленного миропорядка», а пограничное положение ожившего трупа разрушает границы, гарантирующие стабильность и безопасность [Creed 1986: 70].

Сцена, в которой Ида открывает Артуру правду о подложной записке, выражает всю глубину конфликта данной новеллы – столкновение двух ценностных систем. Ида поступает согласно собственным представлениям о решительном женском поведении, Артур, напротив, говорит и ведет себя лишь исходя из общепринятого пред-

ставления о достойном поведении мужчины. Внутренний монолог героя, узнавшего правду, представлен с помощью параллельной конструкции, которая в данном случае имеет эмфатическую функцию: "That I should have been tricked, that I should have been deceived, that I should have been led on to make a fool of myself! That I should have married the woman who had befooled me!" [Nesbit 2000].

Состояние ущемленной гордости подчеркнуто выделением личного местоимения, что открывает перед читателями истинную причину негодования Артура. Желание соответствовать общепринятому стереотипу мужественности заставляет его действовать согласно принятым конвенциям: "I hesitated. I longed to take her in my arms and say – "Lay your head here, my darling, and cry here, and know how I love you." But instead, I kept silence" [ibid.].

Более того, герой ожидает от своей жены действий, вписывающих ее в образ викторианской феминности: "While I was saying it I was longing for her to weep and fall at my feet, that I might raise her and hold her in my arms again. But she did not fall at my feet; she stood quietly looking at me" [ibid.]. Несоответствие Иды не только эмблеме «ангела дома», но и традиционному образу слабой женщины подчеркивается противительным союзом *but*: Ида не плачет, не бросается в ноги, что соответствовало бы «протоколу» раскаянья неразумной и слабой женщины, которая нуждается в поддержке сильного мужчины (здесь буквально – 'raise her and hold her in my arms again'); ее положение перед мужем демонстрирует возмутительное достоинство и полное самообладание. Таким образом Несбит доводит конфликт героев до кульминации. Несоответствие героев представлениям о нормах гендерного поведения становится очевидным: Артур отказывается принять новые качества своей жены, стремящейся устроить свою судьбу и осмелившейся признаться в своем обмане. Конфликт представлений о праве женщины на проявление воли переходит в событийный план повествования и ведет к разрыву брачного союза.

Однако в полной мере тема дисгармонии между «новой женщиной» и консервативным английским джентльменом раскрывается в момент встречи Артура с восставшей из мертвых женой, проявлением его беспомощности и трусости перед сильной женщиной, оказавшейся способной преодолеть законы жизни и смерти. Более того, сцена посещения мертвой Идой оплакивающего ее смерть мужа не лишена смехового начала, которое создается благодаря нелепому поведению Артура, старающегося спрятаться от женщины за простыню: "Then I did shriek aloud, again and again, and covered my face

with the sheet, and wound it round my head and body, and held it with all my force" [Nesbit 2000]. Интересен выбор Несбит глагола *shriek* (визжать), как правило, употребляющегося в ситуациях женской реакции на ужасное событие.

Таким образом, неразрешенный конфликт, характерный для классической готической (роковой) новеллы, у Несбит обретает трагическое звучание и социокультурное измерение. Особенно интересен своеобразный эпилог новеллы – в повествовании упоминается о новорожденной дочери Иды, которая к четырем годам не заговорила и ни разу не улыбнулась. Возможно, образ девочки – это эмблема «упрека», образ невеселой узницы своего мрачного и консервативного отца, неспособного «услышать» женский голос, а потому и недостойного слов. Неспособность героя новеллы принять «новую женщину», обладающую волей, решимостью и ждущую понимания, отражает атмосферу социальных и культурных трансформаций, охвативших эпоху *fin de siècle* и вызывающих чувство страха от перемен.

Примечания

¹ Не в последнюю очередь это связано с «глубоким разочарованием и болью, которые Несбит испытывала в отношении своего мужа и его причудливого поведения» [Davies 2006: 9].

² Подробное описание новой ролевой модели, характеризующейся разнообразными формами проявления социального нигилизма, представила в своем исследовании Э. Хейлманн [Heilmann 2000].

³ Салли Леджер отмечает, что в литературе о «новой женщине» героини часто оказываются выпускницами именно Гертон-колледжа (Girton college), более того, именно с данным учебным заведением принято связывать новый образ образованной, независимой женщины. Гертон-колледж наравне в девятью другими университетами предоставлял возможность получения высшего образования женщинам, однако в 1897 г. лишь 784 женщины были отмечены привилегией проходить там обучение [Ledger 1997: 17].

⁴ Термин, введенный в социальную психологию Э. Эриксоном, для описания нарушения внутренней самоидентичности личности, часто противоречащей установленному социальному порядку [Erikson 1968].

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 543 с.

Бячкова В. А. Женская судьба в традиционном викторианском романе «Эстер Уотерс» Дж. Мура: диалог с традицией на рубеже веков // Миро-

вая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 31–37.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

Лебедева О. В. Поэтика новелл Дж. Фаулза: дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2005. 199 с.

Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращённый рай. Другие поэтические произведения / пер. с англ.: С. А. Александровский, Е. В. Витковский, А. Е. Зуевский, Ю. Б. Корнеев, В. В. Левик, А. П. Прокопьев, Т. Ю. Стамова, А. А. Штейнберг; ред. А. Н. Горбунов. М.: Наука, 2006. 862 с.

Carpenter H. *Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature*. Boston: Houghton Mifflin, 1985. 278 p.

Creed B. *Horror and the Monstrous-Feminine: An Imaginary Abjection*. Screen. 1986. Vol. 27, issue 1. P. 44–71.

Crouch M. *The Nesbit Tradition: the Children's Novel in England, 1945–1970*. London: Ernest Benn Limited, 1972. 243 p.

Davies D. S. Introduction // *The Power of Darkness: Tales of Terror by Edith Nesbit*. Wordsworth Editions, 2006. P. 8–13.

Ellis K. F. *The Contested Castle: Gothic Novels and the Subversion of Domestic Ideology*. Chicago: University of Illinois Press, 1989. 226 p.

Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton & Company. 1968. 336 p.

Hadji R. *Edith Nesbit (1858–1924)* // *The Penguin Encyclopedia of Horror and the Supernatural*. Ed. by Jack Sullivan. London: Penguin, 1986. P. 299–300.

Heilmann A. *New Woman Fiction: Women Writing First-Wave Feminism*. London: Palgrave Macmillan, 2000. 228 p.

Honig E. L. *Breaking the Angelic Image: Woman Power in Victorian Children's Fantasy*. New York: Greenwood Press, 1988. 176 p.

Knoepfelmacher U. C. *The Balancing of Child and Adult: An Approach to Victorian Fantasies for Children* // *Nineteenth-Century Fiction*. 1983. Vol. 37, no. 4 (Mar.). P. 497–530.

Ledger S. *The New Woman: Fiction and Feminism at the Fin de Siècle*. Manchester: Manchester University Press, 1997. 216 p.

Nesbit E. *From the Dead*. The Collected Short Stories of E. Nesbit. Vol. 1. Gothic Horror. London: DTC Publishing, 2000.

Nikolajeva M. *The Magic Code: The Use of Magical Patterns in Fantasy for Children*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1988. 166 p.

Rutledge A. A. E. *Nesbit and the Woman Question* // *Victorian Women Writers and the Woman Question*. Ed. by Nicola Diane Tompson. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 223–241.

References

- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [François Rabelais's Works and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
- Byachkova V. A. Zhenskaya sud'ba v traditsionnom viktorianskom romane 'Ester Uoters' Dzh. Mura: dialog s traditsiey na rubezhe vekov [Woman's life in a traditional Victorian novel and in 'Esther Waters' by J. Moore: Dialogue with the tradition at the end of 19th century]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013, issue 2 (8), pp. 31-37. (In Russ.)
- Kristeva Yu. *Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii* [Powers of Horror: An Essay on Abjection]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)
- Lebedeva O. V. *Poetika novell Dzhona Faulza*. Diss. kand. filol. nauk [Poetics of stories by John Fowles. Cand. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2005. 199 p. (In Russ.)
- Milton J. *Poteryanny ray. Vozvrashchenny ray. Drugie poeticheskie proizvedeniya* [Paradise Lost. Paradise Regained. Other Poetical Works]. Transl. from English by S. A. Aleksandrovskiy, E. V. Vitkovskiy, A. E. Zuevskiy, Yu. B. Korneev, V. V. Levik, A. P. Prokop'ev, T. Yu. Stamova, A. A. Shteynberg, ed. by A. N. Gorbunov. Moscow, Nauka Publ., 2006. 862 p. (In Russ.)
- Carpenter H. *Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature*. Boston, Houghton Mifflin, 1985. 278 p. (In Eng.)
- Creed B. Horror and the monstrous-feminine: An imaginary abjection. *Screen*, 1986, vol. 27, issue 1, pp. 44-71. (In Eng.)
- Crouch M. *The Nesbit Tradition: The Children's Novel in England, 1945-1970*. London, Ernest Benn Limited, 1972. 243 p. (In Eng.)
- Davies D. S. Introduction. *The Power of Darkness: Tales of Terror by Edith Nesbit*. Wordsworth Editions, 2006, pp. 8-13. (In Eng.)
- Ellis K. F. *The Contested Castle: Gothic Novels and the Subversion of Domestic Ideology*. Chicago, University of Illinois Press, 1989. 226 p. (In Eng.)
- Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York, W. W. Norton & Company, 1968. 336 p. (In Eng.)
- Hadji R. Edith Nesbit (1858-1924). *The Penguin Encyclopedia of Horror and the Supernatural*. Ed. by Jack Sullivan. London, Penguin, 1986, pp. 299-300. (In Eng.)
- Heilmann A. *New Woman Fiction: Women Writing First-Wave Feminism*. London, Palgrave Macmillan, 2000. 228 p. (In Eng.)
- Honig E. L. *Breaking the Angelic Image: Woman Power in Victorian Children's Fantasy*. New York, Greenwood Press, 1988. 176 p. (In Eng.)
- Knoepflmacher U. C. The balancing of child and adult: An approach to Victorian fantasies for children. *Nineteenth-Century Fiction*, 1983, vol. 37, issue 4 (Mar.), pp. 497-530. (In Eng.)
- Ledger S. *The New Woman: Fiction and Feminism at the Fin de Siècle*. Manchester University Press, 1997. 216 p. (In Eng.)
- Nesbit E. *From the Dead. The Collected Short Stories of E. Nesbit*. vol. 1. Gothic Horror. London, DTC Publishing, 2000. (In Eng.)
- Nikolajeva M. *The Magic Code: The Use of Magical Patterns in Fantasy for Children*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1988. 166 p. (In Eng.)
- Rutledge A. A. E. Nesbit and the woman question. *Victorian Women Writers and the Woman Question*. Ed. by Nicola Diane Tompson. Cambridge University Press, 2010, pp. 223-241. (In Eng.)

The Cultural Anxieties in the Ghost Story by Edith Nesbit 'From the Dead' (1893)

Vera G. Kriukova

**Postgraduate Student at the Department of Russian and Foreign literature
Southern Federal University**

105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia. vekriukova@sfnu.ru

SPIN-code: 1309-1612

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6918-0241>

Submitted 12 Feb 2024

Revised 18 May 2024

Accepted 22 Jul 2024

For citation

Kriukova V. G. Sotsiokyl'turnyy kontekst v goticheskoy novelle E. Nesbit «From the dead» (1893) [The Cultural Anxieties in the Ghost Story by Edith Nesbit 'From the Dead' (1893)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 135–141. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-135-141. EDN HUNVA (In Russ.)

Abstract. The article examines the representation of the phenomenon of ‘the new woman’ in the ghost story *From the Dead* (1893) by Edith Nesbit. The study focuses on social and cultural anxieties in the period of Victorian fin de siècle connected to the shifting gender boundaries as well as provoked by transformation of the traditional woman’s image that had previously been associated with ‘angel in the house’. The principles governing Gothic literature extend the situation of unresolved crisis and emphasize ‘the otherness’ of ‘the new woman’ within traditional Victorian ideology. Moreover, depiction of female figures in ghost stories presupposes victimized position and functions as coded criticism of public institutions that guarantee subordinated female status. The Gothic short story abounds in Biblical allusions which help to see the roots of the inner conflict; in addition, through depicting the materiality of the dead body Nesbit exploits the repulsion expressed by the protagonist to stress the out-of-place ‘new woman’ and demonstrate how the new forms of female subjectivity are excluded and kept peripheral. ‘The new woman’ represented in the form of the reanimated dead takes the place of the abject and threatens traditional social order. Thus, gothic conventions function as markers of non-articulated negativity connected with institutions that are supposed to be central for patriarchal culture and express triumph over rational cause. The paper concludes that the narrative pattern of a Gothic tale presupposes the situation of unsettled conflict which points out a problem of exclusion of ‘the new woman’ from the social realm. The act of separation serves as criticism of Victorian gender codes that are based on female obedience and subordination. The topic of female empowerment is presented through the metaphor of a highly material but still transgressive image of the dead.

Key words: ‘the new woman’; ghost story; abject; Nesbit; reanimated dead.

УДК 821.161.1:94(510)"1920"
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148
<https://elibrary.ru/alzrnq>

EDN ALZRNQ

Роман «Преступление и наказание» в социокультурном контексте Китая 1920-х годов

Лань Си

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yanina.alexander@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2024

Одобрена после рецензирования 17.06.2024

Принята к публикации 02.09.2024

Информация для цитирования

Лань Си. Роман «Преступление и наказание» в социокультурном контексте Китая 1920-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 142–148. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148. EDN ALZRNQ

Аннотация. Статья посвящена исследованию рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в Китае в 1920-е гг. В это время Китай переживал период политических, социальных и культурных потрясений, в ходе которых национализм, движение за новую культуру и марксистское мышление переплетались друг с другом, оказывая значительное влияние на общественное восприятие и культурные ценности. На этом фоне то, как интерпретировались, комментировались и распространялись произведения Ф. М. Достоевского, имело решающее значение для понимания идеологических изменений и культурного развития китайской интеллигенции того времени.

В статье используется метод эмпирического исследования, сравнительного литературоведения и аналитические методы историографии и современной коммуникативистики. Статья представляет собой исследование различных подходов к оценке творчества Ф. М. Достоевского в литературно-общественном контексте Китая 1920-х гг. В ней анализируются причины особого внимания к роману «Преступление и наказание», прослеживается путь распространения и характер рецепции произведений Ф. М. Достоевского в Китае 1920-х гг. Автор статьи исследует представления о романе таких китайских ученых, как Мао Дун, Сунь Фуси, Ван Тунчжао, Ху Ючжи, Чжэнь Чжэндуо, Чжоу Цзожэнь, Цзян Цифань, Цюй Цюбай и др. Особое внимание уделено их оценке особенностей сюжета и нравственной проблематики романа, а также причинам согласия или несогласия с идеями Достоевского. Изучение этих вопросов позволяет проанализировать дискуссии и споры, которые «Преступление и наказание» вызвало в китайской литературной критике того времени, а также влияние романа на развитие китайской литературы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Преступление и наказание»; Китай; общественно-исторический процесс; 1920-е гг.

Среди русских литераторов XIX в. Достоевский был представлен в Китае самым последним. До «Движения 4 мая» даже его имя было мало известно китайцам, но затем началось знакомство широких кругов китайских читателей с русской литературой, и Достоевский стал одной из ее репрезентативных фигур. Популярность его

творчества в Китае в 1920-е гг. была очень велика. По словам Тань Шуйсюань, «Октябрьская революция в России вызвала небывалые потрясения в китайском обществе. Рецепция российской литературы в Китае с самого начала была тесно связана с политическими целями социальных изменений и обладала ярко выраженной со-

циальной окраской, проявляя сильную утилитарную тенденцию» [Тань Шуйсюань 2014: 21]. В такой обстановке многие ученые обращали особое внимание на социально-реалистические аспекты русской литературы. Ван Чжилян по этому поводу пишет: «В тот период истории китайские ученые относили таких великих писателей, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, каждый из которых имел свой собственный стиль, к одной категории, то есть к категории “реалистов”» [Ван Чжилян 1991: 6]. Считается, что все их произведения посвящены темам и проблемам природы человеческой жизни. «Их художественные особенности, идеологические наклонности и уникальные художественные методы были поставлены на второй план, а иногда даже игнорировались» [там же]. Поэтому в 1920-х гг. было принято относиться к Достоевскому как к писателю-реалисту: «Большинство исследователей высоко оценивают внимание Достоевского к жизни низших слоев общества. Они считают, что благодаря этому вниманию писатель открыл широкое художественное поле» [Тань Шуйсюань 2014: 17].

На протяжении долгого времени в сознании китайцев главным произведением Достоевского является «Преступление и наказание» (1866). «Различные литературные словари и энциклопедии ссылаются на “Преступление и наказание” при объяснении термина “Достоевский”, называют его “величайшим шедевром”» [Дин Шисинь 2012: 569]. Этот роман имеет для китайского читателя высокий статус и широкое влияние по двум основным причинам: во-первых, в нем ярко показано отчаянное положение бедняков, у которых нет выхода в условиях капиталистической системы, и в то же время тонко изображено прекрасное человеческое сердце. В частности, образ Сони, полный страдания и братской любви, глубоко тронул сердца многих людей. Во-вторых, «в преступлении главного героя Раскольникова проявляется дух бунтарства против социальной несправедливости, и за его преступлением стоят более глубокие идеологические причины» [там же]. Эти обстоятельства вызвали живой интерес китайских ученых, и начиная с «Движения 4 мая» (движения «за новую культуру») всё больше людей стали изучать «Преступление и наказание».

В 1920-х гг., в связи со столетием со дня рождения Достоевского, в Китае начался новый этап оценки и изучения его творчества. Это вызвало бурю небывалого прежде интереса, и исследования вступили в период плодотворных достижений. В 1920 г. в приложении «Студенческая лампа» к газете «Китайские Времена» была опубликована статья Мао Дуня «Мое мнение о введении

западной литературы». В этой статье исследователь призывает «совместными усилиями в течение года» перевести литературные произведения реалистов и натуралистов, включая «Записки из подполья», «Идиот» и «Преступление и наказание» Достоевского. В ответ на этот горячий призыв произведения Достоевского были вскоре переведены. С момента появления первых переводов интерес китайцев к его произведениям быстро рос, переводы появлялись один за другим, и даже возникла оживленная ситуация, когда в течение короткого времени были созданы разные версии одного и того же произведения. Творчество Достоевского в Китае этого времени воспринималось с большим энтузиазмом, и всё больше людей знакомились с ним.

В апреле 1920 г. «Утренняя газета» опубликовала статью Сунь Фуся «Литераторы, современники Толстого». Автор с самого начала заявляет о намерении провести сравнительный анализ творчества Достоевского и Толстого, отмечая: «Российские писатели, говоря о себе или о других, всегда проявляли чрезвычайную откровенность. Они одновременно использовали наивность детского восприятия и взрослого высокого разума, просто и ясно выражая явные истины. Эти ценные качества искренности можно найти у величайших русских писателей, особенно у Толстого и Достоевского, которые ничего не скрывают, полностью излагают все, что они знают». Исследователь даже считает, что Толстой сильно находился под влиянием Достоевского: «Чем старше Толстой, тем более заметно влияние Достоевского на него. Его сочувствие к страдающим и интерес к искуплению постепенно усиливаются. В его последнем романе “Воскресение” мы видим, что он пишет его совершенно под влиянием духа Достоевского». Подобная оценка влияния творчества Достоевского на Толстого считалась в тот период весьма новаторской.

Кроме того, Сунь Фуси подчеркивает различие между романами Достоевского и детективными произведениями его времени: «Большинство произведений Достоевского посвящено исследованию преступлений, но они полностью отличаются от детективных романов того времени, которые находятся под влиянием пошлых вкусов и могут считаться безусловно ниже произведений Достоевского. Даже трагические криминальные ситуации в шекспировском духе не сравнимы с произведениями Достоевского». Далее он исследует истоки произведений Достоевского о преступлении и их художественные особенности, утверждая, что «Достоевский считал, что преступление – это нравственная болезнь, приносящая душе огромные страдания; он глубоко изучал этот процесс, исходя из того, что

душа через эту патологию и ужасные испытания становится чистой. Достоевский, как и шекспировская школа, ценил красоту трагедии, однако Достоевский реалистичным образом изображал грязь и ужас преступления. Несмотря на мрачный фон его произведений, в них отсутствует пессимизм. Сила искупления в страданиях, внутреннее достоинство человеческой души, нравственный смысл преступления и красота милосердия – всё это глубокие впечатления от его творчества» [Сунь Фуси 1920: 2].

В статье «Некоторые аспекты русской литературы» Ван Тунчжао высоко оценивает Достоевского, называя его «прозорливым литературным деятелем» и «великим деятелем русской литературы в эпоху реформ» [Ван Тунчжао 1984: 352]. Исследователь проанализировал произведения писателя с социально-политической точки зрения и отметил в них революционные элементы, считая, что они уже давно посеяли семена революции в жизни русского народа как в духовной, так и в материальной сфере. Таким образом, Ван Тунчжао рассматривает творчество Достоевского как борьбу с несправедливо устроенным обществом. Кроме того, он называет «Преступление и наказание» одним из «самых известных и сильных произведений в мире» [там же: 417].

В 1921 г., в год столетия со дня рождения Достоевского, китайская пресса опубликовала более десятка обзоров и рецензий на его творчество, написанных китайскими писателями и учеными. Среди них следует отметить статьи таких ученых, как Гэн Цзичжи (耿济之; 1899–1947), Мао Дунь (茅盾; 1896–1981, Шэнь Яньбин (沈雁冰; 1896–1981, Ху Ючжи (胡愈之; 1896–1986), Чжэн Чжэньдуо (郑振铎; 1898–1958) и других, опубликованные в журнале «Ежемесячный роман», «Восточном журнале», «Газете актуальных новостей» и других изданиях.

В статье Ху Ючжи «Жизнь Достоевского» очень подробно представлены жизнь и творчество писателя. Автор не только живо описывает важные и переломные моменты в жизни Достоевского, но и уделяет много внимания «Дневнику писателя», описывая его как «почти энциклопедию, включающую социальные и политические идеалы Достоевского, а также литературную критику» [Ху Ючжи 1921: 78]. В представленном в статье анализе романа «Преступление и наказание» автор, указывая на нигилистические черты характера Раскольникова, называет его «нигилистом, но не политическим, а этическим. Этот этический нигилист отвергает все этические запреты и правила» [там же: 79]. Исследователь полагает, что именно это и было истинным идейным мотивом совершения преступле-

ния главным героем. В завершение Ху Ючжи назвал «Преступление и наказание» «редким шедевром мировой литературы» [там же: 78].

Чжэн Чжэньдуо в своей статье «Столетие Достоевского» дает представление о гражданской позиции и гуманизме Достоевского. Он считает, что «Достоевский изображает бедных людей очень достойно, как обычных людей. Отражая дух простого человека, идею гуманизма, истинного товарищества, естественный дух братства, он исходил не из убеждения, что “всё понять – значит всё простить”, а из исконного чувства, что никто не может судить другого, а только наблюдать за ним» [Чжэн Чжэньдуо 1921: 1]. По словам исследователя, величие Достоевского заключается в том, что «он распространял свое Евангелие любви, вызывая сочувствие к униженным и оскорбленным», «признавал абсолютное равенство людей и везде в своих произведениях призывал: “Люди, любите друг друга”» [там же: 10]. Такая оценка в точности соответствует общему пониманию китайцами русской литературы того времени, выраженному словами Лу Синя (鲁迅, 1881–1936): «Русская литература – наш руководитель и наш друг, ибо в ней мы видим горестную борьбу добрых душ угнетенных» [Лу Синь 2014: 50].

В статье «Что Достоевский принес России?» Мао Дунь отметил, что по сравнению с другими русскими писателями творчество Достоевского имеет особое общечеловеческое значение. Это «вечная истина человеческой природы» и «истинное лицо низших слоев общества». Исследователь верно заметил, что «Достоевский снял страшную социальную маску с “униженных и оскорбленных” и показал их чистые души, чтобы люди интеллектуального класса поняли, что неизменная истина человеческой природы – доброта, и увидели истинное лицо низших слоев общества» [Мао Дунь 1921: 2].

Очевидно, что здесь затронута тема двойственности, характерная для героев произведений Достоевского, тема мученического обретения ими человечности. Однако, к сожалению, в дальнейшем автор возвращается к бытовому уровню жизни, говоря, что «Достоевский находил этих простых русских людей, когда изображал сцены бедности, стесненности и трудностей русской жизни. Возможно, он искал величие простых людей, тех, кто постоянно стремится к лучшему, противостоит тяжелым условиям жизни» [там же].

В ноябре 1921 г. в «Утренней газете» была опубликована статья Чжоу Цзожэнь (周作人; 1885–1967) «В память о трёх литераторах», посвященная столетию со дня рождения Достоевского, Флобера и Бодлера. В статье высоко оце-

нивается христианский гуманизм Достоевского и его «уникальное евангелие любви» считающееся «вершиной гуманистической мысли в литературе». Особое значение творчества писателя автор статьи видит в том, что Достоевский «создает каждый образ, как бы низко он ни пал, насколько отвратительным он ни был, всегда вызывает раздумья у читателя, ощущение того, что персонажи в книге такие же, как и мы, заставляет читателя вздохнуть: “Он – мой брат”» [Чжоу Цзожэнь 1921: 3]. Чжоу Цзожэнь замечательно подвел итог гуманизму Достоевского: «Так называемое горе современного человека – это борьба между сильной волей к жизни и неудовлетворенностью реальной жизнью» [там же].

В 1922 г. журнал «Ежемесячный роман» опубликовал статью Мао Дуня «Мысль Достоевского», в которой подробно исследуется «природа человека» в произведениях Достоевского. По мысли исследователя, «Достоевский определил, что человеческая природа добра, а зло – это продукт подавления. Если у людей есть свобода, они должны отвечать за свое поведение, и в состоянии свободы их добрая природа будет раскрыта. Он считает, что каждый человек обладает свободной волей, готов принять чужую боль и добровольно идет на жертвы ради более благородной цели. Люди не только готовы принять боль, но и нуждаются в ней так же, как и в удовольствии» [Мао Дунь 1922: 6]. Как видим, здесь показан глубокий анализ души: с одной стороны, человек стремится к свободе и счастью, а с другой – может получать удовольствие от боли и страданий. Это отражает глубокое понимание Достоевским боли как духовно и нравственно необходимого опыта.

Однако Мао Дунь объясняет этот феномен противоречивостью мышления Достоевского. Он говорит: «Исследуя идеи Ф. М. Достоевского в его произведениях, я чувствую, что многие его мысли противоречивы. В “Записках из Мёртвого дома” он говорит, что главная черта русских – стремление к справедливости, а в “Дневнике писателя” – что основной чертой русского человека является готовность терпеть страдания; его взгляды на “страдание” иногда выражаются с точки зрения чистого гуманиста, а иногда – с точки зрения религиозного деятеля, считающего страдание необходимым наказанием за грех; в одно время он говорил, что несправедливость жизни губительна, в другое – что она питает и обостряет духовные силы» [Мао Дунь 1922: 10]. В заключении статьи автор утверждает: «Мысль Достоевского – это уникальная и яркая искра в истории мысли человечества от древности до наших дней. Для современной молодежи Китая это чрезвычайно вдохновляющее духовное воз-

буждение. Его оптимизм по отношению к будущему, принятие страдания, а также защита и чувство пролетариату... все это является лекарством от депрессии, отступления и жалости к себе современной молодежи» [там же: 12]. Эта статья и сегодня восхищает обширностью информации и глубиной изложения.

В 1923 г. Цзян Цифань в своей книге «Современная литература» отмечал: «Значение произведений Достоевского и его таланта в литературе заключается в том, что он превосходно изображает души людей из самых социально низких слоев. В “Преступлении и наказании” он заставляет нас слышать голоса самых безобразных людей, крики грязного пьяницы, бормотание лентяя в темноте, слова вора, убийцы, шлюхи, дебошира. Однако их голоса способны на грусть и великую красоту. Достоевский обладает глубокой силой наблюдения, мощной творческой силой, искренним чувством и скрупулезным анализом». Цзян Цифань отметил, что глубокое раскрытие социальных тем всегда было одной из основных особенностей творчества Достоевского. Он описывает сцены, в которых люди под воздействием жестокой реальности темного общества деспотизма вырождаются и даже становятся сумасшедшими. Достоевский резко критиковал мрачные реалии своего времени и выражал глубокое сочувствие простым людям, оказавшимся в тяжелом положении и не имеющим выхода [Цзян Цифань 1923: 178].

В конце 1920-х гг. группа сторонников революционной литературы, таких как «Общество сотворения мира» (创造社 «Чуанцзаошэ») и «Общество солнца» (太阳社 «Тайяншэ»), основываясь на теории пролетарской литературы, пыталась применить марксистский принцип взаимосвязи между экономическим базисом и надстройкой к анализу литературных произведений. Исследователи подчеркивали классовую природу литературы и ее функцию как орудия классовой борьбы, атакуя с помощью этой теории все формы буржуазных абстрактных взглядов на человеческую природу. Следуя ей, они относились ко всем мелкобуржуазным писателям как «выразителям интересов своего класса», что оказало значительное влияние на восприятие творчества Достоевского, также подвергнувшегося критике. Например, Ли Чули высмеял «Преступление и наказание» в журнале «Создатель» (《创造月刊》), назвав его «хорошим примером мелкобуржуазного реализма» [Рао Хунцин 1985: 267], а Го Можо (郭沫若, 1892–1978), обращаясь к «неревлюционным писателям», попросил их «не радоваться, думая, что они получили талисман». Под «талисманом» ав-

тор понимал таких гениев, как Толстой или Достоевский, и их «неревOLUTIONные произведения» [там же: 202].

В конце 1920-х гг. вследствие изменения доминирующей идеи в литературной среде оценочная деятельность в отношении Достоевского уже не была столь восторженной, как в более ранний период, и имела тенденцию к затишью. Однако уменьшение количества научных исследований творчества писателя привело к заметному улучшению их качества – появились два шедевра большой глубины. Один из них – «Толстой и Достоевский» Цюй Цюбая (瞿秋白, 1899–1935), а другой – «Лаконичное предисловие» Лу Синя к изданию «Бедные люди».

Цюй Цюбай пронизательно отметил философские проблемы Достоевского, особенно те, что касаются Бога и человеческой личности. Он отметил, что «проблема Бога у Достоевского повсюду. Проблема Бога действительно взаимосвязана с проблемой нравственности, поэтому Достоевский часто изображает нравственные конфликты точным литературным языком. Проблема поставлена, но не решена: Достоевский ищет Бога, но не может его доказать. Проблема свободы воли личности так же трудно разрешима, как и проблема Бога» [Цюй Цюбай 1989: 191]. Очевидно, что Цюй Цюбай преодолел исторический и социальный уровень понимания, чтобы достичь более глубоких и широких философских высот. Его анализ затронул глубокую тему «отношений между Богом и человеком» в произведениях Достоевского, а также суть борьбы между верой и сомнением, которая мучила писателя всю жизнь. Так, исследователь утверждает, что Достоевский был «мистически религиозен и выступал против индивидуализма, при этом ни в одном из его произведений нет темы “бунтующей индивидуальности”», и заявляет, что «проблема свободы воли Раскольникова в “Преступлении и наказании” достигает гораздо более глубокого уровня, чем в обычной философии». Это можно считать точным и глубоким анализом философского уровня романа [там же: 194].

В 1926 г. в «Лаконичном предисловии» к «Бедным людям» Лу Синь точно указывает, что главная особенность творчества Достоевского состоит в том, что он показывает «глубину человеческой души». Исследователь диалектически анализирует, как Достоевский показывает добро и зло в человеческой душе: «Инквизитор стоит в зале суда и рассказывает о преступлениях преступника, а преступник рассказывает о своих добрых делах у подножия помоста; инквизитор обнажает грязь в душе преступника, а преступник показывает скрытый свет в обнаженной грязи. Таким образом, демонстрируется глубина

души». Лу Синь также говорит, что для избавления от греха и страданий необходимо признать свои грехи, а также «копаться в глубинах души, чтобы испытывать душевную боль, страдать от травм, но при этом встать на путь возрождения» [Лу Синь 1998: 104]. «Лаконичное предисловие» к изданию «Бедных людей» Лу Синя представляет собой самый высокий уровень изучения Достоевского в Китае в 1920-е гг.

Несомненно, переводческая и исследовательская работа по творчеству Достоевского в 1920-е гг., несмотря на некоторые ее недостатки, внесла значительный вклад в дальнейшее изучение великой русской литературы. Эта работа представляет собой «мост», соединивший китайскую и русскую культуры, позволивший китайскому читателю ближе познакомиться с Достоевским через различные оценки его творчества.

Список литературы

Ван Тунчжао. Некоторые аспекты русской литературы // Собрание произведений Ван Тунчжао. Т. 6. Шаньдун: Шаньдун. нар. изд-во, 1984. С. 351–473. 王统照. 俄罗斯文学的片断[M]. 王统照文集: 第六卷. 山东: 山东人民出版社. 1984. P. 351–473.

Ван Чжиян. Русская литература и Китай. Шанхай: Изд-во Вост.-кит. пед. ун-та, 1991. 383 с. 王智量. 俄国文学与中国[M]. 上海: 华东师范大学出版社. 1991. 383 p.

Дин Шисинь. Обзор четырех наиболее влиятельных произведений Достоевского в современном Китае // Журнал Чанчуньского университета. 2012. №5. С. 565–570. 丁世鑫. 陀思妥耶夫斯基在现代中国最具影响力的四部作品评析[J]. 长春大学学报. 2012(5), P. 565–570.

Лу Синь. Китайско-русский литературный обмен // Южный говор, северные тоны. Пекин: Пекин. совмест. изд-во, 2014. С. 53–57. 鲁迅. 中俄文字之交[M]. 南腔北调集. 北京: 北京联合出版社. 2014. P. 53–57.

Лу Синь. Лаконичное предисловие к «Бедным людям» // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Изд-во нар. лит., 1998. Т. 7 С. 103–105. 鲁迅. 穷人《小引》[M]. 鲁迅全集: 第七卷. 北京: 人民文学出版社. 1998. P. 103–105.

Мао Дунь. Что Достоевский принес России // Китайские Времена. 1921. №19. С. 2–3. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基带了些什么给俄国[J]. 时事新报. 1921(19). P. 2–3.

Мао Дунь. Мысль Достоевского // Ежемесячный роман. 1922. №13. С. 6–12. 茅盾. 陀思妥耶夫斯基的思想[J]. 小说月报. 1922 (13). P. 6–12.

Рао Хунцин. Материалы Общества сотворения мира. Фуцзянь: Фуцзянь. нар. изд-во, 1985. 1173 с. 饶鸿竞. 创造社资料[M]. 福建: 福建人民出版社, 1985. 1173 p.

Сунь Фуси. Литераторы, современники Толстого // Утренняя газета. 1920. №4. С. 2–3. 孙福熙. 托尔斯泰同时的文学家[J]. 晨报. 1920(4). P. 2–3.

Тань Шуйсюань. Достоевский в Китае (1920~1939): дис. ... д-ра филол. наук. Гуанчжоу: Цзинань. ун-т, 2014. 52 с. 谭水游. 陀思妥耶夫斯基在中国(1920~1939).

博士论文, 广州: 暨南大学. 2014. 52 p.

Ху Ючжи. Жизнь Достоевского // Восточный журнал. 1921. №18. С. 74–80. 胡愈之. 陀思妥耶夫斯基的一生[J]. 东方杂志. 1921(18). P. 74–80.

Цзян Цифань. Литературные деятели последнего времени. Шанхай: Тайтун, 1923. 273 с. 蒋启藩. 近代文学家[M]. 上海: 泰东书局. 1923. 273 p.

Цюй Цюбай. Толстой и Достоевский // Собрание произведений Цюй Цюбая. Пекин: Изд-во нар. лит., 1989. Т. 2. С. 191–204. 瞿秋白. 托尔斯泰与陀思妥耶夫斯基. 瞿秋白文集: 第二卷 [M]. 北京: 人民文学出版社. 1989. P. 191–204.

Чжэн Чжэньдуо. Столетие Достоевского // Китайские Времена. 1921. №19. С. 1–2. 郑振铎. 陀思妥耶夫斯基的百年纪念[J]. 时事新报. 1921(19). P. 1–2.

Чжоу Цзожэнь. В память о трех литераторах // Утренняя газета. 1921. №21. С. 3–4. 周作人. 三个文学家的纪念[J]. 晨报. 1921 (21). P. 3–4.

References

Wang Tong Zhao. E luo si wen xue de pian mian [Some aspects of Russian literature]. *Wang Tong Zhao wen ji: di liu juan* [The Collected Works of Wang Tongzhao: Volume VI]. Shandong, Shandong People's Publishing House, 1984, pp. 351-473. (In Chin.)

Wang Zhi Liang. *E guo wen xue yu zhong guo* [Russian Literature and China]. Shanghai, East China Normal University Press, 1991. 383 p. (In Chin.)

Ding Shi Xin. Tuo si tuo ye fu si ji zai xian dai zhong guo zui ju ying xiang li de si bu zuo pin ping xi [A review of four Dostoevsky's most influential works in modern China]. *Chang chun da xue xue bao* [Journal of Changchun University], 2012, issue 5, pp. 565-570. (In Chin.)

Lu Xun. Zhong e wen zi zhi jiao [China-Russia literary exchange]. *Nan qiang bei diao ji* [Southern Accent, Northern Tones]. Beijing, Beijing Union Publishing House, 2014, pp. 53-57. (In Chin.)

Lu Xun. Qiong ren 'xiao yin' [A succinct preface to 'Poor People']. *Lu xun quan ji: di qi juan* [The Complete Works of Lu Xun: Volume 7]. Beijing, People's Literature Publishing House, 1998, pp. 103-105. (In Chin.)

Mao Dun. Tuo si tuo ye fu si ji dai le xie shen me gei e guo [What did Dostoevsky bring to Russia?]. *Shi shi xin bao* [Chinese Times], 1921, issue 19, pp. 2-3. (In Chin.)

Mao Dun. Tuo si tuo ye fu si ji de si xiang [Dostoevsky's thought]. *Xiao shuo yue bao* [A Monthly Novel], 1922, issue 13, pp. 6-12. (In Chin.)

Rao Hong Jing. *Chuang zao she zi liao* [Materials of the Creation Society]. Fujian, Fujian People's Publishing House, 1985. 1173 p. (In Chin.)

Sun Fu Xi. Tuo er si tai tong shi de wen xue jia [Literary men contemporary with Tolstoy]. *Chen bao* [Morning Paper], 1920, issue 4, pp. 2-3. (In Chin.)

Tan Shui Xuan. *Tuo si tuo ye fu si ji zai zhong guo (1920-1939)* [Dostoevsky in China (1920-1939)]: Dr. philol. sci. diss. Guangzhou, Jinan University Press, 2014, 52 p. (In Chin.)

Hu Yu Zhi. Tuo si tuo ye fu si ji de yi sheng [The Life of Dostoevsky]. *Dong fang za zhi* [Oriental Magazine], 1921, issue 18, pp. 74-80. (In Chin.)

Jiang Qi Fan. *Jin dai wen xue jia* [Literary Figures of the Recent Times]. Shanghai, Taitong Publishing House, 1923. 273 p. (In Chin.)

Qu Qiu Bai. Tuo er si tai yu tuo si tuo ye fu si ji [Tolstoy and Dostoevsky]. *Qu qiu bai wen ji: di er juan* [Collected Works of Qu Qiubai: Volume II]. Beijing, 1989, pp. 191-204. (In Chin.)

Zheng Zhen Duo. Tuo si tuo ye fu si ji de bai nian ji nian [Dostoevsky's Centennial]. *Shi shi xin bao* [Chinese Times], 1921, issue 19, pp. 1-2. (In Chin.)

Zhou Zuo Ren. San ge wen xue jia de ji nian [In commemoration of three literary men]. *Chen bao* [Morning Paper], 1921, issue 21, pp. 3-4. (In Chin.)

The Novel 'Crime and Punishment' in the Socio-Cultural Context of China of the 1920s

Lan Xi

Postgraduate Student at the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. yanina.alexander@yandex.ru

Submitted 04 Feb 2024

Revised 17 Jun 2024

Accepted 02 Sep 2024

For citation

Lan Xi. Roman «Преступление и наказание» v sotsiokul'turnom kontekste Kitaya 1920-kh godov [The Novel 'Crime and Punishment' in the Socio-Cultural Context of China of the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 142–148. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-142-148. EDN ALZRNQ (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the reception of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* in China in the 1920s. At that time, China was undergoing a period of political, social, and cultural upheaval in which nationalism, the New Culture Movement, and Marxist thinking intertwined with each other, exerting a significant influence on public perception and cultural values. Against this background, the way in which Dostoevsky's works were interpreted, commented on, and disseminated is crucial for understanding the ideological changes and cultural development of Chinese intellectuals of the period.

This study employs the methods of empirical research, comparative literary studies and analytical methods of historiography and modern communication studies. The article deals with documentary evidence and provides historical analysis of Dostoevsky's works in the socio-cultural context of China of the 1920s. It analyzes the reasons for the special attention to the novel *Crime and Punishment* in China and its wide influence on Chinese readers, traces the way of distribution and the reception of Dostoevsky's works in the country in the 1920s. By examining the views on the novel of famous Chinese scholars such as Mao Dun, Sun Fu Xi, Wang Tong Zhao, Hu Yu Zhi, Zhen Zheng Duo, Zhou Zuo Ren, Jiang Qi Fan, Qu Qiu Bai, and others, we understand how they evaluated the plot and the moral issues raised in the novel and how the literary ideas of these scholars echoed or contradicted Dostoevsky's ideas. Studying these issues contributes to the analysis of discussions and debates that *Crime and Punishment* provoked in the Chinese literary world at the time, as well as of the impact that the novel had on the development of Chinese literature.

Key words: Fyodor Dostoevsky; Crime and Punishment; China; socio-historical process; 1920s.

УДК 821.133.1
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-149-157
<https://elibrary.ru/bdgenq>

EDN BDGENQ

Фикционализируемая биография во французском графическом романе XXI века (на материале произведений Б. Эггер и М. Пуарсона и Р. Марайя)

Прудюс Ирина Геннадьевна

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. m-i-g@yandex.ru

SPIN-код: 2570-7182

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-9696>

ResearcherID: JJD-9964-20

Статья поступила в редакцию 10.02.2024

Одобрена после рецензирования 06.05. 2024

Принята к публикации 16.07.2024

Информация для цитирования

Прудюс И. Г. Фикционализируемая биография во французском графическом романе XXI века (на материале произведений Б. Эггер и М. Пуарсона и Р. Марайя) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 149–157. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-149-157. EDN BDGENQ

Аннотация. Репрезентация фигуры известной личности, в частности знаменитого писателя, становится одной из значимых областей литературного творчества в конце XX – начале XXI в. Жанр фикционализируемой биографии позволяет авторам создавать произведения, находящиеся на пересечении фикционального письма и литературоведения. В данной статье на примере двух графических романов современных французских авторов – М. Пуарсона и Р. Марайя «Мольер: от шута до фаворита» (2022) и Б. Эггер «Москва, одержимая дьяволом: по следам “Мастера и Маргариты”» (2013), – не переведенных на русский язык, выявляются основные черты фикционализируемой биографии и определяются особенности, характерные для данного жанра во французской литературе XXI в. Так, переосмысляя жизнь известного автора и выводя в центр произведения фигуры знаменитых писателей разных веков, отмеченных переломными моментами для соответствующих стран (XVII в. во Франции – Пуарсон и Марайя, начало XX в. в России – Эггер), современные писатели дают более глобальное представление о способности человека противостоять социуму, в котором он живет, и выбирать собственный путь, основанный на взаимосвязи с творчеством. Жанр графического романа позволяет авторам сочетать визуальную и текстовую составляющие, заставляя читателя переосмыслить, «перечитать» известные факты и в буквальном смысле по-другому взглянуть на известную личность, судьбу которой они соединяют со своей собственной и с общей историей мирового литературного процесса, что должно побудить читателя сделать нравственный выбор.

Ключевые слова: графический роман; Беттина Эггер; Марсьяль Пуарсон; Рашид Марайя; фикционализируемая биография; современная французская литература.

С конца XIX – начала XX в. жанр биографии становится популярным как в массовой литературе, так и в литературе «культурного запроса» [Луков 2008: 403] (к примеру, в творчестве А. Моруа, И. Стоуна, Р. Роллана, С. Цвейга и мн.

др.) (см. подробнее: [Раренко 2017]). По словам Мишеля Фуко, «понятие автора представляет собой высшую точку индивидуализации в истории идей, знания и литературы, а также в истории философии и науки. <...> [мы говорим о]

первичном, прочном и фундаментальном единстве, которое представляет собой единство автора и произведения»¹ [Foucault 1969: 74]. Обращение к фигуре известного автора отражает общий интерес писателей «к психологии и судьбе выдающейся личности, ее роли в идеологической и культурной картине мира в эпоху глобальных перемен, социальных и политических потрясений» [Костылева 2020: 39]. Тенденция к написанию фикционализированных биографий, где соединяются черты биографии и фикционального произведения [Новикова 2018], характерна для литературы второй половины XX – начала XXI в. В работе Анн-Мари Монлюсон и Агаты Саля приводится конкретный год рождения фикционализированных биографий – 1984 г. [Monluçon, Salha 2007: 12]. Это год выхода романа французского писателя Пьера Мишона «Мизерные жизни» (Pierre Michon “Vies minuscules”, 1984), где автор не только создает биографии обычных людей – людей «крошечных», «мизерных», незаметных, – но и переплетает их судьбы с историями известных личностей, таких как Ван Гог, Рембо, Бальзак, Фолкнер и др. Впоследствии многие из этих знаменитых личностей станут героями других фикционализированных биографий Мишона (например, Артюр Рембо в романе «Рембо сын» (“Rimbaud le fils”, 1991)). В одном из интервью Мишон, говоря о писателях, чьи биографии он представил, сказал, что прежде всего он сосредоточился на их недостатках, для того чтобы его «известные» герои были как можно более приближены к современному читателю – человеку конца XX в. [Viart 2009]. Так, во французском литературоведении 1984 год принято считать точкой отсчета для развития обозначенного жанра. Отметим, что в отечественной литературоведческой традиции ранее чаще всего использовались термины «романизованная биография» или «вымышленная биография», однако нам представляется уместным использование термина «фикционализованная биография», поскольку мы говорим о французской литературной традиции, где это определение считается устоявшимся.

В нашей статье мы обратимся к жанру графического романа – одного из наиболее популярных литературных жанров XXI в. [Меркулова, Прудюс 2023: 3380], где также представлено большое количество фикционализированных биографий (издатели книг часто именно таким образом, графически, акцентируют внимание читателя на соединении текстового и визуального компонентов в исследуемом нами жанре). Материалом исследования являются два биографических графических романа современных французских писателей, посвященных жизни Мольера и Михаила Булгакова, – графические романы

Марсьяля Пуарсона и Рашида Марайя «Мольер: от шута до фаворита» (Martial Poirson et Rachid Maraï “Molière: du saltimbanque au favori », 2022) и Беттины Эггер «Москва, одержимая дьяволом: по следам “Мастера и Маргариты”» (Bettina Egger “Moscou endiablé, sur les traces du “Maître et Marguerite”, 2013).

Фикционализованная биография как способ репрезентации фигуры известного писателя

Мы попытаемся проанализировать работы исследователей и выделить характерные черты фикционализованной биографии, которые находим в изучаемых нами графических романах.

Французский литературный критик Доминик Виар предложил определение «воображаемых биографий» [Viart 2001], которые представляют собой сочетание реальной истории одного человека с вымыслом другого – автора, создающего биографию. Исследователь Дамьен Фортен так дополняет мысль Виара: «Жанр “фикционализованной биографии”, благодаря своей формальной и тематической разнородности, вдыхает новую жизнь в длинную и богатую традицию, простирающуюся от “Параллельных жизней” Плуларха до “Воображаемых жизней” Марселя Швоба» [Fortin 2011]. В свою очередь Виар определяет фикционализированные биографии как «попытки реконструировать жизнь» [Viart 2001], как тексты, которые «исходят скорее из воспоминаний, чем из реальной реконструкции, оставляют место для авторских повествовательных *мечтаний*, демонстрируют неопределенность и гипотезы, дают волю вымыслу и возможным комментариям» [Viart 2008: 103] со стороны автора такой биографии.

Так, жизнь человека, жизнь *другого*, часто кажется интереснее, чем своя собственная. Через жизнь этого *другого* автор-исследователь может понять и осмыслить свой путь, что нередко наблюдается в фикционализированных биографиях. Социолог и философ Пьер Бурдьё представил жизнь как последовательность, в которой заключены вечный смысл и непрекращающееся движение: «Жизнь как путь, как дорога, со своими перекрестками <...> своими подводными камнями, даже ловушками <...> или как путешествие, то есть путь, который мы проделываем и который мы должны пройти до конца, маршрут, гонка, курс, переход, путешествие, линейное, одностороннее перемещение (“мобильность”), включающее начало (“начало в жизни”), несколько этапов и конец, в его двойном смысле – как достижение определенного срока или же достижение цели» [Bourdieu 1986: 69].

Представление этих жизней и является задачей современного автора, который должен «от-

носиться к жизни как к истории, то есть как к связному повествованию» [Bourdieu 1986: 70]. Таким образом, репрезентация жизни *другого* – это и есть цель фикционализированной биографии, но особенность такой репрезентации заключается в том, что эти произведения находятся «на пересечении художественной литературы и биографического повествования» [Pluvinet 2012: 42], они «являют собой как бы промежуточные опыты между чисто литературоведческими сочинениями <...> и чисто фикциональным письмом» [Полубояринова, Кулишкина 2020: 135]. Такое пересечение двух компонентов повествования позволяет определить жанр фикционализированной биографии как гибридный жанр (см. подробнее: [Lodge 2006]). Филологи отмечают, что существуют различные определения этого жанра: «байопик, жизнеописание, биографоидные формы, конвенциональная биография, романизованная биография» [Gefen 2012: 567], а также «биофикшн» [Mongelli 2019: 6], «экзофикшн» [Kargl, Le Née 2022; Муравьева 2022].

Представление автора как персонажа кажется тенденцией современной литературы, однако, как утверждают филологи Том Франссен и Тон Хёнселарс, истоки жанра фикционализированной биографии можно найти еще в Античности. Так, примеры «жизни, дополненной вымыслом» [Franssen, Hoenselaars 1999: 11], встречаются в комедиях Аристофана «Лягушки» (Еврипид, Софокл) или «Облака» (Сократ). Кроме того, безусловно, мы находим черты исследуемого жанра и в произведениях более поздних периодов. Приведем лишь несколько примеров: «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари, 1550; труды Вольтера, посвященные Карлу XII и Петру I, работы Вальтера Скотта на историко-литературную тему («Жизнеописание романистов», 1821–1824, «Смерть лорда Байрона», 1824, «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», 1827). М. Б. Раренко указывает, что и в «Очерках Боза» Чарльза Диккенса присутствует биографическое начало, поскольку английский писатель «дает исчерпывающие характеристики своим героям и составляет их психологические портреты» [Раренко 2019: 19]. Таким образом, выбор фигуры известной личности для ее представления в биографии всегда связан с контекстом эпохи, в которой живет писатель, эту биографию создающий. Однако литературные критики также отмечают, что в XIX в. и начале XX в. авторов-биографов интересовали крупные события, поэтому нередко изображаемые ими известные личности были участниками таких событий и казались неотделимыми от них. На рубеже XX и XXI вв. социальная сторона в повествовании

отодвигается на второй план, а в центре оказывается отдельная личность и ее судьба, переосмысленная другим человеком, это одновременно реальная и вымышленная личность. Так, в центре фикционализированной биографии находятся «сложные отношения, которые устанавливаются между реальностью и вымыслом» [Kargl, Le Née 2022]. Исследовательница Шарлин Плювине считает, что авторы фикционализированных биографий не только погружают читателя в жизнь известной личности, как это делают, например, историки, но и «заставляют нас подвергнуть сомнению наличие границ между реальной жизнью и ее воссозданием» [Pluvinet 2012: 45] автором биографии. Нередко случается, что писатель, не слишком популярный и даже осуждаемый в свое время, становится иконой спустя несколько веков (вспомним, например, провокационную фигуру маркиза де Сада и возникший к ней интерес во второй половине XX в.). Кроме того, в фикционализированной биографии выбранный автор и его жизнь всегда связаны с его творчеством, то есть с его текстами (что оспаривал в свое время Ролан Барт в эссе «Смерть автора»).

Следовательно, переосмысление фигуры знаменитого автора является одной из главных задач современных писателей, которые воссоздают его портрет, опираясь на его произведения и на факты из биографии, но в итоге «рисуют более индивидуализированный портрет и выводят фигуру, отличную от той, что обычно представлена в литературной традиции» [Geoffrion 2009: 14]. Таким образом, в современном произведении мы видим узнаваемую нами фигуру писателя, но часто, даже если авторы обращаются к личностям из прошлых эпох, в них мы узнаем своих современников. Как правило, современные писатели не идеализируют выбранных авторов, однако обращаются к личностям, являвшимся эталонами своего времени, и их черты, вызывающие восхищение сегодня, они выводят на первый план. В нашем корпусе текстов такими личностями являются Мольер и Михаил Булгаков, которых современные авторы графических романов представляют как сильных личностей, бунтарей в нестабильное время, когда свобода выбора ставилась под сомнение. Визуальная форма искусства – графический роман – также вносит вклад в репрезентацию фигуры автора, предоставляя возможность не только *переписать* творческий путь писателя, но и, обращаясь к его образу, буквально его визуализировать.

Итак, в образе известного писателя, представленного в фикционализированной биографии, мы парадоксальным образом видим две разные фигуры, описанные создателем этой биографии, поскольку он должен «говорить об историческом

авторе <...>, но всегда придает ему черты подражаемого им самим автора» [Rabau 2001: 21]. Более того, в нашем случае мы видим и третью фигуру: это создатель (или создатели) графического романа, который часто связывает себя с образом переосмысленного им писателя.

Репрезентация фигуры автора как центрального персонажа во французском графическом романе XXI в.

Как упоминалось выше, в нашем исследовании мы обратимся к графическим романам французских авторов, создавших фикционализованные биографии Мольера (М. Пуарсон и Р. Марай) и Михаила Булгакова (Б. Эггер).

Писатели и литературоведы обращаются к фигуре Жана-Батиста Мольера, одного из символов французской литературы, уже на протяжении четырех столетий. Большинство работ посвящены жизни Мольера и его связи с театром. Структура классических биографий или же исследований, посвященных Мольеру, стандартна: основные факты из жизни писателя, периодизация, основанная на создании наиболее известных пьес, рассказ о последнем периоде жизни и его связи с пьесой «Мнимый больной». Мы рассмотрим фикционализованную биографию Марсьяля Пуарсона и Рашида Марайя «Мольер: от шута до фаворита» (2022) и репрезентацию в ней фигуры Мольера. Так, структура книги Пуарсона и Марайя также линейна: авторы представляют жизнь французского драматурга с детства, рассказывают о периодах написания наиболее значимых пьес и заканчивают моментом его смерти. Однако это линейное повествование переплетается с вымышленными элементами, которые добавляет автор текстовой части М. Пуарсон, и с его собственными рассуждениями о значении Мольера во французской и мировой литературе. Кроме того, Пуарсон на протяжении всего произведения обращается к так называемому «мольеровскому вопросу» (являлся ли Мольер автором всех комедий) и в финале приходит к выводу, что история создания его пьес доказывает подлинность этих текстов.

В своей книге Пуарсон и Марай начинают историю Мольера с детства, когда его дед, Луи Крессе, водил на представления площадного театра, где в этом «парижском брюхе и родился этот шут» (“c’est à cette époque est née ce “saltimbanque” au ventre de Paris”) (Poirson, Marai 2022: 6). Именно это смешение в одном месте, на одной площади, «торговли, политики и театра» (“où entre commerce, politique et théâtre, tout se mélange”) (ibid.: 6), этот исключительный мир, где сочеталось высокое и низкое, прекрасное и порочное, позволяет в дальнейшем родиться

«высокой комедии» Мольера, где соединяются комическое и трагическое. Пуарсон отмечает, что эти «уличные представления» (“ces spectacles de rue”) (ibid.: 8) (автор текстовой части относит к ним не только площадные спектакли, но и жизнь на улице, рынке, в маленьких магазинчиках), которые Мольер наблюдал с детства, сначала стали «источником удивления Поклена» (“sources d’émerveillement de Poquelin”) (ibid.), а затем вдохновили его на создание собственного театра и на написание пьес для труппы. На улицах и площадях Парижа юный Жан-Батист также видел, как «изворотливые доктора, жадные старики и хвастливые, трусливые стражи порядка могут быть моментально разоблачены» (“démasquer infailliblement les docteurs pédants, les vieillards avares et les capitaines aussi vantards que poltrons”) (ibid.: 9). Поэтому Мольера привлекал не жанр трагедии, где порочная сущность толкала людей на преступления, а жанр комедии, где задачей его стало высмеивание этих пороков.

Текст Пуарсона дополняется рисунками Марайя: художник изображает простых парижан на рыночной площади, у сцены театра под открытым небом, торгующих товарами или откровенно жульничающих, но в любом случае живых, находящихся в движении, в отличие от застывших, статичных аристократов, расположенных в отдалении. Стоит также обратить внимание на стиль рисунка Марайя в этой книге: графическая часть нарисована в технике эскиза, часто это размытые, схематичные изображения людей и окружающего их пространства. Мы можем сделать вывод, что задача художника – визуально представить обобщенный портрет эпохи и человека времени Мольера, все они – части парижского общества XVII в.

Таким образом, следуя за фактами из биографии Мольера, авторы графического романа представляют путь драматурга и режиссера от первых неудач, включая тюремное заключение, до расцвета при дворе короля Людовика XIV: такой нарратив характерен для многих классических биографий Мольера. Однако, как мы отмечали, главной задачей Пуарсона и Марайя становится утверждение ими авторства корпуса произведений драматурга. Для этого они добавляют в графический роман две линии: проспективный элемент, представляющий французскую школу XVIII в., где изучают наследие Мольера век спустя и говорят о нем как о знаковом французском авторе, и авторское эссе самого Пуарсона в финале книги, где он заявляет, что останки писателя следовало бы давно перенести в Пантеон, поскольку многие литературоведы, в том числе Марсьяль Пуарсон, доктор филологии в Сорбонне, доказали и обосновали данный факт. Так, мы видим,

что фанкционализиованная биография в жанре графического романа претерпевает изменения: она дополняется не только вымышленным элементом (французская школа XVIII в., не имеющая отношения к биографии Мольера), но и исследовательской составляющей (литературоведческое эссе Пуарсона). Кроме того, мы наблюдаем сокращение объема текстовой части вследствие введения изобразов Марайя, который многие повествовательные фрагменты переводит в рисунок, соответствующий визуальному XXI веку.

Похожую трансформацию фанкционализиованной биографии мы наблюдаем и в графическом романе Беттины Эггер «Москва, одержимая дьяволом: по следам “Мастера и Маргариты”» (2013), где, в отличие от книги Пуарсона и Марайя, линейное повествование о жизни Булгакова отсутствует. Эггер обращается к нескольким эпизодам из жизни русского писателя: созданию им своего наиболее знаменитого романа и предсмертному периоду. Писательница ограничивается лишь краткой биографической справкой: она упоминает ключевые, по ее мнению, события в жизни Булгакова (рождение в Киеве, работу врачом, переезд в Москву в связи с решением стать писателем, создание пьесы «Дни Турбиных», работа во МХАТе и Большом театре). Таким образом, по мнению Эггер, написание романа «Мастер и Маргарита» являлось самым значительным трудом Булгакова, и через соединение образов героев романа и реальных людей из его окружения она представляет собственное видение русского писателя.

В книге Эггер, в отличие от Пуарсона и Марайя, нет описания детства Михаила Булгакова и его влияния на писателя. Автора графического романа интересует другая «колыбель» – Москва 1920–1930-х гг. – время, ставшее основной для создания главного романа Булгакова. Но есть и сходство: одна из первых сцен жизни русского писателя в Москве 1930-х гг., представленная в книге Беттины Эггер, – тоже театральная сцена. Это возобновленный показ «Дней Турбиных» в московском МХАТе, когда занавес поднимали 16 раз: зрители приглашали автора на сцену, но он так и не вышел. Эггер, как автор не только текстовой, но и графической части, не пишет, что Сталин был среди зрителей, но рисует образ генсека как одного из восторженных зрителей (как известно, Сталин любил эту пьесу (см. подробнее: [Чудакова 2016])). И вот эггеровский Булгаков, прячась за занавесом вместе со своим другом Сергеем Ермолинским, с грустью вспоминает, что раньше он «мечтал об этом дне с детства» (“je rêvais de ce jour depuis mon enfance”) (Egger 2013: 10), о дне, когда его признают как писателя. Но после того как мечта осуществилась, она перестает иметь для писателя какое-либо значение. Эггер цитирует одну из

легендарных фраз Булгакова на эту тему: “Les français disent qu’on vous offre un pantalon... lorsque vous n’avez plus de fesses” (ibid.: 11)².

В данном фрагменте Булгаков представлен разочарованным как в своих мечтах, так и в столичных жителях, то есть в своей публике, которая аплодировала ему в тот день, однако ранее смирилась с запретом его пьесы. Эту публику, быстро забывающую своих вчерашних идолов, он изобразит в романе «Мастер и Маргарита». В следующем эпизоде Эггер рисует Булгакова поднимающим голову и обращающимся к небу: «Пусть дьявол заберет их всех!» (“Que le Diable les emporte tous!”) (ibid.12). А возле ног писателя появляются маленькие кошачьи следы: так Эггер вводит образ кота Бегемота, который становится проводником по миру «Мастера и Маргариты» как автора этого романа, так и читателя произведения Беттины Эггер. «Мяу! Я передам» (“Miaou ! Je lui transmettrai”) (ibid. 13), – отвечает ему Бегемот, и их силуэты удаляются от читателя по пустынной улице. Заметим, что Булгакову отвечает посланник Воланда, а не бога. В мире, где жил писатель, по мнению Эггер, не было место раю (именно по этой причине она исключает из своего графического романа образы Иешуа и Понтия Пилата), это было inferнальное пространство, которое отняло у Булгакова жизнь, но дало ему возможность создать одно из важных произведений русской литературы XX в.

На следующей странице мы видим, что над Малым театром ступается тьма, а Булгаков уже вместе с котом Бегемотом удаляется и от театра, он больше не боится своего проводника из свиты сатаны. Мы понимаем, что образ писателя, созданный Эггер, представляет автора «Мастера и Маргариты», привязанного к Бегемоту, то есть к миру своей книги, где чудесные вещи всё еще могут исправить зло, в отличие мира Москвы, где зло в то время было неискоренимым (Эггер указывает на репрессии). Писательница отмечает, что до 1960-х гг. Булгаков оставался запрещенным, забытым писателем, и только после публикации «Мастера и Маргариты» в 1966 г. «автор, наконец-то вышедший из мира теней, наконец-то начал длительную посмертную карьеру» (“l’auteur, enfin sorti de l’ombre, allait entamer une longue carrière posthume”) (ibid.). Так, в данном эпизоде и во всех последующих, репрезентирующих личность Булгакова, Эггер подчеркивает его связь с образом *ego* Москвы, Москвы 1920–1930-х гг., о которой пишет в своих мемуарах и его третья жена Елена Сергеевна (см. подробнее: [Булгакова 1990]). Факты из жизни русского писателя, его цитаты, образы в его книгах, ставшие вечными, переплетаются с судьбой их автора, и эта история приобретает черты личного мифа.

Таким образом, мы увидели, что на рубеже XX–XXI вв. фикционализованная биография стала распространенным способом репрезентации образа известной личности, в частности – знаменитого писателя, которого современные авторы часто представляют как сложную и амбивалентную личность. Такая репрезентация близка господствующей сегодня точке зрения: человек не может быть ни положительным, ни отрицательным, напротив, он многосторонен, он может творить добро и зло, но чем сложнее его фигура, тем интереснее его образ для других. Более того, важно, что авторы XXI в., описывая жизнь известного человека, не только подчеркивают его значение для современности, но и связывают его с сегодняшним днем, ведь в их произведениях прошлое часто неразрывно связано с настоящим, в котором мы живем. Два произведения современных авторов графических романов, которые мы рассмотрели в этом исследовании, представляют собой две фикционализованные биографии двух известных писателей: Жан-Батиста Мольера и Михаила Булгакова. Мы увидели, что визуальная составляющая выбранного жанра позволяет дополнить текстовую часть визуалом, расширяющим границы интерпретации произведения. Несомненным сходством при репрезентации указанных писателей является представление их как неидеализированных персонажей, однако имеющих больше положительных, чем отрицательных характеристик. Кроме того, их внутренние особенности, в частности сопротивление устоявшимся нормам в обществе, проявляются во взаимодействии с сильными личностями своего времени: у Мольера – с Людовиком XIV, у Булгакова – со Сталиным. Выразить свой протест они могут посредством творчества, продолжая создавать произведения, которые переживут своих авторов. По мнению авторов XXI в., именно эта характеристика делает их образы и творческое наследие неподвластными времени.

Примечания

¹Перевод фрагментов литературоведческих работ и исследуемых произведений принадлежит автору статьи.

²Данная цитата часто использовалась для характеристики образа М. Булгакова. Например, Людмила Бояджиева в книге «Москва булгаковская» также описывает этот эпизод и цитирует писателя: «Французы говорят, что нам часто дают штаны, когда уже нет задницы» (см. подробнее: [Бояджиева 2017]).

Список источников

Egger B. *Moscou endiablé, sur les traces du «Maître et Marguerite»*. Nancy: Le Moule-à-gaufres éditions, 2013. 100 p.

Poirson M., Maraï R. *Molière: du saltimbanque au favori*. Malakoff: Dunod Graphic, 2022. 96 p.

Список литературы

Бояджиева Л. Ю. Москва булгаковская. М.: АСТ, 2017. 288 с.

Булгакова Е. С. Дневник Елены Булгаковой. 1990. URL: https://www.masterandmargarita.eu/esto/re/pdf/ebru200_elenasergeevna.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

Костылева И. А. Типология жанра романа-биографии в русской литературе XX–XXI веков (на материале творчества Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13, вып. 5. С. 38–43. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.7>

Луков Вл. А. *История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней*. М.: Академия, 2008. 512 с.

Меркулова М. Г., Прудюс И. Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16, вып. 10. С. 3379–3385. <https://doi.org/10.30853/phil20230522>

Муравьева Л. Е. Экзофикшн и энктивистские нарративы в современной французской литературе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 30–51. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-30-51>

Новикова С. Ю. *Автобиографическая проза Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика*: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 211 с.

Полубояринова Л. Н., Кулишкина О. Н. Две «Мариенбадские элегии»: И. В. Гёте и В. Г. Зебал // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 128–143. doi 10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143

Раренко М. Б. *Биография: эволюция и гибридизация жанра*. М.: ИНИОН РАН, 2017. 68 с.

Раренко М. Б. Жанр биографии как социальный феномен // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2019. № 3. С. 11–23. doi 10.31249/rsoc/2019.03.02

Чудакова М. О. Сталин и Булгаков: тема власти в «Мастере и Маргарите». 2016. URL: <https://arzamas.academy/courses/39/3> (дата обращения: 02.01.2024).

Bourdieu P. *L'illusion biographique* // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1986. Vol. 62–63. P. 69–72.

Fortin D. *Les “fictions biographiques” contemporaines, un nouveau “sacre de l’écrivain”?*. 2011. URL: <https://www.fabula.org/acta/document6259.php> (дата обращения: 13.01.2024).

Foucault M. *Qu’est-ce qu’un auteur?* // *Bulletin de la Société française de philosophie*, 63e année. 1969. № 3. P. 73–104.

Franssen P., Hoenselaars T. Introduction. The Author as Character: Defining a Genre // The Author as Character. Representing Historical Writers in Western Literature. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 1999. P. 11–35.

Gefen A. Au pluriel du singulier: la fiction biographique // Critique. Éditions de Minuit. 2012. № 781–782. P. 565–575.

Geoffrion K. Le poète maudit dans la mire des contemporains: la figure de Baudelaire, Verlaine et Rimbaud dans les fictions biographiques de D. Blonde, G. Goffette et P. Michon. Montréal: Université du Québec à Montréal, 2009. 138 p.

Kargl E., Le Née A. Fictions biographiques dans la littérature, les romans graphiques et le cinéma des années 1990 à aujourd'hui // Germanica. 2022. № 70. URL: <https://journals.openedition.org/germanica/16442> (дата обращения: 05.01. 2024).

Lodge D. The Year of Henry James. The Story of a Novel. London: Harvill Secker, 2006. 332 p.

Mongelli M. Narrer une vie, dire la vérité: la biofiction contemporaine. Paris: Université Sorbonne Paris Cité, Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, 2019. 450 p.

Monluçon A.-M., Salha A. Introduction // Fictions biographiques. XIX–XXIe siècles. Toulouse: Presses universitaires du Mirail, 2007. P. 7–32.

Pluvinet Ch. Fictions en quête d'auteur. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. 314 p.

Rabau S. Présentation // Fiction d'auteur? Le discours biographique sur l'auteur de l'antiquité à nos jours. Paris: Champion, 2001. P. 17–21.

Viart D. Fictions biographiques // La Littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations. Paris: Bordas, 2008. P. 99–124.

Viart D. Héritage et filiation. Entretien avec Pierre Michon // Cairn.info. 2009. № 48 (2009/2). URL: <https://www.cairn.info/revue-roman2050-2009-2-page-13.htm> (дата обращения: 07.05. 2024).

Viart D. L'imagination biographique dans la littérature française des années 1980–90. 2001. URL: https://remue.net/cont/Viart_ImagBio.pdf (дата обращения: 07.01. 2024).

References

Boyadzhieva L. Yu. *Moskva bulgakovskaya* [The Bulgakov's Moscow]. Moscow, AST Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)

Bulgakova E. S. *Dnevnik Eleny Bulgakovoy* [The Diary of Elena Bulgakova]. 1990. Available at: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebru200_elenasergeevna.pdf (accessed 05 Jan 2024). (In Russ.)

Kostyleva I. A. Tipologiya zhanra romana-biografii v russkoy literature XX–XXI vekov (na materiale tvorchestva B. K. Zaytseva i A. N. Varlamova)

[Typology of biographical genre in the Russian literature of the 20th–21st centuries (on the material of works by B. K. Zaytsev and A. N. Varlamov)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, issue 5, pp. 38–43. doi 10.30853/filnauki.2020.5.7. (In Russ.)

Lukov V. A. *Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dney* [The History of Literature. Foreign Literature from the Origins to the Present Day]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 512 p. (In Russ.)

Merkulova M. G., Prudius I. G. Zhanr graficheskogo romana: k postanovke problemy (na materiale sovremennykh franko- i angloyazychnykh tekstov) [Genre of the graphic novel: Toward the formulation of the problem (based on modern French-language and English-language texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, vol. 16, issue 10, pp. 3379–3385. doi 10.30853/phil20230522. (In Russ.)

Muravieva L. E. Ekzofikshn i enaktivistskie narriativy v sovremennoy frantsuzskoy literature [Exofiction and enactivist narratives in contemporary French literature]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, issue 3, pp. 30–51. doi 10.22455/2500-4247-2022-7-3-30-51. (In Russ.)

Novikova S. Yu. *Avtobiograficheskaya proza Tomasa Bernkharda: problematika i poetika*. Diss. kand. filol. nauk [Thomas Bernhard's autobiographical prose: Problematics and poetics. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2018. 211 p. (In Russ.)

Poluboyarinova L. N., Kulishkina O. N. Dve 'Marienbadskie elegii': I. V. Gete i V. G. Zebal [Two 'Marienbad Elegies': I. V. Goethe and V. G. Zebal]. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, issue 3, pp. 128–143. doi 10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143. (In Russ.)

Rarenko M. B. *Biografiya: evolyutsiya i gibrizatsiya zhanra* [Biography: Evolution and Hybridization of the Genre]. Moscow, INION RAN, 2017. 68 p. (In Russ.)

Rarenko M. B. Zhanr biografii kak sotsial'nyy fenomen [The biography genre as a social phenomenon]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology], 2019, vol. 11, pp. 11–24. doi 10.31249/rsoc/2019.03.02. (In Russ.)

Chudakova M. O. *Stalin i Bulgakov: tema vlasti v 'Mastere i Margarite'* [Stalin and Bulgakov: the theme of power in 'The Master and Margarita'], 2016. Available at: <https://arzamas.academy/courses/39/3> (accessed 25 Dec 2023). (In Russ.)

Bourdieu P. L'illusion biographique [The biographical illusion]. *Actes de la recherche en*

sciences sociales [Studies in Social Sciences], 1986, vol. 62–63, pp. 69–72. (In Fr.)

Fortin D. *Les 'fictions biographiques' contemporaines, un nouveau 'sacre de l'écrivain'?* [Contemporary 'biographical fictions', a new 'sanctification of the writer?'], 2011. Available at: <https://www.fabula.org/acta/document6259.php> (accessed 13 Jan 2024). (In Fr.)

Foucault M. Qu'est-ce qu'un auteur? [What is an author?]. *Bulletin de la Société française de philosophie, 63e année* [Bulletin of the French Society of Philosophy, 63rd year], 1969, issue 3, pp. 73–104. (In Fr.)

Franssen P., Hoenselaars T. Introduction. The author as character: Defining a genre. *The Author as Character. Representing Historical Writers in Western Literature*. Madison, Fairleigh Dickinson University Press, 1999, pp. 11–35. (In Eng.)

Gefen A. Au pluriel du singulier: la fiction biographique [The plural of the singular: Biographical fiction]. *Critique. Éditions de Minuit* [Critical Review. Midnight Editions], 2012, issue 781–782, pp. 565–575. (In Fr.)

Geoffrion K. *Le poète maudit dans la mire des contemporains: la figure de Baudelaire, Verlaine et Rimbaud dans les fictions biographiques de D. Blonde, G. Goffette et P. Michon* [The Accursed Poet in the Eyes of Contemporaries: The Figures of Baudelaire, Verlaine and Rimbaud in the Biographical Fictions of D. Blonde, G. Goffette and P. Michon]. Montréal, Université du Québec à Montréal, 2009. 138 p. (In Fr.)

Kargl E., Le Née A. Fictions biographiques dans la littérature, les romans graphiques et le cinéma des années 1990 à aujourd'hui [Biographical fiction in literature, graphic novels, and films from the 1990s to the present day]. *Germanica*, 2022, issue 70. Available at: <https://journals.openedition.org/germanica/16442> (accessed 05 Jan 2024). (In Fr.)

Lodge D. *The Year of Henry James. The Story of a Novel*. London, Harvill Secker, 2006. 332 p. (In Eng.)

Mongelli M. *Narrer une vie, dire la vérité: la biofiction contemporaine* [Narrating a Life, Telling the Truth: Contemporary Biofiction]. Paris, Université Sorbonne Paris Cité, Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, 2019. 450 p. (In Fr.)

Monluçon A.-M., Salha A. Introduction. *Fictions biographiques. XIX–XXIe siècles* [Biographical Fictions. The 19th–21st Centuries]. Toulouse, Presses universitaires du Mirail, 2007, pp. 7–32. (In Fr.)

Pluvinet Ch. *Fictions en quête d'auteur* [Fiction in Search of an Author]. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2012. 314 p. (In Fr.)

Rabau S. Présentation [Introduction]. *Fiction d'auteur? Le discours biographique sur l'auteur de l'antiquité à nos jours* [Author's Fiction? Biographical Discourse on the Author from Antiquity to the Present Day]. Paris, Champion, 2001, pp. 17–21. (In Fr.)

Viart D. Fictions biographiques [Biographical fictions]. *La Littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations* [French Literature in the Present Day. Heritage, Modernity, Mutations]. Paris, Bordas, 2008, pp. 99–124. (In Fr.)

Viart D. Héritage et filiation. Entretien avec Pierre Michon [Heritage and filiation. Interview with Pierre Michon]. *Cairn.info*, 2009, issue 48 (2009/2). Available at: <https://www.cairn.info/revue-roman2050-2009-2-page-13.htm> (accessed 07 May 2024). (In Fr.)

Viart D. *L'imagination biographique dans la littérature française des années 1980–90* [The biographical imagination in French literature of the 1980s and 1990s], 2001. Available at: https://remue.net/cont/Viart_ImagBio.pdf (accessed 07 Jan 2024). (In Fr.)

Fictionalized Biography in the French Graphic Novel of the 21st Century (based on works by B. Egger and M. Poirson & R. Maraï)

Irina G. Prudius

**Associate Professor in the Department of World Literature and Methods of Teaching
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev**

89, Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russia. m-i-g@yandex.ru

SPIN-code: 2570-7182

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-9696>

ResearcherID: JJD-9964-2023

Submitted 10 Feb 2024

Revised 06 May 2024

Accepted 16 Jul 2024

For citation

Prudius I. G. Fiktsionalizirovannaya biografiya vo frantsuzskom graficheskom romane XXI veka (na materiale proizvedeniy B. Egger i M. Puarsona i R. Marayya) [Fictionalized Biography in the French Graphic Novel of the 21st Century (based on works by B. Egger and M. Poirson & R. Marai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 149–157. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-149-157. EDN BDGENQ (In Russ.)

Abstract. The representation of a famous person, in particular a famous writer, became one of the significant areas of literary creativity in the late 20th and early 21st centuries. The genre of fictionalized biography allows authors to create works that are at the intersection of fiction writing and literary studies. This article deals with two graphic novels by contemporary French authors: *Molière: du saltimbanque au favori* (2022) by M. Poirson and R. Marai, *Moscou endiablé, sur les traces du Maître et Marguerite* (2013) by B. Egger. These works have not been translated into Russian. Using the example of these graphic novels, the article identifies the main features of fictionalized biography and the peculiarities characteristic of this genre in the French literature of the 21st century. The contemporary writers provide a global view of the human ability to resist the society in which one lives while choosing his/her own path based on the relationship with creativity. The novelists gain this perspective by reinterpreting the life of a famous author and placing at the heart of the work personas of famous writers from different centuries that were marked by turning points in the history thereof (17th century in France in the Poirson and Marai's book and the beginning of the 20th century in Russia in the Egger's graphic novel). The genre of the graphic novel allows their authors to combine visual and textual components, forcing the reader to rethink, 'reread' already known facts, and literally take a fresh look at the famous person whose fate they connect with their own, as well as with the general history of the world literary process, which should encourage the reader to make their own moral choice.

Key words: graphic novel; Bettina Egger; Martial Poirson; Rachid Marai; fictionalized biography; contemporary French literature.

УДК 821.112-1
doi 10.17072/2073-6681-2024-4-158-167
<https://elibrary.ru/bfqsd0>

EDN BQSDO

Феномен детства и образ ребенка в поздней драме Г. Гауптмана «Ифигения в Авлиде»

Склизкова Алла Персиевна

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87. burelomy@list.ru

SPIN-код: 7872-4300

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Статья поступила в редакцию 07.04.2024

Одобрена после рецензирования 15.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Информация для цитирования

Склизкова А. П. Феномен детства и образ ребенка в поздней драме Г. Гауптмана «Ифигения в Авлиде» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 158–167. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-158-167. EDN BQSDO

Аннотация. Статья посвящена проблеме осознания поздним Гауптманом феномена детства и тесно связанного с ним образа ребенка, что позволяет увидеть специфику мировоззрения драматурга в сравнении с его ранним творчеством, способствует прояснению сложного креативного процесса, связанного с расширением понятийного горизонта писателя. Этому соответствуют и цели работы: выявить принципы поэтики Гауптмана позднего периода; раскрыть теоретические положения драматурга, касающиеся феномена детства и образа ребенка; обосновать характер экзистенциальных исканий художника слова, связанных с парадигмой непрерывного обновления; осмыслить характер игровой модели, представленной Гауптманом как драматический генезис детскости; показать на примере драмы «Ифигения в Авлиде» своеобразие мышления девушки-ребенка, обретение игровым сознанием нового бытия.

В ходе анализа были выявлены контекстные связи Гауптмана с игровым дискурсом его эпохи (Гроосом, Бойтенданком, Хейзингой), вступление писателя в тесный мировоззренческий контакт с игровыми традициями XVIII в. (Гете, Шиллером). Модернизация их основных положений касается онтологического восприятия игры в качестве квинтэссенции детскости, которая, будучи свойством души, осознается Гауптманом как божественное космическое начало. Ребенок, творящий игровое бытие в своем сознании, способствует проявлению игровой мировой сущности. Было установлено, что триада (бессознательное детство, его утрата, детство сознательное), представленная в теоретических работах и лишь отчасти закрепленная в «детских» драмах раннего периода, получает полное поэтическое воплощение в поздней драме «Ифигения в Авлиде». Творческая идея, касающаяся непрерывной рефлексии ребенка, приводящая к новому духовному рождению, явленная в ранних драмах посредством игровой метафоры света солнца, в позднем творчестве воспроизводится как лунное игровое сияние. Ребенок Ифигения, сотворив в голове ночную прадраму, лишаясь детства в зримом бытии, находит его в ночной тьме, служащей ей отныне защитой и опорой.

Ключевые слова: игра; триада; детскость; ребенок; детство; Золотой диск; хтоническая тьма.

Феномен детства в значении индивидуального психологического переживания наиболее полно характеризует Гауптмана как писателя времени модерна, основу которого составляет суверенная субъективность, явленная в ее «трансцендентальном истоке познания» [Аствацатуров 2020: 18]. В литературоведении отсутствуют работы, затрагивающие столь важную для немецкого художника слова мировоззренческую категорию детства. Между тем ее осмысление позволяет осознать специфику творческого мышления драматурга, увидеть своеобразие авторского дискурса позднего Гауптмана.

Писатель в 30–40-е гг. XX столетия ведет уединенный образ жизни, по словам его секретаря Беля, удручен современной эпохой, литературного общения у него крайне мало, главным становится переоценка творчества художников слова, столь значимых для него ранее, и своих собственных творений [Behl 1949]. Подобное мироощущение способствует вступлению Гауптмана в литературный контекст с самим собой. Возникает особый дискурсионный континуум, в котором ощущается необходимость постоянного присутствия собеседника и воспринимающего субъекта. Таким собеседником становится Гауптман сам для себя, равным образом как и воспринимающим субъектом. Дискурсионный диалог, должный привести к взаимопониманию участников дискуссии, у немецкого драматурга порождает непрерывное и безграничное творческое движение, служит трансформации индивидуального сознания, развивает свободное мышление, что и влечет за собой ревизию собственных понятий. Гауптман, являясь сам для себя комментатором, на основании личных высказываний и прежних поэтических конструкций вершит то креативное действие, которое и способствует расширению его понятийного горизонта. При этом немецкий драматург, интерпретируя свои прежние творения, постигает себя не столько как автора, сколько как читателя, подвергаясь рефлексивному отношению к приватной традиции.

Перечитывая свои ранние творения, которые условно можно назвать «детскими» драмами («Вознесение Ганнеле» (1893), «А Пиппа пляшет» (1908), «Заложница Карла Великого» (1908)), Гауптман испытывает экзистенциальную потребность в трансформации столь ярко представленного им феномена детства. Не случайно для писателя весьма важна «внутренняя пауза, которая способствует концентрации в сознании всего того, что было пережито ранее» [Hauptmann 1980: 430]. Для Гауптмана подобная концентрация является «необходимым условием творческого покоя и одновременным зарождени-

ем нового поэтического импульса» [ibid.: 568]. Теоретические положения, сформированные в ранние годы, мало меняются, но ракурс изображения в поздних текстах драматурга иной, зарождается новая поэтическая идея – не движение вверх, к свету солнца делает индивида созидующим свой мир ребенком, а, напротив, его низвержение в темные подземные недра. Столь важная для позднего Гауптмана идея бессмертия связывается им с первобытной сферой хтонической тьмы, погружение в которую знаменует для героя – ребенка – духовное и душевное обновление сознания, вечную жизнь, вечное детство.

Онтологическая интерпретация Гауптманом феномена детства

А. И. Жеребин, говоря о немецкой *Moderneforschung* («модернимоведение»), выделяет один из его наименее разработанных принципов – диалектическую триаду. В ее основе заложена трехчленная парадигма модернистского мышления, «философия праведного пути, идея исторического процесса, предполагающего неполное тождество бессознательной истины в начале и истины осознанной, обогащенной всем опытом индивидуалистической культуры, – в конце» [Жеребин 2012: 50]. Такая диалектическая триада явственно прослеживается в онтологической интерпретации феномена детства у Г. Гауптмана. Немецкий драматург различал три стадии человеческого развития: бессознательное детство, его потеря и детство сознательное [Hauptmann 1985: 18]. Он подчеркивал, что подобное представление тесно связано с его пониманием Золотого диска. Им боги «бессознательно играют вначале, потом теряют его, а затем вновь находят и начинают сознательно им играть» [ibid.: 155]. Образ Золотого диска – это мифологема из песен «Эдды» (“*Voluspá*”), из той скандинавской мифологии, которая, по Гауптману, пропитана глубокой символикой. Восприятие Золотого диска (“*Goldene Scheibe*”) в качестве предмета, укореняющего гармонию мировой детской сущности, поэтически воссоздает мыслительную картину мира немецкого драматурга, «держит его в сетях и на протяжении жизни все сильнее завораживает» [ibid.: 154].

Как видно, экзистенциальные искания Гауптмана сосредоточены на процессе обретения утраченного детства, которое, получая антропоморфную поэтическую образность (игра богов с Золотым диском), связано с парадигмой непрерывного обновления, неуклонного становления. Возникает вопрос: что же является основой всего бытия, осмысляемого Гауптманом как квинтэссенция детства? Базисом детскости, явленной в качестве божественного космического начала,

эманулирующего из верхней сферы (неба) в нижнее пространство (землю), является игра. Именно игра, согласно триаде Гауптмана, корректирует серединное состояние (потерю детства) и способствует концентрации внимания на грядущем (воцарении детства), в котором будет так, как раньше, и в то же время иначе: боги станут не бессознательно играть с Золотым диском, а сознательно.

Интересно, что Гауптман не знаком с ведущими «игровыми» тенденциями своего времени. Он не понимает, почему «никто не говорит об игре, о ней надо писать книги, философски осмысливать игру» [Hauptmann 1980: 43], поскольку «через игру происходит постижение сути мира, обращение к действительной жизни» [Hauptmann 1986: 385]. К примеру, драматург, для которого образ ребенка оказывается одним из ведущих, ни разу не упоминает имя К. Грооса (1861–1946), стремящегося психологически объяснить игровую деятельность ребенка [Groos 1899], равным образом как в дальнейшем Д. Эльконин (1904–1984) в своей содержательной работе «Психология игры» [Эльконин 1999]. Вне поля зрения Гауптмана представления об игре как движении «туда-сюда» (“hin und her Bewegung“) голландского психолога Ф. Бойтенданка (1887–1974) [Buytendijk 1933], хотя немецкий художник слова неоднократно говорил о вечном игровом движении, подчеркивая в нем идею обновления («В игре все обновляется во всем» [Hauptmann 1986: 312]). Кроме того, Гауптман, прекрасно знакомый с теорией эволюции Г. Спенсера (1820–1903) [Спенсер 1897], берет за скобки его биологическую оценку игровой деятельности, считая ведущим в игре формирование детских представлений («Все многообразие моих впечатлений об игровом мире сложилось в детстве, в дальнейшем им был придан подобающий вид») [Hauptmann 1980: 654]. Зрелый Гауптман, перечитывая и переосмысливая поэтико-философские творения мыслителей и художников слова, не был знаком с работой И. Хейзинги (1872–1945) «Человек играющий», вышедшей в 1938 г. При этом мысль Хейзинги об игре как «всеохватывающем способе человеческой деятельности, универсальной категории человеческого существования» [Хейзинга 2011: 21], вполне перекликается с оценкой Гауптмана игры как самой жизни, которая «зачастую сложна и трудна, но из нее выйти невозможно» [Hauptmann 1986: 30].

В данном случае можно говорить об особых контекстных связях Гауптмана с его современниками, с теми, которые предметом своих размышлений делали именно игру. Понимая под контекстными связями отсутствие взаимных рецензий при сходном восприятии некоего поэти-

ческого образа, равного по значению для всех, во всяком случае для многих, полагаем возможным вести речь о том, что размышления Гауптмана об игре вводят его в контекст общего игрового дискурса эпохи.

Между тем отсутствие восприятия игровых направлений своего времени не только не мешает, а, напротив, способствует вступлению Гауптмана в тесный мировоззренческий контакт с эпохой конца XVIII – начала XIX в. В первую очередь Гауптман относит себя к последователям Гете и утверждает: «Кто понимает Гете, тот понимает меня» [Hauptmann 1965: 67]. Подобное толкование наиболее ярко сказывается в экстраполяции игры на все мироздание. Аствацатуров в своей книге «Поэзия. Философия. Игра» подчеркивает мысли Гете об игре «как чистой деятельности, гармонически входившей в соприкосновение с миром» [Аствацатуров 2010: 6]. Гауптман, как бы намеренно повторяя Гете, называет игру «чистой деятельностью в боге» [Hauptmann 1986: 27] и, развивая далее это положение, пишет: «Бог играет с нами как отец с детьми, пространство есть его игровое дело, и мы должны играть с ним как дети с отцом. Так рождается детскость мира и детскость человека» [ibid.: 28]. Как видно, так называемый повтор Гете приводит Гауптмана к достаточно сильной модификации игровых положений мэтра классической эпохи, вернее, к прояснению собственной игровой концепции и переключению ее в область индивидуального сознания.

Главным для Гауптмана становится в игре именно детскость, к сознательному обретению которой стремятся весь универсум и отдельный человек. Детскость, по Гауптману, определяет реальное бытие мира и личности, окутывает эти две ипостаси своей антропоморфной сущностью. Именно с этих позиций он воспринимает текст Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии». Гауптман особенно выделяет и выписывает высказывание Шиллера о детстве как единственной нетронутой природе: «Не удивительно, что каждая пядь во внешней природе возвращает нас обратно к нашему детству» [Hauptmann 1965: 15]. Для Гауптмана данное высказывание Шиллера исполнено глубокого смысла. Шиллер, как известно, ведет речь о необходимости восстановления человеческой природы в целом, той природы, которая представляется ему разорванной в современности, но столь гармоничной в античности. Она стала для писателя «живым образом, моделью человека, которая неизбежно возникает, когда описывается кризисное состояние культуры» [Аствацатуров 2010: 280].

Автор «детских» драм воспринимает размышления Шиллера о возвращении к детству

благодаря природе в аспекте собственных онтологических установок. Не случайно для Гауптмана ведущим становится шиллеровское слово «возвращает» (глагол „zurückführen“), которое концептуально связано с ключевым понятием *Wiedergeburt* (новое рождение). На него следует обратить пристальное внимание. Определение *Wiedergeburt* заимствовано драматургом из философии Я. Беме. Его произведения с особым вниманием перечитывает Гауптман в свои зрелые годы, практически полностью соглашаясь с выводом Беме о том, что вечное рождение имеет каждое божественное существо. Гауптман подчеркивает ведущую роль становления для того, кто «осознает движение духа в новое рождение» [Hauptmann 1980: 8], для того, кто «готов оставить себя прежнего и обрести себя иного» [Hauptmann 1986: 338], наконец, для того, кто входит в игровое соприкосновение с миром.

Таковым является, с точки зрения Гауптмана, ребенок. Побочный образ у Шиллера становится ведущим у немецкого драматурга. Шиллеровское понятие человека, играющего красотой, модернизируется Гауптманом в играющего ребенка. Писатель, сохраняя столь существенное в эстетике Шиллера представление об игровом порыве (*Spieltrieb*), подчеркивает ценность его непосредственно у ребенка. По Гауптману, «взгляд ребенка проникает в вечность» [Hauptmann 1980: 14], «ребенок всегда внимательно всматривается в жизнь» [ibid.: 162], «на все в мире должен распространяться взгляд ребенка» [ibid.: 610], «ход детского мышления всегда гениален, он видит и чувствует лучше, чем взрослые, его наблюдения отличаются быстротой проникновения» [ibid.: 617]. В этой связи слова Гауптмана о Фр. Шлегеле приобретают особый смысл. Драматург пишет: «Я нашел для себя девиз у Фр. Шлегеля: “Вся святая игра искусства есть только подражание бесконечной игре мира”» [Hauptmann 1986: 201]. Гауптман подчеркивает, что для него данное положение Шлегеля связано с пониманием Золотого диска, представлением о детстве и ребенке.

Шлегель, убежденный в космизме искусства, в его выражении из мировых глубин бытия, старался, как справедливо указывает Браун, «создать трансцендентную эстетику, стремился примирить античное и современное искусство в высшей концепции красоты» [Браун 1912: 222]. Гауптман воспринимает романтика Шлегеля, как и классиков XVIII столетия, сквозь призму собственных представлений об игровом космосе, который для него не исключает индивидуальность, а, напротив, ее онтологически создает. Однако для Гауптмана ведущей оказывается не концепция красоты, а концепция играющего ре-

бенка, постигающего игру богов с Золотым диском и не только приобщенного к вселенскому игровому бытию, но и сознательно творящего его в своем сознании. Более того, Гауптман уверен, что антропоморфный космос может проявить свою игровую сущность только благодаря чувственному ощущению играющего ребенка. Это влечет за собой перетолкование знаменитого 52-го фрагмента Гераклита «Темного»: «Вековечье ребенок ребячливый в нарды играющий. Ребенка царствие» [Гераклит 2012: 209]. Антропологический космос Гераклита являет себя как вечная игра ребенка, занятого и игровым строительством, и игровым разрушением. Под пером Гауптмана игра ребенка в качестве божественного субъекта сопрягается с Вечностью, гераклитовское «ребенка царствие» служит для Гауптмана показателем становления мировой космической драмы, которая, с точки зрения немецкого художника слова, первоначально зарождается в голове ребенка. Доказательством являются представления Гауптмана о специфике мировой драмы, изложенной им в теоретическом трактате «Искусство драмы». Она, полагает художник слова, «разворачивается в борениях света и мрака» [Hauptmann 1965: 39], «в таком борении возникают и одновременно снимаются противоречия “да – нет”, “Я – Не Я”, “Я – Ты”» [ibid.: 44], это и есть та «прадрама, которая играет на первой сцене – в голове ребенка» [ibid.: 45]. Гауптман, называя прадраму «драматическим генезисом детскости», превозносит тем самым «ребенка царствие», которое излучает свою детскую игровую энергию на весь зримый и незримый, конечный и бесконечный универсум.

Данные теоретические положения Гауптмана явственно прослеживаются в его поздней драме «Ифигения в Авлиде».

Образ ребенка в поздней драме Г. Гауптмана «Ифигения в Авлиде»

Литературоведы, которые обращались к толкованию драмы Гауптмана о несчастной дочери Агамемнона, возведенной отцом на жертвенный алтарь ради спасения Эллады, отмечают в целом тему искупления и жертвы. Ифигения хочет спасти род Атридов от проклятия [Santini 1998], желает победы Эллады в войне с Троей [Leppmann 1996], окружающий мир обрек девушку на жертву [Нипа 2001], находится во власти темных сил [Холмагорова 2012]. В литературоведении также достаточно подробно освещен вопрос, касающийся сходства и различия Гауптмана с Еврипидом, Корнелем, Гете, Гофмансталем, с теми писателями, которые желали осмыслить трагическую судьбу Ифигении [Voigt 1965; Sprengel 1984; Leppmann 1996; Santini 1998; Tempel 2010].

Несомненная важность и значительность подобных трактовок, свидетельствующих об общем «дискурсе Ифигении» в истории литературы, акцентируют в целом только мифологическое содержание в драме Гауптмана, хотя и концептуально отличное от его предшественников. Думается, в позднем произведении немецкого драматурга речь идет о чем-то большем. Важно понять, что скрывается за трактовкой мифологического, пусть и современно осмысленного, деяния Ифигении. Рассмотрение образа ребенка в контексте размышления Гауптмана о феномене детства, теоретически представленного в автобиографических работах писателя и творчески зафиксированного в его раннем творчестве, позволяет не только выявить глубинное содержание позднего текста Гауптмана, но и осознать специфику того коммуникативного действия, свойственного писателю как художнику времени модерна, которое Луман определяет как «ретроспекцию, предполагающую память, корректирующую себя саму» [Luhmann 1997: 7].

Следует сразу отметить, что мысль Гауптмана о диалектической триаде (бессознательное детство, потеря его и детство сознательное), высказанная в 1892 г., получает полное поэтическое оформление только в поздней драме «Ифигения в Авлиде». Гауптман в произведении «Вознесение Ганнеле», рисуя страдания маленькой девочки (лишена родителей, больна, находится в предчувствии скорой кончины), не акцентирует внимания на первой части триады – бессознательном детстве. Ганнеле (по тексту драмы ей 14 лет) сразу представляется как взрослый ребенок, поскольку лишена всего того, что составляет сущность детства – радости и счастья, родительской любви. Драма «А Пиппа пляшет», напротив, полностью репрезентируется автором как глобальная поэтическая метафора бессознательного детства – малышка Пиппа (возраст ее не указан) пляшет, посредством танца моделирует свой собственный мир и вовлекает в него других. В драме «Заложница Карла Великого» девочка Герзуинд (ей 16 лет) своей наивностью и непосредственностью постепенно пробуждает в короле Карле сознательное возвращение к потерянному и забытому им детству, что и делает Карла истинно великим королем. Итак, отсутствие стадии бессознательного детства в «Вознесении Ганнеле», полная им охваченность в «А Пиппа пляшет», вступление в третью стадию детства сознательного в «Заложнице Карла Великого». Что касается позднего творчества, то в нем весьма значим тот процесс, который С. Вьетта называет «модернизацией внутри модерна» [Vietta 2001: 42], когда «происходит трансформация писательского мира» [ibid.: 182]. Такая

трансформация определяется экзистенциальной потребностью Гауптмана в коммуникации с собственным творчеством. Писатель, приобретая новый статус читателя своих ранних произведений, ощущает не только необходимость некоторого пересмотра их общей концепции, но и стремится ввести в текст то, что доминировало в сознании ранее, было теоретически высказано, но поэтически не оформлено, – включение в рамки художественного текста трехчленной «детской» парадигмы. С этих позиций и следует рассматривать образ ребенка в драме «Ифигения в Авлиде».

Нетрудно увидеть, что Ифигения вводится в текст как ребенок, который находится в стадии детской беззаботности. Девушка, подобно малышке Пиппе и пленнице Герзуинд, радуется ситуации, которая столь прекрасно складывается для нее. Однако если героини драм «А Пиппа пляшет» и «Заложница Карла Великого» восхищаются окружающим бытием в целом, в котором есть место танцу (Пиппа) или предоставлена возможность следить за грацией летающей бабочки (Герзуинд), то вся красота вселенной сосредоточена для Ифигении в отце („...des Weltgebieters, der voll Liebe ist“ s. 282). Восторг от встречи с ним переполняет девушку, что передается Гауптманом посредством обилия знаков восклицания. Дочь Агамемнона в ликованиях три раза произносит слово «отец» („Vater! Vater! Vater!“) [Hauptmann 1962: 282], радуется, что они снова вместе („Da sind wir, Vater!“ [ibid.: 282], Микены опустели без него („Wie war Mykene leer, seitdem du fort bist!“) [ibid.: 82], только сейчас она вновь ожила („Nur leb ich wieder!“) [ibid.].

Несмотря на то что отец отталкивает ее (по тексту драмы Агамемнон желает отъезда дочери, стремится не допустить ее смерти), приводя тем самым Ифигению в полное отчаяние, она еще достаточно долгое время не теряет своей детской доверчивости. Не случайно Гауптман подчеркивает в ремарках, что девушка с плачем бросается на грудь матери („Sie legt sich weinend an die Brust der Mutter“ [ibid.: 285], как ранее от радости прижималась к груди отца. Такой жест Ифигении можно определить как особого рода подтекст, призванный выявить и поэтически подчеркнуть детскость героини. Она, несмотря на все отчаяние от вынужденного отдаления от отца, остается ребенком, которому свойственна и непосредственная радость, и столь же непосредственная грусть. Не случайно все окружающие (отец Агамемнон, мать Клитемнестра, кормилица Пайто, жрец Тестор) называют ее ребенком (Kind), милым ребенком (süßes Kind), бедным ребенком (armes Kind), несчастным ребенком (unglückliches Kind).

Между тем Гауптман так выстраивает поэтический текст, что становится ясно: Ифигения, оставаясь ребенком в глазах окружающих, постепенно перестает быть им для себя самой. Драматург выявляет сложный внутренний процесс моделирования в сознании Ифигении доселе чуждого ей мира – мира ночи, который приводит к потере детства, но и одновременно способствует его сознательному обретению. Поздний Гауптман называет ночь игровой прадрамой, поскольку именно глубокая тьма рождается светом. Доказательством служат для драматурга доверие к ночи Тинторетто и слова Мефистофеля из «Фауста» Гете, которые Гауптман вставляет в свой поздний очерк о венецианском художнике: “Ein Teil der Finsternis, die sich das Licht gebar“ [Hauptmann 1942: 23].

В ранних творениях Гауптмана метафора детскости, представленная как игра богов с Золотым диском, знаменовала новое рождение индивида (Wiedergeburt) посредством мироощущения, образно называемого драматургом солнцем души. Так начинает воспринимать бытие маленькая Ганнеле, праздничный, солнечный ритм заложен в танец малышки Пиппы, благодаря которому вся вселенная эманурует ослепительным эффектом Фата-Морганы, солнце озаряет душу короля Карла, принявшего детскость за основу бытия. В зрелые годы мысль о духовном солнечном воспарении трансформируется в идею о ночном низвержении, благодаря чему ребенок, лишившийся детства, вновь его открывает для себя.

В сознании Ифигении постепенно начинает зарождаться игровая прадрама. Она, по Гауптману, создается в голове ребенка, испытывающего вынужденную игровую потребность в духовном новом рождении. Такая игровая потребность предстает в позднем творчестве Гауптмана как в высшей степени сложный и болезненный процесс. Драматург заостряет внимание на глубоких эмоциональных переживаниях героини, которая вчера еще радовалась свету дня, а сегодня ненавидит свое собственное дыхание („Noch gestern hab ich den Tag gejauchzt, heut aber haß ich meinen eigenen Atem“) [Hauptmann 1962: 294]. Ифигения признается, что чувствует себя больной, девушку пронзает ледяная дрожь, челюсти стучат, как на морозе („Bis tief ins Mark durchdringen Eisesschauer mich... macht im Frost meine Kiefer klappern“) [ibid.: 293]. Столь явные внешние симптомы являются и причиной, и следствием сильнейшего внутреннего нервного напряжения и потрясения. В данный момент Ифигения еще не ведает об уготовленной ей участи, однако глубокие страдания, которые испытывает, по Гауптману, играющий ребенок перед началом духовного преобразования [Hauptmann 1986: 216],

приводят героиню к страшной мысли о полном завершении беззаботного детского существования. Прежде она была любимицей отца и матери, но внезапно стала сиротой, грузом для всех („Ich war des Vaters Libling und die Mutter nahm lieb-reich immer wieder mich ans Herz, und plötzlich ist's, als allen ringsum nur noch eine Last“) [Hauptmann 1962: 323].

Игровое детское сознание, в котором закрепляется мысль о сиротстве (Verwaisung), влечет за собой смену ракурса восприятия. Дочь Агамемнона и Клитемнестры внутренним взором проникает в то бытие, которое, как она подсознательно чувствует, может служить ей защитой, спасет ее от сиротства. Так, ее глаза теперь ищут встречи с диском, который Артемида катит по ночному или утреннему небу („Bis tief ins Mark durchdringen Eisesschauer mir, <...> auch meine Augen die Scheibe treffen, welche Artemis am nächtigen oder Morgenhimmel rollt“) [ibid.: 293]. Причем сестра Аполлона, предстающая в речах Ифигении в единстве с богиней луны Селеной, возникает перед мысленным взором героини именно в тот момент, когда девушка беседует со своей кормилицей Пайто – бывшей жрицей богини Гекаты, расспрашивая ее о странных действиях, связанных с жертвоприношением подземным богам. В действиях Пайто нет ничего таинственного (бросает горящие ветки в огонь), но они заставляют Ифигению по-новому взглянуть на свою кормилицу. Девушка не понимает, почему Пайто раньше прыгала и смеялась с ней, а теперь так страшно изменилась („Du bist gesprungen, hast gelacht mit mir, warum nun bist auf einmal du so fürchterlich verwandelt?“) [ibid.: 295]. Но дело в том, что изменилась не столько Пайто, сколько сама Ифигения. Она предстает под пером Гауптмана как творец нового мира, является в силу своего игрового порыва его субъективным создателем. Прежняя игра в светлое бытие закончилась, Ифигения вынуждена включиться в игру другую – смоделировать бытие темное. Оно пугающее и страшное, девушку-ребенка охватывает ужас, ей кажется, что позади нее притаился кошмар („Mir war als hätte sich ein Grauen aufgerichtet hinter mir“) [ibid.: 298]. Олицетворение страха, приобретающего ярко выраженные антропоморфные очертания, свойственно, считает Гауптман, ребенку, который «воспринимает мир намного сильнее, чем взрослые, проникает в тайну, в его бытийную загадку» [Hauptmann 1980: 40]. Такое проникновение способствует тому, что призрачный доселе мир принимает зримые очертания и материализуется перед взором Ифигении в виде диска Артемиды – Селены и Гекаты, жрица которой находится рядом с девушкой.

Следует обратить пристальное внимание на третье действие, в котором изменения в игровом сознании героини достигают апогея. В беседе Клитемнестры и Агамемнона, касающейся судьбы их дочери, звучит имя Ифианассы. Так называют теперь Ифигению. Гауптман в данном случае ориентировался на весьма противоречивые сведения, почерпнутые им из мифологических источников. В одних Ифианасса считалась идентичной Ифигении, в других подчеркивалось, что это еще одна дочь Агамемнона и именно она была принесена в жертву, наконец, в-третьих, Ифианасса называлась сильной королевой, была одной из трех дочерей менад и женой Эндимиона. Для Гауптмана оказались востребованными все три толкования. Они, причудливо соединяясь в его драматическом повествовании, составляют тот внутренний фон, который, проявляясь в качестве подтекста, способствует пониманию авторской позиции. Так, родители Ифигении встают, как и раньше, против ее неминуемой гибели, однако называют ее не ребенком, которого доселе столь любили, а Ифианассой. В речах Агамемнона и Клитемнестры дочь предстает как некое другое существо, отличное от той девушки, которая приехала с матерью в Авлиду. Однако в самый напряженный момент их разговора перед взором царя и его супруги возникает именно та, которую они раньше величали малышкой и милой деткой. Скрытым содержанием произведения Гауптман подчеркивает внутреннюю готовность властителей Микен утратить дочь, будь то Ифианасса или же их прежнее дитя Ифигения.

Что же касается самой девушки, то в данном случае вступает в силу положение, высказанное Г. Гадамером об игре как о преобразовании в структуру: на свет выходит то, что раньше скрывалось и ускользало» [Гадамер 1988: 159]. Для Ифигении тайное (намеренное равнодушие отца, желание матери уехать как можно скорее) становится явным, она постигает причины сиротства, о которых раньше не догадывалась. Дочь Агамемнона и Клитемнестры, слыша их разговор, «структурно преобразуется» – воспринимает себя отныне как Ифианассу, берет на себя ее игровую роль, познает ее игровое значение. Игровая прадрама, осмысляемая Ифигенией посредством антропологии имени, становится для нее неким подлинным материальным воплощением всего сущего. Показательна в этом плане ремарка Гауптмана, в которой подчеркивается, что у Ифигении волосы распущены, как будто она освободилась от оков („Iphigenie mit aufgelöstem Haar erscheint, als hätte sie sich aus Fesseln befreit“) [Hauptmann 1962: 339]. Эта ремарка выполняет функцию авторского высказывания, вы-

являет некий креативный уровень авторского дискурса. Важно поэтому обратить внимание на смысловые понятия глагола „aufgelösten“. Помимо значения «распустить» он предполагает действия, свидетельствующие о растворении, расформировании. Гауптман, употребляя отглагольное прилагательное „aufgelöstem“, не столько ведет речь о внешнем облике Ифигении (распущенные волосы), сколько подчеркивает практически полное изменение ее личности. Героиня расформировалась, бесследно растворилась, оковы прежнего существования сброшены, ребенок Ифигения стала Ифианассой.

Героиня Гауптмана, утратив детство, перестав быть ребенком для своих родителей, стремится к новому духовному обретению детства и хочет стать ребенком Гекаты, получить в ее темных чертогах тот кров, которого она была лишена в так называемом светлом бытии [Склизкова 2023: 145–153]. Перерождение Ифигении в сильную королеву Ифианассу влечет за собой решимость к преодолению границ между мирами и желание отныне моделировать бытие по собственным ночным законам. Именно в этом смысле следует понимать ее слова о готовности в роли жертвы умереть на алтаре, поскольку в этом проявляется теперь ее воля („Ich soll als Opfer sterben ...das aber ist mein eigner Wille nun“) [Hauptmann 1962: 342].

Важно учитывать и еще один момент. Осознание себя как Ифианассы требует приобщения к спектаклю, в котором ее роль становится ведущей. Гауптман подробно и красочно описывает появление героини на игровой сцене в четвертом действии. Она едет в золотой тележке в сопровождении торжественного кортежа. Девушка закутана в вуаль, похожа на Артемиду, вокруг лба расположен серебряный серп луны („feierlichen Zuges <...> ein goldener Wagen, auf dem Iphigenie verschleiert steht, gleichsam als Artemis eine silberne Stirn“) [ibidem: 353]. Авторская мысль не объявляется прямо, а преподносится в виде поэтических образов, главным из которых является серп луны, приобретающий под пером Гауптмана глобальное значение. Для драматурга жена Эндимиона Ифианасса сопрягается с влюбленной в юношу богиней луны Селеной, спускающейся в грот горы Латма, где лежит погруженный в дремоту ее возлюбленный. Героиня Гауптмана раньше лишь искала глазами серп луны, а теперь он, возложенный на голову девушки, раскрывает ей лунный смысл ночной прадрамы о силе и могуществе вечной любви. Спектакль о несчастной деве, обрекаемой толпой на заклятие, становится спектаклем о сильной королеве Ифианассе, которая, поневоле признавая превосходство мрака, открывает в нем любовь.

Думы об Ахилле, о браке с ним в период бессознательного детства наполняли душу Ифигении радостью и счастьем. Утрата детства влечет за собой мысль о неминуемом расставании с Ахиллом. Обретение сознательного детства в чертогах Гекаты значит для Ифигении, постигшей лунную сущность Ифианассы, воссоединение с героем Эллады. Героиня начинает говорить об Ахилле с того момента, когда игровая прадрама выстраивается в ее сознании. Ахилл живет и действует в зримом мире, но его подлинную природу понимает Ифигения как ночную, темную. Она знает, что Ахиллу суждено погибнуть в битве, он смирился со смертью, отдал себя в ее власть („<...> wenn der todgeweihte Held dem Tod sich weihnt <...> Er strebt dem Schlachtgetümmel zu“) [ibid.: 299]. Недалек тот миг, когда серая тень скользнет к Ахиллу, тогда они навеки будут вместе („<...> ein grauer Schatten schwebt dann zu dir, Thetissohn, ob schwarzer Flut; das ist der Ort, am dem wir uns vermählen“) [ibid.: 363]. Не случайно Ифигения смотрит на Ахилла с позиции вечности („Ich schaue dir mit ewigen Blicke nach“) [ibid.], проникновение в которую, как показывает Гауптман скрытым содержанием своего поэтического текста, доступно лишь зоркому взгляду ребенка. Ифигения видит огонь, сияющий вокруг головы возлюбленного („O heiliger Feuerglanz, der um dich strahlt“) [ibid.]. Она сама сходным образом в темноте склепа окутана спасительным огнем („Die Gruft ist finster, doch im heiligen Feuer“) [ibid.: 365]. Это пламя любви, пламя вновь обретаемой детскости.

К новому рождению, к которому «приводят страдания и любовь» [Hauptmann 1986: 215], Ифигению увлекают три женщины – жрицы Гекаты, окутывая ее в танце большим черным покрывалом. Они, являясь воплощением тройственного принципа Гекаты, явленного драматургом в его первой драме о семье Атридов «Ифигения в Дельфах» как рождение – смерть – рождение, материализуются во втором поэтическом тексте как великие природные силы первопричинности. Переход в божественное первоначало, слияние с хтоническими первоисточниками знаменуют под пером Гауптмана окончательное вступление ребенка в период сознательного детства.

Заключение

Итак, поздний Гауптман, интерпретируя свои ранние «детские» произведения, поэтически воплощая прежние теоретические положения, несколько меняет свою драматическую позицию. Диалектическая триада (бессознательное детство, его потеря и детство сознательное), оформленная в ранний период посредством мифопоэтического образа игры богов с Золотым диском,

у позднего Гауптмана корректируется в игру с диском Селены. Иная расстановка игровых акцентов приводит к укоренению в мире детской гармонической сущности посредством сопряжения с первоначалом хтонической Гекаты, сопоставляемой с культом Артемиды и богиней луны Селеной. Ребенок, создавая в голове ночную игровую прадраму, благодаря игровому порыву входит в игровое соприкосновение с миром тьмы, в котором находит утраченную защиту и спасение от сиротства.

Список литературы

- Аствацатуров А. Г.* Герменевтическая прелюдия // Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков. М.; Берлин: Директ – Медиа, 2020. С. 14–36.
- Аствацатуров А. Г.* Поэзия. Философия. Игра. СПб.: Геликон Плюс, 2010. 494 с.
- Браун Ф. А.* Немецкий романтизм // История западной литературы (1800–1910). М.: Наука, 1912. Т. 1. С. 208–310.
- Гадамер Х. Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
- Гераклит Эфесский.* Все наследие. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
- Жеребин А. И.* От Виланда до Кафки. СПб.: Изд-во им. Новикова, 2012. 475 с.
- Нина Т. С.* Античный цикл драм Герхарта Гауптмана: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
- Склизкова А. П.* Диалог Г. Гауптмана с античностью. Поздняя драма «Ифигения в Дельфах» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 145–154. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-145-154
- Спенсер Г.* Основные начала. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1897. 473 с.
- Хейзинга Й.* Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
- Холмагорова И. Г.* Гауптман. Драма заката. М.: ГИТИС, 2012. 224 с.
- Эльконин Д. Б.* Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.
- Behl C. F. W.* Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann. München, 1949. 427 s.
- Buytendijk F.* Wesen und Sinn des Spiels. Das Spielen der Menschen und Tiere als Erscheinungsform der Lebenstriebe. Berlin: Wolf, 1933. 164 s.
- Groos K.* Die Spiele der Menschen. Iena: G. Fischer, 1899. 538 s.
- Hauptmann G.* Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimer: Fischer Verlag, 1980. 901 s.
- Hauptmann G.* Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main: Propyläen, 1965. 246 s.
- Hauptmann G.* Tagebuch 1892–1894. Frankfurt am Main: Propyläen, 1985. 282 s.

Hauptmann G. Tagebuch 1897–1905. Frankfurt am Main: Propyläen, 1986. 790 s.

Hauptmann G. Tintoretto. Das Gesammelte Werke in zwölf Bänden. Berlin: Fischer, 1942. B. 12. S. 3–27.

Hauptmann G. Iphigenie in Aulis. Ausgewählte Werke in acht Bänden. Berlin: Aufbau-Verlag. 1962. B. IV. S. 273–373.

Leppmann W. G. Hauptmann. Leben, Werk und Zeit. Bern: Scherz Verlag. 1996. 415 s.

Luhman N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1997. 1164 s.

Santini D. G. Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie. Berlin & Erich Schmidt, 1998. 173 s.

Sprengel P. Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann. Berlin.: S. Steineke, 1984. 230 s.

Tempel B. Alkohol und Eugenik: ein Versuch über Gerhart Hauptmanns künstlerisches Selbstverständnis. Dresden: Thelem, 2010. 368 s.

Voigt F. Hauptmann und die Antike. Berlin: E. Schmidt, 1965. 291 s.

Vietta S. Ästhetik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 s.

References

Astvatsaturov A. G. Germenevticheskaya prelyudiya [Hermeneutical prelude]. *Chelovek epokhi moderna: germenevtika sub'ekta v nemetskoyazychnoy kul'ture XVIII – XX vekov* [Man of the Modern Era: The Hermeneutics of the Subject in the German-Speaking Culture of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2020, pp. 14–36. (In Russ.)

Astvatsaturov A. G. *Poeziya. Filosofiya. Igra* [Poetry. Philosophy. Game]. St. Petersburg, Gelikon Plyus Publ., 2010. 494 p. (In Russ.)

Braun F. A. Nemetskiy romantizm [German Romanticism]. *Istoriya zapadnoy literatury (1800–1910)* [The History of Western Literature (1800–1910)]. Moscow, Nauka Publ., 1912, vol. 1, pp. 208–310. (In Russ.)

Gadamer H-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 699 p. (In Russ.)

Geraklit Effesskiy. *Vse nasledie* [Heraclitus of Ephesus. All the Heritage]. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 416 p. (In Russ.)

Zherebin A. I. *Ot Vilanda do Kafki* [From Wieland to Kafka]. St. Petersburg, Publishing house of Novikov. 2012. 475 p. (In Russ.)

Nipa T. S. *Antichnyy tsikl dram Gerkharda Gaupmana*. Diss. kand. filol. nauk [The ancient drama cycle of Gerhart Hauptmann. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 16 p. (In Russ.)

Skлизкова А. П. Dialog G. Gaupmana s antichnost'yu. Pozdnyaya drama 'Ifigeniya v Del'fakh'

[G. Hauptmann's dialogue with antiquity. Late drama 'Iphigenie in Delphi']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp.145–154. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-145-154. (In Russ.)

Spencer H. *Osnovnye nachala* [First Principles]. St. Petersburg, Publishing House of Panteleev, 1897. 473 p. (In Russ.)

Huizinga J. *Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 409 p. (In Russ.)

Kholmagorova I. G. *Gauptman. Drama zakata* [Hauptmann. The Drama of the Sunset]. Moscow, Russian Institute of Theatre Arts Press. 2012. 221 p. (In Russ.)

El'konin D. B. *Psikhologiya igry* [The Psychology of Game]. Moscow, Vlado P, 1999. 360 p. (In Russ.)

Behl C. F. W. *Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann*. München, 1949. 427 p. (In Ger.)

Buytendijk F. *Wesen und Sinn des Spiels. Das Spielen der Menschen und Tiere als Erscheinungsform der Lebenstribe*. Berlin, Wolf, 1933. 164 p. (In Ger.)

Groos K. *Die Spiele der Menschen*. Iena, G. Fischer, 1899, 538 p. (In Ger.)

Hauptmann G. *Abenteuer meiner Jugend*. Berlin and Weimer, Fischer Verlag, 1980. 901 p. (In Ger.)

Hauptmann G. *Die Kunst des Dramas*. Frankfurt am Main, Propyläen, 1965. 246 p. (In Ger.)

Hauptmann G. *Tagebuch 1892 – 1894*. Frankfurt am Main, Propyläen, 1985. 282 p. (In Ger.)

Hauptmann G. *Tagebuch 1897 – 1905*. Frankfurt am Main, Propyläen, 1986. 790 p. (In Ger.)

Hauptmann G. Tintoretto. *Das Gesammelte Werke in zwölf Bänden*. Berlin, Fischer, 1942, B. 12, pp. 3–27. (In Ger.)

Hauptmann G. *Iphigenie in Aulis. Ausgewählte Werke in acht Bänden*. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, B. IV, pp. 273–373. (In Ger.)

Leppmann W. *G. Hauptmann. Leben, Werk und Zeit*. Bern, Scherz Verlag, 1996. 415 p. (In Ger.)

Luhman N. *Die Kunst der Gesellschaft*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1997. 1164 p. (In Ger.)

Santini D. G. Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie. Berlin & Erich Schmidt, 1998. 173 p. (In Ger.)

Sprengel P. *Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann*. Berlin, S. Steineke, 1984. 230 p. (In Ger.)

Tempel B. *Alkohol und Eugenik: ein Versuch über Gerhart Hauptmanns künstlerisches Selbstverständnis*. Dresden, Thelem, 2010. 368 p. (In Ger.)

Voigt F. *Hauptmann und die Antike*. Berlin, E. Schmidt, 1965. 291 p. (In Ger.)

Vietta S. Ästhetik der Moderne. München, Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 p. (In Ger.)

The Phenomenon of Childhood and the Image of the Child in G. Hauptmann's Late Drama 'Iphigenie in Aulis'

Alla P. Sklizkova

Professor in the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University

87, Gorkogo st., Vladimir, 60000, Russia. Burelomy@list.ru

SPIN-code: 7872-4300

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Submitted 07 Apr 2024

Revised 15 Sep 2024

Accepted 20 Sep 2024

For citation

Sklizkova A. P. Fenomen detstva i obraz rebenka v pozdney drame G. Gaupmana «Ifigeniya v Avlide» [The Phenomenon of Childhood and the Image of the Child in G. Hauptmann's Late Drama 'Iphigenie in Aulis']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 4, pp. 158–167. doi 10.17072/2073-6681-2024-4-158-167. EDN BFQSDO (In Russ.)

Abstract. The article discusses the perception by the late Hauptmann of the phenomenon of childhood and the closely related image of the child, which reveals the specificity of the playwright's worldview in comparison with his early works, contributes to clarification of the complex creative process connected with the expansion of the writer's conceptual horizon. Hence the objectives of the present study are as follows: to identify the principles underlying the poetics of Hauptmann of the late period; to reveal the playwright's theoretical positions concerning the phenomenon of childhood and the image of the child; to substantiate the nature of Hauptmann's existential searches connected with the paradigm of continuous renewal; to provide reflections on the game model presented by Hauptmann as a dramatic genesis of childishness; to show, using the example of the drama *Iphigenie in Aulis*, the unique thinking of the girlchild, the acquisition by the game consciousness of a new existence.

The analysis revealed contextual Hauptmann's connections with the game discourse of his epoch (Groos, Buytendijk, Huizinga), the dramatist's close world-view contact with 18th-century game traditions (Goethe, Schiller). The modernization of their basic positions concerns the ontological perception of game as the quintessence of childishness, which, being a property of the soul, is perceived by Hauptmann as a divine cosmic principle. The child, creating playing being in his/her consciousness, contributes to the manifestation of the game world essence. The study has found that the triad (unconscious childhood, the loss of unconscious childhood, conscious childhood), represented in theoretical works and only partially presented in children's dramas of the early period, receives a full poetic embodiment in the late drama *Iphigenie in Aulis*. The creative idea of a child's continual reflection, leading to a new spiritual birth, manifested in the early dramas through the game metaphor of sunlight, is reproduced in the later works as a moonlight gameplay. Iphigenie the child, having created a night proto-drama in her head, deprived of childhood in the visible being, finds it in the night darkness, which becomes her protection and support.

Key words: game; triad; childishness; child; childhood; golden disc; chthonic darkness.

ERRATA

doi 10.17072/2073-6681-2024-4-168

ДОПОЛНЕНИЕ К СТАТЬЕ

Абашева М. П., Киосе О. А. «По образованию я историк...». История в научном, публицистическом и художественном дискурсах Владимира Шарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-111-119

На стр. 112 1 столбец 3 абзац следует читать «А. Эткинд* в статье...»

*Эткинд Александр Маркович включен в реестр иностранных агентов. Дата опубликования принятого Минюстом России решения о включении в реестр 27.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (дата обращения: 30.10.2024)

На стр. 112 2 столбец 1 абзац следует читать «...А. Эткинд** исследовал также...»

**Эткинд Александр Маркович включен в реестр иностранных агентов. Дата опубликования принятого Минюстом России решения о включении в реестр 27.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (дата обращения: 30.10.2024)

На стр. 112 2 столбец 1 абзац следует читать [Эткинд*** 2020: 170]

***Эткинд Александр Маркович включен в реестр иностранных агентов. Дата опубликования принятого Минюстом России решения о включении в реестр 27.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (дата обращения: 30.10.2024)

На стр. 117 2 столбец следует читать *Эткинд А. *****

****Эткинд Александр Маркович включен в реестр иностранных агентов. Дата опубликования принятого Минюстом России решения о включении в реестр 27.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (дата обращения: 30.10.2024)

На стр. 118 2 столбец следует читать *Etkind A. ******

*****Эткинд Александр Маркович включен в реестр иностранных агентов. Дата опубликования принятого Минюстом России решения о включении в реестр 27.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (дата обращения: 30.10.2024)

Эткинд Александр Маркович был включен в реестр иностранных агентов после подписания тома 16, выпуска 3 журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» в тираж 24.09.2024.

ERRATA NOTICE

Abasheva M. P., Kiose O. A. «Po obrazovaniyu ya istorik...». Istoriya v nauchnom, publitsisticheskom i khudozhestvennom diskursakh Vladimira Sharova [‘I’m a Historian by Training...’. History in the Scientific, Journalistic and Literary Discourses of Vladimir Sharov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-111-119 (In Russ.)

On page 112 column 1 paragraph 3 should read as follows: “A. Etkind* in the article...”

*Aleksandr M. Etkind is included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The decision on inclusion in the List of Foreign Agents was published on 27 Sep 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (accessed 30 Oct 2024)

On page 112 column 2 paragraph 1 should read as follows: “A. Etkind** also investigated...”

**Aleksandr M. Etkind is included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The decision on inclusion in the List of Foreign Agents was published on 27 Sep 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (accessed 30 Oct 2024)

On page 112 column 2 paragraph 1 should read as follows: [A. Etkind*** 2020: 170].

***Aleksandr M. Etkind is included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The decision on inclusion in the List of Foreign Agents was published on 27 Sep 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (accessed 30 Oct 2024)

On page 117 column 2 should read as follows: *Etkind A. *****

****Aleksandr M. Etkind is included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The decision on inclusion in the List of Foreign Agents was published on 27 Sep 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (accessed 30 Oct 2024)

On page 118 column 2 should read as follows: *Etkind A. ******

*****Aleksandr M. Etkind is included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The decision on inclusion in the List of Foreign Agents was published on 27 Sep 2024. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-25102024.pdf> (accessed 30 Oct 2024)

Aleksandr M. Etkind was included in the List of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation after *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2024, vol. 16, issue 3 was signed for publication on 24 Sep 2024

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 16. Выпуск 4 / 2024

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 18.12.2024. Дата выхода в свет 25.12.2024
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,76. Тираж 500 экз. Заказ 156

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке